

ШЕКСПИР

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ
ТОМАХ

Под общей редакцией
А. СМЕРНОВА и А. АНИКСТА

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1959

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

Государственное издательство
«ИСКУССТВО»
Москва 1959

**Гравюры художника
А. ГОНЧАРОВА**

**КАК ВАМ ЭТО
ПОНРАВИТСЯ**

Перевод

Т. ЩЕПКИНОЙ - КУПЕРНИК

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старый герцог, живущий в изгнании.
Герцог Фредерик, его брат, захвативший
его владения.

Амьен } вельможи, состоящие при изгнанном
Жак } герцоге.

Ле-Бо, придворный Фредерика.

Шарль, борец Фредерика.

Оливер }
Жак } сыновья Роланда де Буа.
Орландо }

Адам }
Деннис } слуги Оливера.

Оселок, шут.

Оливер Путаник, священник.

Корин }
Сильвий } пастухи.

Уильям, деревенский парень, влюбленный
в Одри.

Лицо, изображающее Гименей.

Розалинда, дочь изгнанного герцога.

Селия, дочь Фредерика.

Феба, пастушка.

Одри, деревенская девушка.

Вельможи, нажи, слуги и прочие.

Место действия — дом Оливера; двор Фредерика;
Арденнский лес.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Плодовый сад при доме Оливера.

Входят Орlando и Адам.

О р л а н д о

Насколько я помню, Адам, дело было так: отец мне завещал всего какую-то жалкую тысячу крон, но, как ты говоришь, он поручил моему брату дать мне хорошее воспитание. Вот тут-то и начало всех моих горестей. Брата Жака он отдает в школу, и молва разносит золотые вести о его успехах. А меня он воспитывает дома, по-мужицки, вернее говоря, держит дома без всякого воспитания. В самом деле, разве можно назвать это воспитанием для дворянина моего происхождения? Чем такое воспитание отличается от существования быка в стойле? Лошадей своих он куда лучше воспитывает; не говоря уже о том, что их прекрасно кормят, их еще и учат, объезжают и нанимают для этого за большие деньги наездников. А я, брат его, приобретаю у него разве только рост; да ведь за это скотина, гуляющая на его навозных кучах, обязана ему столько же, сколько я. Он щедро дает мне — ничто; а кроме того, своим обхождением старается отнять у меня и то немнoгое, что дано мне природой. Он заставляет меня есть за одним столом с его челядью, отказывает мне в месте, подобающем брату, и, как только может, подрывает мое дворянское достоинство таким воспитанием. Вот что меня огорчает, Адам, и дух моего отца, который я чувствую в себе, начинает возмущаться против такого рабства. Я не хочу больше это сносить, хотя еще не знаю, какой найти выход.

А д а м

Вот идет мой господин, брат ваш.

О р л а н д о

Отойди в сторону, Адам: ты услышишь, как он на меня накинется.

Входит Оливер.

О л и в е р

Ну, сударь, что вы тут делаете?

О р л а н д о

Ничего: меня ничего не научили делать.

О л и в е р

Так что же вы портите в таком случае, сударь?

О р л а н д о

Черт возьми, сударь, помогаю вам поргить праздностью то, что создал господь: вашего бедного, недостойного брата.

О л и в е р

Черт возьми, сударь, займитесь чем-нибудь получше и проваливайте куда глаза глядят!

О р л а н д о

Прикажете мне пасти ваших свиней и питаться желудями вместе с ними? Какое же это имение блудного сына я расточил, чтобы дойти до такой нищеты!

О л и в е р

Да вы знаете ли, где вы, сударь?

О р л а н д о

О, сударь, отлично знаю: в вашем саду.

О л и в е р

А знаете ли вы, перед кем вы стоите?

О р л а н д о

О да, гораздо лучше, чем тот, перед кем я стою, знает меня. Я знаю, что вы мой старший брат, и в силу кровной связи и вам бы следовало признавать меня братом. Обычай народов дает вам передо мной преимущество, так как вы перворожденный; но этот же обычай не может отнять моей крови, хотя бы двадцать братьев

стояли между нами! Во мне столько же отцовского, сколько и в вас, хотя, надо сказать правду, вы явились на свет раньше меня, и это дает вам возможность раньше добиться того уважения, на которое имел право наш отец.

О л и в е р

Что, мальчишка?

О р л а н д о

Потише, потише, старший братец: для этого вы слишком молоды.

О л и в е р

Ты хочешь руку на меня поднять, негодяй?

О р л а н д о

Я не негодяй, я младший сын Роланда де Буа. Он был отец мой, и трижды негодяй тот, кто смеет сказать, что такой отец произвел на свет негодяя! Не будь ты мой брат, я не отнял бы этой руки от твоей глотки, пока другою не вырвал бы твой язык за такие слова: ты сам себя поносишь!

А д а м

(выступив вперед)

Дорогие господа, успокойтесь; ради вашего покойного отца, помиритесь!

О л и в е р

Пусти меня, говорят тебе!

О р л а н д о

Не пушу, пока не захочу! Вы должны меня выслушать. Отец завещал вам дать мне хорошее воспитание, а вы обращались со мной как с мужиком: вы душили и уничтожали во мне все качества истинного дворянина. Но дух моего отца крепнет во мне, и я не намерен больше это сносить. Поэтому либо дайте мне заниматься тем, что приличествует дворянину, либо отдайте ту скромную долю, что отец отказал мне по завещанию, и я с ней отправлюсь искать счастье.

О л и в е р

Что же ты будешь делать? Просить милостыню, когда все проматываешь? Однако довольно, сударь, убирайтесь и не докучайте мне больше: вы получите часть того, что желаете. Прошу вас, оставьте меня.

О р л а н д о

Я не буду докучать вам больше, как только получу то, что нужно мне для моего блага.

О л и в е р

(Адаму)

Убирайся и ты с ним, старый пес!

А д а м

Старый пес? Так вот моя награда! Оно и правда: я на вашей службе все зубы потерял. Упокой господи моего покойного господина! Он никогда бы такого слова не сказал.

О р л а н д о и А д а м уходят.

О л и в е р

Вот как? Вы желаете бунтовать? Я вас от этой наглости вылечу, а тысячу золотых все-таки не дам.— Эй, Деннис!

Входит Д е н н и с.

Д е н н и с

Ваша милость звали?

О л и в е р

Не приходил ли сюда, чтобы переговорить со мной, Шарль, герцогский борец?

Д е н н и с

С вашего позволения, он у дверей дома и добивается, чтобы вы приняли его.

О л и в е р

Позови его.

Д е н н и с уходит.

Это будет отличный способ... На завтра назначена борьба.

Входит Ш а р л ь.

Ш а р л ь

Доброго утра вашей милости.

О л и в е р

Добрейший мсье Шарль, каковы новые новости при новом дворе?

Ш а р л ь

При дворе нет никаких новостей, кроме старых, сударь, а именно: что старый герцог изгнан младшим братом, новым герцо-

гом, и что трое или четверо преданных вельмож добровольно последовали за ним в изгнание, а так как их земли и доходы достанутся новому герцогу, то он милостиво и разрешает им странствовать!

О л и в е р

А не можете ли мне сказать: Розалинда, дочь герцога, также изгнана со своим отцом?

Ш а р л ь

О нет! Потому что дочь герцога, ее кузина, так любит ее, что в случае ее изгнания либо последовала бы за ней, либо умерла бы с горя, разлучившись с ней. Розалинда при дворе: дядя любит ее как родную дочь. И никогда еще две женщины так не любили друг друга.

О л и в е р

Где же будет жить старый герцог?

Ш а р л ь

Говорят, он уже в Арденнском лесу и с ним веселое общество: живут они там будто бы, как в старину Робин Гуд английский. Говорят, множество молодых дворян присоединяется к ним каждый день, и время они проводят беззаботно, как, бывало, в золотом веке.

О л и в е р

Вы будете завтра бороться в присутствии нового герцога?

Ш а р л ь

Да, сударь, и как раз по этому делу я пришел поговорить с вами. Мне тайно сообщили, сударь, что ваш младший брат собирается переодетым выйти против меня. Но завтра, сударь, я буду бороться ради моей репутации, и тот, кто уйдет от меня без переломанных костей, может почесть себя счастливым. Ваш брат очень юв. Во имя моей преданности вам — мне будет неприятно уложить его, но во имя моей чести — мне придется сделать это. Из любви к вам я пришел вас предупредить, чтобы вы его отговорили или чтоб уж не пеняли на меня, когда он попадет в беду, — потому что это его добрая воля и совершенно против моего желания.

О л и в е р

Шарль, благодарю тебя за преданность: ты увидишь, что я отплачу тебе за нее по заслугам. Я сам узнал о намерении брата и всякими способами старался помешать ему, но его решимость

непоколебима. Скажу тебе, Шарль, это самый упрямый юноша во всей Франции. Он честолюбив, завистлив, ненавидит всех, кто одарен каким-либо достоинством, и тайно и гнусно злоумышляет даже против меня, своего родного брата. Поэтому поступай в данном случае как хочешь. Палец ли ты ему сломаешь, шею ли свернешь — мне все равно. Но смотри берегись: если он отделается только легким повреждением или не добьется славы, победив тебя, он пустит в ход против тебя отраву или заманит тебя в какую-нибудь предательскую ловушку и не успокоится до тех пор, пока так или иначе не лишит тебя жизни. Уверю тебя — и мне трудно удержаться от слез при этом, — что до сего дня я не встречал никого, кто был бы так молод и уже так коварен. Я еще говорю о нем как брат, но если бы я подробно рассказал тебе, каков он, — о, мне бы пришлось краснеть и плакать, а тебе бледнеть и изумляться.

Ш а р л ь

Я сердечно рад, что пришел к вам. Если он выступит завтра против меня, уж я ему заплачу сполна! И если он после этого сможет ходить без посторонней помощи, не выступать мне никогда на арене! А затем — да храниг бог вашу милость!

О л и в е р

Прощай, добрый Шарль!

Ш а р л ь уходит.

Теперь надо подзадорить этого забияку. Надеюсь, я увижу, как ему придет конец, потому что всей душой — сам не знаю почему — ненавижу его больше всего на свете. А ведь он кроток; ничему не учился, а учен, полон благородных намерений, любим всеми без исключения, всех околдовал и так всем вкрался в сердце — особенно моим людям, — что меня они ни во что не ставят... Но это не будет так продолжаться: борец исправит это. Остается разжечь мальчишку на борьбу, — вот этим я теперь и займусь. *(Уходит.)*

С Ц Е Н А 2

Лужайка перед дворцом герцога.

Входят Розалинда и Селия.

С е л и я

Прошу тебя, Розалинда, милая моя сестричка, будь веселей.

Р о з а л и н д а

Дорогая Селия, я и так изо всех сил стараюсь делать вид, что

мне весело; а ты хочешь, чтобы я была еще веселей? Если ты не можешь научить меня, как забыть изгнанного отца, не требуй, чтобы я предавалась особенному веселью.

С е л и я

Я вижу, что ты не любишь меня так, как я тебя люблю. Если бы мой дядя, твой изгнанный отец, изгнал твоего дядю — герцога, моего отца, а ты все же осталась бы со мной, я приучила бы мою любовь смотреть на твоего отца как на моего; и ты так же поступила бы, если бы твоя любовь ко мне была столь же искренней, как моя к тебе.

Р о з а л и н д а

Ну хорошо, я забуду о своей судьбе и стану радоваться твоей.

С е л и я

Ты знаешь, что у моего отца нет других детей, кроме меня, да и вряд ли будут; и, без сомнения, когда он умрет, ты будешь его наследницей, потому что все, что он отнял у твоего отца силой, я верну тебе из любви; клянусь моей честью, верну; и если я нарушу эту клятву, пусть я обращусь в чудовище! Поэтому, моя нежная Роза, моя дорогая Роза, будь весела.

Р о з а л и н д а

С этой минуты я развеселюсь, сестрица, и буду придумывать всякие развлечения. Да вот... Что ты думаешь, например, о том, чтобы влюбиться?

С е л и я

Ну что ж, пожалуй, только в виде развлечения. Но не люби никого слишком серьезно, да и в развлечении не заходи слишком далеко — так, чтобы ты могла с честью выйти из испытания, поплатившись только стыдливым румянцем.

Р о з а л и н д а

Какое же нам придумать развлечение?

С е л и я

Сядем да попробуем насмешками отогнать добрую кумушку Фортуну от ее колеса, чтобы она впредь равномерно раздавала свои дары.

Р о з а л и н д а

Хорошо, если бы нам это удалось. А то ее благодеяния очень неправильно распределяются: особенно ошибается эта слепая старушонка, когда дело касается женщин.

С е л и я

Это верно; потому что тех, кого она делает красивыми, она редко наделяет добродетелью, а добродетельных обыкновенно создает очень некрасивыми.

Р о з а л и н д а

Нет, тут ты уже переходишь из области Фортуны в область Природы: Фортуна властвует над земными благами, но не над чертами, созданными Природой.

Входит О с е л о к.

С е л и я

Неужели? Разве когда Природа создает прекрасное существо, Фортуна не может его заставить упасть в огонь? И хотя Природа дала нам достаточно остроумия, чтобы смеяться над Фортунной, разве Фортуна не прислала сюда этого дурака, чтобы прекратить наш разговор?

Р о з а л и н д а

Действительно, тут Фортуна слишком безжалостна к Природе, заставляя прирожденного дурака прервать остроумие Природы.

С е л и я

А может быть, это дело не Фортуны, а Природы, которая, заметив, что наше природное остроумие слишком тупо для того, чтобы рассуждать о таких двух богинях, послала нам этого дурака в качестве оселка; потому что тупость дураков всегда служит точильным камнем для остроумия.— Ну-ка, остроумие, куда держишь путь?

О с е л о к

Сударыня, вас требует к себе ваш батюшка.

С е л и я

Тебя сделали послом?

О с е л о к

Нет, клянусь честью, но мне приказали сходить за вами.

Р о з а л и н д а

Где ты выучился этой клятве, шут?

О с е л о к

У одного рыцаря, который клялся своей честью, что пирожки отличные, и клялся своей честью, что горчица никуда не годится;

ну, а я стою на том, что пирожки никуда не годились, а горчица была отличная. И, однако, рыцарь ложной клятвы не давал.

С е л и я

Как ты это докажешь, при всем твоим огромном запасе учено-ности?

Р о з а л и н д а

Да-да, сними-ка намордник со своей мудрости.

О с е л о к

Ну-ка, выступите вперед обе; погладьте свои подбородки и поклонитесь своими бородами, что я плут.

С е л и я

Клянемся нашими бородами — как если бы они у нас были, — ты плут.

О с е л о к

Клянусь моим плутовством, что, если бы оно у меня было, я был бы плут. Но ведь если вы клянетесь тем, чего нет, вы не даете ложной клятвы; так же и этот рыцарь, когда он клялся своей честью, — потому что чести у него никогда не было, а если и была, то он всю ее истратил на ложные клятвы задолго до того, как увидел и пирожки и горчицу.

С е л и я

Скажи, пожалуйста, на кого ты намекаешь?

О с е л о к

На человека, которого любит старый Фредерик, ваш отец.

С е л и я

Любви моего отца довольно, чтобы я уважала этого человека. Не смей больше говорить о нем: высекут тебя на днях за дерзкие речи!

О с е л о к

Очень жаль, что дуракам нельзя говорить умно о тех глупостях, которые делают умные люди.

С е л и я

Честное слово, ты верно говоришь: с тех пор как заставили молчать ту маленькую долю ума, которая есть у дураков, малень-

кая доля глупости, которая есть у умных людей, стала очень уж
выставлять себя напоказ. Но вот идет мсье Ле-Бо.

Розалинда

У него полон рот новостей.

Селия

Сейчас он нас напичкает, как голуби, когда кормят своих
птенцов.

Розалинда

Тогда мы будем начинены новостями.

Селия

Тем лучше, с начинкой мы ставем дороже.

Входит Ле-Бо.

Bonjour¹, мсье Ле-Бо. Что нового?

Ле-Бо

Прекрасные принцессы, вы пропустили превосходную забаву.

Селия

Забаву? Какого цвета?

Ле-Бо

Какого цвета. сударыня? Как мне ответить вам?

Розалинда

Как вам позволит остроумие и Фортуна.

Оселок

Или как повелит Рок.

Селия

Хорошо сказано: прямо как лопагой прихлопнул.

Оселок

Ну, если я не стану проявлять свой вкус...

Розалинда

То ты потеряешь свой старый запах.

¹ Здравствуйте. (Фрацуз.)

Ле - Бо

Вы меня смущаете, сударыня. Я хотел вам рассказать о превосходной борьбе, которую вы пропустили.

Розалинда

Так расскажите, как все происходило.

Ле - Бо

Я расскажу вам начало, а если вашим светлостям будет угодно, вы можете сами увидеть конец; ибо лучшее — еще впереди, и кончать борьбу придут именно сюда, где вы находитесь.

Селия

Итак, мы ждем начала, которое уже умерло и похоронено.

Ле - Бо

Вот пришел старик со своими тремя сыновьями...

Селия

Это похоже на начало старой сказки.

Ле - Бо

С тремя славными юношами прекрасного роста и наружности...

Розалинда

С ярлычками на шее: «Да будет ведомо всем и каждому из сих объявлений...».

Ле - Бо

Старший вышел на борьбу с борцом герцога Шарлем. Этот Шарль в одно мгновение опрокинул его и сломал ему три ребра, так что почти нет надежды, что он останется жив. Точно так же он уложил второго и третьего. Они лежат там, а старик отец так сокрушается над ними, что всякий, кто только видит это, плачет от сострадания.

Розалинда

Бедные!

Оселок

Но какую же забаву пропустили дамы, сударь?

Ле Бо

Как — какую? Именно ту, о которой я рассказываю.

О с е л о к

Видно, люди с каждым днем все умнее становятся. В первый раз слышу, что ломанье ребер — забава для дам.

С е л и я

И я тоже, ручаюсь тебе.

Р о з а л и н д а

Но неужели есть еще кто-нибудь, кто хочет испытать эту музыку на собственных боках? Есть еще охотники до сокрушения ребер? — Будем мы смотреть на борьбу, сестрица?

Л е - Б о

Придется, если вы останетесь здесь: это место назначено для борьбы, и сейчас она начнется.

С е л и я

Да, действительно, сюда все идут. Ну что ж, останемся и посмотрим.

Трубы.

Входят герцог Фредерик, вельможи, Орландо, Шарль и свита.

Герцог Фредерик

Начинайте. Раз этот юноша не хочет слушать никаких увещаний, пусть весь риск падет на его голову.

Р о з а л и н д а

Это тот человек?

Л е - Б о

Он самый, сударыня.

С е л и я

Ах, он слишком молод! Но он смотрит победителем.

Герцог Фредерик

Вот как, дочь и племянница! И вы пробрались сюда, чтобы посмотреть на борьбу?

Р о з а л и н д а

Да, государь, если вы разрешите нам.

Герцог Фредерик

Вы получите мало удовольствия, могу вас уверить; силы слишком неравны. Из сострадания к молодости вызвавшего на бой я пытался отговорить его, но он не желает слушать никаких увещаний. Поговорите с ним вы: может быть, вам, женщинам, удастся убедить его.

Селия

Позовите его, добрый мсье Ле-Бо.

Герцог Фредерик

Да, а я отойду, чтобы не присутствовать при разговоре.

Ле-Бо

Господин борец, принцессы зовут вас.

Орландо

Повинуюсь им почтительно и с готовностью.

Розалинда

Молодой человек, это вы вызвали на бой Шарля, борца?

Орландо

Нет, прекрасная принцесса: он сам всех вызывает на бой. Я только, как и другие, хочу померяться с ним силой моей молодости.

Селия

Молодой человек, дух ваш слишком смел для ваших лет. Вы видели страшные доказательства силы этого человека. Если бы вы взглянули на себя собственными глазами и оценили своим рассудком, страх перед опасностью посоветовал бы вам взяться за более подходящее дело. Мы просим вас ради себя самого подумать о безопасности и отказаться от этой попытки.

Розалинда

Да, молодой человек, ваша репутация не пострадает от этого: мы сами попросим герцога, чтобы борьба не продолжалась.

Орландо

Умоляю вас, не наказывайте меня дурным мнением обо мне. Я чувствую себя очень виноватым, что отказываю хоть в чем-ни-

будь таким прекрасным и благородным дамам. Но пусть меня в этом поединке сопровождают ваши прекрасные глаза и добрые пожелания, и если я буду побежден, стыдом покроется только тот, кто никогда не был счастлив; если же я буду убит, умрет только тот, кто желает смерти. Друзей моих я не огорчу, потому что обо мне некому плакать. Мир от этого не пострадает, потому что у меня нет ничего в мире. Я в нем занимаю только такое место, которое гораздо лучше будет заполнено, если я освобожу его.

Розалинда

Мне хотелось бы отдать вам всю ту маленькую силу, какая у меня есть.

Селия

Да и я бы отдала свою в придачу.

Розалинда

В добрый час! Молю небо, чтобы я ошиблась в вас!

Селия

Да исполнятся желания вашего сердца!

Шарль

Ну, где же этот юный смельчак, которому так хочется улечься рядом со своей матерью-землей?

Орландо

Он готов, сударь, но желания его гораздо скромнее.

Герцог Фредерик

Вы будете бороться только до первого падения.

Шарль

Да, уж ручаюсь вашей светлости, так усердно отговаривавшей его от первого, что о втором вам его просить не придется.

Орландо

Если вы надеетесь посмеяться надо мной после борьбы, вам не следует смеяться до нее. Но к делу.

Розалинда

Да поможет тебе Геркулес, молодой человек!

С е л и я

Я бы хотела быть невидимкой и схватить этого силача за ногу.

Шарль и Орlando борются.

Р о з а л и н д а

О, превосходный юноша!

С е л и я

Будь у меня в глазах громовые стрелы, уж я знаю, кто лежал бы на земле.

Шарль падает. Радостные крики.

Г е р ц о г Ф р е д е р и к

Довольно, довольно!

О р л а н д о

Нет, умоляю вашу светлость,— я еще не разошелся.

Г е р ц о г Ф р е д е р и к

Как ты себя чувствуешь, Шарль?

Л е - Б о

Он не в состоянии говорить, ваша светлость.

Г е р ц о г Ф р е д е р и к

Унесите его.

Ш а р л я уносят.

Как твое имя, молодой человек?

О р л а н д о

Орlando, государь; я младший сын Роланда де Буа.

Г е р ц о г Ф р е д е р и к

О если б ты другого сыном был!

Все твоего отца высоко чтили,

Но я всегда в нем находил врага.

Ты больше б угодил мне этим делом,

Происходи ты из другой семьи.

Но все ж будь счастлив. Ты — хороший малый.

Когда б ты мне назвал отца другого!

Г е р ц о г Ф р е д е р и к, свита и Л е - Б о уходят.

С е л и я

Могла ли б так я поступить, сестрица?

О р л а н д о

Будь я на месте моего отца?
Горжусь я тем, что я Роланда сын.
Пусть младший! Не сменил бы это имя,
Хотя б меня усыновил сам герцог.

Р о з а л и н д а

Роланда мой отец любил как душу,—
Все разделяли эти чувства с ним.
Знай раньше я, что это сын его,
Прибавила б к своим мольбам я слезы,
Чтоб он не рисковал собой!

С е л и я

Сестрица,
Пойдем, его ободрим добрым словом.
Завистливый и злобный нрав отца
Мне сердце ранит.

(К Орландо.)

Как вы отличились!
Когда в любви так держите вы слово,
Как здесь все обещанья превзошли,
То счастлива подруга ваша.

Р о з а л и н д а

Сударь,
Прошу, возьмите это и носите
На память обо мне, судьбой гонимой.
(Сняв с шеи цепь, передает ему.)

Дала б я больше вам, имей я средства.—
Пойдем, сестра.

С е л и я

Пойдем.— Прощайте, сударь.

О р л а н д о

Как благодарность выражу? Исчезли
Способности мои, а здесь остался
Немой чурбан, безжизненный обрубок.

Р о з а л и н д а

Он нас зовет?..

Со счастьем моим ушла и гордость.
Спрошу, что он хотел.— Вы звали, сударь?
Боролись славно вы и победили
Не одного врага.

С е л и я

Идем, сестра?

Р о з а л и н д а

Иду, иду.— Прощайте.

Р о з а л и н д а и С е л и я уходит.

О р л а н д о

Каким волнением скован мой язык!
Я онемел; она же вызывала
На разговор. Погиб Орlando бедный:
Не силою, так слабостью сражен ты.

Входит Л е - Б о.

Л е - Б о

Любезнейший, дам вам совет по дружбе —
Уйти скорей. Хотя вы заслужили
Хвалу, и одобренье, и любовь,
Но герцог в настроении таком,
Что плохо он толкует ваш поступок.
Упрям наш герцог, а каков он правом —
Приличней вам понять, чем мне сказать.

О р л а н д о

Благодарю вас, сударь. Но скажите:
Которая — дочь герцога из дам,
Здесь на борьбу смотревших?

Л е - Б о

Судя по нраву, ни одна из них;
На деле ж та, что меньше, дочь его,
Другая — дочь им изгнанного брата.
Здесь задержал ее захватчик-дядя
Для дочери своей; а их любовь
Нежней родных сестер природной связи
Но я скажу вам: герцог начинает
Питать к своей племяннице немилость,
Основанную только лишь на том,
Что весь народ достоинства в ней видит

И из-за доброго отца жалеет.
Ручаюсь жизнью: гнев против нее
Внезапно может вспыхнуть... Но прощайте:
Надеюсь встретить вас в условиях лучших
И дружбы и любви у вас просить.

Орландо

Я вам весьма признателен; прощайте.

Ле-Бо уходит.

Так все равно я попаду в капкан:
Тиран ли герцог, или брат — тиран...
О, ангел Розалинда!

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Комната во дворце.

Входят Селия и Розалинда.

Селия

Ну, сестра, ну, Розалинда! Помилуй нас, Купидов! Ни слова?

Розалинда

Ни одного, чтобы бросить на ветер.

Селия

Нет, твои слова слишком драгоценны, чтобы тратить их даром; но брось хоть несколько слов мне; ну, сокруши меня доводами рассудка.

Розалинда

Тогда обе сестры погибнут: одна будет сокрушена доводами рассудка, а другая лишится рассудка без всяких доводов.

Селия

И все это из-за твоего отца?

Розалинда

Нет, кое-что из-за дочери моего отца. О, сколько терний в этом будничном мире!

Селия

Нет, это простые репейники, сестрица, брошенные на тебя

в праздничном дурачестве; когда мы не ходим по проторенным дорогам, они цепляются к нашим юбкам.

Розалинда

С платья я легко стряхнула б их, но колючки попали мне в сердце.

Селия

Сдуй их прочь.

Розалинда

Я попыталась бы, если бы мне стоило только дунуть, чтобы получить этого юношу.

Селия

Полно, полно, умея бороться со своими чувствами.

Розалинда

О, они стали на сторону лучшего борца, чем я.

Селия

Желаю тебе успеха. Когда-нибудь ты поборешься с ним, и он еще положит тебя на обе лопатки. Но шутки в сторону — поговорим серьезно: возможно ли, чтобы ты сразу вдруг почувствовала такую пылкую любовь к младшему сыну старого Роланда?

Розалинда

Герцог, отец мой, любил его горячо.

Селия

Разве из этого следует, что ты должна горячо любить его сына? Если так рассуждать, то я должна его ненавидеть, потому что мой отец горячо ненавидел его отца. Однако я Орlando не ненавижу.

Розалинда

Нет, ты не должна его ненавидеть ради меня.

Селия

За что мне его ненавидеть? Разве он не выказал своих достоинств?

Розалинда

Дай мне любить его за это, а ты люби его потому, что я его люблю. Смотри, сюда идет герцог.

Селия

Как гневно он глядит!

Входят герцог Фредерик и вельможи.

Герцог Фредерик

Сударыня, спешите удалиться
От нашего двора.

Розалинда

Я, дядя?

Герцог Фредерик

Да!

И если через десять дней ты будешь
Не дальше, чем за двадцать миль отсюда,
То смерть тебе.

Розалинда

Молю я вашу светлость:

Позвольте мне в дорогу взять с собой
Сознание того, в чем я виновна.
Когда сама себя я вопрошаю
И ясно сознаю свои желанья,—
Коль я не сплю и не сошла с ума
(Чего, надеюсь, нет),— то, милый дядя,
Я никогда и нерожденной мыслью
Не оскорбляла вас.

Герцог Фредерик

Язык измены!

Когда б слова служили очищеньем!
Изменники всегда святых невинней.
Достаточно, что я тебе не верю.

Розалинда

Меня не может подозренье сделать
Изменницей. Скажите, в чем измена?

Герцог Фредерик

Дочь своего отца ты — и довольно.

Розалинда

Я дочерью его была в то время,
Когда отца с престола вы свергали;

Я дочерью его была в то время,
Когда отца послали вы в изгнание.
Измена нам в наследство не дается.
А если б даже это было так,
То мой отец изменником ведь не был.
Не будьте ж так ко мне несправедливы:
В несчастье я изменницей не стала.

Селия

Мой государь, послушайте меня...

Герцог Фредерик

Да, я ее из-за тебя оставил,
Иначе б ей пришлось с отцом скитаться.

Селия

Я не просила вас ее оставить, —
То были ваша воля, ваша жалость:
Дитя — я не могла ценить ее.
Теперь же оценила; коль она
Изменница, я тоже; с нею вместе
Мы спали, и учились, и играли:
Где б ни было, как лебеди Юноны,
Мы были неразлучною четой.

Герцог Фредерик

Она хитрей тебя! Вся эта кротость,
И самое молчанье, и терпенье
Влияют на народ: ее жалеют.
Глупа ты! Имя у тебя ворует
Она: заблещешь ярче и прекрасней
Ты без нее. Не размыкай же уст:
Неколебим и тверд мой приговор;
Я так сказал — она идет в изгнание.

Селия

Приговори к тому же и меня,
Мой государь: жить без нее нет сил.

Герцог Фредерик

Глупа ты! — Ну, племянница, собирайтесь;
Пропустите вы срок — порукой честь
И слов моих величье, — вы умрете.

Герцог Фредерик и свита уходят.

Селия

О бедная сестра! Куда пойдешь ты?
Ну, хочешь, поменяемся отцами?
Прошу тебя, не будь грустней меня.

Розалинда

Причин есть больше у меня.

Селия

Нет-нет!

Утешься. Знаешь, он изгнал меня,
Родную дочь.

Розалинда

Он этого не сделал.

Селия

Нет? Значит, в Розалинде нет любви,
Чтоб научить тебя, что мы — одно.
Нас разлучить? Нам, милая, расстаться?
Пусть идет он наследницу другую.
Давай же думать, как нам убежать,
Куда идти и что нам взять с собой.
Не пробуй на себя одну взвалить
Несчастий бремя, отстранив меня.
Клянусь я небом, побледневшим с горя;
Что хочешь говори — пойду с тобой.

Розалинда

Куда же нам идти?

Селия

В Арденнский лес, на поиски, за дядей.

Розалинда

Увы! Но как нам, девушкам, опасно
Одним пускаться в путь! Ведь красота
Сильней, чем золото, влечет воров.

Селия

Оденусь я в убогие лохмотья
И темной краской вымажу лицо,
Ты тоже: так идти спокойно будет;
Никто на нас не нападет.

Розалинда

Не лучше ль
Так сделать нам: я ростом не мала;
В мужское платье я переоденусь!
Привешу сбоку я короткий меч,
Рогатину возьму: тогда пусть в сердце
Какой угодно женский страх таится —
Приму я вид воинственный и наглый,
Как многие трусливые мужчины,
Что робость прикрывают смелым видом.

Селия

Как звать тебя, когда мужчиной станешь?

Розалинда

Возьму не хуже имя, чем пажа
Юпитера, и буду — Ганимедом.
А как мне звать тебя?

Селия

Согласно положенью моему:
Не Селией я буду — Алиеной¹.

Розалинда

А что, сестра, не попытаться ль нам
Сманить шута придворного с собой?
Он мог бы нам в дороге пригодиться.

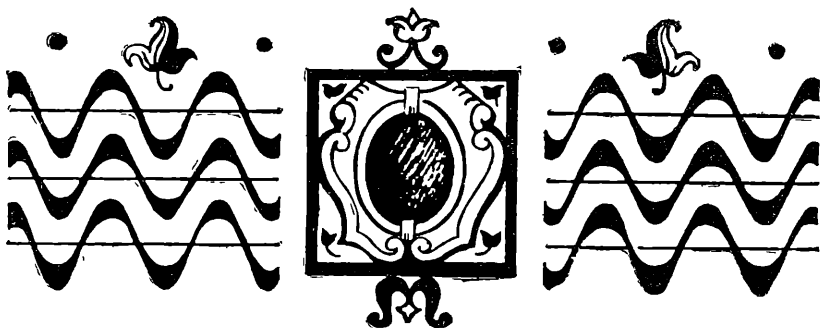
Селия

Со мною на край света он пойдет:
Я с ним поговорю. Собрать нам надо
Все наши драгоценности и деньги
И выбрать час и путь побезопасней,
Чтоб нам с тобой погони избежать.
Теперь — готовься радостно к уходу:
Идем мы не в изгнанье — на свободу.

Уходят.

¹ *Aliena* — чужая. (Лат.)

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Арденнский лес.

Входят старый герцог, Амьен и другие вельможи, одетые охотниками.

Старый герцог

Ну что ж, друзья и братья по изгнанию!
Иль наша жизнь, когда мы к ней привыкли,
Не стала много лучше, чем была
Средь роскоши мишурной? Разве лес
Не безопаснее, чем двор коварный?
Здесь чувствуем мы лишь Адама кару —
Погоды смену: зубы ледяные
Да грубое ворчанье зимних ветров,
Которым, коль меня грызут и хлещут,
Дрожа от стужи, улыбаюсь я:
«Не льстите вы!» Советники такие
На деле мне дают понять, кто я.
Есть сладостная польза и в несчастье:
Оно подобно ядовитой жабе,
Что ценный камень в голове таит.
Находит наша жизнь вдали от света
В деревьях — речь, в ручье текущем — книгу,
И проповедь — в камнях, и всюду — благо.
Я б не сменил ее!

А м ъ е п

Вы, ваша светлость,
Так счастливо переводить способны
На кроткий, ясный лад судьбы суровость.

Старый герцог

Но не пойти ль нам пострелять оленей?
Хоть мне и жаль беднякам глупым, пестрым,
Природным гражданам сих мест пустынных,
Средь их владений стрелами пронзать
Округлые бока!

Первый вельможа

Так, ваша светлость,
И меланхолик Жак о том горюет,
Клянясь, что здесь вы захватили власть
Неправедней, чем вас изгнавший брат.
Сегодня мы — мессир Амьен и я —
К нему подкрались: он лежал под дубом,
Чьи вековые корни обнажились
Над ручейком, журчащим здесь в лесу.
Туда бедняка раненый олень
Один, стрелой охотника пронзенный,
Пришел страдать; и, право, государь,
Несчастный зверь стонал так, что казалось,
Вот-вот его готова лопнуть шкура
С натуги! Круглые большие слезы
Катились жалобно с невинной морды
За каплей капля; так мохнатый дурень,
С которого Жак не сводил очей,
Стоял на берегу ручья, слезами
В нем умножая влагу.

Старый герцог

Ну, а Жак?
Не рассуждал ли он при этом виде?

Первый вельможа

На тысячу ладов. Сперва о том,
Что в тот ручей без пользы льет он слезы.
«Бедняк, — он говорил, — ты завещаешь
(Как часто — люди) тем богатство, кто
И так богат!» Затем — что он один,
Покинут здесь пушистыми друзьями.
«Так! — он сказал. — Беда всегда разгонит

Приток друзей!» Когда ж табун оленей
Беспечных, сытых вдруг промчался мимо
Без всякого вниманья, он воскликнул:
«Бегите мимо, жирные мещане!
Уж так всегда ведется; что смотреть
На бедного, разбитого банкрота?»
И так своею меткою сатирой
Он все пронзал: деревню, город, двор
И даже нашу жизнь, клянясь, что мы
Тираны, узурпаторы и хуже
Зверей — пугая, убивая их
В родных местах, им отданных природой.

Старый герцог

Таким вы и оставили его?

Второй вельможа

Да, государь, — в раздумье и в слезах
Над плачущим оленем!

Старый герцог

Где то место?

Люблю поспорить с ним, когда угрюм он:
Тогда кипит в нем мысль.

Первый вельможа

Я вас к нему сведу.

Уходят.

СЦЕНА 2

Зал во дворце.

Входят герцог Фредерик и вельможи.

Герцог Фредерик

Возможно ли, чтоб их никто не видел?
Не может быть! Среди моих придворных
Злодеи-укрыватели нашлись.

Первый вельможа

Не слышно, чтобы видел кто ее.
Придворные прислужницы, принцессу
На отдых проводив, нашли наутро
Сокровища лишенную постель.

Второй вельможа

Мой государь, тот жалкий шут, что часто
Вас заставлял смеяться, тоже скрылся.
Гисперия, прислужница принцессы,
Созвалась, что подслушала тайком,
Как ваша дочь с племянницей хвалили
И доблести и красоту борца,
Что Шарля силача сразил недавно.
Ей кажется, — где б ни были они, —
Что этот юноша, наверно, с ними.

Герцог Фредерик

Послать за ним! И привести красавца!
А нет его — так старшего сюда:
Уж братца разыскать заставлю!.. Мигом!
Не прекращайте сыска и расспросов,
Пока беглянок глупых не вернем!

Уходят.

СЦЕНА 3

Перед домом Оливера.

Входят Адам и Орландо с разных сторон.

Орландо

Кто здесь?

Адам

Как? Молодой мой господин? О добрый,
О милый господин! Портрет Роланда
Почтенного! Зачем вы здесь? Зачем
Вы добродетельны? Зачем вас любят?
Зачем вы кротки, сильны и отважны?
Зачем стремились победить борца
Пред своеправным герцогом? Хвала
Опредила слишком быстро вас.
Вы знаете, есть род людей, которым
Их доблести являются врагами.
Вот так и вы: достоинства все ваши —
Святые лишь предатели для вас.
О, что за мир, где добродетель губит
Тех, в ком она живет!

Орландо

Да что случилось?

Адам

Юноша несчастный!

О, не входи сюда: под этой кровлей
Живет твоих достоинств злейший враг.
Ваш брат — нет-нет, не брат... но сын... нет-нет:
Нет сил сказать, что это сын того,
Кого его отцом хотел назвать я,—
Узнал про подвиг ваш, и этой ночью
Решил он вашу комнату поджечь
И сжечь вас в ней. Коль это не удастся,
Он как-нибудь иначе сгубит вас!
Подслушал я все замыслы его.
Не место здесь вам; тут не дом, а бойня,
Бегите, бойтесь, не входите в дом.

Орландо

Как? Но куда ж деваться мне, Адам?

Адам

О, все равно, лишь здесь не оставайтесь.

Орландо

Что ж мне — идти просить на пропитанье?
Презренной шпагой добывать доходы
На столбовой дороге грабежом?..
Так поступить? Иначе что ж мне делать?
Нет! Ни за что не стану: будь что будет;
Скорей согласен, чтоб меня сгубили
Кровавый брат и извращенье крови.

Адам

Нет-нет! Есть у меня пять сотен крон:
Я их при вашем батюшке скопил,
Берег, чтобы они меня кормили,
Когда в работе одряхлеют члены
И старика с презреньем в угол бросят.
Возьмите. Тот, кто воронов питает
И посылает пищу воробью,
Мою поддержит старость! Вот вам деньги:
Все вам даю... Позвольте мне служить вам:
Я с виду стар, но силен и здоров.
Я с юности себе не портил крови

Отравой возбуждающих напитков,
И никогда бесстыдно я не гнался
За тем, что разрушает нас и старит.
Мне старость — как здоровая зима:
Морозна, но бодра. Меня с собою
Возьмите: буду вам, как молодой,
Служить во всех делах и нуждах ваших.

Орландо

О добрый мой старик! В тебе пример
Той честной, верной службы прежних лет,
Когда был долгом труд, а не корыстью.
Для нынешних времен ты не годишься:
Теперь ведь трудятся все для награды;
А лишь ее получают — и конец
Всему усердию. Ты не таков;
Но дерево плохое выбрал ты:
Оно тебе плодов не принесет
За все твои труды, за все заботы.
Ну, будь по-твоему: пойдем же вместе —
И раньше, чем истратим твой запас,
Найдется скромный угол и для нас.

Адам

Идем, мой господин: тебе повсюду
Служить до смерти верой, правдой буду.
В семнадцать лет вошел я в эту дверь;
Мне семьдесят — я ухожу теперь.
В семнадцать лет как счастья не искать?
Но в семьдесят поздненько начинать.
А мне бы только — мирную кончину
Да знать, что долг вернул я господину.

Уходят.

СЦЕНА 4

Арденнский лес.

Входят Розалинда под видом Ганимеда, Селия
под видом Алиены и Оселок.

Розалинда

О Юпитер!.. Как устала моя душа!

Оселок

До души мне мало дела, лишь бы ноги не устали.

Розалинда

Я готова опозорить мой мужской наряд и расплакаться как женщина... Но я должна поддерживать более слабое создание: ведь камзол и штаны обязаны проявлять свою храбрость перед юбкой; и потому — мужайся, милал Алиена!

Селя

Простите... вам придется выносить мою слабость: я не в состоянии идти дальше!

Оселок

Что до меня, то я скорей готов выносить вашу слабость, чем носить вас самих. Хотя, пожалуй, если бы я вас нес, груз был бы не очень велик: потому что, мне думается, в кошельке у вас нет ни гроша.

Розалинда

Ну вот мы и в Арденнском лесу!

Оселок

Да, вот и я в Арденнском лесу; и как был — дурак дураком, если не глупее: дома был я в лучшем месте. Но путешественники должны быть всем довольны.

Розалинда

Да, будь доволен, добрый Оселок... Смотрите, кто идет сюда? Молодой человек и старик, занятые, видно, важным разговором!

Входят Корин и Сильвий.

Корин

Вот способ в ней усилить к вам презрение.

Сильвий

Когда б ты знал, как я ее люблю!

Корин

Могу понять: я сам любил когда-то...

Сильвий

О нет, ты стар, и ты понять не можешь,
Хотя бы в юности ты был вернейшим
Из всех, кто вздохи посылал к Луне.
Но будь твоя любовь моей подобна —
Хоть никогда никто так не любил! —

То сколько же поступков сумасбродных
Тебя любовь заставила б свершить?

К о р и н

Да с тысячу; но все уж позабыл я.

С и л ь в и й

О, значит, не любил ты никогда!
Коль ты не помнишь сумасбродств нелспых,
В которые любовь тебя ввергала,—
Ты не любил.
Коль слушателей ты не утомлял,—
Хваля возлюбленную так, как я,—
Ты не любил.
Коль от людей не убегал внезапно,
Как я сейчас, гоним своею страстью,—
Ты не любил.
О Феба, Феба, Феба!

Уходят.

Р о з а л и н д а

Увы, пастух! Твою больную рану
Исследуя, я на свою паткнулась.

О с е л о к

А я на свою. Помню, еще в те времена, когда я был влюблеп,
я разбил свой меч о камень в наказание за то, что он повадился
ходить по ночам к Джен Смайль. Помню, как я целовал ее валеки
и коровье вымя, которое доили ее хорошенькие потрескавшиеся
ручки; помню тоже, как я ласкал и нежил гороховый стручок
вместо нее, потом вынул из него две горошинки и, обливаясь слезами,
отдал их ей и сказал: «Носи их на память обо мне». Да, все мы,
истинно влюбленные, способны на всевозможные дурачества,
по, так как в природе все смертно, все влюбленные по природе
своей — смертельные дураки!

Р о з а л и н д а

Ты говоришь умнее, чем полагаешь.

О с е л о к

Да, я никак не замечаю собственного ума, пока не зацеплюсь
о него и не переломаю себе ноги.

Розалинда

В его любви — о боже! —
Как все с моею схоже!

Оселок

Да и с моей, хоть она выдохлась.

Селия

Спроси, дружок мой, старика, не даст ли
За деньги нам чего-нибудь поесть?
Иначе я умру.

Оселок

Эй ты, осел!

Розалинда

Молчи! Тебе он не родня.

Корин

Кто звал?

Оселок

Кто малость познатней тебя.

Корин

Надеюсь!

Иначе бы я пожалел его.

Розалинда

Молчи, я говорю! — Привет, приятель!

Корин

И вам, мой добрый господин, привет.

Розалинда

Прошу, пастух: из дружбы иль за деньги —
Нельзя ли здесь в глуши достать нам пищи?
Сведи нас, где бы нам приют найти:
Вот девушка — измучена дорогой,
От голода без сил.

Корин

Как жаль ее!
Не для себя, а для нее хотел бы

Богаче быть, чтоб как-нибудь помочь ей,
Но я пастух наемный у другого:
Не я стригу овец, пасомых мной.
Хозяин мой скупого очень права,
Он не стремится к небу путь найти
Делами доброго гостеприимства.
К тому ж, его стада, луга и дом
Идут в продажу. Без него в овчарнях
У нас запасов нету никаких,
Чтоб угостить вас. Но, что есть, посмотрим;
А я душевно буду рад гостям.

Розалинда

Кто ж покупатель его лугов и стад?

Корин

Тот человек, что был сейчас со мною,
Хотя ему сейчас не до покупок.

Розалинда

Прошу тебя: коль это не бесчестно —
Не купишь ли ты сам всю эту ферму?
А мы тебе дадим на это денег.

Селия

И жалованья мы тебе прибавим.
Здесь хорошо: я жить бы здесь хотела.

Корин

Конечно, эта мыза продается.
Пойдем со мной: коль вам по сердцу будет
Рассказ о почве и доходах здешних.
Я буду верным скотником для вас
И вам куплю все это хоть сейчас.

Уходят.

СЦЕНА 5

Лес.

Входят Амьен, Жак и другие.

Амьен
(поет)

Под свежую листвою
Кто рад лежать со мною,

Кто с птичьим хором в лад
Слить звонко песни рад,—
К нам просим, к нам просим, к нам просим.
В лесной тени
Враги одни —
Зима, ненастье, осень.

Ж а к

Еще, еще, прошу тебя, еще!

А м ь е н

Эта песня наведет на вас меланхолию, мсье Жак!

Ж а к

За это я буду только благодарен. Спой еще, прошу тебя, спой!
Я умею высасывать меланхолию из песен, как ласточка высасывает яйца. Еще, прошу тебя!

А м ь е н

У меня хриплый голос; я знаю, что не могу угодить вам.

Ж а к

Я не хочу, чтобы вы мне угождали, я хочу, чтобы вы пели.
Ну, еще один станс,— ведь вы так их называете, кажется?

А м ь е н

Как вам будет угодно, мсье Жак.

Ж а к

Мне все равно, как они называются: ведь они мне ничего не должны. Будете вы петь или нет?

А м ь е н

Скорее по вашей просьбе, чем для собственного удовольствия.

Ж а к

Отлично! Если я когда-нибудь кого-нибудь поблагодарю, так это вас. Но то, что люди называют комплиментами, похоже на встречу двух обезьян, а когда кто-нибудь меня сердечно благодарит, мне кажется, что я подал ему грош, а он мне за это кланяется, как нищий. Ну пойте; а вы, если не желаете петь, придержите языки.

А м ь е н

Ну хорошо, я окончу песню.— А вы, господа, приготовьте тем

временем все, что надо: герцог придет пообедать под этими доревьями.— Он вас целый день разыскивал.

Ж а к

А я целый день скрывался от него. Он слишком большой спорщик для меня; я думаю, мыслей у меня не меньше, чем у него, но я благодарю за них небо и не выставляю их напоказ. Ну, начинайте чирикать!

В с е

(поют хором)

В ком честолюбыя нет,
Кто любит солнца свет,
Сам идет, что поесть,
Доволен всем, что есть,—
К нам просим, к нам просим, к нам просим.
В лесной тени
Враги одни —
Зима, ненастье, осень.

Ж а к

А я прибавлю вам куплет на этот же мотив, я сочинил его вчера, несмотря на полное отсутствие у меня стихотворной изобретательности!

А м ь е н

А я его спою.

Ж а к

Вот он:

Кому же блажь пришла
Разыгрывать осла,
Презрев в глуши лесной
Богатство и покой,—
Декдем, декдем, декдем,—
Здесь он найдет
Глупцов таких же сброд.

А м ь е н

Что это значит — декдем?

Ж а к

Это греческое заклинание, чтобы заманивать дураков в заколдованный круг. Ну, пойду посплю, если удастся. А если не смогу, то буду ругать всех первожденных Египта.

А мь е н

А я пойду за герцогом: угощение ему приготовлено.

Уходят в разные стороны.

С Ц Е Н А 6

Лес.

Входят Орландо и Адам.

Адам

Дорогой мой господин, я не могу идти дальше. Я умираю с голоду! Лягу здесь да отмерю себе могилу. Прощайте, мой добрый господин.

Орландо

Как, Адам? Только-то в тебе мужества? Поживи немножко, подбодрись немножко, развеселись немножко! Если в этом диком лесу есть хоть какой-нибудь дикий зверь,— либо я пойду ему на съеденье, либо принесу его на съедение тебе. Твое воображение ближе к смерти, чем твои силы. Ради меня будь бодрее! Некоторое время еще не подпускай к себе смерть, я скоро возвращусь; и если я не принесу тебе чего-нибудь поесть, тогда позволю тебе умереть: если ты умрешь раньше, чем я вернусь, значит, ты посмеешься над моими стараниями. Отлично! Вот ты и повеселел. А я скоро буду опять здесь. Но ты лежишь на холодном ветру. Дай, я отнесу тебя в какое-нибудь защищенное место, и, если в этой пустыне есть хоть одно живое существо, ты не умрешь от недостатка пищи. Веселей, мой добрый Адам!

Уходят.

С Ц Е Н А 7

Лес.

Накрытый стол.

Входят старый герцог, Амьен и вельможи-изгнанники.

Старый герцог

Должно быть, сам он в зверя превратился.
Его в людском я виде не нашел.

Первый вельможа

Он только что ушел, мой государь:
Был весел он и слушал нашу песню.

Старый герцог

Он? Воплощение диссонанса стал
Вдруг музыкантом? Будет дисгармония
В небесных сферах!.. Но пойдя за ним:
Скажи, что с ним поговорить хочу я.

Первый вельможа

Он от труда меня избавил: вот он!..

Входит Жак.

Старый герцог

Что ж это, сударь? Что за образ жизни?
Друзья должны о встречах вас молить...
Но что это — я вижу вас веселым?..

Жак

Шут! Шут! Сейчас в лесу шута я встретил!
Да, пестрого шута! О, жалкий мир!..
Вот как живу я — пищею шута!
Лежал врасстыжку и, на солнце греясь,
Чистил Фортуны в ловких выраженьях,
Разумных, метких этот пестрый шут.
«Здорово, шут!» А он мне: «Не зовите
Меня шутком — пока богатства небо
Мне не послало!» Тут часы он вынул
И, мутным взглядом посмотрев на них,
Промолвил очень мудро: «Вот уж десять!
Тут видим мы, как движется весь мир.
Всего лишь час прошел, как было девять,
А час пройдет — одиннадцать настанет;
Так с часу и на час мы созреваем,
А после с часу и на час — гнием.
Вот и весь сказ». Когда я услышал,
Как пестрый шут про время рассуждает,
То у меня в груди запел петух
О том, что столько мудрости в шутах;
И тут смеялся я без перерыва
Час по его часам. О, славный шут!
Достойный шут! Нет лучше пестрой куртки!

Старый герцог

Кто ж этот шут?

Ж а к

Почтенный шут! Он, видно, был придворным,
Он говорит, что дамы обладают,
Коль молоды и хороши они,
Талантом это знать. В его мозгу,
Сухом как не доеденный в дороге
Сухарь, есть очень много странных мест,
Набитых наблюдениями: пускает
Он их вразбивку... О! Будь я шутом!
Я жду как чести пестрого камзола!

С т а р ы й г е р ц о г

И ты его получишь.

Ж а к

Он к лицу мне:

Но только с тем, чтоб вырвали вы с корнем
Из головы засевшее в ней мнение,
Что я умен, и дали мне притом
Свободу, чтоб я мог, как вольный ветер,
Дуть на кого хочу — как все шуты,
А те, кого сильнее я царапну,
Пуškai сильнее смеются. Почему же?
Да это ясно, как дорога в церковь:
Тот человек, кого обидит шут,
Умно поступит, как ему ни больно, —
Вся глупость умника раскрыта будет
Случайной шутовской острогой.
Оденьте в пестрый плащ меня! Позвольте
Всю правду говорить — и постепенно
Прочищу я желудок грязный мира,
Пусть лишь мое лекарство он глотает.

С т а р ы й г е р ц о г

Фу! Я скажу, что стал бы делать ты...

Ж а к

Хоть об заклад побьюсь, — что, кроме пользы?

С т а р ы й г е р ц о г

Творил бы тяжкий грех, грехи карая.
Ведь ты же сам когда-то был развратным
И чувственным, как похотливый зверь:
Все язвы, все назревшие нарывы,

Что ты схватил, гуляя без помехи,
Ты все бы изрыгнул в широкий мир.

Ж а к

Нет! Гордость кто хулит —
Корит ли этим он людей отдельных?
И гордость не вздымается ль, как море,
Пока сама, уставши, не отхлынет?
Какую же из женщин я назвал,
Сказав, что наши горожанки часто
Наряды княжеские надевают
На тело недостойное свое?
Которая из них себя узнает,
Когда ее соседка такова же?
И скажет ли последний человек,
Что, мол, не я ему купил наряды,
Подумавши, что целюсь я в него,
И тем свою мне подставляя глупость?
Ну, что? Ну как? Скажите же, прошу,
Чем я его обидел? Коль он плох,
Он сам себя обидел; коль невинен,
То мой укор летит, как дикий гусь —
Совсем ничей. — Но кто сюда идет?

Входит Орландо с обнаженным мечом.

О р л а н д о

Стойте! Довольно есть!

Ж а к

Да я не начал...

О р л а н д о

И не начнешь, пока нужда не будет
Насыщена!

Ж а к

Что это за петух?

С т а р ы й г е р ц о г

С отчаянья ль ты взял такую смелость
Иль вежливость так грубо презираешь,
Что нет в тебе приличия ни капли?

О р л а н д о

Вы сразу в цель попали! Острый шип
Отчаянной нужды меня лишил

Приличья внешнего: хоть не дикарь я
И кое-как воспитан... Но — еще раз:
Смерть первому, кто съест хотя б кусок.
Пока я не возьму то, что мне нужно!

Ж а к

Пусть я умру, если мы не уладим дело разумно.

С т а р ы й г е р ц о г

Что нужно вам? Скорее ваша кротость
Принудит нас, чем ваше принужденье
В нас кротость вызовет.

О р л а н д о

Я умираю

От недостатка пищи: есть мне дайте!

С т а р ы й г е р ц о г

Садитесь, кушайте, прошу за стол.

О р л а н д о

Какие добрые слова! Простите:
Я думал — все здесь диким быть должно,
И потому взял резкий тон приказа.
Но кто б вы ни были, что здесь сидите
В тени задумчивых деревьев этих,
В местах пустынных, диких, расточая
Небрежно так часов ползущий ход,—
О, если вы дни лучшие знавали,
Когда-нибудь слышали звон церковный,
Когда-нибудь делили пищу с другом,
Когда-нибудь слезу смахнули с глаз,
Встречали жалость и жалели сами,—
Пусть ваша кротость будет мне поддержкой;
В надежде той, краснея, прячу меч.

С т а р ы й г е р ц о г

Да, правда, мы дни лучшие знавали:
Мы слышали когда-то звон церковный,
Делили трапезу друзей и с глаз
Стирали слезы жалости священной;
А потому садитесь к нам как друг
И что угодно, все себе берите,
Что только может вам помочь в нужде.

Орландо

Тогда помедлить вас прошу немного;
Пойду, как лань за сосунком своим.
Со мной старик несчастный; из любви
Ко мне он путь мучительный проделал;
Пока не подкрепится он, ослабший
От двух недугов — голода и лет,
Не трону я куска.

Старый герцог

За ним пойдите,
А мы без вас не прикоснемся к пище.

Орландо

Благодарю. Спаси вас бог за помощь!

(Уходит.)

Старый герцог

Вот видишь ты, не мы одни несчастны,
И на огромном мировом театре
Есть много грустных пьес, грустней, чем та,
Что здесь играем мы!

Жак

Весь мир — театр.

В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва младенец,
Ревущий горько на руках у мамки...
Потом плаксивый школьник с книжной сумкой,
С лицом румяным, нехотя, улиткой
Ползущий в школу. А затем любовник,
Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
В честь брови милой. А затем солдат,
Чья речь всегда проклятиями полна,
Обросший бородой, как леопард,
Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
Готовый славу бренную искать
Хоть в пушечном жерле. Затем судья
С брюшком округлым, где каплюн запрятан,
Со строгим взором, стриженной бородкой,
Шаблонных правил и сенгенций кладезь,—
Так он играет роль. Шестой же возраст —

Уж это будет тощий Панталоне,
В очках. в туфлях. у пояса — кошель,
В штанах, что с юности берег, широких
Для ног иссохших; мужественный голос
Сменяется опять дискантом детским:
Пищит, как флейта... А последний акт,
Конец всей этой странной. сложной пьесы —
Второе детство, полузабытье:
Без глаз. без чувств, без вкуса, без всего.

Снова входит Орландо с ним — Адам.

Старый герцог

Привет! Сложите ваш почтешный груз,
Пусть подкрепится он...

Орландо

Благодарю вас за него.

Адам

И кстати:

Сам я едва могу «спасибо» молвить.

Старый герцог

Привет вам! Ну, за дело! Я не стану
Покамест вам расспросами мешать.—
Эй, музыки! — А вы, кузен, нам спойте!

Амьен

(поет)

Вей, зимний ветер, вей!
Ты все-таки добрей
Предательства людского:
Твой зуб не так остер,
Тебя не видит взор,
Хоть дуешь ты сурово!

Гей-го-го!.. Пой под вечнозеленой листвою!
Дружба часто притворна, любовь — сумасбродна.
Так пой — гей-го-го! — под листвою:
Наша жизнь превосходна!

Мороз, трещи сильнее!
Укус твой не больнее
Забытых добрых дел!

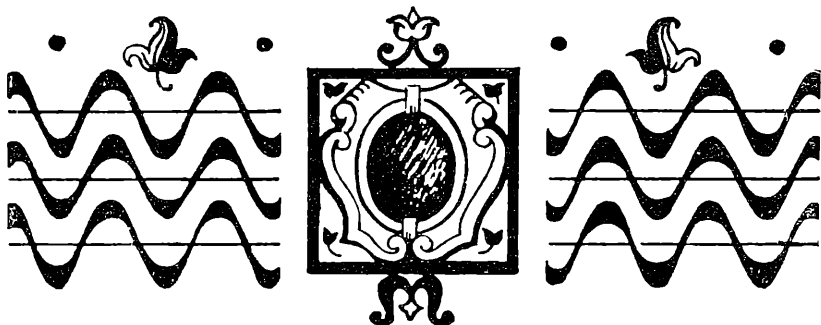
Сковала воды стужа;
Но леденит нас хуже
Друг, что забыть сумел.
Гей-го-го! (и т. д.)

Старый герцог

Когда вы в самом деле сын Роланда
Почтенного, как вы шепнули мне,—
Чему мой взгляд находит подтвержденье,
Живой портрет его увидев в вас,—
Приветствую сердечно вас. Я герцог,
Любивший вашего отца! Пойдемте
Ко мне в пещеру: там вы свой рассказ
Докончите.— А ты, почтенный старец,
Будь гостем у меня, как твой хозяин.—
Его сведите.— Дайте руку мне
И все откройте искренне вполне.

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Зал во дворце.

Входят герцог Фредерик, вельможи и Оливер.

Герцог Фредерик

С тех пор его не видел?.. Быть не может!
Не будь я создан весь из милосердия,
Не стал бы я искать для мести лучше
Предмета, раз ты здесь. Но берегись:
Найди мне брата, где бы ни был он.
Ищи хоть со свечой. Живым иль мертвым,
Но в этот год доставь его, иначе
Не возвращайся сам в мои владенья.
Все земли, все, что ты своим зовешь,
Достойное секвестра,— мы берем,
Пока твой брат с тебя не снимет лично
То, в чем тебя виним.

Оливер

О государь! Знай ты мои все чувства!..
Я никогда ведь брата не любил.

Герцог Фредерик

Тем ты подлей! — Прогнать его отсюда..
Чиновников назначить: пусть наложат
Арест на дом его и все владенья.
Все сделать быстро!.. А его — убрать!

Уходят.

СЦЕНА 2

Лес.

Входит Орландо с листком бумаги.

Орландо

Виси здесь, стих мой, в знак любви моей.
А ты, в тройном венце царица ночи,
На имя, что царит над жизнью всей,
Склони с небес свои святые очи.
О Розалинда!.. Будут вместо книг
Деревья: в них врезать я мысли буду,
Чтоб всякий взор здесь видел каждый миг
Твоих достоинств прославление всюду.
Пиши, Орландо, ты хвалы скорей
Прекрасной, чистой, несказанной — ей!

(Уходит.)

Входят Корин и Оселок.

Корин

Ну как вам нравится эта пастушеская жизнь, господин Оселок?

Оселок

По правде сказать, пастух, сама по себе она — жизнь хорошая; но, поскольку она жизнь пастушеская, она ничего не стоит. Поскольку она жизнь уединенная, она мне очень нравится; но, поскольку она очень уж уединенная, она преподлая жизнь. Видишь ли, поскольку она протекает среди полей, она мне чрезвычайно по вкусу; но, поскольку она проходит не при дворе, она невыносима. Так как жизнь эта умеренная, она вполне соответствует моему характеру, но, так как в ней нет избытка, она не в ладах с моим желудком. Знаешь ли ты толк в философии, пастух?

Корин

Знаю из нее только то, что чем кто-нибудь сильнее болен, тем он хуже себя чувствует; что если у него нет денег, средств и достатка, так ему не хватает трех добрых друзей; что дождю положено мочить, а огню — сжигать; что на хорошем пастбище овцы скоро жиреют и что главная причина наступления ночи — то, что нет больше солнца; что у кого нет ума ни от природы, ни от науки, тот может пожаловаться, что его плохо воспитали или что он родился от глухих родителей.

О с е л о к

Да ты природный философ! Бывал ты когда-нибудь при дворе, пастух?

К о р и н

По правде сказать, нет.

О с е л о к

Ну, тогда быть тебе в аду!

К о р и н

Ну нет, надеюсь.

О с е л о к

Обязательно будешь в аду! Поджарят тебя, как плохо спеченное яйцо,— только с одной стороны.

К о р и н

Это за то, что я при дворе не бывал? Почему же это, объясните?

О с е л о к

Потому, что, если ты никогда не бывал при дворе, значит, ты никогда не видал хороших манер; если ты никогда не видал хороших манер, значит, у тебя дурные манеры; а что дурно, то грех, а за грехи попадают в ад. Ты в опасном положении, пастух.

К о р и н

Ничуть не бывало, Оселок! Хорошие манеры придворных так же смешны в деревне, как деревенские манеры нелепы при дворе. Вот, например, вы мне говорили, что при дворе не кланяются, а целуют руки: ведь это была бы нечистоплотная любезность, если бы придворные были пастухами.

О с е л о к

Доказательство, скорее доказательство!

К о р и н

Да как же! Мы постоянно овец руками трогаем, а у них шкуры, сами знаете, жирные.

О с е л о к

Можно подумать, что у придворных руки не потеют! А разве овечий жир хуже человеческого пота? Нет, слабо, слабо! Лучшее доказательство, скорей!

К о р и н

А кроме того, руки у нас жесткие.

О с е л о к

Тем скорее губы их почувствуют. Опять слабо. Подавай лучшее доказательство, ну-ка!..

К о р и н

И часто они у нас в дегте выпачканы, которым мы овец лечим. Что ж, вы хотите, чтобы мы деготь целовали? У придворных руки-то мускусом надушены.

О с е л о к

Ах, глупый ты человек! Настоящая ты падаля по сравнению с хорошим куском мяса! Поучайся у людей мудрых и рассудительных: мускус более низкого происхождения, чем деготь: это нечистое выделение кошки! Исправь свое доказательство, пастух.

К о р и н

У вас для меня слишком придворный ум: дайте дух перевести.

О с е л о к

Так ты хочешь попасть в ад? Глупый ты человек! Исцели тебя бог... Очень уж ты прост!

К о р и н

Сударь, я честный работник: зарабатываю себе на пропитание, раздобываю себе одежду, ни на кого злобы не питаю, ничьему счастью не завидую, радуюсь чужой радости, терплю свои горести, и одна моя гордость — это смотреть, как мои овцы пасутся, а ягнята их сосут.

О с е л о к

И тут в простоте своей ты грешишь: ты случаем овец с баранами и зарабатываешь свой хлеб размножением скота, ты служишь сводником барану-вожаку и, вопреки всем брачным правилам, предаешь годовалую ярочку кривоногому, старому рогачу барану. Если ты за это в ад не попадешь — так, значит, сам дьявол не хочет иметь пастухов, а иначе уж не знаю, как бы ты спасся.

К о р и н

Вот идет молодой господин Ганимед, брат моей новой хозяйки.

Входит Розалинда с листком в руках.

Розалинда

(читает)

«Нет средь Индии красот
Перла краше Розалинды.
Ветра вольного полет
В мире славит Розалинду.
Все картины превзойдет
Светлым ликом Розалинда.
Все красавицы не в счет
Пред красую Розалинды».

Оселок

Я вам могу так рифмовать восемь лет подряд, за исключением часов обеда, ужина и сна: настоящая рысца, какой молочницы едут на рынок.

Розалинда

Убирайся прочь, шут!

Оселок

Для примера:

«Если лань олень зовет,
Пусть поищет Розалинду.
Как стремится к кошкам кот,
Точно так и Розалинда.
Плащ зимой подкладки ждет,
Так и стройность Розалинды.
Тот, кто сеет, тот и жнет
И — в повозку с Розалиндой.
С кислой коркой сладкий плод,
Плод такой же Розалинда.
Кто рвет розу, тот найдет
Шип любви и Розалинду».

Вот настоящая иноходь стихов. И зачем вы ими отравляетесь?

Розалинда

Молчи, глупый шут. Я нашла их на дереве.

Оселок

Поистине дурные плоды приносит это дерево.

Розалинда

Я привью к нему тебя, а потом кизил: тогда это дерево при-

песет самые ранние плоды в стране, потому что ты сгниешь прежде, чем наполовину созреешь,— ведь это и есть главные свойства кизила.

О селок

Вы свое сказали, а умно или нет — пусть судит лес.

Розалинда

Тсс... Отойди! Сюда идет сестра, читает что-то.

Входит Селия с листком в руках.

Селия

(читает)

«Почему же здесь — пустыня?
Что людей не видит взгляд?..
Нет, везде развешу ныне
Языки, и пусть гласят:
То, как быстро жизнь людская
Грешный путь свершает свой;
То, что краткий миг, мелькая,
Заключает век земной;
То, что клятвы нарушенья
Очень часты меж друзей.
После ж каждого реченья
Средь красивейших ветвей
«Розалинда» начертаю,
Чтобы каждый мог узнать,
Как, все лучшее сливая,
Может небо перл создать.
Так природе повелели
Небеса — чтобы слила
Прелесть всю в едином теле,
И тогда она взяла:
Клеопатры горделивость,
Аталанты чистоту,
И Лукреции стыдливость,
И Елены красоту.
Так в Розалинде дали боги
Созданий высших образец,
Вручив ей лучшее из многих
Прекрасных лиц, очей, сердец.
Ей небо это все сулило,
Мне ж — быть рабом ей до могилы».

Розалинда

О милосердный Юпитер! Какой скучной проповедью о любви вы утомили ваших прихожан и ни разу даже не сказали: «Потерпите, добрые люди!»

Селия

Как, вы тут?.. Уходите-ка, приятели! Ступай, пастух; и ты с ним, любезный.

Оселок

Пойдем, пастух; свершим почетное отступление — если не с обозом и поклажей, то с сумой и клучком.

Корин и Оселок уходят.

Селия

Ты слышала эти стихи?..

Розалинда

О да, слышала все и даже больше, чем следует, — потому что у некоторых стихов больше стоп, чем стих может выдержать.

Селия

Это не важно — стопы могут поддержать стихи.

Розалинда

Да, но эти стопы хромали и без стихов не стояли на ногах, а потому и стихи захромали.

Селия

Неужели тебя не изумляет, что твое имя вывешено и вырезано на всех деревьях здесь?..

Розалинда

Я уже успела наизумляться, пока ты не пришла, потому что — посмотри, что я нашла на пальмовом дереве. Такими рифмами меня не заклинали со времен Пифагора, с тех пор как я была ирландской крысой, о чем я, впрочем, плохо помню.

Селия

Ты догадываешься, кто это написал?

Розалинда

Мужчина?..

Селия

Да, и у него на шее цепочка, которую ты когда-то носила. Ты краснеешь?

Розалинда

Скажи, пожалуйста, кто это?

Селия

О господи, господи!.. Другим трудно встретиться; но бывает так, что во время землетрясения гора с горой сталкиваются.

Розалинда

Да кто же он?..

Селия

Возможно ли?..

Розалинда

Нет, прошу тебя с самой настоятельной неотступностью — скажи мне, кто это!

Селия

О, удивительно, удивительно, удивительнейшим образом удивительно! Как это удивительно! Нет сил выразить, до чего удивительно!

Розалинда

Не выдай меня, цвет лица! Не думаешь ли ты, что раз я наряжена мужчиной, так и характер мой надел камзол и штаны?.. Каждая минута промедления для меня — целый Южный океан открытый. Умоляю тебя, скорей скажи мне, кто это! Да говори живее. Я бы хотела, чтобы ты была зайкой; тогда это имя выскочило бы из твоих уст, как вино из фляги с узеньким горлышком: или все зараз, или ни капли. Умоляю тебя, раскупори свой рот, чтобы я могла упиться твоими новостями!

Селия

Тогда тебе придется проглотить мужчину.

Розалинда

Создан ли он по образу и подобию божью? Какого рода мужчина? Стоит ли его голова шляпы, а подбородок бороды?

Селия

Ну, бороды-то у него не много.

Розалинда

Что ж, бог пошлет ему побольше, если он будет благодарным. Пусть уж его борода не торопится расти — лишь бы ты поторопилась с описанием его подбородка.

Селия

Это молодой Орlando, тот самый, что разом положил на обе лопатки и борца и твое сердце.

Розалинда

К черту шутки! Говори серьезно и как честная девушка.

Селия

Да право же, сестричка, это он.

Розалинда

Орlando?..

Селия

Орlando.

Розалинда

Вот несчастье! Как же мне быть с моим камзолом и штанами? Что он делал, когда ты его увидела? Что он сказал? Как он выглядел? Куда он ушел? Зачем он тут? Спрашивал ли тебя обо мне? Где он живет? Как он с тобой простился? Когда ты его опять увидишь? Отвечай мне одним словом.

Селия

Тогда одолжи мне рот Гаргантюа: это слово в наши времена будет слишком велико для любого рта. Ответить «да» и «нет» на все твои вопросы займет больше времени, чем ответ на все вопросы катехизиса.

Розалинда

Но знает ли он, что я здесь, в лесу, и в мужском наряде? Он так же хорошо выглядит, как в тот день, когда боролся?

Селия

Отвечать на вопросы влюбленных так же легко, как считать мошек; но послушай мой рассказ о том, как я его нашла, и вникни как следует. Я нашла его лежащим под деревом, как упавший желудь.

Розалинда

Это дерево можно назвать деревом Юпитера, раз оно дает такие плоды!

Селия

Будьте любезны, выслушайте меня, сударыня.

Розалинда

Продолжай.

Селия

Он лежал растянувшись, как раненый рыцарь.

Розалинда

Как ни печально такое зрелище, оно должно быть очень красиво.

Селия

Попридержи свой язычок, он не вовремя делает скачки. Одет охотником.

Розалинда

О зловещее предзнаменование! Он явился, чтобы убить мое сердце.

Селия

Я бы хотела допеть мою песню без припева: ты меня сбиваешь с тона.

Розалинда

Разве ты не знаешь, что я женщина? Раз мне пришла мысль — я ее должна высказать! Дальше, дорогая!

Селия

Ты сбиваешь меня. Постой, не он ли сюда идет?

Розалинда

Да, он. Мы спрячемся и будем слушать.

Входят Орlando и Жак.

Жак

Спасибо за компанию; но, право,
Я предпочел бы здесь один остаться.

О р л а н д о

Я точно так же; но, приличья ради,
За общество я вас благодарю.

Ж а к

Прощайте! Будемте встречаться реже.

О р л а н д о

Останемся друг другу чужими.

Ж а к

Прошу вас, не поргите больше деревьев, вырезая любовные
стихи на их коре.

О р л а н д о

Прошу вас, не портите больше моих стихов, читая их так плохо.

Ж а к

Вашу любовь зовут Розалиндой?

О р л а н д о

Да, именно так.

Ж а к

Мне не нравится это имя.

О р л а н д о

Когда ее крестили, не думали о том, чтобы вам угодить.

Ж а к

Какого она роста?

О р л а н д о

Как раз на уровне моего сердца.

Ж а к

Вы битком набиты ответами! Не водили ли вы знакомства
с женами ювелиров, не заучивали ли вы наизусть надписей на их
перстнях?

О р л а н д о

Нет, но отвечаю вам, как на обоях, с которых вы заимствовали
ваши вопросы.

Ж а к

У вас быстрый ум. Я думаю, он был сделан из пяток Атланты. Не хотите ли присесть рядом со мной? Давайте вместе бранить пашу владычицу-вселенную и все наши бедствия.

О р л а н д о

Я не стану бранить ни одно живое существо в мире, кроме себя самого, за которым знаю больше всего недостатков.

Ж а к

Самый главный ваш недостаток — то, что вы влюблены.

О р л а н д о

Этого недостатка я не променяю на вашу лучшую добродетель. Вы надоели мне.

Ж а к

Уверяю вас, что я искал шута, когда встретил вас.

О р л а н д о

Шут утонул в ручье: посмотрите в воду — и вы увидите его.

Ж а к

Я увижу там свою собственную особу.

О р л а н д о

Которую я считаю или шутом, или нулем.

Ж а к

Я не хочу дольше оставаться с вами; прощайте, милейший синьор влюбленный!

О р л а н д о

Очень рад, что вы удаляетесь; прощайте, милейший мсье меланхолик!

Ж а к уходит.

Р о з а л и н д а
(тихо, Селии)

Я заговорю с ним, притворившись дерзким лакеем, и подурачу его. — Эй, охотник, слышите вы?

О р л а н д о

Отлично слышу. Что вам надо?

Розалинда

Скажите, пожалуйста, который час?

Орландо

Вам следовало спросить меня — какое время дня: в лесу часов нет.

Розалинда

Значит, в лесу нет ни одного настоящего влюбленного: иначе ежеминутные вздохи и ежечасные стоны отмечали бы ленивый ход времени не хуже часов.

Орландо

А почему не быстрый ход времени? Разве не все равно, как сказать?

Розалинда

Никоим образом, сударь: время идет различным шагом с различными людьми. Я могу сказать вам, с кем оно идет иноходью, с кем — рысью, с кем — галопом, а с кем — стоит на месте.

Орландо

Ну скажи, пожалуйста, с кем время идет рысью?

Розалинда

Извольте: оно трусит мелкой рысцой с молодой девушкой между обручением и днем свадьбы; если даже промежуток этот только в семь дней, время тянется для нее так медленно, что он кажется ей семью годами.

Орландо

С кем время идет иноходью?

Розалинда

С попом, который не знает по-латыни, и с богачом, у которого нет подагры: один спит спокойно, потому что не может заниматься наукой, а другой живет спокойно, потому что не испытывает страданий; одного не гнетет бремя сухого, изнуряющего ученья, другой не знает бремени тяжелой, печальной нищеты. С ними время идет иноходью.

Орландо

А с кем оно несется галопом?

Розалинда

С вором, которого ведут на виселицу: как бы медленно он ни передвигал ноги, ему все кажется, что он слишком скоро придет на место.

Орландо

А с кем же время стоит?

Розалинда

Со стряпчими во время судейских каникул, потому что они спят от закрытия судов до их открытия и не замечают, как время движется!

Орландо

Где вы живете, милый юноша?

Розалинда

Живу с этой пастушкой, моей сестрой, здесь, на опушке леса — как бахрома на краю юбки.

Орландо

Вы родом из этих мест?

Розалинда

Как кролик, который живет там, где родился.

Орландо

Ваше произношение лучше, чем можно было надеяться услышать в такой глуши.

Розалинда

Это мне многие говорили, но, правда, меня учил говорить мой старый благочестивый дядюшка; он в молодости жил в городе и хорошо знал светское обхождение, потому что был там влюблен. Немало поучений слышал я от него против любви и благодарю бога, что я не женщина и что во мне нет всех тех сумасбродных свойств, в которых он обвинял весь женский пол.

Орландо

А вы не можете припомнить главных пороков, которые он ставил в вину женщинам?

Розалинда

Главных не было: все были похожи один на другой, как грошовые монетки, и каждый порок казался чудовищным, пока не появлялся новый.

Орландо

Прошу вас, укажите на какие-нибудь из них.

Розалинда

Нет, я буду тратить мое лекарство только на того, кто болен. Здесь в лесу есть человек, который портит все наши молодые деревья, вырезая на их коре имя «Розалинда», и развешивает оды на боярышнике и элегии на терновнике; во всех них обоготворяется имя Розалинды. Если бы я встретил этого вздыхателя, я дал бы ему несколько добрых советов, потому что, мне кажется, он болен любовной лихорадкой.

Орландо

Я тот самый, кого трясет эта лихорадка: пожалуйста, дай мне свое лекарство!

Розалинда

Но в вас нет ни одного из признаков, о которых говорил мой дядя,— он научил меня, как распознавать влюбленных. В эту клетку, я уверен, вы еще не попались.

Орландо

Какие это признаки?

Розалинда

Исхудалые щеки, чего у вас нет; ввалившиеся глаза, чего у вас нет; нестриженная борода, чего у вас нет (впрочем, это я вам прощаю, потому что вообще бороды у вас столько, сколько доходов у младшего брата). Затем чулки ваши должны быть без подвязок, шляпа без ленты, рукава без пуговиц, башмаки без шнурков, и вообще все в вас должно выказывать неряшливость отчаяния. Но вы не таковы: вы скорей одеты щегольски и похожи на человека, влюбленного в себя, а не в другого.

Орландо

Милый юноша, я хотел бы заставить тебя поверить, что я влюблен.

Розалинда

Меня — поверить, что вы влюблены? Вам так же легко было бы заставить поверить этому ту, кого вы любите; а она, ручаюсь вам, скорее способна поверить вам, чем сознаться в этом. Это один из тех пунктов, в которых женщины лгут своей собственной совести. Но, шутки в сторону, неужели это вы развешиваете на деревьях стихи, в которых так восхищаетесь Розалиндой?

Орландо

Клянусь тебе, юноша, белой рукой Розалинды: я тот самый, тот самый несчастный!

Розалинда

Но неужели же вы так страстно влюблены, как говорят ваши стихи?

Орландо

Ни стихи, ни ум человеческий не в силах выразить, как страстно я влюблен.

Розалинда

Любовь — чистое безумие и, право, заслуживает чулана и плетей не меньше, чем буйный сумасшедший, а причина, по которой влюбленных не наказывают и не лечат, заключается в том, что безумие это так распространено, что надсмотрщики сами все влюблены. Однако я умею вылечивать любовь советами.

Орландо

А вы уже кого-нибудь вылечили таким образом?

Розалинда

Да, одного человека, и вот как. Он должен был вообразить, что я его любовь, его возлюбленная; я заставил его приходиться ко мне каждый день и ухаживать за мной, а сам, словно изменчивая Луна, был то грустным, то жеманным, то капризным, гордым, томно влюбленным, причудливым, кривлякой, пустым, непостоянным, то плакал, то улыбался, во всем что-то выказывал и ничего не чувствовал: ведь юноши и женщины большей частью скотинка одной масти в этих делах. То я любил его, то ненавидел, то приманивал, то отталкивал, то плакал о нем, то плевал на него, и так я заставил моего поклонника от безумия любви перейти к настоящему безумию, а именно — покинуть шумный поток жизни и удалиться в совершенное монашеское уединение. Вот как я его вылечил; таким же способом я берусь выполоскать вашу печень так, что она будет чиста, как сердце здоровой овцы, и что в ней ни пятнышка любви не останется.

Орландо

Я бы не хотел вылечиться, юноша.

Розалинда

А я бы вас вылечил, если бы вы только стали звать

меня Розалиндой, каждый день приходить в мою хижину и ухаживать за мной.

О р л а н д о

Вот на это, клянусь верностью моей любви, я согласен. Скажите мне, где ваша хижина?

Р о з а л и н д а

Пойдемте со мной, я вам ее покажу; а дорогой вы мне расскажете, в какой части леса вы живете. Пойдете?

О р л а н д о

Охотно, от всего сердца, добрый юноша!

Р о з а л и н д а

Нет, вы должны звать меня Розалиндой.— Пойдем, сестра. Идешь?

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Лес.

Входят О с е л о к и О д р и, за ними — Ж а к.

О с е л о к

Иди скорей, добрая Одри! Я соберу твоих коз, Одри. Ну что ж, Одри? Я все еще тебе по сердцу? Нравятся ли тебе мои скромные черты?

О д р и

Ваши черты? Помилуй нас, господи! Какие такие черты?

О с е л о к

Я здесь, с тобой и твоими козами, похож на самого причудливого из портов — на почтенного Овидия среди готов.

Ж а к

(в сторону)

О ученость! Куда ты попала? Даже у Юпитера под соломенным кровом шалаша было лучшее пристанище.

О с е л о к

Когда твоих стихов не понимают или когда уму твоему не вторит резвое дитя — разумение, это убивает тебя сильнее, чем

большой счет, поданный маленькой компании. Право, я хотел бы, чтобы боги создали тебя поэтичной.

О д р и

Я не знаю, что это такое значит — «поэтичная»? Значит ли это — честная на словах и на деле? Правдивая ли это вещь?

О с е л о к

Поистине нет: потому что самая правдивая поэзия — самый большой вымысел, а все влюбленные — поэты, и, значит, все, все их любовные клятвы в стихах — чистейший вымысел.

О д р и

И после этого вы хотите, чтобы боги сделали меня поэтичной?

О с е л о к

Конечно, хочу, так как ты клялась мне, что ты честная девушка. А будь ты поэтом, я мог бы иметь некоторую надежду, что это вымысел.

О д р и

А вы бы не хотели, чтобы я была честной девушкой?

О с е л о к

Конечно, нет, разве если бы ты была безобразна: потому что честность, соединенная с красотой, — это все равно что медовая подливка к сахару.

Ж а к

(в сторону)

Глубокомысленный шут!

О д р и

Пу, так как я некрасива, то и прошу богов сделать меня честной.

О с е л о к

Да, но расточать честность на безобразную перяху — это все равно что класть хорошее кушанье в грязную посуду.

О д р и

Я не перяха, хоть и безобразна, благодаря богам!

О с е л о к

Ладно, слава богам за твое безобразие: перяшливость успеет

прийти потом. Но как бы то ни было, я хочу жениться на тебе и с этой целью побывал у твоего господина Оливера Путаника, священника соседней деревни, который обещал мне прийти сюда в лес и соединить нас.

Ж а к
(в сторону)

Охотно бы поглядел на эту встречу!

О д р и

Ладно, да пошлют нам боги радость!

О с е л о к

Аминь! Человек трусливого десятка задумался бы перед таким предприятием, потому что церкви здесь никакой, один лес, а свидетели — только рогатые звери. Но что из того? Смелей! Рога — вещь столь же гнусная, как и неизбежная. Недаром говорится: «Многие не знают сами всего своего богатства». Это правильно: у многих людей славные рога, а они и не знают всей их длины. Ну да ладно, это приданое ему жена приносит, а не сам он добывает. Рога!.. Да, рога... Неужели только люди бедные наделены ими? Совсем нет: у благороднейшего оленя они такие же большие, как у самого жалкого. Значит, блажен холостой человек? Нет; как город, обнесенный стенами, поважнее деревни, так и лоб женатого человека почтеннее обнаженного лба холостяка; насколько способность защищаться лучше беспомощности, настолько иметь рога ценнее, чем не иметь их.

Входит Оливер Путаник.

Вот и господин Оливер. Добро пожаловать, господин Оливер Путаник! Как, вы нас здесь, под деревьями, повенчаете, или нам пойти с вами в вашу часовню?

П у т а н и к

А здесь нет никого, чтобы вручить вам вашу невесту?

О с е л о к

Я не желаю принимать ее в подарок ни от какого мужчины.

П у т а н и к

Но ее должны вручить вам, или брак не будет законным.

Ж а к

Совершайте обряд! Я вручу невесту.

О с е л о к

Добрый вечер, любезный господин. Как вас зовут? Как вы поживаете, сударь? Вы очень кстати! Награди вас бог за последнюю нашу беседу. Я очень рад вас видеть. Но прошу, накройте.

Ж а к

Ты хочешь жениться, пестрый шут?

О с е л о к

Как у быка есть свое ярмо, у лошади — свой мундштук, у сокола — свой бубенчик, так у человека есть свои желания, и как голуби милуются, так супруги целуются.

Ж а к

И вы, человек с таким воспитанием, собираетесь венчаться вокруг куста, как нищий? Ступайте в церковь, пусть хороший священник объяснит вам, что такое таинство брака. А этот малый склепает вас, как две доски к стенке, одна половинка рассохнет и — как негодное дерево — крак, крак!

О с е л о к

(в сторону)

А по-моему, не лучше ли, чтобы именно этот меня повенчал, чем другой? Потому что он вряд ли повенчает по правилам, а если я не буду повенчан по правилам, то у меня будет хороший повод бросить потом мою жену.

Ж а к

Идем со мной; и послушайся моего совета.

О с е л о к

Пойдем, душенька Одри: как все люди,
Мы должны или повенчаться, или жить в блуде.—

Прощайте, добрейший господин Оливер: тут уже не —

«О милый Оливер,
О храбрый Оливер,
Тебя не покидать бы!..»

а напротив:

«Ступай назад!
Прочь, говорят!
У нас не будет свадьбы!»

Жак, Оселок и Одри уходят.

П у т а н и к

Все равно: ни один из этих сумасбродных плутов не поколеблет моего призвания! (*Уходит.*)

С Ц Е Н А 4

Лес.

Входят Розалинда и Селия.

Р о з а л и н д а

Не разговаривай со мной: я хочу плакать.

С е л и я

Плачь, сделай милость; но изволь заметить, что слезы неприличны мужчине.

Р о з а л и н д а

Разве у меня нет причины для слез?

С е л и я

Лучшая причина, какой можно желать; поэтому — плачь.

Р о з а л и н д а

У него даже волосы непостоянного цвета.

С е л и я

Пемного темнее, чем у Иуды. А уж его поцелуй — родные дети Иудиных поцелуев!

Р о з а л и н д а

По правде сказать, волосы у него очень красивого цвета.

С е л и я

Превосходного цвета: нет лучше цвета, чем каштановый.

Р о з а л и н д а

А поцелуй его невинны, как прикосновение святых даров.

С е л и я

Он купил пару выброшенных губ у Дианы; монахини зимнего братства не целуют невиннее, чем он: в его поцелуях — лед целомудрия.

Розалинда

Но почему же он поклялся прийти сегодня утром — и не идет?..

Селия

Право, в нем нет ни капли честности!

Розалинда

Ты так думаешь?

Селия

Да. Я не думаю, чтобы он был карманный вор или конокрад, но, что до честности в любви, — мне кажется, он пуст, как опрокинутый кубок или как выведенный червями орех.

Розалинда

Неверен в любви?

Селия

Да, если бы была любовь; но я думаю, что тут любви нет.

Розалинда

Ты слышала, как он клялся, что был влюблен.

Селия

«Был влюблен» — не значит, что и теперь влюблен. Кроме того, клятвы влюбленного не надежнее слова трактирщика: и тот и другой ручаются в верности фальшивых счетов. Он здесь в лесу состоит в свите герцога, отца твоего.

Розалинда

Я встретила герцога вчера! Он очень долго расспрашивал меня; между прочим, спросил, какого я рода. Я ответила, что родом не хуже его. Он засмеялся и отпустил меня. Но что мы говорим об отцах, когда существует такой человек, как Орландо?

Селия

О да! Это прекрасный человек! Он пишет прекрасные стихи, произносит прекрасные клятвы и прекрасно их разбивает — прямо о сердце своей возлюбленной, как неопытный боец на турнире, который, прищипывая коня с одной стороны, ломает копье, как настоящий гусь. Но все прекрасно, на чем ездит молодость и чем правит безумие! — Кто это идет сюда?

Входит Корин.

К о р и н

Хозяюшка, хозяин! Вы справлялись
Не раз о том влюбленном пастухе,
Что как-то тут сидел со мной на травке
И восхвалял надменную пастушку —
Предмет своей любви.

С е л и я

Да; что же с ним?

К о р и н

Хотите видеть, как отлично сцену
Играет бледность искренней любви
С румянцем гордым гнева и презренья?
Идите-ка со мной: я вас сведу,
Коль вам угодно.

Р о з а л и н д а

О, без промедленья!
Влюбленных вид — влюбленным подкрепенье.
Веди туда, и, слово вам даю,
В их пьесе роль сыграю я свою.

Уходят.

С Ц Е П А 5

Другая часть леса.

Входят Сильвий и Феба.

С и л ь в и й

О Феба! Сжался надо мною, Феба!
Скажи мне, что не любишь, — но не так
Враждебно! Ведь любой палач, в ком сердце,
Привыкнув к виду крови, очерствело,
Топор над бедной жертвой не опустит,
Не попросив прощенья. Иль ты будешь
Суровой тех, кто кормится убийством
И умирает — проливая кровь?

Входят Розалинда, Селия и Корин.

Ф е б а

Я не хочу быть палачом твоим.
Бегу тебя, чтобы тебя не мучить.

Ты говоришь, в моих глазах убийство?
Как это мило, как правдоподобно —
Глаза, что нежны, хрупки, что пугливо
От мелкой мошки двери закрывают,
Убийцами, тиранами их звать!
Вот на тебя я гневный взгляд бросаю:
Коль в силах ранить — пусть тебя убьет.
Что ж, притворись, что обмер. Ну же, падай! —
Не можешь? — Так стыдись, стыдись! Не лги,
Глазам моим убийц давая имя!
Где рана, что мой взгляд тебе нанес?
Булавкой ты уколешься — и будет
Царапина видна: осоку схватишь —
Ладонь хоть ненадолго сохранит
Порез и оттиск: но мои глаза,
Бросая взгляд, не ранили тебя;
И вообще в глазах людей нет власти
Боль причинять.

С и л ь в и й

О дорогая Феба!

Настанет день, он близок, может быть, —
Ты встретишь в ком-нибудь всю мощь любви:
Тогда узнаешь боль незримых ран
От острых стрел любви.

Ф е б а

Но до тех пор —
Прочь от меня. Когда ж тот день настанет,
То смейся надо мной, а не жалей,
Как до тех пор тебя не пожалею.

Р о з а л и н д а

А почему — спрошу! Кто вас родил,
Что вы так мучите и так браните
Несчастливого? Хоть нет в вас красоты
(По-моему, у вас ее настолько,
Чтоб с вами без свечи в кровать ложиться),
Вы все-таки горды и беспощадны?
В чем дело? Что вы на меня глядите?
Вы для меня одно из тех изделий,
Что пачками природа выпускает.
Уж не хотите ль вы меня пленить?
Нет, гордая девица, не надейтесь:
Ни черный шелк волос, ни эти брови

Чернильные, ни темных глаз агаты,
Ни щек молочных цвет — меня не тронут. —
Глупец пастух! К чему бежишь за нею,
Как южный ветер, с ливнем и туманом?
Ты как мужчина в тысячу раз лучше,
Чем эта девушка. Такие дурни,
Как ты, женясь, плодят одних уродов.
Не зеркало ее, а ты ей льстишь:
В тебе она себя красивей видит,
Чем в отражение собственном своем. —
А вы себя узнайте! На колени!
Постясь, хвалите небо за его
Любовь! Как друг, вам на ухо шепну,
Что ваш товар не все на рынке купят.
Раскайтесь, выходите за него!
Ведь трижды некрасив, кто нагл притом. —
Бери ж ее себе, пастух! Прощайте!

Ф е б а

Красавец мой, хоть целый год бранись!
Мне брань твоя милей его признаний.

Р о з а л и н д а

Он влюбился в ее уродство, а она готова влюбиться в мой гнев! Если это так, то каждый раз, когда она будет отвечать тебе гневными взорами, я ее буду угощать горькими истинами. — Что вы так на меня смотрите?

Ф е б а

О, не от злого чувства.

Р о з а л и н д а

Я вас прошу — в меня вы не влюбляйтесь;
Я лживей клятвы, данной в пьяный час,
И не люблю вас! Вы хотите знать,
Где я живу? В тени олив — тут близко. —
Идем, сестра! — Пастух, будь с нею тверд! —
Сестра, идешь? — Будь с ним добрей, пастушка,
И не гордись! Пусть целый мир глядит, —
Все ж никого не обольстит твой вид. —
Идем к стадам!

Розалинда, Селия и Корин уходят.

Ф е б а

Теперь, пастух умерший,
Мне смысл глубокий слов твоих открылся:
«Тот не любил, кто сразу не влюбился».

С и л ь в и й

О Феба милая!..

Ф е б а

А? Что ты, Сильвий?

С и л ь в и й

О Феба, сжался!..

Ф е б а

Да, я тебя жалею, милый Сильвий.

С и л ь в и й

Где жалость есть, там близко утешенье.
Коль ты жалеешь скорбь моей любви —
Дай мне любовь: тогда и скорбь и жалость
Исчезнут обе вмиг.

Ф е б а

Тебя люблю как друга. Ты доволен?

С и л ь в и й

О, будь моей!

Ф е б а

Уж это будет жадность!
Была пора — ты был мне ненавистен...
Хоть и теперь я не люблю тебя,
Но о любви прекрасно говоришь ты,—
И общество твоё, твои услуги,
Несносные мне раньше, я готова
Терпеть. Но ты не жди другой награды,
Чем радость, что ты можешь мне служить.

С и л ь в и й

Так велика, чиста моя любовь
И так я беден милостью твоею,

Что я готов считать богатой долей —
Колосья подбирать за тем, кто жатву
Возьмет себе. Роняй мне иногда
Свою улыбку: ею буду жить.

Ф е б а

Скажи, ты с этим юношей знаком?

С и л ь в и й

Не то чтобы... но часто с ним встречаюсь;
Ведь он купил ту хижину и земли,
Которыми владел здесь старый скряга.

Ф е б а

Не думай, что любовь — расспросы эти.
Он злой мальчишка, но красноречив!
Но что в словах мне?.. Впрочем, и слова
Приятны, если мил, кто говорит их.
Красивый мальчик он!.. Хоть и не очень.
Но, видно, очень горд... Ему, однако,
Пристала эта гордость. Он с годами
Красавцем станет. В нем всего пригожей —
Его лицо. Едва словами боль
Он причинит, как взглядом вмиг излечит.
Он ростом выше многих однолеток,
Но до мужчины все же не дорос.
Нога хоть так себе, но все ж красива.
А как прелестна губ его окраска!
Она немного лишь живей и ярче,
Чем щек румянец,— таково различье
Меж розовым и ярко-алым цветом.
Немало женщин, Сильвий, если б так же,
Как я, его подробно рассмотрели,
Влюбились бы в него. Что до меня,
Я ни люблю его, ни ненавижу;
Хоть надо бы скорее ненавидеть,
А не любить! Как он меня бранил!
Сказал — черны мои глаза и косы...
И, вспоминая, оскорблял меня.
Дивлюсь, как терпеливо я смолчала.
Но что отложено, то не пропало:
Ему письмом насмешливым отвечу,—
А ты его сплесешь; не правда ль, Сильвий?

Сильвий

Охотно, Феба.

Феба

Напишу сейчас же.

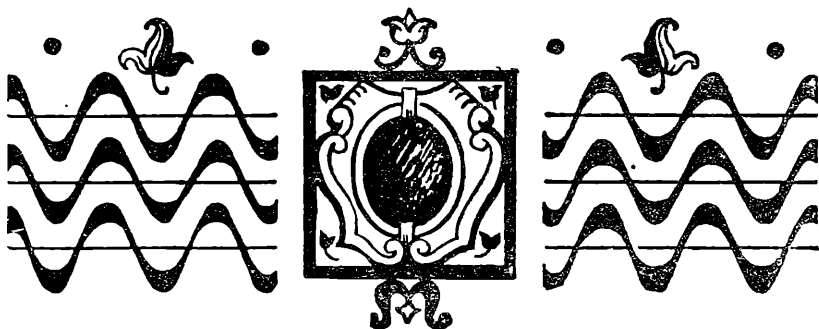
Письмо готово и в уме и в сердце.

Я напишу и коротко и зло.

За мною, Сильвий!

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Лес.

Входят Розалинда, Селия и Жак.

Жак

Пожалуйста, милый юноша, позвольте мне поближе познакомиться с вами.

Розалинда

Говорят, что вы большой меланхолик.

Жак

Это правда. Я люблю меланхолию больше, чем смех.

Розалинда

Люди, которые доходят до крайности в том или в другом, отвратительны и достойны общего осуждения хуже, чем пьяницы.

Жак

Но ведь хорошо быть серьезным и не говорить ни слова.

Розалинда

Но ведь хорошо в таком случае быть сголбом.

Жак

Моя меланхолия — вовсе не меланхолия ученого, у которого

это настроение не что иное, как соревнование; и не меланхолия музыканта, у которого она — вдохновение; и не придворного, у которого она — надменность; и не воина, у которого она — честолюбие; и не законоведа, у которого она — политическая хитрость; и не дамы, у которой она — жеманность; и не любовника, у которого она — все это вместе взятое; но у меня моя собственная меланхолия, составленная из многих элементов, извлекаемая из многих предметов, а в сущности — результат размышлений, вынесенных из моих странствий, погружаясь в которые я испытываю самую гумористическую грусть.

Розалинда

Так вы путешественник? По чести, вам есть отчего быть грустным. Боюсь, не продали ли вы свои земли, чтобы повидать чужие: а много видеть и ничего не иметь — это все равно что обладать богатыми глазами и нищими руками.

Жак

Да, я дорого заплатил за мой опыт.

Розалинда

И ваш опыт делает вас грустным? Я бы лучше хотел иметь шута, который веселил бы меня, чем опыт, который наводил бы на меня грусть. И ради этого еще странствовать!

Входит Орlando.

Орlando

Привет мой, дорогая Розалинда!

Жак

Ну, раз уж вы разговариваете белым стихом, — прощайте!
(Уходит.)

Розалинда

(вслед ему)

Прощайте, господин путешественник. Смотрите, вы должны шепелявить, носить чужеземное платье, презирать все хорошее, что есть в вашем отечестве, ненавидеть место своего рождения и чуть что не роптать на бога за то, что он создал вас таким, каков вы есть: иначе я никак не поверю, что вы катались в гондолах. — Ну, Орlando, где же вы пропадали все это время?.. Хорош влюбленный! Если вы еще раз устроите мне такую штуку, не попадитесь мне больше на глаза!

Орландо

Моя прекрасная Розалинда, я опоздал не больше, чем на час против обещания.

Розалинда

Опоздать на час — в любви? Если кто-нибудь разделит минуту на тысячу частей и опоздает в любовных делах на одну частицу этой тысячной части,— можно сказать, что Купидон хлопнул его по плечу, но я поручусь, что сердце его не затронуто.

Орландо

Простите меня, дорогая Розалинда.

Розалинда

Нет, если вы так медлительны, не показывайтесь мне больше на глаза: пусть лучше за мной ухаживает улитка.

Орландо

Улитка?..

Розалинда

Да, улитка; она хоть и движется медленно, зато несет свой дом на голове; лучшее приданое, я думаю, чем вы можете предложить женщине. Кроме того, она несет с собою свою судьбу.

Орландо

Какую именно?

Розалинда

Да как же! Рога, которыми вам подобные якобы обязаны своим женам. А улитка муж сразу является уже вооруженным своей судьбой и предотвращает клевету по отношению к своей жене.

Орландо

Добродетель рогов не наставляет, а моя Розалинда добродетельна.

Розалинда

А я ваша Розалинда.

Селия

Ему нравится так звать тебя; но у него есть другая Розалинда — получше, чем ты.

Розалинда

Ну, ухаживайте, ухаживайте за мной; я сегодня в праздничном настроении и готов на все согласиться. Что бы вы мне сказали сейчас, если бы я был самая, самая настоящая ваша Розалинда?

Орlando

Я бы поцеловал ее, раньше чем сказать что-нибудь.

Розалинда

Нет, лучше бы вам сперва что-нибудь сказать, а уж когда не хватит предметов для разговора, тогда можно и поцеловать. Самые лучшие ораторы, когда им не хватает слов, сплевывают; а когда влюбленным — сохрани нас боже от этого — не хватает темы, тогда лучший исход — поцеловать.

Орlando

А если нам откажут в поцелуе?

Розалинда

Тогда это дает вам повод умолять, и таким образом появляется новая тема.

Орlando

Но кому же может не хватить темы в присутствии возлюбленной?

Розалинда

Да хотя бы вам — будь я вашей возлюбленной, иначе я счел бы мою добродетель сильнее моего ума.

Орlando

Значит, я запутаюсь в своем сватовстве?

Розалинда

В фатовстве своем вы не запутаетесь, а в сватовстве — уж паверно.

Орlando

Ну так как же мои надежды?

Розалинда

Одежды в порядке, а надежды нет... Но все это никуда не годится. Разве я не ваша Розалинда?

Орландо

Мне доставляет удовольствие так называть вас потому, что я таким образом говорю о ней.

Розалинда

Ну так вот: от ее имени заявляю, что я отказываю вам.

Орландо

Тогда мне остается умереть уже от собственного имени.

Розалинда

Нет, лучше умрите через поверенного! Этот жалкий мир существует около шести тысяч лет, и за все это время ни один человек еще не умирал от собственного имени, я имею в виду от любви *videlicet*¹. Троилу раздробили череп греческой палицей, а между тем он до этого делал все возможное, чтобы умереть от любви; ведь он считается одним из образцовых любовников. Лсандр прожил бы много счастливых лет, — хотя бы Геро и поступила в монастырь, — не случись жаркой летней ночи: добрый юноша отправился в Геллеспонт, только чтобы выкупаться, с ним случилась судорога, и он утонул, а глупые летописцы его времени все свалили на Геро из Сестоса. Но это басни: люди время от времени умирали, и черви их поедали, но случалось все это не от любви.

Орландо

Я не хотел бы, чтобы моя настоящая Розалинда так думала, потому что — клянусь — один ее гневный взгляд убил бы меня.

Розалинда

Клянусь вот этой рукой — он и мухи не убил бы! Но довольно; теперь я буду вашей Розалиндой в более благосклонном настроении: просите у меня чего хотите — я не откажу вам.

Орландо

Так полюби меня, Розалинда.

Розалинда

Да, клянусь, буду любить по пятницам, по субботам и во все остальные дни.

Орландо

И ты согласна взять меня в мужья?

¹ То есть, а именно. (*Лат.*)

Розалинда

Да, и еще двадцать таких, как вы.

Орландо

Что ты говоришь?..

Розалинда

Разве вы не хороши?

Орландо

Надеюсь, что хорош.

Розалинда

А разве может быть слишком много хорошего? — Поди сюда, сестра, ты будешь священником и обвенчаешь нас. — Дайте мне руку, Орландо! — Что ты на это скажешь, сестрица?

Орландо

Пожалуйста, повенчайте нас!

Селия

Я не знаю, какие слова говорить.

Розалинда

Ты должна начать: «Берете ли вы, Орландо...»

Селия

Я знаю! «Берете ли вы, Орландо, в жены эту девушку, Розалинду?»

Орландо

Беру!

Розалинда

Да, но когда?..

Орландо

Хоть сейчас: как только она нас повенчает.

Розалинда

Тогда вы должны сказать: «Беру тебя в жены, Розалинда».

Орландо

Беру тебя в жены, Розалинда.

Розалинда

Я могла бы потребовать свидетельство на право венчаться. Но я и так беру тебя в мужья, Орlando!.. Невеста опередила священника: ведь у женщины мысли всегда обгоняют действия.

Орlando

Это свойственно всем мыслям: они крылаты.

Розалинда

Ну, а скажите, сколько времени вы захотите владеть ею после того, как ее получите?

Орlando

Вечность и один день.

Розалинда

Скажите: «один день» без «вечности». Нет, нет, Орlando: мужчина — апрель, когда ухаживает; а женится — становится декабрем. Девушка, пока она девушка, — май; но погода меняется, когда она становится женой. Я буду ревнивее, чем берберийский голубь к своей голубке, крикливее, чем попугай под дождем, капризней, чем обезьяна, вертлявей, чем мартышка; буду плакать из-за пустяка, как Диана у фонтана, как раз тогда, когда ты будешь расположен повеселиться, и буду хохотать, как гнена, как раз тогда, когда тебе захочется спать.

Орlando

Но неужели моя Розалинда будет так поступать?

Розалинда

Клянусь жизнью, она будет поступать точь-в-точь, как я.

Орlando

О!.. Но ведь она умна.

Розалинда

Да, иначе у нее не хватило бы ума на это. Чем умнее, тем капризнее. Замкну перед женским умом дверь — он выбежит в окно; запри окно — он ускользнет в замочную скважину; заткни скважину — он улетит в дымовую трубу.

Орlando

Человек, которому досталась бы жена с таким умом, мог бы спросить: «Ум, ум, куда ты лезешь?»

Розалинда

Нет, этот вопрос вы должны приберечь до той поры, когда увидите, как ваша жена полезет на кровать вашего соседа.

Орландо

А у какого ума хватило бы ума найти этому оправдание?

Розалинда

Вот пустяки! Она скажет, что отправилась туда искать вас. Без ответа вы никогда не останетесь,— разве что она останется без языка. Такая женщина, которая не сумеет всегда свалить всю вину на мужа,— о, лучше пусть она не кормит сама своего ребенка, не то выкормит дурака!

Орландо

Я покину тебя на два часа, Розалинда.

Розалинда

Увы, любовь моя, я не могу прожить двух часов без тебя!

Орландо

Я должен прислуживать герцогу за обедом. В два часа я опять буду с тобой.

Розалинда

Ну, ступайте, ступайте своей дорогой; я знал, что это так будет. Мои друзья предостерегали меня... и сам я так думал; но ваши лстивые речи соблазнили меня. Еще один покинутый... Приди же, смерть! В два часа, говорите вы?

Орландо

Да, прелестная Розалинда.

Розалинда

Ручаюсь моей верностью, истинная правда, бог мне свидетель, клянусь всеми хорошими и неопасными клятвами: если вы хоть па одну йоту нарушите ваше обещание или на одну минуту опоздаете, я сочту вас самым жестоким клятвопреступником, самым неверным любовником и самым недостойным той, которую вы зовете своей Розалиндой, какой только найдется в великой толпе изменников. Поэтому бойтесь моего приговора и сдержите свое обещание.

Орlando

Сдержу так же свято, как если бы ты действительно был моей Розалиндой! Итак, прощай.

Розалинда

Посмотрим. Время — старый судья — разбирает все такие преступления... Пусть оно рассудит и нас. Прощай.

Орlando уходит.

Селия

Ты просто оклеветала наш пол в своей любовной болтовне. Следовало бы задрать тебе на голову камзол и панталоны и показать миру, что птица сделала со своим собственным гнездом.

Розалинда

О сестрица, сестрица, сестрица, моя милая сестричка, если бы ты знала, на сколько футов глубины я погрузилась в любовь!.. Но измерить это невозможно: у моей любви неисследованное дно, как в Португальском заливе.

Селия

Вернее, она просто бездонна: сколько чувства в нее ни вливай, все выливается обратно.

Розалинда

Нет, пусть судит о глубине любви моей сам незаконный сын Венеры, задуманный мыслью, зачатый раздражением и рожденный безумием, этот слепой и плутоватый мальчишка, который дурачит чужие глаза потому, что потерял свои собственные. Говорю тебе, Алиена, я не могу жить без Орlando. Пойду поищу тенистый уголок и буду там вздыхать до его прихода.

Селия

А я пойду поспать!

Уходят.

СЦЕНА 2

Лес.

Входят Жак, вельможи и охотники.

Жак

Кто из вас убил оленя?

Первый вельможа

Я, сударь.

Ж а к

Представим его герцогу как римского победителя; хорошо было бы украсить его голову оленьими рогами в виде триумфального венка.— Охотники, нет ли у вас какой-нибудь песни на этот случай?

О х о т н и к

Есть, сударь.

Ж а к

Так спойте ее, как бы ни фальшивили — это не важно, лишь бы шуму было побольше.

Музыка.

О х о т н и к

(поет)

Носи, охотник, в награжденье
Ты шкуру и рога олени;
Мы ж песнь споем!

Остальные подхватывают припев.

Носить рога не стыд тебе;
Они давно в твоём гербе.
Носил их прадед с дедом,
Отец за ними следом...
Могучий рог, здоровый рог
Смешон и жалок быть не мог!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Лес.

Входят Розалинда и Селия.

Р о з а л и н д а

Что ты скажешь? Два часа прошло, а моего Орlando не видно.

С е л и я

Ручаюсь, что он от чистой любви и умственного расстройства взял свой лук и стрелы и отправился спать. Но посмотри, кто идет сюда?

Входит Сильвий.

Сильвий

К вам порученье, юноша прекрасный,
От милой Фебы — это вам отдасть.

(Дает письмо.)

Не знаю содержания; но, судя
По гневным взорам и движениям резким,
С которыми письмо она писала,
Письмо — сердитое. Простите мне:
Я не причем — я лишь ее посланец.

Розалинда

(прочитав письмо)

Само терпенье вышло б из себя
От этих строк! Снести их — все снесешь!
Я некрасив, мол, и манер не знаю;
Я горд; она в меня бы не влюбилась,
Будь реже феникса мужчины. К черту!
Ее любовь — не заяц, мной травимый.
Зачем она так пишет?.. Нет, пастух,
Посланье это сочинил ты сам.

Сильвий

О нет, клянусь, не знаю я, что в нем;
Его писала Феба.

Розалинда

Ты безумец,
До крайности в своей любви дошедший.
А руки у нее! Дубленой кожи
И цветом — как песчаник; я их принял
За старые перчатки, а не руки.
Совсем кухарки руки. Но не важно —
Ей этого письма не сочинить.
Да в нем и слог и почерк — все мужское.

Сильвий

Нет, все ее.

Розалинда

Но как же? Слог и наглый и суровый —
Слог дуэлиста. И чернит меня,
Как турки христиан. Ум нежный женский

Не мог создать таких гигантски грубых
И эфиопских слов, чей смысл чернее,
Чем самый вид. Письмо прослушать хочешь?

Сильвий

Прошу, прочтите: я его не слышал...
Но знаю хорошо жестокость Фебы.

Розалинда

Вот вам и Феба! Как злодейка пишет!

(Читает.)

«Вид пастуха принявший бог,
Не ты ли сердце девы сжег?»

Может ли женщина так браниться?

Сильвий

Вы называете это бранью?

Розалинда

(читает)

«Зачем святыню ты забыл
И с женским сердцем в бой вступил?»

Может ли женщина так оскорблять?

«Мужчины взоры никогда
Не причиняли мне вреда».

Что же я — животное, что ли?

«Коль гневный взгляд твоих очей
Страсть возбудил в душе моей,—
Увы, будь полон добротой,
Он чудеса б свершил со мной!
Влюбилась, слыша оскорбленья,—
Что б сделали со мной моления?
Посол мой, с кем любовь я шлю,
Не знает, как тебя люблю.
С ним, за печатью, мне ответь:
Навеки хочешь ли владеть
Всем, что отдам я с упоеньем,—
И мной и всем моим именем?
Иль с ним ты мне пошли «прости» —
И смерть сумею я найти!»

Сильвий

Это вы называете бранью?

Селия

Увы, бедный пастух!

Розалинда

Ты его жалеешь? Нет, он не стоит жалости.— Как ты можешь любить подобную женщину? Она из тебя делает инструмент и разыгрывает на тебе фальшивые мелодии. Этого нельзя терпеть! Ладно, возвращайся к ней — видно, любовь сделала из тебя ручную змею — и скажи ей, что если она меня любит, я приказываю ей любить тебя; а если она этого не исполнит, я никогда не буду с ней иметь никакого дела, разве ты сам станешь меня умолять за нее. Если ты истинный влюбленный... Но ступай отсюда и ни слова больше, потому что к нам идут гости.

Сильвий уходит.

Входит Оливер.

Оливер

Привет, друзья! Не знаете ли вы,
Где мне найти здесь на опушке леса
Пастушью хижину среди олив?..

Селия

На западе отсюда: там в лощине,
Где ивы у журчащего ручья,—
От них направо будет это место.
Но дом сейчас сам стережет себя:
В нем — никого.

Оливер

Когда язык глазам помочь способен —
По описанью я узнать вас должен:
Одежда, возраст... «Мальчик — белокурый,
На женщину похож, ведет себя
Как старшая сестра... девица — меньше
И посмуглее брата». Так не вы ли
Хозяева той хижины, скажите?

Селия

Не хвастаясь, ответить можем: мы.

Оливер

Орландо вам обоим шлет привет,
Тому ж, кого зовет он Розалиндой,
Платок в крови он шлет. Вы этот мальчик?

Розалинда

Да, я... Но что же мы от вас узнаем?

Оливер

Мой стыд, коль захотите знать, что я
За человек и где и как был смочен
Платок в крови.

Селия

Прошу вас, расскажите.

Оливер

Расставшись с вами, молодой Орlando
Вам обещал вернуться через час.
Он шел лесной тропинкой, погруженный
То в сладкие, то в горькие мечтанья...
Вдруг — что случилось? Кинул взор случайно —
И что же видит он перед собой?
Под дубом, мхом от старости поросшим,
С засохшею от дряхлости вершиной,
В лохмотьях, весь заросший, жалкий путник
Лежал и спал; а шею обвила
Ему змея зелено-золотая,
Проворную головку приближая
К его устам. Внезапно увидав
Орlando, в страхе звенья разомкнула
И, извиваясь, ускользнула быстро
В кусты. А в тех кустах лежала львица
С иссохшими от голода сосцами,
К земле приникнув головой, как кошка,
Следя, когда проснется спящий; ибо
По царственной натуре этот зверь
Не тронет никого, кто с виду мертв.
Тут к спящему приблизился Орlando —
И брата в нем узнал, родного брата!

Селия

Он говорил не раз об этом брате...
Чудовищем его он выставлял
Ужаснейшим.

Оливер

И в этом был он прав.
Чудовищем тот был, я это знаю!

Розалинда

Но что ж Орlando? Он его оставил
На пищу львице тощей и голодной?

Оливер

Два раза уж хотел он удалиться:
Но доброта, что благородней мести,
И голос крови, победивший гнев,
Заставили его схватиться с зверем;
И львицу он убил. При этом шуме
От тягостного сна проснулся я.

Селия

Вы брат его?

Розалинда

И это вас он спас?

Селия

Но вы ж его не раз убить хотели!

Оливер

Да, то был я; но я — не тот; не стыдно
Мне сознаваться, кем я был, с тех пор
Как я узнал раскаяния сладость.

Розалинда

Ну, а платок в крови?

Оливер

Все объясню вам.

Когда с начала до конца мы оба
В благих слезах омыли свой рассказ
И он узнал, как я попал сюда, —
Он к герцогу добрейшему меня
Повел. Тот дал мне пищу и одежду
И братской поручил меня любви.
Тут брат повел меня к себе в пещеру,
Там снял одежды он, и я увидел,
Что львицей вырван у него клочок мяса;
Кровь из руки текла, и вдруг упал он
Без чувств, успев лишь вскрикнуть: «Розалинда!»
Его привел я в чувство, руку я
Перевязал ему: он стал покрепче

И тут послал меня — хоть я чужой вам —
Все рассказать, просить у вас прощенья,
Что слова не сдержал, платок же этот
В крови отдать мальчишке-пастуху,
Что в шутку звал своей он Розалиндой.

Розалинда лишается чувств.

Селия

О что с тобой, мой милый Ганимед?

Оливер

Иные вида крови не выносят.

Селия

О нет, тут больше. Роза... Ганимед!

Оливер

Очнулся он...

Розалинда

Домой, хочу домой.

Селия

Тебя сведем мы.

Прошу, возьмите под руку его.

Оливер

Подбодритесь, молодой человек. И это мужчина?.. У вас не мужское сердце!

Розалинда

Да, сознаюсь в этом. А что, сударь, не скажет ли всякий, что это было отлично разыграно? Пожалуйста, расскажите вашему брату, как я хорошо разыграл обморок... Гей-го!

Оливер

Ну нет, это не было разыграно: ваша бледность доказывает настоящее волнение.

Розалинда

Разыграно, уверяю вас!

Оливер

Ну, хорошо: так соберитесь с духом и разыграйте из себя мужчину.

Розалинда

Я так и сделаю. Но, по чистой совести, мне бы следовало быть женщиной!

Селия

Ты все бледнее и бледнее! Пойдем домой.— Будьте так добры, сударь, проводите нас.

Оливер

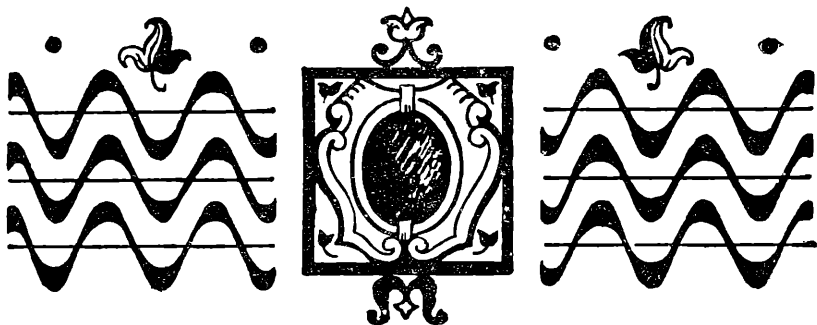
Охотно: я ведь должен принести
Слова прощенья Розалинды брату.

Розалинда

Я уж что-нибудь придумаю... Но только, пожалуйста, расскажите ему, как я ловко разыграл обморок. Идем!

Уходят.

А К Т V

СЦЕНА 1

Лес.

Входят Оселок и Одри.

О с е л о к

Уж мы найдем время, Одри; потерпи, милая Одри!

О д р и

Право, тот священник отлично бы пригодился, что там ни говори старый господин.

О с е л о к

Нет, никуда не годный этот Оливер, в высшей степени гнусный путаник! Но, Одри, здесь в лесу есть молодой человек, который имеет на тебя притязания.

О д р и

Да, я знаю кто. Никакого ему дела до меня нет. Да вот тот самый человек, про кого вы думаете.

О с е л о к

Меня хлебом не корми, вином не пой, только покажи мне какого-нибудь олуха. Право, нам, людям острого ума, за многое приходится отвечать. Мы не можем удержаться — непременно всех вышучиваем.

Входит Уильям.

У и л ь я м

Добрый вечер, Одри.

О д р и

И вам дай бог добрый вечер, Уильям.

У и л ь я м

И вам добрый вечер, сударь.

О с е л о к

Добрый вечер, любезный друг. Надень шляпу, надень; да прошу же тебя, накройся. Сколько тебе лет, приятель?

У и л ь я м

Двадцать пять, сударь.

О с е л о к

Зрелый возраст! Тебя зовут Уильям?

У и л ь я м

Уильям, сударь.

О с е л о к

Хорошее имя! Ты здесь в лесу и родился?

У и л ь я м

Да, сударь, благодарение богу.

О с е л о к

«Благодарение богу»? Хороший ответ! Ты богат?

У и л ь я м

Правду сказать, сударь, так себе.

О с е л о к

«Так себе». Хорошо сказано, очень хорошо, чрезвычайно хорошо; впрочем, нет, не хорошо, так себе! А ты умен?

У и л ь я м

Да, сударь, умом бог не обидел.

О с е л о к

Правильно ты говоришь. Я вспоминаю поговорку: «Дурак думает, что он умен, а умный человек знает, что он глуп». Языче-

ский философ, когда ему приходило желание поесть винограду, всегда раскрывал губы, чтобы положить его в рот, подразумевая под этим, что виноград создан затем, чтобы его ели, а губы — затем, чтобы их раскрывали. Любишь ты эту девушку?

У и л ь я м

Да, сударь.

О с е л о к

Давай руку. Ты ученый?

У и л ь я м

Нет, сударь.

О с е л о к

Так поучись у меня вот чему: иметь — значит иметь. В риторике есть такая фигура, что когда жидкость переливают из чашки в стакан, то она, опорожня чашку, наполняет стакан, ибо все писатели согласны, что «ipse»¹ — это он, ну а ты — не «ipse», так как он — это я.

У и л ь я м

Какой это «он», сударь?

О с е л о к

«Он», сударь, который должен жениться на этой женщине. Поэтому ты, деревенщина, покинь, что, говоря низким слогом, значит — оставь, общество, что, говоря мужицким слогом, значит — компанию, этой особы женского пола, что, говоря обыкновенным слогом, значит — женщины, а вместе взятое гласит: покинь общество этой особы женского пола, — иначе, олух, ты погибнешь, или, чтобы выразиться понятнее для тебя, помрешь! Я тебя убью, уничтожу, превращу твою жизнь в смерть, твою свободу в рабство; я расправлюсь с тобой с помощью яда, палочных ударов или клинка; я создам против тебя целую партию и сгублю тебя политической хитростью; я пушу в ход против тебя яд, или бастонаду, или сталь; я тебя погублю интригами, я умерщвлю тебя ста пятьюдесятью способами: поэтому трепещи — и удались!

О д р и

Уйди, добрый Уильям!

У и л ь я м

Сударь, да хранит вас бог всегда таким веселым. (*Уходит.*)

Входит Корин.

¹ Сам, он самый. (*Лат.*)

К о р и н

Хозяин и хозяйка ищут вас: ступайте-ка, ступайте, поторапливайтесь!

О с е л о к

Беги, Одри, беги, Одри! — Иду, иду.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Лес.

Входят О р л а н д о и О л и в е р.

О р л а н д о

Возможно ли, что при таком кратковременном знакомстве она сразу понравилась тебе? Едва увидев, ты полюбил? Едва полюбив, сделал предложение? Едва сделал предложение, как получил согласие? И ты настаиваешь на том, чтобы обладать ею?

О л и в е р

Не удивляйся сумасбродству всего этого, ни ее бедности, ни кратковременности нашего знакомства, ни моему внезапному предложению, ни ее внезапному согласию; но скажи вместе со мной, что я люблю Алиену; скажи вместе с ней, что она любит меня; и согласись с нами обоими, что мы должны обладать друг другом. Тебе это будет только на пользу, потому что и дом отца и все доходы, принадлежавшие старому синьору Роланду, я уступлю тебе, а сам останусь, чтобы жить и умереть пастухом.

О р л а н д о

Я даю свое согласие. Назначим вашу свадьбу на завтра: я приглашу герцога и всю его веселую свиту. Иди и подготовь Алиену, потому что, видишь, сюда идет моя Розалинда.

Входит Розалинда.

Р о з а л и н д а

Храни вас бог, брат мой.

О л и в е р

И вас, прекрасная сестра. (*Уходит.*)

Р о з а л и н д а

О мой дорогой Орландо, как мне грустно, что ты носишь сердце на перевязи.

Орландо

Только руку.

Розалинда

А я думал, что твое сердце ранено львиными когтями.

Орландо

Оно ранено, но только глазами женщины.

Розалинда

Рассказал вам ваш брат, как я хорошо разыграл обморок, когда он показал мне ваш платок?

Орландо

Да, и еще о больших чудесах.

Розалинда

А, я знаю, о чем вы говорите! Нет, это правда. Ничего не могло быть внезапнее — разве драка между двумя козлами или похвальба Цезаря: «Пришел, увидел, победил». Действительно: ваш брат и моя сестра едва встретились — взглянули друг на друга, едва взглянули — влюбились, едва влюбились — стали вздыхать, едва стали вздыхать — спросили друг у друга о причине вздохов, едва узнали причину — стали искать утешения... и так быстро соорудили брачную лестницу, что теперь надо им без удержу взбираться на самый верх или быть невоздержанными до брака; они прямо в любовном бешенстве и тянутся друг к другу так, что их палками не разгонишь.

Орландо

Они обвенчаются завтра. И я приглашу на свадьбу герцога. Но, боже мой, как горько видеть счастье глазами других. Завтра я буду тем несчастнее, чем счастливее будет мой брат, овладевший предметом своих желаний.

Розалинда

Как! Значит, завтра я уже не смогу заменить вам Розалинду?

Орландо

Я не могу больше жить воображением!

Розалинда

Так я не стану вас больше утомлять пустыми разговорами. Слушайте же меня — теперь я говорю совсем серьезно: я считаю

вас человеком очень сообразительным; но говорю я это не для того, чтобы вы получили хорошее представление о моих суждениях, поскольку я вас таким считаю; равным образом я не стараюсь заслужить от вас больше уважения, чем нужно для того, чтобы вы немного поверили мне... Я хочу оказать вам услугу, а вовсе не прославить себя. Так вот, верьте, если вам угодно, что я могу делать удивительные вещи. Я с трехлетнего возраста завел знакомство с одним волшебником, чрезвычайно сильным в своем искусстве, но при этом не имевшим дела с нечистой силой. Если вы любите Розалинду так сердечно, как можно судить по вашему поведению, то, когда ваш брат женится на Алиене, вы жепитесь на ней. Мне известно, в каких трудных обстоятельствах она находится, и у меня есть возможность — если вы не найдете это неуместным — показать ее вам завтра в настоящем виде, и притом не подвергая ее никакой опасности.

О р л а н д о

Неужели ты говоришь это серьезно?

Р о з а л и н д а

Да, клянусь моей жизнью, которую я дорого ценю, хотя и говорю, что я волшебник. Поэтому наденьте ваше лучшее платье и пригласите друзей, ибо, если вы желаете, завтра вы женитесь, и притом, если вам угодно, на Розалинде.

Входят Сильвий и Феба.

Смотрите — вот идут влюбленная в меня и влюбленный в нее.

Ф е б а

(*Розалинде*)

Как вы со мной жестоко поступили,
Что прочитали вслух мое письмо!

Р о з а л и н д а

А что мне в том?.. Я и намерен вам
Жестоким и презрительным казаться.
Пасгух ваш верный здесь: его цените,
Его любите; он вас обожает.

Ф е б а

Мой друг пастух, скажи ему, что значит любить.

С и л ь в и й

Вздыхать и плакать беспрестанно —
Вот так, как я по Фебе.

Ф е б а

А я — по Ганимеду.

О р л а н д о

А я — по Розалинде.

Р о з а л и н д а

А я — ни по одной из женщин.

С и л ь в и й

Всегда быть верным и на все готовым —
Вот так, как я для Фебы.

Ф е б а

А я — для Ганимеда.

О р л а н д о

А я — для Розалинды.

Р о з а л и н д а

А я — ни для одной из женщин.

С и л ь в и й

Быть созданным всецело из фантазий,
Из чувств волнующих и из желаний,
Боготворить, покорствовать, служить,
Терпеть, смиряться, забывать терпенье,
Быть чистым и сносить все испытанья —
Вот так, как я для Фебы.

Ф е б а

А я — для Ганимеда.

О р л а н д о

А я — для Розалинды.

Р о з а л и н д а

А я — ни для одной из женщин.

Ф е б а

Коль так, что ж за любовь меня винишь?

С и л ь в и й

Коль так, что ж за любовь меня винишь?

Орландо

Коль так, что ж за любовь меня винишь?

Розалинда

Кому вы сказали: «Коль так, что ж за любовь меня винишь?»

Орландо

Той, кто не здесь... и кто меня не слышит.

Розалинда

Пожалуйста, довольно этого: вы точно ирландские волки, воющие на луну. (*Сильвию.*) Я помогу вам, если смогу. (*Фебе.*) Я полюбил бы вас, если бы мог.— Приходите завтра все ко мне. (*Фебе.*) Я обвенчаюсь с вами, если вообще обвенчаюсь с женщиной; а завтра я обвенчаюсь. (*К Орландо.*) Я дам вам полное удовлетворение, если вообще когда-нибудь дам удовлетворение мужчине; а завтра вы обвенчаетесь. (*Сильвию.*) Я обрадую вас, если вас обрадует обладание тем, что вам нравится; а завтра вы обвенчается. (*К Орландо.*) Во имя любви к Розалинде, приходите. (*Сильвию.*) Во имя любви к Фебе, приходите. И во имя отсутствия у меня любви хотя бы к одной женщине — я вас встречу. Пока прощайте: я вам оставил мои приказания.

Сильвий

О, непременно, если буду жив.

Феба

Я тоже.

Орландо

Я тоже.

Уходят.

СЦЕНА 3

Лес.

Входят Оселок и Одри.

Оселок

Завтра счастливый день, Одри: завтра мы обвенчаемся.

Одри

Я желаю этого всем сердцем и надеюсь, что это не бесчестное

желание — стать замужней женщиной, как все другие. А вон идут два паж изгнанного герцога.

Входят два паж.

Первый паж

Счастливая встреча, почтенный господин.

О селок

По чести, счастливая! Садитесь, садитесь, и скорей — песню!

Второй паж

Мы к вашим услугам. Садитесь посредине.

Первый паж

Как нам начинать? Сразу? Не откашливаться, не отплевываться, не жаловаться, что мы охрипли?.. Без обычных предисловий о скверных голосах?

Второй паж

Конечно, конечно, и будем петь на один голос — как два цыгана на одной лошади. (Поет.)

Влюбленный с милою своей —
Гей-го, гей-го, гей-нонино! —
Среди цветущих шли полей.

Весной, весной, милой брачной порой,
Всюду птичек звон, динь-дон, динь-дон...
Любит весну, кто влюблен!

Во ржи, что так была густа, —
Гей-го, гей-го, гей-нонино! —
Легла прелестная чета.

Весной, весной...

(и т. д.)

Запели песнь ошн о том, —
Гей-го, гей-го, гей-нонино! —
Как расцветает жизнь цветком.

Весной, весной...

(и т. д.)

Счастливей час скорей лови. —
Гей-го, гей-го, гей-нонино!
Весна, весна — венец любви.

Весной, весной...

(и т. д.)

О с е л о к

По правде, молодые люди, хотя слова вашей песенки и не очень глубокомысленны, но спета она была прескверно.

Первый паж

Вы ошибаетесь, сударь: мы выдерживали лад и с такта не сбивались.

О с е л о к

Наоборот, клянусь честью; а вот с моей стороны было неладно и бестактно слушать песню, лишенную такта и лада. Храни вас бог... и исправь он ваши голоса.— Идем, Одри.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Лес.

Входят старый герцог, Амьен, Жак, Орландо, Оливер и Селия.

Старый герцог

И веришь ты, Орландо, что твой мальчик
Исполнить может все, что обещал?

Орландо

И верю, и не верю, и боюсь
Надеяться, и все-таки надеюсь.

Входят Розалинда, Сильвий и Феба.

Розалинда

Минуточку терпения, пока
Наш договор мы точно обусловим.

(Старому герцогу.)

Так: если Розалинду приведу я,
Ес Орландо в жены вы дадите?

Старый герцог

Да, если б даже отдавал с ней царство.

Розалинда

(к Орландо)

А вы ее готовы в жены взять?

Орландо

Да, если б даже был царем всех царств!

Розалинда

(Фебе)

А вы готовы выйти за меня?

Феба

Да, если б даже смерть меня ждала!

Розалинда

Но если отречетесь от меня?

За преданного пастуха пойдете?

Феба

Торг заключен.

Розалинда

(Сильвию)

А вы готовы Фебу в жены взять?

Сильвий

Да, будь она и смерть — одно и то же.

Розалинда

Я обещал все это вам уладить.

Сдержите ж слово, герцог, — дочь отдать;

А вы, Орландо, — дочь его принять;

Вы, Феба, — выйти замуж за меня.

А если нет — стать пастуха женою;

Вы ж, Сильвий, — с Фебой тотчас обвенчаться,

Когда откажет мне она. Теперь

Уйду я, чтобы это все уладить.

Розалинда и Селия уходят.

Старый герцог

Невольно что-то в этом пастушке

Мне дочери черты напоминает!

Орландо

Когда его я встретил, государь,

Подумал я, что он ей брат, по сходству.

Но, ваша светлость, он в лесу родился,

И здесь он получил вачатки зная

Магических наук и тайн — от дяди,
Которого считает славным магом,
Затерянным в лесном уединенье.

Входят Оселок и Одри.

Жак

Наверно, близится новый всемирный потоп и эти пары идут в ковчег. Вот еще пара очень странных животных, которых на всех языках называют дураками.

Оселок

Поклон и привет всему обществу!

Жак

Добрый герцог, примите его благосклонно: это тот господин с пестрыми мозгами, которого я часто встречал в лесу; он клянется, будто жилал при дворе.

Оселок

Если кто-нибудь в этом усомнится, пусть произведет мне испытание. Я танцевал придворные танцы; я ухаживал за дамами; я был политичен с моим другом и любезен с моим врагом; я разорил трех портных; я имел четыре ссоры, и одна из них чуть-чуть не окончилась дуэлью.

Жак

А как же эта ссора уладилась?

Оселок

А мы сошлись и убедились, что ссора наша была по седьмому пункту.

Жак

Как это — по седьмому пункту? Добрый герцог, прошу вас полюбить этого человека.

Старый герцог

Он мне очень полюбился.

Оселок

Награди вас бог, сударь; об этом же я вас и прошу. Я поспешил сюда, сударь, с остальными этими деревенскими парочками, чтобы дать здесь клятву и нарушить ее, так как брак соединяет, а природа разъединяет. Бедная девственница, сударь, существо

на вид невзрачное, сударь, но мое собственное; таков уж мой скромный каприз — взять себе то, чего никто другой не захочет: богатая добродетель живет, как скупец в бедной лачуге, вроде как жемчужина в мерзкой устрице.

Старый герцог

Клянусь честью, он быстр, умен и меток.

Оселок

Как и должны быть стрелы шута, сударь, и тому подобные приятные неприятности.

Жак

Но вернемся к седьмому пункту. Как вы убедились, что ссора у вас вышла именно по седьмому пункту?

Оселок

Она произошла из-за семикратно опровергнутой лжи. — Держись приличней, Одри! — Вот как это было, государь. Мне не понравилась форма бороды у одного из придворных. Он велел передать мне, что если я нахожу его бороду нехорошо подстриженной, то он находит ее красивой; это называется учтивое возражение. Если я ему отвечу опять, что она нехорошо подстрижена, то он возразит мне, что он так стрижет ее для своего собственного удовольствия. Это называется скромная насмешка. Если я опять на это скажу «нехорошо подстрижена», он скажет, что мое суждение никуда не годится. Это будет грубый ответ. Еще раз «нехорошо» — он ответит, что я говорю неправду. Это называется смелый упрек. Еще раз «нехорошо» — он скажет, что я лгу. Это называется дерзкая контратака. И так — до лжи применительно к обстоятельствам и лжи прямой.

Жак

Сколько же раз вы сказали, что его борода плохо подстрижена?

Оселок

Я не решился пойти дальше лжи применительно к обстоятельствам, а он не посмел довести до прямой. Таким образом, мы измерили шпаги и разошлись.

Жак

А вы можете перечислить по порядку все степени лжи?

О с с л о к

О, сударь, мы ссорились по книжке; есть такие книжки для пзучения хороших манер. Я назову все степсни: первая — учтливое возражение, вторая — скромная насмешка, третья — грубый ответ, четвертая — смелый упрек, пятая — дерзкая контратака, шестая — ложь применительно к обстоятельствам и седьмая — прямая ложь. Все их можно удачно обойти, кроме прямой лжи, да и ту можно обойти при помощи словечка «если». Я знал случай, когда семеро судей не могли уладить ссоры, но когда оба противника сошлись, то один из них вспомнил о словечке «если», то есть «если вы сказали то-то, то я сказал то-то»... После этого они пожали друг другу руки и поклялись в братской любви. О, «если» — это великий миротворец; в «если» огромная сила.

Ж а к

Ну не редкостный ли это человек, ваша светлость? Он во всем такой же молодец, а мсжду тем — шут.

С т а р ы й г е р ц о г

Он употребляет свое шутовство как прикрытие, из-под которого пускает стрелы своего остроумия.

Входит Гименей, Розалинда и Селия.

Тихая музыка.

Г и м е н е й

На небе ликованье,
Когда в земных созданиях
Царит согласие.
О герцог, дочь родную
С небес тебе верну я
Гимена властью,
Чтоб ты теперь ее вручил
Тому, кто сердцу девы мил.

Р о з а л и н д а

(старому герцогу)

Вам отдаюсь я, так как я вся ваша.

(К Орландо.)

Вам отдаюсь я, так как я вся ваша.

С т а р ы й г е р ц о г

Коль верить мне глазам, ты — дочь моя!

Орландо

Коль верить мне глазам, вы — Розалинда!

Феба

Коль правду вижу я,
Прощай, любовь моя!

Розалинда

(старому герцогу)

Коль не тебя, не нужно мне отца.

(К Орландо.)

Коль не тебя, не нужно мне супруга.

(Фебе.)

Ты — иль никто не будет мне женой.

Гименей

Довольно! Прочь смятенье!

Я должен заключенье

Всем чудесам принести.

Здесь — восьмерых союзы

Гимена свяжут узы,

Коль в правде правда есть.

(К Орландо и Розалинде.)

Вам — быть неразлучными вечно!

(Оливеру и Селии.)

Вам — любить всегда сердечно!

(Фебе, указывая на Сильвию.)

Быть его — судьба твоя,

Или взять женщину в мужа.

(Оселку и Одри.)

Вы же связаны природой,

Как зима с плохой погодой.—

Брачный гимн мы вам споем.

Потолкуйте обо всем.

Вам разум объяснит всецело,

Как мы сошлись, чем кончим дело.

(Поет.)

О брак, Юноны ты оплот,

Святой союз стола и ложа!

Гимен людей земле дает,

Венчаьем население множа.

Гимен, бог всей земли! Почтим
Тебя хвалением своим.

Старый герцог

Племянница, обнять тебя хочу я
Не менее, чем дочь мою родную!

Феба

(Сильвию)

Сдержу я слово — и теперь ты мой.
Ты стал мне дорог верностью большой.

Входит Жак де Буа.

Жак де Буа

Прошу, позвольте мне сказать два слова!
Я средний сын Роланда де Буа.
Собранью славному несу я вести,
Что герцог Фредерик, все чаще слыша,
Как в этот лес стекается вся доблесть,
Собрал большую рать и сам ее
Повел как вождь, замыслив захватить
Здесь брата и предать его мечу.
Так он дошел уж до опушки леса,
Но встретил здесь отшельника святого.
С ним побеседовав, он отрешился
От замыслов своих, да и от мира.
Он изгнанному брату возвращает
Престол, а тем, кто с ним делил изгнание,—
Все их владения. Что это правда —
Клянусь я жизнью.

Старый герцог

Юноша, привет!

Ты к свадьбе братьев дар принес прекрасный.
Владения — одному из них, другому —
Весь край родной и герцогство в грядущем,
Но раньше здесь, в лесу, покончим все,
Что началось и зародилось здесь же;
А после каждый из числа счастливых,
Что с нами дни тяжелые делили,
Разделит к нам вернувшиеся блага,
Согласно положенью своему.
Пока ж забудем новое величье
И сельскому веселью предадимся.—

Эй, музыки! — А вы, чета с четой —
Все в лад пуститесь в пляске круговой.

Ж а к

Скажите мне! Когда я верно понял,
То бывший герцог жизнь избрал святую
И презрел роскошь пышного двора?

Ж а к д е Б у а

Да, так!

Ж а к

Пойду к нему. У этих обращенных
Есть что послушать и чему учиться.
(*Старому герцогу.*)

Вас оставляю прежнему почету;
Терпением он и доблестью заслужен.
(*К Орландо.*)

Вас — той любви, что верность заслужила.
(*Оливеру.*)

Вас — вашим землям, и любви, и дружбе.
(*Сильвию.*)

Вас — долгому заслуженному браку.
(*Оселку.*)

Вас — драке; в брачный путь у вас припасов
На месяц — два. Желая развлекаться!
А я не склонен пляской услаждаться.

С т а р ы й г е р ц о г

Останься, Жак!

Ж а к

Ну нет! Я не любитель развлечений;
В пещере ваших буду ждать велений.
(*Уходит.*)

С т а р ы й г е р ц о г

Вперед, вперед! Начнем мы торжество
И так же кончим в радости его!

Пляска.
Уходят.

ЭПИЛОГ

Розалинда

Не принято выводить женщину в роли Эпилога; но это несколько не хуже, чем выводить мужчину в роли Пролога. Если правда, что хорошему вину не нужно этикетки, то правда и то, что хорошей пьесе не нужен Эпилог. Однако на хорошее вино наклеивают этикетки, а хорошие пьесы становятся еще лучше при помощи хороших Эпилогов. Каково же мое положение? Я — не хороший Эпилог и заступаюсь не за хорошую пьесу! Одет я не по-пищенски, значит, просить мне не пристало; мне надо умолять вас; и я начну с женщин. О женщины! Той любовью, которую вы питаете к мужчинам, закликаю вас одобрить в этой пьесе все, что вам нравится в ней. А вас, мужчины, той любовью, что вы питаете к женщинам, — а по вашим улыбкам я вижу, что ни один из вас не питает к ним отвращения, — я закликаю вас сделать так, чтобы и вам и женщинам пьеса наша понравилась. Будь я женщиной, я расцеловала бы тех из вас, чьи бороды пришлись бы мне по вкусу, чьи лица понравились бы мне и чье дыхание не было бы мне противно; поэтому я уверен, что все, у кого прекрасные лица, красивые бороды и приятное дыхание, в награду за мое доброе намерение ответят на мой поклон прощальными рукоплесканиями. (*Уходит.*)

**ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ,
ИЛИ ЧТО УГОДНО**

Перевод
Э. ЛИНЕЦКОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Орсино, герцог Иллирийский.

Себастьян, брат Виолы.

Антонио, капитан корабля, друг Себастьяна.

Капитан корабля, друг Виолы.

Валентин } приближенные герцога.
Курио }

Сэр Тоби Белч, дядя Оливии.

Сэр Эндрю Эггючик.

Мальволио, дворецкий Оливии.

Фабиан } слуги Оливии.
Фесте, шут }

Оливия.

Виола.

Мария, камеристка Оливии.

Придворные, священник, матросы,
пристава, музыканты, слуги.

Место действия — город в Иллирии и морской
берег вблизи него.

А К Т I

С Ц Е Н А I

Дворец герцога.

Входят герцог, Курио и другие придворные; музыканты.

Герцог

О музыка, ты пища для любви!
Играйте же, любовь мою насытите,
И пусть желанье, утолясь, умрет!
Вновь повторите тот напев щемящий,—
Он слух ласкал мне, точно трепет ветра,
Скользнувший над фиалками тайком,
Чтоб к нам вернуться, ароматом вея.
Довольно! Он когда-то был нежнее...
Как ты могуч, как дивен, дух любви!
Ты можешь все вместить, подобно морю,
Но то, что попадет в твою пучину,
Хотя бы и ценнейшее на свете,
Утрачивает ценность в тот же миг!
Такого обаянья ты исполнен,
Что подлинно чаруешь только ты!

Курио

Угодно ль вам охотиться сегодня?

Герцог

А на какого зверя?

Курио
На оленя.

Герцог

О, Курио, я сам оленем стал!
Когда мой взор Оливию увидел,
Как бы очистился от смрада воздух,
А герцог твой в оленя превратился,
И с той поры, как свора жадных псов,
Его грызут желанья...

Входит Валентин.

Наконец-то!

Какую весть Оливия мне шлет?

Валентин

Я не был к ней допущен, ваша светлость.
Служанка мне передала ответ,
И он гласил, что даже небеса
Ее лица открытым не увидят,
Пока весна семь раз не сменит зиму.
Росою слез кропя свою обитель,
Она затворницею будет жить,
Чтоб нежность брата, отнятого гробом,
В скорбющем сердце не могла истлеть.

Герцог

О, если так она платить умеет
Дань сестринской любви, то как полюбит,
Когда пернатой золотой стрелой
Убиты будут все иные мысли,
Когда престолы высших совершенств
И чувств прекрасных — печень, мозг и сердце —
Навек займет единый властелин! —
Идемте же под своды рош зеленых;
Их тень сладка мечтаниям влюбленных.

Уходят.

СЦЕНА 2

Берег моря.

Входят Виола, капитан и матросы.

Виола

Где мы сейчас находимся, друзья?

Капитан

Мы, госпожа, в Иллирию приплыли.

Виола

Но для чего в Иллирии мне жить,
Когда мой брат в Элизии блуждает?
А вдруг случайно спасся он?

Капитан

Возможно:

Ведь вы спаслись!

Виола

Увы! Мой бедный брат...
Какой бы это был счастливый случай!

Капитан

Но, госпожа, должно быть, так и есть:
Когда разбился наш корабль о скалы
И все мы — горсть оставшихся в живых —
Носились по волнам в убогой лодке,
Ваш брат, сообразительный в беде,
Наученный отвагой и надеждой,
Себя к плывущей мачте привязал
И, оседлав ее, поплыл по морю,
Как на спине дельфина — Арион.
Я это видел сам.

Виола

Вот золото в награду за рассказ.
Он укрепляет робкую надежду,
Рожденную спасением моим,
Что жив и брат. Ты здесь бывал?

Капитан

Еще бы!

Не больше трех часов ходьбы отсюда
То место, где родился я и рос.

Виола

Кто правит здесь?

Капитан

Высокородный и достойный герцог.

Виола

А как его зовут?

Капитан

Орсино.

Виола

Орсино! Мой отец о нем не раз
Мне говорил. Тогда был холост герцог.

Капитан

Он холост был, когда я вышел в море,
А с той поры минул всего лишь месяц,
Но слух прошел,— ведь любит мелкий люд
Судачить о делах людей великих,—
Что герцог паш в Оливию влюблен.

Виола

А кто она?

Капитан

Прелестная и юная дочь графа.
Он умер год назад, ее оставив
На попечение сына своего.
Тот вскоре тоже умер, и, по слухам,
Оливия, скорбя о милом брате,
Решила жить затворницей.

Виола

О если б

Я к ней на службу поступить могла,
До времени скрывая от людей,
Кто я такая!

Капитан

Это будет трудно:

Она не хочет видеть никого
И даже герцога не принимает.

Виола

Ты с виду прям и честен, капитан.
Хотя природа в благородный облик
Порой вселяет низменное сердце,
Мне кажется, в твоих чертах открытых,

Как в зеркале, отражена душа.
Поверь, тебя вознагражу я щедро,—
Ты лишь молчи, кто я на самом деле,
И помоги мне раздобыть одежду,
Пригодную для замыслов моих.
Я к герцогу хочу пойти на службу.
Шепни ему, что я не я, а евнух...
Он будет мной доволен: я пою,
Играю на различных инструментах.
Как дальше быть — увидим, а пока
Пусть правда не сорвется с языка.

Капитан

Вы евнух, я немой... Ну что ж, клянусь:
Коль проболтаюсь, тотчас удавлюсь.

Виола

Благодарю. Идем.

Уходят.

СЦЕНА 3

Дом Оливии.

Входят сэр Тоби Белчи и Мария.

Сэр Тоби

Ну какого дьявола моя племянница так убивается о своем покойном братце? Горе вредит здоровью, это всякий знает.

Мария

А вы, сэр Тоби, пораньше возвращались бы домой. Когда вы поздно засиживается бог весть где, ваша племянница, моя госпожа, прямо из себя выходит.

Сэр Тоби

Ну и пусть себе выходит на все четыре стороны!

Мария

Нет, нехорошо, что вы являетесь в таком неприличном виде.

Сэр Тоби

А что в нем неприличного, скажи на милость? Самый подхо-

дящий для выпивки вид. И ботфорты хоть куда. А если никуда, так пусть повесятся на собственных ушках!

М а р и я

Не доведут вас до добра кутежи и попойки. Вчера об этом говорила госпожа, я сама слышала. И еще она поминала вашего дурацкого собутыльника, которого вы притащили сюда ночью и называли ей в женихи.

С э р Т о б и

Ты это о ком? О сэре Эндрю Эггючике?

М а р и я

О ком же еще?

С э р Т о б и

Ну, он почище многих в Илирии.

М а р и я

Нам-то что от его чистоты?

С э р Т о б и

А то, что у него три тысячи дукатов в год.

М а р и я

Ему и на полгода всех его дукатов не хватит,— такой он дурак и мот.

С э р Т о б и

Ну что ты болтаешь! Он и на виоле играет, и на нескольких языках как по писаному говорит, и вообще богатая натура.

М а р и я

Еще бы! Дурак пренатуральный! И не только дурак, но и забияка: разумные люди говорят, что, если бы его задор не ходил в одной упряжке с трусостью, быть бы ему давным-давно покойником.

С э р Т о б и

Кляпуть этой рукой, они мерзавцы и клеветники, раз несут такую чушь! Кто это тебе наплел?

М а р и я

Те самые, от которых я узнала, что он вдобавок ко всему вчера не пропустит, чтобы не напиться в вашем обществе.

С э р Т о б и

Все потому, что пьет за мою племянницу. Я буду пить за нее, покуда у меня глотка не зарастет, а в Иллирии вино не переведется. Трус и мерзавец, кто не желает пить за мою племянницу, пока мозги не полетят вверх тормашками. Тсс, красotka! Castiliano vulgo! ¹ Сюда шествует сэр Эндрю Чикчирик!

Входит сэр Эндрю Эгьючик.

С э р Э н д р ю

Сэр Тоби Белч! Как живете, сэр Тоби Белч?

С э р Т о б и

Дражайший сэр Эндрю!

С э р Э н д р ю

Приветствую тебя, миленькая злючка!

М а р и я

И я вас тоже, сударь!

С э р Т о б и

Наступай, сэр Эндрю, наступай!

С э р Э н д р ю

Кто это?

С э р Т о б и

Камеристка моей племянницы.

С э р Э н д р ю

Милейшая миссис Наступай, я бы не прочь познакомиться с тобой поближе.

М а р и я

Меня зовут Мэри, сударь.

С э р Э н д р ю

Милейшая миссис Мэри Наступай...

¹ На народном испанском языке. (Исп., искаж.)

Сэр Тоби

Ты не понял, рыцарь. «Наступай» — это значит «смелей», «неробей», «атакуй», «штурмуй»!

Сэр Эндрю

Ну, знаете, вы столько насчитали, что мне к ней теперь и подступиться страшно. Вот так «наступай»!

Мария

Желаю вам всего хорошего, господа мои.

Сэр Тоби

Чтоб тебе никогда не работать твоей шпагой, сэр Эндрю, если ты так отпустишь эту красотку!

Сэр Эндрю

Чтоб мне никогда не работать моей шпагой, милочка, если я так тебя отпущу. Ты что же, красавица, дураками нас считаешь? Придется прибрать тебя к рукам.

Мария

Не так-то легко я даюсь в руки, сударь.

Сэр Эндрю

А ты попробуй, дайся: вот моя рука.

Мария

Сударь, хотенье ваше, да позволение наше. Лучше отнесли бы вы свою руку в погреб и угостили бы ее элем покрепче.

Сэр Эндрю

Это зачем, душечка? Что-то мне непонятна твоя шутка.

Мария

Уж очень она слабосильная.

Сэр Эндрю

Вот это верно. А в моей руке и без эля силы хватает. Но в чем все-таки соль твоей шутки?

Мария

Для вас, сударь, она чересчур соленая.

Сэр Эндрю

И много их у тебя припасено?

Мария

Запас такой, что даже пальцы зудят. А вот сейчас я отпустила вашу руку и сразу обезопасилась. (*Уходит.*)

Сэр Тоби

Ох, рыцарь, подкрепись-ка скорее стаканчиком канарского: отроду не видел, чтобы тебя так здорово укладывали на обе лопатки.

Сэр Эндрю

Пожалуй, что и не видел... Нет, канарское тоже здорово укладывало. Право, мне иногда кажется, что у меня ума не больше, чем у любого христианина, а может, и вообще чем у любого человека. Но я большой любитель говядины, а говядина, наверно, вредит моему остроумию.

Сэр Тоби

Ну разумеется!

Сэр Эндрю

Если бы я и вправду так думал, ни за что не стал бы ее есть. Сэр Тоби, завтра я уезжаю домой.

Сэр Тоби

Pourquoi¹, мой дорогой рыцарь?

Сэр Эндрю

Что это означает — «pourquoi»? Ехать или не ехать? Эх, если бы я убил на изучение языков то время, которое перевел на фехтование, танцы и медвежью охоту! Если бы я развивал себя!

Сэр Тоби

Твоим волосам это ни к чему.

Сэр Эндрю

А при чем тут мои волосы?

Сэр Тоби

Как это — при чем? Они же у тебя отроду не вились.

Сэр Эндрю

Ну и что же? Разве они мне к лицу?

¹ Почему? (*Франц.*)

Сэр Тоби

Очень к лицу: висят, как лен на прялке. Вот ты обзаведешься женой, и я еще посмотрю, как она зажмет тебя промеж колен да как начнет прясть — только держись.

Сэр Эндрю

Ей-богу, завтра же я уеду. Твоя племянница не желает меня видеть. А если и пожелает, то бьюсь об заклад, что в мужья себе не возьмет: ведь за ней бегает сам герцог.

Сэр Тоби

А герцог ей ни к чему: она ни за что не выйдет за человека старше себя, или богаче, или умней; я сам слышал, как она в этом клялась. Так что не все еще пропало, дружище.

Сэр Эндрю

Ну ладно, останусь на месяц. Станный у меня нрав: иной раз мне бы только ходить на балы и маскарады...

Сэр Тоби

И ты способен на такие дурачества, рыцарь?

Сэр Эндрю

Могу потягаться с кем угодно в Иллирии — конечно, не считая тех, кто знатнее меня; ну, а старикам я и вовсе в подметки не гожусь.

Сэр Тоби

И ты умеешь отплясывать гальярду, рыцарь?

Сэр Эндрю

Еще бы! Я так умею выписывать козлиные коленца...

Сэр Тоби

Не лучше, чем я умею уписывать бараньи ляжки!

Сэр Эндрю

А уж в прыжке назад мне не найдется равных во всей Иллирии.

Сэр Тоби

Так почему все эти таланты чахнут в неизвестности? Почему они скрыты от нас завесой? Или они так же боятся пыли, как портреты миссис Молл? Почему, идучи в церковь, ты не отплясываешь гальярду, а возвращаясь, не танцуешь куранту? Будь я то-

бой, я всегда на ходу откалывал бы джигу и даже мочился бы в темпе контрданса. Как же так? Разве можно в этом мире скрывать свои дарования? У тебя икры такой восхитительной формы, что, бьюсь об заклад, они были созданы под звездой галъярды.

Сэр Э н д р ю

Да, икры у меня сильные и в оранжевых чулках выглядят совсем недурно. А не пора ли выпить?

Сэр Т о б и

Что еще нам остается делать? Мы же родились под созвездием Тельца!

Сэр Э н д р ю

Телец? Это который грудь и сердце?

Сэр Т о б и

Нет, сударь, это который ноги и бедра. А пу-ка, покажи свои коленца. Выше! Еще выше! Отменно!

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Дворец герцога.

Входят Валентин и Виола в мужском платье.

В а л е н т и н

Цезарио, если герцог и впредь будет так благоволять к вам, вы далеко пойдете: он вас знает всего три дня и уже приблизил к себе.

В и о л а

Если вы не уверены в длительности его благоволения, значит, опасаетесь изменчивости его права или моей нерадивости. Вы считаете, что герцог непостоянен в своих привязанностях?

В а л е н т и н

Помилуйте, я вовсе не то хотел сказать!

В и о л а

Благодарю вас. А вот и герцог.

Входят герцог, Курио и придворные.

Герцог

Кто знает, где Цезарио?

Виола

Я здесь, к услугам вашим, государь.

Герцог

Пусть станут все поодаль.— Я прочел,
Цезарио, тебе всю книгу сердца.
Ты знаешь все. К Оливии пойди,
Стань у дверей, не принимай отказа,
Скажи, что ты ногами врос в порог,
И встречи с ней добейся.

Виола

Господин мой,
Она меня не примет, если правда,
Что так полна тоской ее душа.

Герцог

Шуми, стучи, насильно к ней ворвись,
По поручение мое исполни.

Виола

Положим, я свиданья с ней добыюсь:
Что мне сказать ей?

Герцог

Пусть она поймет
Всю преданность, весь пыл моей любви.
Рассказывать о страсти и томленье
Пристало больше юности твоей,
Чем строгому, внушительному старцу.

Виола

Не думаю.

Герцог

Поверь мне, милый мальчик:
Кто скажет о тебе, что ты мужична,
Тот оклеветает дней твоих весну.
Твой нежный рот румян, как у Дианы,
Высокий голосок так чист и звонок.
Как будто сотворен для женской роли.
Твоя звезда для дел такого рода

Благоприятна. Пусть с тобой идут
Вот эти трое.— Нет, вы все идите!
Мне легче одному.— Вернись с удачей
И заживешь привольно, как твой герцог,
С ним разделив счастливую судьбу.

В и о л а

Я постараюсь к вам склонить графиню.

(В сторону.)

Мне нелегко тебе жену добыть:
Ведь я сама хотела б ею быть!

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Дом Оливии.

Входят М а р и я и ш у т.

М а р и я

Говори сейчас же, где ты пропадал, а не то я вот настолечко губ не разожму, чтобы выпросить тебе прощение; за эту отлучку госпожа тебя повесит.

Ш у т

Ну и пусть вешает: кто повешен палачом, тому и смерть ни-почем.

М а р и я

Это еще почему?

Ш у т

Потому, что двум смертям не бывать, а одной не миновать.

М а р и я

Плоская острога. Знаешь, кто говорит: «двум смертям не бывать»?

Ш у т

Кто, почтенная Мэри?

М а р и я

Отважные воины. А у тебя хватает отваги только на глупую болтовню.

Ш у т

Что ж, дай бог мудрецам побольше мудрости, а дуракам побольше удачи.

М а р и я

И все равно за такую долгую отлучку тебя повесят. Или выгонят. А какая тебе разница — выгонят тебя или повесят?

Ш у т

Если повесят на доброй веревке, то уже не женят на злой бабе, а если выгонят, так летом мне море по колено.

М а р и я

Значит, ты уже не ~~цел~~пляешься за это место?

Ш у т

Нет, не скажи. Две зацепки у меня все-таки остались.

М а р и я

Выходит, что если одна лопнет, так другая останется, а если обе лопнут, то штаны свалятся?

Ш у т

Ловко отбрнла, ей-богу, ловко! Продолжай в том же духе, и, если еще вдобавок сэр Тоби бросит пить, я буду почитать тебя за самую занозистую из всех дочерей Евы в Иллирии.

М а р и я

Ладно, негодный плуг, придержи язык. Сюда идет госпожа: попроси у нее прощения, да как следует, с умом, — тебе же будет лучше. (*Уходит.*)

Ш у т

Остроумие, если будет на то воля твоя, научи меня веселому дурачеству! Умники часто думают, что они бог весть как остроумны, и все-таки остаются в дураках, а я вот знаю, что неостроумен, однако иной раз могу сойти за умника. Недаром Квинапал изрек: «Умный дурак лучше, чем глупый остряк».

Входят Оливия и Мальволио.

Благослови вас бог, госпожа!

О л и в и я

Уберите отсюда это глупое существо.

Ш у т

Слышите, что говорит госпожа? Уберите ее отсюда!

О л и в и я

Пошел вон, дурак, твое остроумие иссякло! Видеть тебя не могу! К тому же у тебя нет совести.

Ш у т

Мадонна, эти пороки можно поправить вином и добрым советом: дайте иссякшему дураку вина — и он наполнится; дайте бессовестному человеку добрый совет — и он исправится. А если не исправится, — позовите костоправа, и тот уж справится. Все, что поправлено, — только залатано: дырявая добродетель залатана грехом, а исправленный грех залатан добродетелью. Годится вам такой простой силлогизм — отлично; не годится — что поделаешь? Несчастье всегда рогоносец, а красота — цветок. Госпожа велела убрать глупое существо? Вот я и говорю: уберите ее.

О л и в и я

Я приказала убрать тебя.

Ш у т

Какая несправедливость! Госпожа, *cucullus non facit monachum*¹, а это значит, что дурацкий колпак мозгов не портит. Достойная мадонна, позвольте мне доказать вам, что это вы — глупое существо.

О л и в и я

И ты думаешь, тебе это удастся?

Ш у т

Бессомненно.

О л и в и я

Что ж, попытайся.

Ш у т

Для этого мне придется допросить вас, достойная мадонна: отвечайте мне, моя невинная мышка.

О л и в и я

Спрашивай: все равно других развлечений нет.

¹ Клубок не делает человека монахом. (*Лат.*)

Ш у т

Достойная мадонна, почему ты грустишь?

О л и в и я

Достойный дурак, потому что у меня умер брат.

Ш у т

Я полагаю, что его душа в аду, мадонна.

О л и в и я

Я знаю, что его душа в раю, дурак.

Ш у т

Мадонна, только круглый дурак может грустить о том, что душа его брата в раю.— Люди, уберите отсюда это глупое существо!

О л и в и я

Мальволио, что вы скажете о нашем шуте? Он, кажется, начинает исправляться.

М а л ь в о л и о

Еще бы! Теперь он все время будет исправляться, пока смерть не пришибет его. Старость только умным вредит, а дураков она совершенствует.

Ш у т

Дай тебе бог, сударь, скоростижно состариться и стать круглым дураком. Сэр Тоби побьется об заклад, что я не лисица; но он и двумя пенсами не поручится, что ты не болван.

О л и в и я

Что вы теперь скажете, Мальволио?

М а л ь в о л и о

Не могу понять, как ваша милость терпит этого пустоголового мерзавца: недавно на моих глазах он спасовал перед обыкновенным ярмарочным шутком, безмозглым как бревно. Видите, он сразу и онемел. Когда вы не смеетесь и не поощряете его, он двух слов связать не может. По-моему, умники, которые хихикают над островами таких завязых дураков, сами не лучше балаганных фигляров.

О л и в и я

Мальволио, у вас большое самолюбие: оно не переваривает шуток. Человек благородный, чистосердечный и непредубежденный

считает такие остроты безвредными горошинами, а вам они кажутся пушечными ядрами. Домашний шут не может оскорбить, даже если он над всем издевается, так же как истинно разумный человек не может издеваться, даже если он все осуждает.

Ш у т

Да ниспошлет тебе Меркурий умение складно врать в награду за твое доброе слово о шутах!

Входит М а р и я.

М а р и я

Сударыня, какой-то молодой человек у ворот очень хочет вас видеть.

О л и в и я

От герцога Орсино, вероятно?

М а р и я

Не знаю, сударыня. Красивый юноша, и свита у него не маленькая.

О л и в и я

А кто его не пропускает?

М а р и я

Ваш родственник, сударыня, сэр Тоби.

О л и в и я

Уведи его оттуда, пожалуйста: вечно он несет всякую чепуху. Просто стыдно за него!

М а р и я уходит.

Пойдите вы, Мальволио. Если это посланец герцога, то я больна или меня нет дома — все что угодно, только спровадьте его.

М а л ь в о л и о уходит.

Теперь ты сам видишь, сударь, что твои шутки обросли бородой и никого не смешат.

Ш у т

Ты так заступалась за нас, мадонна, словно твоему старшему сыну на роду написано быть дурачком. Желаю тебе, чтобы Юпитер

не поскупился на мозги для его черепа, а то у одного из твоих родственников — вот и он, кстати! — *pia mater*¹ совсем размягчилась.

Входит сэр Тоби.

О л и в и я

Честное слово, он уже успел выпить! Дядя, кто это там у ворот?

С э р Т о б и

Дворянин.

О л и в и я

Дворянин? Какой дворянин?

С э р Т о б и

Этот дворянин... (*Икает.*) А будь она неладна, эта маринованная селедка! — Как дела, дурень?

Ш у т

Достойный сэр Тоби!

О л и в и я

Дядя, дядя, еще совсем рано, а вы уже дошли до такого неподобия!

С э р Т о б и

Преподобия? Плевал я на преподобие! Пускай себе стоит у ворот!

О л и в и я

Да кто же там, наконец?

С э р Т о б и

Хоть сам черт, если ему так нравится, мне-то что? Уж кто-кто, а я врать не стану. Да что с вами разговаривать! (*Уходит.*)

О л и в и я

Дурак, на кого похож пьяный?

Ш у т

На утопленника, дурака и сумасшедшего: с одного лишнего глотка он дуреет, со второго — сходит с ума, с третьего — идет ко дну.

¹ Мягкая мозговая оболочка. (*Лат.*)

О л и в и я

Пойди-ка и приведи пристава, пусть освидетельствует тело моего дядюшки: он в третьей степени опьянения, значит, уже утонул. Присмотри за ним.

Ш у т

Нет, мадонна, пока что он еще голько спятил; придется дураку присмотреть за сумасшедшим. (*Уходит.*)

Входит Мальволио

М а л ь в о л и о

Сударыня, этот молодой человек хочет видеть вас во что бы то ни стало. Я сказал, что вы больны; он ответил, что знает и именно поэтому хочет вас видеть. Я сказал, что вы спите; это он тоже предугадал, и как раз поэтому ему особенно нужно вас видеть. Что ему ответить, сударыня? Его не собьешь никакими отговорками.

О л и в и я

Скажите ему, что он меня не увидит.

М а л ь в о л и о

Говорил. Он ответил, что будет стоять у ваших ворот, как столб у дверей шерифа, и что дождется вас, даже если из него сделают подпорку для скамьи.

О л и в и я

Какого рода он человек?

М а л ь в о л и о

Мужского, разумеется.

О л и в и я

Да нет, какого сорта?

М а л ь в о л и о

Хуже не бывает: хотите или не хотите, но он к вам прорвется.

О л и в и я

Каков он на вид и сколько ему лет?

М а л ь в о л и о

Для мужчины мало, для мальчика много: незрелый стручок, зеленое яблочко. Он, так сказать, ни то ни се: серединка наполо-

винку между мальчиком и мужчиной. Он очень хорош собой и очень задирист. С вашего позволения, у него еще молоко на губах не обсохло.

О л и в и я

Пусть войдет. Только раньше позовите мою камеристку.

М а л ь в о л и о

Мария, вас зовет госпожа! (*Уходит.*)

Входит М а р и я.

О л и в и я

Закрой лицо мне этим покрывалом:
Посол Орсино к нам сейчас придет.

Входят Виола и придворные.

В и о л а

Кто из вас достойная хозяйка этого дома?

О л и в и я

Обращайтесь ко мне: я отвечу за нее. Что вам угодно?

В и о л а

Ослепительнейшая, прелестнейшая и несравненнейшая красавица, скажите мне, действительно ли вы хозяйка этого дома. Я никогда ее не видел, и мне не хотелось бы пустить по ветру свое красноречие: не говоря уже о том, что я сочинил замечательную речь, мне еще стоило огромных усилий вытвердить ее наизусть! — Милые красавицы, не вздумайте насмеяться надо мной: я очень обижаюсь, когда со мной неласково обходятся.

О л и в и я

Откуда вы явились, сударь?

В и о л а

Мне трудно сказать что-нибудь сверх того, что я заучил, а этот вопрос не входит в мою роль. Благородная дама, дайте мне хоть какое-нибудь доказательство того, что вы — хозяйка этого дома, иначе я не смогу произнести свою речь.

О л и в и я

Вы комедиант?

В и о л а

Нет, мое глубокомысленное сердечко, хотя, клянусь клыками хитрости, я действительно не тот, кого играю. Вы хозяйка дома?

О л и в и я

Если я не присваиваю себе собственных прав, то я.

В и о л а

Конечно, присваиваете, если вы — это она, так как то, что вы можете отдать, вы уже не можете оставить при себе. Впрочем, я превышаю свои полномочия. Сейчас я произнесу похвальное слово в вашу честь, а потом перейду к сути дела.

О л и в и я

Начните с главного; похвалы можете опустить.

В и о л а

Но я так старался их затвердить, и они так поэтичны!

О л и в и я

Значит, особенно лживы: оставьте их про себя. Мне сказали, что вы дерзко вели себя у ворот, и я впустила вас больше из желания выслушать, чем из желания увидеть. Если вы не в себе — уходите, если в здравом рассудке — будьте кратки. Я сейчас не расположена к препирательствам.

М а р и я

Не поднять ли вам паруса? Плывите к дверям.

В и о л а

Нет, дорогой боцман, я еще подрейфую здесь. — Утихомирьте вашего великана, престелная дама.

О л и в и я

Говорите, что вам угодно?

В и о л а

Я посланец.

О л и в и я

Должно быть, вы посланы с бесчестным поручением, если вам так трудно изложить его. Приступайте к делу.

В и о л а

Оно предназначено только для вашего слуха. Я не собираюсь

объявлять войну или требовать дань: у меня в руках оливковая ветвь. Слова мои и намерения полны миролюбия.

О л и в и я

Однако начали вы с грубости. Кто вы такой? Чего вы хотите?

В и о л а

Эта грубость рождена приемом, который мне здесь оказали. Кто я и чего хочу, должно быть окружено не меньшей тайной, чем девственность. Для ваших ушей — святое откровение, для посторонних — кощунство.

О л и в и я

Оставьте нас одних: послушаем это откровение.

Мария и придворные уходят.

Итак, сударь, что гласит текст?

В и о л а

Очаровательнейшая властительница...

О л и в и я

Очень приятная доктрина, и развивать ее можно без конца. Где хранится подлинник текста?

В и о л а

В груди у Орсино.

О л и в и я

В его груди? В какой именно части?

В и о л а

Если быть точным, то в самой середине сердца.

О л и в и я

Я его читала: это ересь. Больше вам нечего сказать?

В и о л а

Достойная госпожа, позвольте мне взглянуть на ваше лицо.

О л и в и я

Ваш господин поручил вам вступить в переговоры с моим лицом? Вы явно отклонились от текста. Но мы отдернем занавес и

покажем вам картину. Смотрите, сударь, вот какова я сейчас. Правда, недурная работа? *(Откидывает покрывало.)*

В и о л а

Превосходная, если это, действительно, дело рук божьих.

О л и в и я

Краска прочная, сударь: не боится ни дождя, ни ветра.

В и о л а

Да, подлинно прекрасное лицо!
Рука самой искусницы природы
Смешала в нем румянец с белизной.
Вы самая жестокая из женщин,
Коль собираешься дожить до гроба,
Не снявши копий с этой красоты.

О л и в и я

Что вы, сударь, я совсем не так бессердечна! Поверьте, я обязательно велю составить опись всех моих прелестей: их внесут в реестр и на каждой частице и принадлежности наклеят ярлык с наименованием. Например: первое — пара губ, в меру красных; второе — два серых глаза и к ним в придачу веки; третье — одна шея, один подбородок... и так далее. Вас послали, чтобы оценить меня?

В и о л а

Я понял вас: вы чересчур надменны.
Но, будь вы даже ведьмой, вы красивы.
Мой господин вас любит. Как он любит!
Будь вы красивей всех красавиц в мире,
Такой любви не наградить нельзя.

О л и в и я

А как меня он любит?

В и о л а

Беспрдельно.
Напоминают гром его стенанья,
Вздых опалает пламенем, а слезы
Подобны плодоносному дождю.

О л и в и я

Он знает, что его я не люблю.
Не сомневаюсь, он душой возвышен

И, несомненно, молод, благороден,
Богат, любим народом, щедр, учен,—
Но все-таки его я не люблю,
И это он понять давно бы должен.

В и о л а

Люби я вас, как любит мой властитель,
С таким несокрушимым постоянством,
Мне был бы непонятен ваш отказ,
И в нем я не нашел бы смысла.

О л и в и я

Да?

А что б вы сделали?

В и о л а

У вашей двери
Шалаш я смел бы, чтобы из него
Взывать к возлюбленной; слагал бы песни
О верной и отвергнутой любви
И распевал бы их в глухую полночь;
Кричал бы ваше имя, чтобы эхо
«Оливия!» холмам передавало:
Вы не нашли бы на земле покоя,
Пока не сжалились бы.

О л и в и я

Вам дано
Достигнуть многого... Кто родом вы?

В и о л а

Я жребием доволен, хоть мой жребий
И ниже, чем мой род: я дворянин.

О л и в и я

Вернитесь к герцогу и передайте:
Я не люблю его. Пусть он не шлет
Послов ко мне. Вот разве вы зайдите,
Чтоб рассказать, как принял вас Орсипо.
А это вам на память обо мне.

(Протягивает кошелек.)

В и о л а

Я не посыльный. Спрячьте кошелек:
Не мне, а герцогу нужна награда.

Пусть камнем будет сердце у того,
Кто вам внушил любовь; пусть он отвергнет
С презрением холодным вашу страсть,
Как вы отвергли герцога Орсино.
Прощайте же, прекрасная жестокость!

(Уходит.)

О л и в и я

«Кто родом вы?» — «Я жребием доволен.
Хотя мой жребий ниже, чем мой род:
Я дворянин». Клянусь, что это так!
Поступки, речь, движения, лицо —
Вот твой дворянский герб... Спокойней, сердце!
Когда б слуга был господином... Боже!
Ужели так заразна эта хворь?
Я чувствую, что, крадучись беззвучно,
Очарованье юного посланца
В мои глаза проникло... Будь что будет! —
Мальволио, сюда!

М а л ь в о л и о

Я здесь, графиня.

О л и в и я

Беги скорей за юношей упрямым,
За герцогским послом, и этот перстень
Верни ему, скажи — он мне не нужен.
Я не хочу надеждами пустыми
Манить Орсино — я не для него.
Вот если юноша зашел бы завтра —
Я объяснила б все... Иди, не медли!

М а л ь в о л и о

Сударыня, иду.

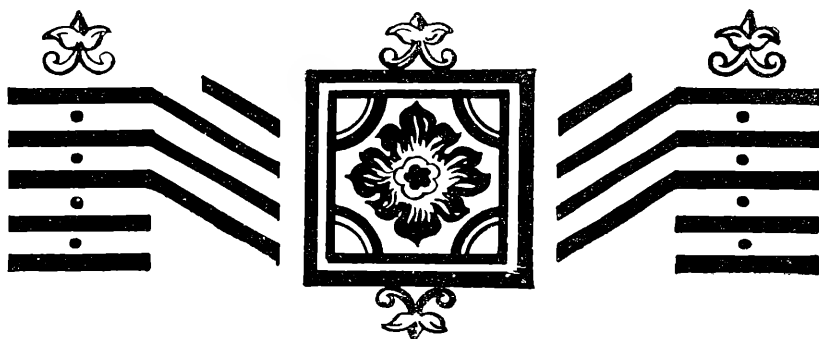
(Уходит.)

О л и в и я

Что делаю — сама не понимаю:
Я не уму, а лишь глазам внимаю...
Нет, человек не властен над собой!
Пусть будет так, как решено судьбой.

(Уходит.)

А К Т II

С Ц Е Н А I

Берег моря.

Входят Себастьян и Антонио.

А н т о н и о

Вы не хотите остаться у меня? И не хотите, чтоб я вас проводил?

С е б а с т ь я н

Простите великодушно, не хочу. Звезда моя еле мерцает во мраке; судьба ко мне столь враждебна, что может обрушиться и на вас. Поэтому я так стремлюсь проститься с вами и одиноко нести свои невзгоды. Я плохо отблагодарил бы вас за расположение ко мне, если бы переложил их хоть отчасти на ваши плечи.

А н т о н и о

Скажите хотя бы, куда вы идете?

С е б а с т ь я н

Нет-нет, сударь! Мой путь — это путь скитаний. Но вы, я вижу, так скромны, что даже не пытаетесь выведать то, о чем до сих пор я умалчивал: тем легче мне повиноваться учтивости и рассказать о себе. Знайте, Антонио, что, хотя я назвался Родриго, зовут меня Себастьяном. Отец мой был тем самым Себастьяном из Мессалина, о котором, как мне кажется, вы слышаны.

После его смерти остались близнецы, рожденные в один и тот же час,— я и моя сестра. Почему судьбе не было угодно, чтобы мы и погибли одновременно? Но этому помешали вы, сударь, ибо за час до того, как вы спасли меня от ярости волн, моя сестра утонула.

А н т о н и о

Боже милосердный!

С е б а с т ь я н

Хотя люди и говорили, что мы с ней очень похожи, многие считали ее красавицей. Разумеется, я был не вправе разделять их восхищение, но одно я утверждаю смело: и сама зависть признала бы, что ее душа была прекрасна. Сударь, сестра моя уже утонула в соленой воде, а я все еще, как видите, топлю память о ней в соленых слезах.

А н т о н и о

Вы уж не взыщите, что я не мог принять вас как подобает.

С е б а с т ь я н

Добрый мой Антонио, это я должен просить у вас прощения за то, что доставил вам столько хлопот.

А н т о н и о

Если вы не хотите в награду за преданность убить меня, позвольте мне быть вашим слугой.

С е б а с т ь я н

Если вы не хотите разрушить дело рук своих и уничтожить человека, которого вернули к жизни, не просите меня об этом. Попрошаемся сразу. Я по натуре мягкосердечен и к тому же так похож на свою мать, что достаточно малости — и глаза мои сразу же меня выдают. Я иду ко двору герцога Орсино. Прощайте.
(Уходит.)

А н т о н и о

Да сохранят тебя благие боги!
Я за тобой пошел бы ко двору,
Но там полно врагов... Нет, будь что будет!
Опасность — вздор. Я так тебя люблю,
Что в бой шутя с любым врагом вступлю!

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Улица.

Входит Виола, за ней — Мальволио.

Мальволио

Не вы ли только что вышли от графини Оливии?

Виола

Вы не ошиблись, сударь: я шел не спеша и успел дойти всего лишь до этого места.

Мальволио

Графиня возвращает вам этот перстень. Вы избавили бы меня от лишнего беспокойства, если бы потрудились забрать его сразу. Кроме того, графиня просит вас втолковать вашему господину, что он ей не нужен окончательно и бесповоротно. И последнее: не вздумайте еще раз являться к ней от имени герцога, — разве что захотите рассказать, как он принял ее ответ. Вот и все.

Виола

По перстень дан был ей: он мне не нужен.

Мальволио

Нет уж, сударь, вы дерзко бросили его графине, и она желает, чтобы его вернули вам таким же образом. *(Бросает перстень.)* Если перстень стоит того, чтобы нагнуться, — вот он лежит перед вами; если нет — пусть достается тому, кто его найдет. *(Уходит.)*

Виола

Я перстня ей не приносила... Странно!
А вдруг Оливия пленилась мною?
Не дай господь! Она в мои глаза
Так неотрывно, пристально смотрела,
Что спотыкаться стал ее язык
И не вязались меж собою фразы...
Сомнений нет: она в меня влюбилась,
А этот перстень и гонец ворчливый —
Уловка страсти, чтоб меня вернуть.
Орсино, перстень — это все предлоги,
А суть во мне. Но если я права, —
Бедняжка, лучше б ей в мечту влюбиться!
Притворство! Ты придумано лукавым,
Чтоб женщины толпой шли в западню:
Ведь так легко на воске наших душ
Красивой лжи запечатлеть свой образ.

Да, мы слабы, но наша ль в том вина,
Что женщина такой сотворена?
Как дальше быть? Ее мой герцог любит;
Я, горестный урод, люблю его;
Она, не зная правды, мной пленилась...
Что делать мне? Ведь если я мужчина,
Не может герцог полюбить меня;
А если женщина, то как бесплодны
Обманутой Оливии надежды!..
Орешек этот мне не по зубам.
Лишь ты, о время, тут поможешь нам!

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Дом Оливии.

Входят сэр Тоби и сэр Эндрю.

Сэр Тоби

Входи, сэр Эндрю! Кто к полуночи не добрался до постели, тот все равно что встал спозаранку. Знаешь, *diluculo surgere*...¹.

Сэр Эндрю

Вот уж, право, не знаю. Знаю только, что, кто поздно ложится, тот ложится поздно.

Сэр Тоби

Неверное заключение. Оно мне противно, как пустой жбан. Кто лег спать после полуночи, лег в ранний час; ну и выходит: кто лег после полуночи, лег ни свет ни заря. Ведь говорят же, что наша жизнь состоит из четырех стихий.

Сэр Эндрю

Понимаешь, я и сам это слышал, но, по мне, так она состоит из еды и питья.

Сэр Тоби

Ну, ты прямо мудрец! Итак, давай есть и пить.— Эй, Мэриен, вина!

Входит шут.

Шут

Как дела, красавчики? Видели вы вывеску «Нас здесь трое»?

¹ *Diluculo surgere saluberrimum est* — рано вставать полезно. (Лат.)

С э р Т о б и

Здорово, осел! А ну-ка, споем застольную.

С э р Э н д р ю

Ей-богу, у этого дурака замечательный голос. Будь у меня такая сладостная глотка и такие икры, как у этого дурака, я бы их и на сорок шиллингов не сменял. Знаешь, ты отлично ваял дурака вчера ночью, когда болтал о Пигрогромитусе и о вапианцах, которые прошли по Квеубусскому меридиану. Провалиться мне, очень здорово. Я послал тебе шестипенсовик для твоей девочки. Ты получил?

Ш у т

Да, я приручил его к ней, потому что нос у Мальволио чует, по не бичует, у моей красотки ручки не короткие, а мирмидонцев не пускают туда, где выпивают.

С э р Э н д р ю

Замечательно! Чепуховее этой чепухи и не придумаешь. А теперь запевай.

С э р Т о б и

Мы ждем. Вот тебе шестипенсовик. Заводи песню.

С э р Э н д р ю

И от меня столько же. Если один рыцарь дает...

Ш у т

Вам какую песню — любовную или поучительную?

С э р Т о б и

Любовную, любовную!

С э р Э н д р ю

Конечно, любовную! Ненавижу поучения.

Ш у т

(поет)

Где ты, милая, блуждаешь,
Что ты друга не встречаешь
И не вторишь песне в лад?
Брось напрасные скитанья,
Все пути ведут к свиданью.—
Это знает стар и млад.

С э р Э н д р ю

Ей-богу, отлично!

С э р Т о б и

Неплохо, неплохо.

Ш у т

(поет)

Нам любовь на миг дается.
Тот, кто весел, пусть смеется:
Счастье тает, словно снег.
Можно ль будущее взвесить?
Ну, целуй — и раз, и десять:
Мы ведь молоды не век.

С э р Э н д р ю

Сладкозвучное горло, вот вам слово рыцаря!

С э р Т о б и

И какое притом пахучее!

С э р Э н д р ю

Да-да, сладко пахучее.

С э р Т о б и

Если слушать носом, так все кишки выворотит. Ну как, гранием застольную, чтобы небу жарко стало? Распугаем сов, такого шума наделаем, что и у глухого душа с телом расстанется! Давайте?

С э р Э н д р ю

Конечно, давайте, я же на застольных песнях собаку съел.

Ш у т

Черт подери, сударь, а собака-то, видать, была музыкальная.

С э р Э н д р ю

Еще бы! Давайте споем «Мошенника».

Ш у т

«Молчи, молчи, мошенник!», рыцарь? Выходит, мне придется называть тебя мошенником, рыцарь?

С э р Э н д р ю

Ну, меня не впервой мошенником называют. Начинай, дурак. Она начинается: «Молчи, молчи!»

Ш у т

Но если я буду молчать, я никогда не начну.

С э р Э н д р ю

Отлично, ей-богу, отлично! Начинай же.

Поют застольную песню.
Входит М а р и я.

М а р и я

Это что еще за кошачий концерт? Я не я, если госпожа не послала уже за дворецким Мальволио и не приказала ему выставить вас за дверь.

С э р Т о б и

Твоя госпожа просто эфиопка, Мальволио старая перечница, а мы трое весельчаков. И вообще *(поет)* «Мы трое славных весельчаков!» Что же, я не родственник ей? Не одной с нею крови? Тьфу ты ну ты, госпожа! *(Поет.)* «Жил в Вавилоне человек, эх, госпожа, госпожа!»

Ш у т

Ох, умру! И знатно же этот рыцарь умеет валять дурака!

С э р Э н д р ю

Конечно, умеет, когда хочет, и я тоже. Только у него это получается красивее, а у меня натуральнее.

С э р Т о б и
(поет)

«Двенадцатого декабря...».

М а р и я

Уймись вы, ради бога!

Входит М а л ь в о л и о.

М а л ь в о л и о

С ума вы сошли, господа мои? Опомнитесь! Где ваш разум, где пристойность и совесть? В такой поздний час гогочете, точно пьяные сапожники, расселись тут, как в пивной, и горланите свои площадные песни! Неужели у вас нет уважения к госпоже и к ее дому, нет простого такта?..

С э р Т о б и

Нет уж, сударь, что-что, а такт мы в песнях соблюдаем. И вообще заткнитесь.

М а л ь в о л и о

Сэр Тоби, я вынужден говорить с вами без обиняков. Графиня велела передать, что она дает вам приют как своему родственнику, но не потерпит у себя никаких безобразий. Если вы способны расстаться с распутством, ее дом к вашим услугам; если предпочитаете расстаться с ней, она охотно с вами попрощается.

С э р Т о б и

(поет)

«Прощай, о милая, настал разлуки час...».

М а р и я

Дорогой сэр Тоби, не надо!

Ш у т

(поет)

«Мутнеет взгляд полужакрытых глаз...».

М а л ь в о л и о

Ах так?

С э р Т о б и

(поет)

«Но не умру я, нет!»

Ш у т

(поет)

«Ты тут соврал, сосед!»

М а л ь в о л и о

Нечего сказать, благородное поведение!

С э р Т о б и

(поет)

«Я прогоню его!»

Ш у т

(поет)

«Вот будет торжество!»

С э р Т о б и

(поет)

«Я прогоню его немедленно, друзья!»

Ш у т
(поет)

«Вы струсите, вы струсите, уверен я».

С э р Т о б и

Сбился с такта, сударь: теперь врешь ты.— А ты что за птица? Дворецкий какой-то! Думаешь, если ты такой уж святой, так на свете больше не будет ни пирогов, ни хмельного пива?

Ш у т

Клянусь святой Анной, имбирное пиво тоже недурно обжигает глотку!

С э р Т о б и

И то верно.— А ты, сударь, отправляйся-ка восвояси, спими свою цепь и начисти ее как следует.— Мария, принеси вина.

М а л ь в о л и о

Если бы вы хоть немного дорожили расположением госпожи, уважаемая Мэри, вы не стали бы потакать такой безнравственности. Клянусь этой рукой, графине будет обо всем доложено.
(Уходит.)

М а р и я

Проваливай-проваливай, лопоухий!

С э р Э н д р ю

Вот была бы потеха — вызвать его на поединок, а самому не прийти и оставить его в дураках! Это вроде как выпить на пустой желудок!

С э р Т о б и

А ты попробуй вызови: я напишу за тебя вызов или, если хочешь, изложу твоё негодование устно.

М а р и я

Миленький сэр Тоби, будьте сегодня вечером благоразумны: госпожа места себе не находит после нынешней беседы с этим герцогским юнцом. А уж с мосье Мальволио я сама разделаюсь. Если я не сумею одурачить его и сделать всеобщим посмешищем, значит, я такая круглая дура, что и в собственную постель не смогу улечься. Я его насквозь вижу, будьте спокойны.

С э р Т о б и

А ну, а ну, расскажи и нам, что ты о нем знаешь.

М а р и я

Понимаете, сударь, он иногда смахивает на пуританина.

С э р Э н д р ю

Если бы я этому поверил, то избил бы его как собаку.

С э р Т о б и

Только за то, что он пуританин? Нечего сказать, основательный резон!

С э р Э н д р ю

Ну, резону у меня, может, и нет, но других оснований предостаточно.

М а р и я

Да какой он, к черту, пуританин! Ни рыба ни мясо, подлиза, надутый осел! Зубрит с чужого голоса правила хорошего тона и сыплет их пригоршнями. Лопается от самодовольства и так уверился в собственном совершенстве, что воображает, будто стоит женщине на него взглянуть, как она тут же и влюбится. Вот на этой его слабой струнке я сыграю и как следует ему отомщу.

С э р Т о б и

А что ты сделаешь?

М а р и я

Я подкину ему невразумительное любовное послание и так опишу его икры, бороду, походку, выражение глаз, лоб и цвет лица, что он обязательно узнает свой портрет. Я умею подражать почерку графини, вашей племянницы, до того точно, что, если нам попадается какая-нибудь забытая записка, мы с госпожой и сами не можем разобрать, кто из нас ее писал.

С э р Т о б и

Отлично! Я уже чувю, в чем дело.

С э р Э н д р ю

Кажется, и я унюхал.

С э р Т о б и

Он решит, что записку написала моя племянница и что она в него влюбилась.

М а р и я

Вот-вот, на эту лошадку я и собираюсь поставить.

С э р Э н д р ю

И твоя лошадь превратит его в осла.

М а р и я

И в какого осла!

С э р Э н д р ю

Замечательно!

М а р и я

Позабавимся на славу! Будьте спокойны, это лекарство его проймет! Я спрячу вас обоих и шута в придачу где-нибудь поблизости, так что вы воочию увидите действие моего зелья. А пока что — спать, и пусть вам приснится эта потеха. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

С э р Т о б и

Спокойной ночи, Пентезиля.

С э р Э н д р ю

Славная девчонка, провалиться мне на месте!

С э р Т о б и

Да, гончая чистых кровей и к тому же обожает меня. Но дело не в этом.

С э р Э н д р ю

Меня одна тоже обожала.

С э р Т о б и

Пошли спать, рыцарь. Придется тебе еще раз послать за деньгами.

С э р Э н д р ю

Если я не подцеплю вашей племянницы, плохи мои дела.

С э р Т о б и

Посылай за деньгами, рыцарь. Если она в конце концов не станет твоей, можешь называть меня кургузым мерином.

С э р Э н д р ю

Я не я, если не назову. А уж там как хотите.

С э р Т о б и

Ну идем, идем, я приготовлю жженку. Ложиться спать уже поздно. Идем, рыцарь, идем.

Уходят.

СЦЕНА 4

Дворец герцога.

Входят герцог, Виола, Курно и другие.

Герцог

Я музыки хочу.— Друзья, привет вам! —
Цезарию, пусть мне опять сыграют
Ту песенку старинную, простую,
Которую мы слышали вчера.
Она мне больше облегчила душу,
Чем звонкие, холодные напевы
Шальных и суетливых наших дней.
Один куплет сыграйте.

Курно

Простите, ваша светлость, здесь нет того, кто умеет петь эту песню.

Герцог

А кто он такой?

Курно

Шут Фесте, государь. Его выходки очень забавляли отца графини Оливии. Он сейчас где-то во дворце.

Герцог

Найти его.— А вы напев сыграйте.

Курно уходит. Музыка.

Когда узнаешь сладкий яд любви,
Ты вспомяни меня, мой милый мальчик.
Влюбленные все на одно лицо:
Изменчивы, неровны, прихотливы,
И только образу своей любимой
Они всегда верны... Ну, как напев?

Виола

Он эхо пробуждает в том дворце,
Где властвует любовь.

Герцог

Как это метко!

Хотя ты очень молод, но клянусь,
Что чей-то взор, благоволенья полный,
Нарушил твой покой.

В и о л а

Вы, государь,
Проникли в самые глубины сердца.

Г е р ц о г

А кто она?

В и о л а

Во всем — подобье ваше.

Г е р ц о г

Ты плохо выбрал. Сколько же ей лет?

В и о л а

Не более, чем вам.

Г е р ц о г

Ох как стара!

Ведь женщине пристало быть моложе
Супруга своего: тогда она,
Обыкновеньям мужа покоряясь,
Сумеет завладеть его душой.
Хотя себя мы часто превозносим,
Но мы в любви капризней, легковесней,
Быстрее устаем и остываем,
Чем женщины.

В и о л а

Вы правы, государь.

Г е р ц о г

Найди себе подругу-помоложе,
Иначе быстро охладеешь к ней.
Все женщины, как розы: день настанет —
Цветок распустится и вмиг увянет.

В и о л а

Как жаль мне их, о, как мне жаль цветы,
Чей жребий — вянуть в цвете красоты!

К у р и о входит с ш у т о м.

Г е р ц о г

А, ты пришел! Порадуй нас, дружине,
Вчерашней песней старой, заунывной.
Ее мурлычат пряжи за работой,
Вязальщицы на солнышке поют,

Перебирая костяные ключики.
Она полна сердечности и правды,
Как старина.

Ш у т

Можно начинать, государь?

Г е р ц о г

Да-да, мы слушаем.

Ш у т

(поет)

Поспеши ко мне, смерть, поспеши
И в дубовом гробу успокой,
Свет в глазах потуши, потуши,—
Я обманут красавицей злой.
Положите на гроб не цветы,
А камни.
Только ты, о смерть, только ты
Мила мне.

Схороните меня в стороне
От больших проезжих дорог,
Чтобы друг не пришел ко мне
И оплакать меня не мог,
Чтобы, к бедной могиле моей
Склоненный,
Не вздыхал, не рыдал над ней
Влюбленный.

Г е р ц о г

Возьми себе за труд.

Ш у т

Какой же это труд, государь? Для меня петь — удовольствие!

Г е р ц о г

Тогда за удовольствие возьми.

Ш у т

Справедливо, государь: за удовольствие тоже рано или поздно надобно расплачиваться.

Г е р ц о г

Прости, но нам придется распрощаться.

Ш у т

Да хранит тебя бог меланхолии и да сошьет тебе портной камзол из переливчатой тафты, потому что душа твоя ни дать ни взять — опал. Людей с таким постоянным нравом следовало бы отправлять в море: там они могли бы заниматься чем вздумается и плыть куда заблагорассудится, вот и совершили бы отменное путешествие, ловя собственный хвост. Счастливого пути. (*Уходит.*)

Г е р ц о г

Оставьте нас.

Курио и придворные уходят.

Цезарио, пойдй

Еще раз к ней, к жестокости надменной,
И повтори ей, что моей душе,
Объятой благороднейшей любовью,
Не нужен жалкий прах земных владений.
Я презираю и дары Фортуны,
Которыми Оливия богата,
И самое Фортуны; но безмерно
Я очарован чудом красоты,
Которая по милости природы
В моей владычице воплощена.

В и о л а

Но если вас она любить не может?

Г е р ц о г

Я не могу принять такой ответ.

В и о л а

Но вы должны! Представьте, ваша светлость,
Что женщина — быть может, есть такая! —
Терзается любовью к вам, а вы
Ей говорите: «Не люблю!» Так что же,
Возможно ль ей отказом пренебречь?

Г е р ц о г

Грудь женщины не вынесет биения
Такой могучей страсти, как моя.
Нет, в женском сердце слишком мало места:
Оно любовь не может удержать.
Увы! Их чувство — просто голод плоти.
Им только стоит утолить его —

И сразу наступает пресыщение.
Моя же страсть жадна подобно морю
И так же ненасытна. Нет, мой мальчик,
Не может женщина меня любить,
Как я люблю Оливию.

В и о л а

И все же

Я знаю...

Г е р ц о г

Что, Цезарио, ты знаешь?

В и о л а

Как сильно любят женщины. Они
В любви верны не меньше, чем мужчины.
Дочь моего отца любила так,
Как, будь я женщиною, я, быть может,
Любил бы вас.

Г е р ц о г

Ну что же, расскажи,
Что было с ней.

В и о л а

Ее судьба, мой герцог,
Подобна неисписанной странице.
Она молчала о своей любви,
Но тайна эта, словно червь в бутоне,
Румянец на ее щеках точила.
Безмолвно тая от печали черной,
Как статуя Терпения застыв,
Она своим страданиям улыбалась.
Так это ль не любовь? Ведь мы, мужчины,
Хотя и расточаем обещанья,
Но мы, твердя о страсти вновь и вновь,
На клятвы щедры, скупы на любовь.

Г е р ц о г

И от любви твоя сестра исчахла?

В и о л а

Я нынче, государь,— все сыновья
И дочери отца. Хотя, быть может...
К графине мне идти?

Г е р ц о г

Да, и скорее
Вручи мой дар, и пусть она поймет:
Любовь не отступает и не ждет.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Сад Оливии.

Входят сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан.

С э р Т о б и

Пойдешь с нами, синьор Фабиан?

Ф а б и а н

Еще бы! Пусть меня заживо сожрет меланхолия, если я упустиу хоть крупицу этого развлечения.

С э р Т о б и

А ты хотел бы, чтобы этого мерзавца, этого ничтожного кусачего пса опозорили на глазах у всех?

Ф а б и а н

Запрыгал бы от радости: вы же знаете, он рассказал, что я занимался здесь медвежьей травлей, и с тех пор госпожа меня не жалуется.

С э р Т о б и

Сейчас мы ему такую медвежью травлю устроим, что он позеленеет от злости. Мы чучело гороховое из него сделаем. Правда, сэр Эндрю?

С э р Э н д р ю

Лопнуть нам на месте, если не сделаем.

С э р Т о б и

А вот и маленькая негодница явилась.

Входит М а р и я.

Ну, что нового, золото мое индийское?

М а р и я

Скорее спрячьтесь за буксом, сюда идет Мальволио. Он сейчас на солнцепеке добрых полчаса обучал собственную тень хорошим манерам. Если вам охота позабавиться, следите за ним

ручаюсь, это письмо так вскружит ему голову, что он совсем одурет. Прячьтесь же, не то конец нашей шутке. А ты лежи тут *(бросает на землю письмо)*: сюда плывет рыбка, которая только на лещь и клюет. *(Уходит.)*

Входит Мальволио.

М а л ь в о л и о

Это зависит от удачи. Все зависит от удачи. Мария как-то сказала мне, будто я нравлюсь графине, да и сама графиня однажды намекнула, что влюбись она, так обязательно в человека вроде меня. И обходится она со мной куда уважительней, чем с другими домочадцами. Какой из этого вывод?

С э р Т о б и

Вот самоуверенная скотина!

Ф а б и а н

Тише! Он размечтался и стал вылитый индюк! Глядите, как распускает хвост и пыжится!

С э р Э н д р ю

Прямо руки чешутся намять бока скоту!

С э р Т о б и

Тише вы!

М а л ь в о л и о

Стать графом Мальволио!

С э р Т о б и

Ох, пес!

С э р Э н д р ю

Пристрелить собаку на месте!

С э р Т о б и

Тише, тише!

М а л ь в о л и о

Идти за примером недалеко: всем известно, что графиня Стрейчи вышла замуж за собственного камер-лакея.

С э р Э н д р ю

Вот Иезавель бесстыжий!

Ф а б и а н

Да тише вы! Теперь он совсем размечтался: ишь, как его распирает.

М а л ь в о л и о

Я уже три месяца женат на ней и вот сижу в своем кресле под балдахином...

С э р Т о б и

Арбалет мне! Глаз ему выбить!

М а л ь в о л и о

...в бархатном расшитом халате; и призываю слуг; и я только что поднялся с ложа, где еще спит Оливия...

С э р Т о б и

Разрази его гром!

Ф а б и а н

Тише! Тише!

М а л ь в о л и о

...и тут на меня находит каприз; я медленно обвожу всех взглядом, словно говорю, что хорошо бы им знать свое место, как я знаю свое, и сразу велю позвать моего родственника Тоби.

С э р Т о б и

Чтоб его на части разорвало!

Ф а б и а н

Тише! Тише! Тише! Ну, ну?

М а л ь в о л и о

Семеро слуг угодливо бегут за ним, а я продолжаю сидеть пахмурившись и, может быть, завожу часы или играю своей... какой-нибудь драгоценной безделушкой. Входит Тоби, отвечает низкий поклон...

С э р Т о б и

Я ему голову сверну!

Ф а б и а н

Тише! Молчите, даже если из вас будут тянуть слова клещами.

М а л ь в о л и о

Я протягиваю ему руку вот так, смягчая свой строгий и властный взгляд милостивой улыбкой...

С э р Т о б и

И Тоби не дает тебе затрешины?

М а л ь в о л и о

и говорю: «Кузен мой Тоби, поелику благосклонная судьба соединила меня с вашей племянницей, я вправе обратиться к вам с увещанием».

С э р Т о б и

Что, что?

М а л ь в о л и о

«Вам не приличествует пьянствовать...».

С э р Т о б и

Умри, мерзавец!

Ф а б м а н

Ну потерпите еще, иначе мы сами же выьем зубы нашей затее.

М а л ь в о л и о

«К тому же вы расточаете ваше бесценное время с этим олу-
хом... с рыцарем...»

С э р Э н д р ю

Ей-богу, он это обо мне!

М а л ь в о л и о

«...с этим сэром Эндрю».

С э р Э н д р ю

Так я и знал, что обо мне! Сколько раз меня уже называли олухом!

М а л ь в о л и о

А что это тут лежит перед нами? *(Поднимает письмо.)*

Ф а б и а н

Сейчас птичка попадетсЯ в силоч!

С э р Т о б и

Тише! Хотя бы бог насмешки надоумил его прочесть письмо вслух!

М а л ь в о л и о

Почерк графини, клянусь жизнью! Ее «б», ее «в», ее «п»; и заглавное «М» она всегда так пишет. Несомненно ее почерк, тут и спорить не о чем!

С э р Э н д р ю

Ее «б», ее «в», ее «п»... Что это значит?

М а л ь в о л и о

«Моему безыменному возлюбленному вместе с наилучшими пожеланиями». И слог ее! Не обессудь, воск! Аккуратней! И печать с головой Лукреции: она всегда пользуется этой печаткой. Интересно, кому это она пишет?

Ф а б и а н

Увяз с головой и потрохами!

М а л ь в о л и о

(читает)

«Я пленена,

Но кем,—

Молчать должна:

Язык, будь нем!»

«Язык, будь нем». А дальше что? Размер меняется. «Язык, будь нем». Вдруг это о тебе, Мальволио?

С э р Т о б и

Вздернуть бы тебя, барсук вонючий!

М а л ь в о л и о

(читает)

«Хотя могу повелевать

Любимым я, но на уста

Легла молчания печать:

М.О.А.И.— моя мечта».

Ф а б и а н

Вот так головоломка!

С э р Т о б и

Ну не молодчина ли девка!

М а л ь в о л и о

«М.О.А.И.— моя мечта!» Да, это нужно хорошенько обмозговать, обмозговать, обмозговать...

Ф а б и а н

И тухлую же приманку она ему подкинула!

С э р Т о б и

А наш сокол налетел на нее как стервятник!

М а л ь в о л и о

«Хотя могу повелевать любимым я»... Конечно, она может мной повелевать: я ей служу, она моя госпожа. Это всякому разумному человеку понятно, тут все ясно как день. Но вот конец,— что может значить такое расположение букв? Если бы они складывались в мое имя... Ага! М.О.А.И...

С э р Т о б и

А ну-ка, а ну, пусть поломают себе голову: он сбился со следа.

Ф а б и а н

Не беспокойтесь; эту дрянь даже такой паршивый пес учует: от нее воняет, как от лисицы.

М а л ь в о л и о

«М» — Мальволио. Да, с «М» начинается мое имя.

Ф а б и а н

Что я вам говорил? Дворягa всегда бежит по ложному следу!

М а л ь в о л и о

«М»,— но в середине все перепутано и ничего не получается: вместо «А» стоит «О».

Ф а б и а н

Надеюсь, он и в конце закричит: «О»!

С э р Т о б и

Будь спокоен, а не то я его так отлущую, что он поневоле взревет: «О»!

М а л ь в о л и о

«АИ» стоят рядом.

Ф а б и а н

«Айкать» тебе тоже придется немало: не знаю, как насчет почестей, а уж насмешки тебе обеспечены.

М а л ь в о л и о

«М.О.А.И.» — это будет похитрее, чем начало. Но если па-жать, все станет по местам, потому что в моем имени есть каж-дая из этих букв. Так, так! Дальше идет проза. (*Читает.*)

«Если это попадет тебе в руки,— внимни. Волею судеб я стою выше тебя. Но да не устрасит тебя величие: одни рождаются великими, другие достигают величия, к третьим оно нисходит. Фортуна простирает к тебе руки. Овладей ими во всеоружии ума

и смелости и, дабы приучить себя к тому, что может стать твоим, сбрось убогую оболочку и явись как заново рожденный. Будь хмур с родственником, надменен с челядью, громогласно рассуждай о делах государственных, порази всех странностью повадок: это советует тебе та, что вздыхает по тебе. Вспомни, кого восхищали твои желтые чулки, рождая желание видеть их всегда подвязанными крест-накрест. Вспомни, говорю тебе! Смелей, ты займешь высокое положение, если пожелаешь, а если нет, то пусть ты останешься для меня дворецким, жалким слугой, недостойным коснуться перстов Фортуны. Прощай. Та, что поменялась бы с тобой жребием.

Счастливая Несчастливица».

Теперь я как среди ровного поля в белый день: все кругом видно, не заблудишься. Я буду надменным, я начну читать политические трактаты, не дам спуску сэрру Тоби, порву низменные знакомства, я буду таким, как требуется. Уж на этот раз я себя не обольщаю, не зановошусь в мечтах: кто ж усомнится сейчас в том, что графиня меня любиг? Она недавно хвалила мои желтые чулки, одобряла подвязки крест-накрест. В этом письме она признается мне в любви и тонкими намеками учит одеваться по ее вкусу. Хвала небу, я счастлив! Я буду загадочен, груб, в желтых чулках, спозаранку подвязан крест-накрест. Слава богам и моей счастливой звезде! Но здесь есть еще приписка. *(Читает.)*

«Ты не можешь не угадать, кто я такая. Если ты не отвергаешь моей любви, дай мне об этом знать улыбкой: улыбка тебе очень к лицу, поэтому, прошу тебя, драгоценный мой возлюбленный, в моем присутствии всегда улыбайся».

Примите мою благодарность, боги! Я буду улыбаться, я сделаю все, что ты пожелаешь! *(Уходит.)*

Ф а б и а н

Такое представление я не променял бы на пенсию в тысячу золотых от самого персидского шаха!

С э р Т о б и

Я прямо готов жениться на этой девчонке за ее выдумку!

С э р Э н д р ю

И я готов!

С э р Т о б и

И мне не нужно другого приданого, кроме второй такой шутки!

С э р Э н д р ю

И мне не нужно!

Ф а б и а н

А вот и наша достопочтенная охотница за дураками!

Входит М а р и я.

С э р Т о б и

Хочешь, я стану перед тобой на колени?

С э р Э н д р ю

И я тоже.

С э р Т о б и

Может, мне проиграть в кости свободу и сделаться твоим рабом?

С э р Э н д р ю

Слушай, а может, и мне сделаться?

С э р Т о б и

Ты навек на него такие сладкие грезы, что он просто рехнется, проснувшись.

М а р и я

Нет, скажите правду, подействовало на него?

С э р Т о б и

Как водка на повивальную бабку.

М а р и я

В таком случае, если хотите посмотреть, что выйдет из нашей затеи, будьте при его первой встрече с госпожой: он нацепит желтые чулки,— а она терпеть не может этот цвет,— и перевяжет их крест-накрест,— а она ненавидит эту моду,— и будет ей улыбаться,— а это так не подходит к ее теперешнему расположению духа, к меланхолии, в которую она погружена, что она непременно на него разозлится. Если хотите видеть это, идите за мной.

С э р Т о б и

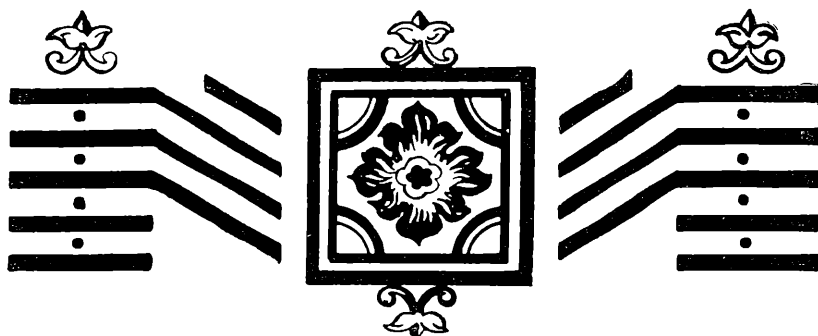
За таким остроумнейшим дьяволенком хоть в самый Тартар!

С э р Э н д р ю

Ну и я не против Тартара!

Уходят.

А К Т III

С Ц Е Н А 1

Сад Оливии.

Входят Виола и шут с бубном.

Виола

Бог в помощь тебе и твоей музыке, приятель. Ты что ж, так и состоишь при бубне?

Ш у т

Нет, сударь, я состою при церкви.

Виола

Как, разве ты священник?

Ш у т

Не совсем, сударь: понимаете ли, мой дом стоит у самой церкви, вот и выходит, что я состою при церкви.

Виола

Да этак ты, чего доброго, скажешь, что король сумасброд, потому что за ним бредет нищий с сумой, а церковь стала забубенной, если ты с бубном стал перед церковью.

Ш у т

Все может стать, сударь. Ну и времена настали! Хорошая шутка нынче все равно что перчатка: любой остряк в два счета вывернет ее наизнанку.

В и о л а

Пожалуй, ты прав: стоит немного поиграть словом, как его уже треплет вся улица.

Ш у т

Потому-то, сударь, я и хотел бы, чтобы у моей сестры не было имени.

В и о л а

А почему все-таки?

Ш у т

Да ведь имя — это слово: кто-нибудь поиграет ее именем, и она, того и гляди, станет уличной. Что говорить, слова сделались настоящими продажными шкурами с тех пор, как их опозорили оковами.

В и о л а

И ты можешь это доказать?

Ш у т

Видите ли, сударь, без слов этого доказать нельзя, а слова достго изолгались, что мне противно доказывать ими правду.

В и о л а

Как я погляжу, ты веселый малый и не дорожишь ничем на свете.

Ш у т

Нет, сударь, кое-чем все-таки дорожу. Но вот вами, сударь, говоря по совести, я действительно не дорожу. Если это значит не дорожить ничем, значит, вы, сударь, ничто.

В и о л а

Ты случайно не дурак графини Оливии?

Ш у т

Что вы, сударь! Графиня Оливия не в ладах с дуростью; она не заведет у себя дурака, пока не выйдет замуж, а муж и дурак похожи друг на друга, как селедка на сардинку, только муж будет покрупнее. Нет, я у нее не дурак, а главный словоблуд.

В и о л а

Я недавно видел тебя у герцога Орсино.

Ш у т

Дурость, сударь, вроде как солнце, всюду разгуливает и везде поспевает светить. Мне было бы очень жаль, сударь, если бы ва-

шего господина она навещала реже, чем мою госпожу. Кстати, господин премудрый, я, кажется, уже встречал вас здесь?

В и о л а

Ну, если ты взялся за меня, лучше мне уйти от тебя. На вот, получай. *(Дает ему денег.)*

Ш у т

Да ниспошлет тебе Юпитер бороду из следующей же партии волос.

В и о л а

Сказать по совести, я сам тоскую по бороде *(в сторону)*, только не на своем подбородке.— Твоя госпожа дома?

Ш у т

Вы не думаете, что если эту штуку спарить с другой, то они расплодятся?

В и о л а

Еще бы, если их положить вместе и пустить в дело.

Ш у т

Я с охотой сыграл бы Пандара Фригийского, чтобы заполучить Крессида для этого Троила.

В и о л а

Я тебя понял: ты ловко умеешь попрошайничать.

Ш у т

Надеюсь, сударь, мне будет просто выпросить у вас попрошайку: Крессида-то была попрошайкой. Сударь, моя госпожа дома. Я доложу им, откуда вы явились, но кто вы такой и что вам нужно, ведомо одному небу; я сказал бы — одним стихиям, да слово больно затерто. *(Уходит.)*

В и о л а

Он хорошо играет дурака.
Такую роль глупец не одолеет:
Ведь тех, над кем смеешься, надо знать,
И разбираться в нравах и привычках,
И на лету хватать, как дикий сокол,
Свою добычу. Нужно много сметки,
Чтобы искусством этим овладеть,

Такой дурак и с мудрецом поспорят,
А глупый умник лишь себя позорит.

Входят сэр Тоби и сэр Эндрю.

Сэр Тоби

Храни вас бог, господин хороший.

Виола

И вас также, сударь.

Сэр Эндрю

Dieu vous garde, monsieur ¹.

Виола

Et vous aussi; votre serviteur ².

Сэр Эндрю

Не сомневаюсь, сударь; а я ваш.

Сэр Тоби

Не заблагорассудится ли вам соизволить в этот дом? Моя племянница вознамерена принять вас, если таково ваше направление.

Виола

Я держу курс на вашу племянницу, сударь: я хочу сказать, что именно ею должно завершиться мое путешествие.

Сэр Тоби

Тогда испытайте ваши ноги, сударь; приведите их в действие.

Виола

Мои ноги лучше понимают меня, сударь, чем я понимаю ваше предложение испробовать мои ноги.

Сэр Тоби

Я хочу сказать — переступите порог, сударь, входите.

Виола

Я отвечу на это переступлением и входом. Но вас опередили.

Входят Оливия и Мария.

О дивно-совершеннейшая госпожа моя, да изольет на тебя небо потоки благовоний.

¹ Храни вас бог, сударь! (Франц.)

² И вас также; ваш слуга. (Франц.)

Сэр Э н д р ю

А мальчишка мастер лстить! «Потоки благовоний» — здорово сказано!

В и о л а

Госпожа, дело мое такого рода, что голос его должен достичь только вашего изощреннейшего и многомилостивого слуха.

Сэр Э н д р ю

«Благовония», «изощреннейший», «многомилостивый»: эта тройка будет у меня теперь всегда наготове.

О л и в и я

Закройте садовые ворота, и пусть никто не мешает мне выслушать его.

Сэр Э н д р ю, сэр Т о б и и М а р и я уходят.

Вашу руку, сударь.

В и о л а

Я вам готов покорнейше служить.

О л и в и я

Как ваше имя?

В и о л а

Цезарио был назван ваш слуга.

О л и в и я

Вы мой слуга? Стал мир невыносим
С тех пор, как лезть учливостью назвали.
Вы служите Орсино, а не мне.

В и о л а

Он служит вам, а я служу ему,
И, стало быть, я ваш слуга покорный.

О л и в и я

Ах, что мне в нем! Я из его души
Себя бы стерла, пустоту оставив.

В и о л а

А я хотел бы образом его
Заполнить вашу душу.

О л и в и я

Я просила

Мне никогда о нем не говорить.
Вот если б вы хотели рассказать,
Что кое-кто другой по мне томится,
Вы больше усладили бы мой слух,
Чем музыкаю сфер.

В и о л а

О госпожа!..

О л и в и я

Молю, не прерывайте. В прошлый раз
Я, словно околдованная вами,
Чтоб вас вернуть, послала вам свой перстень,
Обманом этим оскорбиз себя,
Слугу и даже вас. Теперь я жду
Суда над хитростью моей постыдной
И явной вам. Что думаете вы?
Должно быть, честь мою к столбу поставив,
Ее казните вы бичами мыслей,
Рожденных черствым сердцем? Вы умны,
Вам ясно все. Прозрачный шелк, не плоть
Мне облекает сердце. Говорите ж.

В и о л а

Мне жаль вас.

О л и в и я

Жалость близит нас к любви.

В и о л а

Нет, ни на шаг. Ведь всем давно известно,
Что часто мы жалеем и врагов.

О л и в и я

Лишь улыбнуться я могу в ответ.
О люди, как вы преданы гордыне!
Когда терзает ваше сердце хищник,
Вы счастливы, что он не волк, а лев.

Слышен бой часов.

Часы корят меня за трату слов.
Ты мне не нужен, мальчик, успокойся.
И все ж, когда ты возмужаешь духом,

Твоя жена сорвет прекрасный плод!
Направлен вдаль твой путь.

В и о л а

Чго ж, значит, вдаль!

Пусть счастье вечно пребывает с вами.
Для герцога ни слова нет у вас?

О л и в и я

Постой!

Что обо мне ты думаешь, признайся?

В и о л а

Что вы не то, чем кажется себе.

О л и в и я

Тогда и ты иной, чем я считаю.

В и о л а

Вы правы: я совсем не го, что есть.

О л и в и я

Так будь похожим на мою мечту!

В и о л а

Что ж, может быть, так было бы и лучше:
Ведь в эгот миг я вам кажусь глупцом.

О л и в и я

О, как прекрасна на его устах
Презрительная, гордая усмешка!
Скорей убийство можно спрятать в тень,
Чем скрыть любовь: она ясна как день.
Цезарию, клянусь цетеньем роз,
Весной, девичьей честью, правдой слез,—
В душе такая страсть к тебе горит,
Что скрыть ее не в силах ум и стыд.
Прошу, не думай, гордостью томим:
«Зачем любить мне, если я любим?»
Любовь всегда прекрасна и желанна,
Особенно — когда она неожиданна.

В и о л а

В моей груди душа всего одна,
И женщине она не отдана,

Как и любовь, что неразрывна с ней:
Клянусь вам в этом чистотой моей.
Прощайте же. Я не явлюсь к вам боле
С мольбою герцога и стоном боли.

О л и в и я

Нет, приходи: ты властен, может быть,
Мою любовь к немилому склонить.
Уходят.

С Ц Е Н А 2

Дом Оливии.

Входят сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиян.

Сэр Эндрю

Нет, ей-богу, не останусь здесь больше ни минуты.

Сэр Тоби

Но почему, изверг души моей, почему?

Фабиян

И вправду, сэр Эндрю, объясните нам, почему?

Сэр Эндрю

Да потому, черт возьми, что ваша племянница любезничала в саду с этим герцогским прихвостнем, как она никогда не любезничала со мной. Я сам это видел.

Сэр Тоби

Ты мне вот что скажи, старина: видела она тебя в это время?

Сэр Эндрю

Не хуже, чем я вижу вас.

Фабиян

Да ведь это лучшее доказательство ее любви к вам.

Сэр Эндрю

Что ж, по-вашему, я совсем осел?

Фабиян

Сэр, я берусь доказать это по всем правилам перед судом рас-
судка и здравого смысла.

Сэр Тоби

А они судили и рядили еще до того, как Ной стал моряком.

Фабиян

Она любезничала на ваших глазах с мальчишкой только для того, чтобы подстегнуть вас, растолкать вашу лежебоку-доблесть, зажечь огонь в сердце, расшевелить желчь в печени. Вы должны были сразу подойти к ней и заткнуть юнцу рот остротами, новенькими и блестящими, прямо с монетного двора. Она играла вам на руку, а вы это проморгали: вы позволили времени стереть двойной слой позолоты с удобного случая, удалились от солнца благоволения графини и теперь плывете на север ее немилости, где повиснете, как сосулька на бороде у голландца. Впрочем, вы можете исправить эту ошибку, если представите похвальное доказательство своей отваги или политичности.

Сэр Эндрю

Значит, придется доказывать отвагу. Политичность я терпеть не могу: по мне, уж лучше быть браунистом, чем политиком.

Сэр Тоби

Ладно, тогда строй свое счастье на отваге. Вызови герцогского юнца на поединок и нанеси ему одиннадцать ран. Моя племянница обязательно пронюхает об этом, а, можешь мне поверить, даже самая пронырливая сводня, и та не расположит женщину к мужчине так, как слава о его подвигах.

Фабиян

Другого выхода нет, сэр Эндрю.

Сэр Эндрю

А кто-нибудь из вас отнесет ему мой вызов?

Сэр Тоби

Иди, напиши его размашистым почерком, воинственно и кратко. Плюнь на остроумие: главное, чтобы вызов был красноречивый и выразительный. Заляпай противника чернилами. Можешь ткнуть его разок-другой, тоже будет не худо. Навороти столько несуразиц, сколько уместится на листе бумаги шириной в уэрскую кровать в Авглии. Берись за дело, валяй. Пусть в твоих чернилах будет побольше змеиного яду, а чем писать, это не суть важно: хоть гусиным пером. Ну, ступай.

Сэр Эндрю

А где я потом найду вас?

Сэр Тоби

Мы сами придем к тебе в cubiculo¹. Иди же.

Сэр Эндрю уходит.

Фабиян

Видно, сэр Тоби, этот человечек вам очень дорог?

Сэр Тоби

Да, дорог. Но я ему еще дороже: обошелся тысячи в две. как пить дать.

Фабиян

Надо думать, письмо он напишет необыкновенное. Но ведь вы его не передадите?

Сэр Тоби

Разрази меня гром, если не передам. А ты во что бы то ни стало постарайся вытянуть ответ у юнца: сдается мне, эту парочку даже быками и канатами друг к другу не подтащить. Если ты взрежешь Эндрю и в его печени хватит крови, чтобы утопить блошиную ногу, то я готов проглотить всю остальную анатомию.

Фабиян

Да и на лице его соперника, этого мальчишки, тоже не заметно особой свирепости.

Входит Мария.

Сэр Тоби

А вот и моя птичка-невеличка.

Мария

Если хотите повеселиться и поохотать до упаду, идите за мной. Этот болван Мальволио стал язычником, ну настоящий вероотступник: ведь ни один истинный христианин в жизни не поверит такой дурацкой выдумке. Он в желтых чулках.

Сэр Тоби

И в подвязках крест-накрест?

Мария

Да, как самый мерзкий педант-учитель из приходской школы. Я шла за ним по пятам, словно его убийца. Он точка в точку следует письму, которое я ему нарочно подкинула, и так улыбается,

¹ В спальню. (Лат.)

что теперь на его физиономии больше борозд, чем на новой карте с добавлением Индий. Вам и во сне ничего подобного не снилось. Так бы чем-нибудь и запустила в него. Вот увидите, госпожа побьет его. Впрочем, пусть побьет, он все равно будет улыбаться и примет это как знак особого расположения.

Сэр Тоби

А ну, води, води нас к нему.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица.

Входят Себастьян и Антонио.

Себастьян

Я вас хотел избавить от хлопот,
Но если вы находите в них радость,
Я умолкаю.

Антонио

Я не мог оставить
Вас одного. Как острое стальное,
Впилась мне в грудь бессонная тревога:
Не только жажда вместе с вами быть —
Хотя она во мне неутолима,—
Но страх за вашу жизнь. В чужом краю
Неопытному страннику порою
Опасность угрожает. Этот страх
Мою любовь прищипорил и за вами
Погнал сюда.

Себастьян

Антонио, мой друг,

Я вам могу ответить лишь: «Спасибо,
Спасибо много раз». Такой монетой
Частенько платим мы за доброту,
Но будь я столь богат, сколь благодарен,
Я отплатил бы вам куда щедрее...
Пойдем на город взглянем.

Антонио

Лучше завтра:

Сейчас нам нужно подыскать приют.

Себастьян

Я не устал, а ночь еще далеко.
Сперва глаза насытим чудесами,
Живущими в твореньях старины,
Которыми прославлен этот город.

Антонио

Простите, но открыто здесь бродить —
Опасно для меня. Случилось как-то
Мне крепко насолить в морском бою
Галерам герцога. Меня узнают
И, уж поверьте, спуска не дадут.

Себастьян

Как видно, многих вы в тот день сразили.

Антонио

Нет, к счастью, кровь тогда не пролилась,
Хотя в пылу ожесточенной схватки
Дойти легко и до кровопролитья.
Конечно, возместить убытки можно,
И многие сограждане мои
Так поступили, чтоб торговых связей
Не порывать. Но я не согласился
И дорого за это заплачу,
Попавшись здесь.

Себастьян

Так будьте осторожны.

Антонио

Придется. Вот вам, сударь, кошелек.
Мы остановимся в предместье южном,
В «Слоне» — гостиниц лучше не сыскать.
Я позабочусь обо всем, а вы
Меж тем спокойно проводите время
И насыщайте ум. До скорой встречи.

Себастьян

Но кошелек к чему?

Антонио

Захочется безделицу купить,
А ваш карман, я думаю, пустует.

Себастьян

Мой друг, я буду вашим казначеем
Всего лишь час.

Антонио

Итак, в «Слоне».

Себастьян

Отлично!

Уходят.

СЦЕНА 4

Сад Оливии.

Входят Оливия и Мария.

Оливия

Нет, он придет; ведь я за ним послала.
Как мне принять его? Чем одарить?
Ведь юность легче подкупить подарком,
Чем просьбами смягчить. Как я кричу!
А где Мальволио? Он горд и сдержан,—
Вполне подходит мне такой слуга.
Так где ж Мальволио?

Мария

Сейчас явится, сударыня. Но он в очень странном расположении духа: сдается мне, он не в своем уме, сударыня.

Оливия

Как — не в своем уме? Он, что же, бредит?

Мария

Нет, сударыня, только улыбается. Когда он придет, лучше бы вшей милости не оставаться с ним наедине, потому что, ей-богу, он спятил.

Оливия

Поди за ним.

Мария уходит.

Ах, я безумна тоже,
Коль скорбный бред и бред веселый схожи.
Возвращается Мария с Мальволио.
Ты что, Мальволио?

М а л ь в о л и о

Ха-ха-ха, прекрасная дама!

О л и в и я

Тебе смешно? Я за тобой послала,
Чтоб обсудить серьезные дела.

М а л ь в о л и о

Серьезные, сударыня? Я и сам сейчас расположен к серьезно-сти: у меня застой в крови от этих подвязок крест-накрест. Но что из того? Если они нравятся чьим-то глазам, то, как говорится в одном правдивом сонете: «Кто мил одной, тот всем по вкусу».

О л и в и я

Что с тобой, Мальволио? Как ты себя чувствуешь?

М а л ь в о л и о

Мысли у меня розовые, хотя ноги и желтые. Все получено, и все пожелания будут исполнены. Нам ли не узнать этот изящный римский почерк?

О л и в и я

Не лечь ли тебе в постель, друг мой?

М а л ь в о л и о

В постель? Ну, конечно, милая, я приду к тебе!

О л и в и я

Господи помилуй! Почему ты так улыбаешься и все время целуешь себе руку?

М а р и я

Что это с вами, Мальволио?

М а л ь в о л и о

Вы изволите обращаться ко мне с вопросами? Впрочем, даже соловьи вынуждены слушать галок.

М а р и я

Как вы смеете в присутствии госпожи так глупо и развязно себя вести?

М а л ь в о л и о

«Да не устрасит тебя величие», — так сказано в письме.

О л и в и я

Как это понять, Мальволио?

М а л ь в о л и о

«Иные рождаются великими...»

О л и в и я

Что, что?

М а л ь в о л и о

«...другие достигают величия...»

О л и в и я

Что ты такое болтаешь?

М а л ь в о л и о

«...к третьим оно нисходит...».

О л и в и я

Да смилуются над тобой небеса!

М а л ь в о л и о

«Вспомни, кого восхищали твои желтые чулки...»

О л и в и я

Мои желтые чулки?

М а л ь в о л и о

«...рождая желание видеть их подвязанными крест-накрест...».

О л и в и я

Крест-накрест?

М а л ь в о л и о

«Смелей, ты займешь высокое положение, если пожелаешь...».

О л и в и я

Я займу высокое положение?

М а л ь в о л и о

«А если нет, пусть ты останешься слугой...».

О л и в и я

Нет, у него несомненно солнечный удар!

Входит слуга.

С л у г а

Госпожа, молодой придворный герцога Орсино явился: я еле-еле упросил его вернуться. Он ждет распоряжений вашей милости.

О л и в и я

Я выйду к нему.

Слуга уходит.

Пожалуйста, Мария, пусть за этим человеком присмотрят. Найди дядюшку Тоби, пусть позаботится, чтобы при нем кто-нибудь неотлучно находился. Я готова отдать половину состояния, только бы с ним не случилось ничего худого.

О л и в и я и М а р и я уходят.

М а л ь в о л и о

Ну как, понятно вам, что я за человек? За мной будет присматривать не кто-нибудь, а сам сэр Тоби! Впрочем, это ясно из письма, — она посылает ко мне Тоби нарочно, чтобы я наговорил ему дерзостей: ведь она прямо подбивает меня на это в своем письме. «Сбрось убогую оболочку, — пишет она, — будь хмур с родственником, надменен с челядью, громко рассуждай о делах государственных, порази всех странностью повадок»; и тут же указывает, как мне себя вести: вид должен быть суровый, осанка величавая, речь медлительная, манеры важного господина и прочее. Теперь ей от меня не уйти! Но все это свершилось волей небес, и я благословляю небеса. А когда она сейчас уходила: «Пусть за этим человеком присмотрят!» За человеком! Не за Мальволио, не за дворецким, а за человеком! Все ясно, все одно к одному, ни тени сомнений, ни намек на тень сомнений, никаких препятствий, никаких опасностей и тревог. Что говорить! Никаких преград между мной и полным завершением моих надежд! Но я тут ни при чем, так повелели небеса, и небесам я шлю свою благодарность.

М а р и я возвращается вместе с сэр ом Т о б и и Ф а б и а н ом.

С э р Т о б и

Ради всего святого, где он? Даже если им черти завладели, пусть хоть целый легион дьяволов, — все равно я должен с ним поговорить.

Ф а б и а н

Вот он, вот он! — Что с вами, сударь? Скажите, что с вами?

М а л ь в о л и о

Подите прочь, я с вами не знаком. Не мешайте мне наслаждаться уединением. Прочь отсюда!

М а р и я

Слышите? Думаете, это он так хрипло бормочет? Это бес, который в него вселился.— Сэр Тоби, госпожа просила вас присматривать за ним.

М а л ь в о л и о

Ага! Вам понятно?

С э р Т о б и

Ну-ну-ну, успокойся, успокойся! — С ним нужно обращаться поласковей: предоставьте это мне.— Как ты себя чувствуешь, Мальволио? Как твоё здоровье? Не поддавайся дьяволу, друг мой, вспомни — он враг рода человеческого.

М а л ь в о л и о

Что вы такое несете?

М а р и я

Видите, как он злится, когда бранят нечистого? Упаси нас боже, а вдруг на него напустили порчу?

Ф а б и а н

Надо бы отнести его мочу к знахарке.

М а р и я

Завтра же отнесу, если только доживу до утра. Сказать вам не могу, как расстроится госпожа, если его потеряет.

М а л ь в о л и о

Как-как, сударыня?

М а р и я

Ой господи!

С э р Т о б и

Придержи-ка язык: так нельзя. Видишь, как ты его раздражаешь. Я с ним без твоей помощи справлюсь.

Ф а б и а н

Лаской, только лаской! Совсем ласково. Дьявол такой грубиян, что терпеть не может, когда с ним грубо обходятся.

С э р Т о б и

Ну как, петушок? Как тебе кукарекается?

М а л ь в о л и о

Сударь!

Сэр Тоби

«Пойдем со мною, Бидди!» Вот что, приятель, не подобает порядочному человеку водиться с сатаной: гени его в шею, черно-мазого!

Мария

Дорогой сэр Тоби, заставьте его читать молитвы! Пусть молится!

Мальволио

Читать молитвы, дерзкая девчонка?

Мария

Вот видите, он просто не выносит, когда при нем говорят о чем-нибудь божественном!

Мальволио

Да провалитесь вы все, пустые, жалкие твари! Я вам не чета! Вы еще узнаете, кто я такой. *(Уходит.)*

Сэр Тоби

Сплю я, что ли?

Фабриан

Если бы я увидел это на сцене, я сказал бы, что в жизни такого вздора не бывает.

Сэр Тоби

Наша выдумка влезла ему прямо в печенки.

Мария

Бегите за ним, а не то как бы эта самая выдумка не вылезла па свет божий и не завоняла.

Фабриан

А вдруг он и впрямь рехнется?

Мария

Спокойнее станет в доме, голько и всего.

Сэр Тоби

Пойдемте запишаем его в чулан и свяжем. Племянница уже поверила, что он спятил, поэтому мы можем продолжать, себе на радость, а ему в наказание, пока эта затея нам не прискучит. Ну, а тогда мы смилуемся над ним. Потом мы обнародуем всю историю, а тебе выдадим награду за поимку сумасшедшего. Но смотрите, кто идет!

Входит сэр Эндрю.

Фабиан

Еще один шут гороховый!

Сэр Эндрю

Вот мой вызов. Прочтите его. Уж я не пожалел укзуса и перца.

Фабиан

Будто бы и впрямь такой острый?

Сэр Эндрю

Еще бы! Могу поручиться! Читайте же.

Сэр Тоби

Дай-ка мне. (*Читает.*) «Молокосос, кто бы ты ни был, ты паршивое отродье!»

Фабиан

Крепко сказано. И красиво к тому же.

Сэр Тоби

(*читает*)

«Не удивляйся и не спрашивай, почему я тебя так называю, потому что я не намерен тебе это объяснять».

Фабиан

Тонко придумано: на нет и суда нет.

Сэр Тоби

(*читает*)

«Ты приходишь к графине Оливии, и на моих глазах она любезничает с тобой. Но ты гнусный лжец, хотя я вызываю тебя не по этой причине».

Фабиан

Кратко и совершенно... бессмысленно!

Сэр Тоби

(*читает*)

«Я подкараулю тебя, когда ты пойдешь домой, и если тебе удастся убить меня...»

Фабиан

Превосходно!

Сэр Тоби

(читает)

«...ты убьешь меня как подлец и негодяй».

Фабиян

Лазейку вы все-таки себе оставляете. Превосходно!

Сэр Тоби

(читает)

«Будь здоров, и да смилуется небо над душой одного из нас. Может, это будет моя душа, но я надеюсь на лучшее: поэтому берегись. Твой друг, если ты хорошо со мной обойдешься, и твой заклятый враг

Эндрю Эггючик».

Если это письмо не выведет его из себя, значит, он вообще не в себе.

Мария

И случай сейчас подходящий: он вот-вот кончит беседовать с госпожой и уйдет от нее.

Сэр Тоби

Иди, сэр Эндрю, засядь где-нибудь в саду, точно ты судебный пристав, а как только завидишь его, так прямо и кидайся со шпагой и при этом ругайся на чем свет стоит; знаешь, чтобы прослыть храбрецом, можно обойтись и без подвигов: сумей только браниться позычнее, да похвастливее, да позабористей. Ступай!

Сэр Эндрю

Что-что, а ругаться я мастер. *(Уходит.)*

Сэр Тоби

Ну нет, письмо я передавать не стану. По манерам этого молодого человека сразу видно, что он и неглуп и хорошо воспитан, да и доверие к нему его господина и моей племянницы подтверждает это. Стало быть, такое дурацкое письмо никак не испугает мальчишку: он сразу поймет, что его писал олух. Лучше я передам вызов устно, распишу в самых ужасных выражениях отвагу Эггючика и заставлю юнца поверить — юность ведь всегда доверчива, — что нет на свете человека более искусного в фехтовании, более бесстрашного, отчаянного и неистового. Они оба до того перетрусят, что прикончат друг друга взглядами, как василиски.

Возвращается Оливия вместе с Виолой.

Фабиан

А вот и он сам, и ваша племянница с ним. Давайте отойдем, пусть он попросается, а потом сразу его нагоним.

Сэр Тоби

Я же тем временем сочиню такой вызов, что у него кровь заледенеет в жилах.

Сэр Тоби, Фабиан и Мария уходят.

Оливия

Я все сказала каменному сердцу,
Я даже гордость в жертву принесла,
И вот корю себя теперь за слабость...
Но эта слабость так во мне сильна,
Что мне смешными кажутся укоры!

Виола

Теперь я вижу: ваша страсть похожа
На горе государя моего.

Оливия

Возьмите медальон — в нем мой портрет.
Он докучать не станет вам, не бойтесь.
Я жду вас завтра. Как! Опять отказ?
А я ни в чем, что чески не порочит,
Не отказала б вам.

Виола

Тогда, прошу,
Отдайте сердце герцогу Орсино.

Оливия

Но честно ль подарить Орсино то,
Что отдано тебе?

Виола

Я не обижусь.

Оливия

Итак, до завтра. Ты исчадь ада,
Но я с тобою и погибнуть рада.

(Уходит.)

Входят сэр Тоби и Фабиан.

Сэр Тоби

Храни вас бог, юноша.

Виола

Вас также, сударь.

Сэр Тоби

Если у вас есть чем защищаться, будьте наготове. Мне неизвестно, чем вы оскорбили этого человека, но он полон злобы и подстерегает вас у садовых ворот, точно алчущий крови охотник. Пусть ваша рапира покинет свое убежище, не теряйте ни минуты; ваш недруг искусен, ловок и неутомим.

Виола

Сударь, вы ошибаетесь: уверяю вас, на свете нет человека, который мог бы считать себя оскорбленным мною. В здравом уме и твердой памяти говорю вам, что никогда никого ничем не обидел.

Сэр Тоби

А я утверждаю, что скоро вы убедитесь в противном. Поэтому, если вам хоть немного дорога жизнь, приготовьтесь к защите, ибо враг ваш обладает всем, чем юность, сила, ловкость и гнев могут одарить человека.

Виола

Сударь, скажите хотя бы, кто он такой?

Сэр Тоби

Рыцарь, посвященный в рыцарство придворной шпагой за кошельковые заслуги. Но в уличных потасовках он — сам дьявол. Он уже трижды разлучал души с телами, а ярость его сейчас так разбуянилась, что утихомирить ее можно только смертными муками и могилой. Будь что будет — таков его клич. Убей или умри!

Виола

Я вернусь и попрошу у графини провожатых. Я не любитель драк. Мне доводилось слышать о людях, которые нарочно задирают других, чтобы испытать их храбрость: должно быть, ваш приятель тоже из этой братии.

Сэр Тоби

Нет, сударь, он негодует по очень существенной причине; поэтому приготовьтесь исполнить то, что он требует. Никуда вы не вернетесь, если не хотите иметь дело со мной, а я не менее опасен, чем он. Поэтому либо идите к врагам, либо обнажайте шпагу. Хотите не хотите, а драться вы будете, или навсегда распрощитесь с оружием.

В и о л а

Это не только неучтиво, но и непонятно. Прошу вас, окажите мне услугу, узнайте у рыцаря, чем я перед ним провинился. Если я и обидел его, то непреднамеренно.

С э р Т о б и

Что ж, так и быть, исполню вашу просьбу.— Синьор Фабиан, побудьте с молодым человеком, пока я вернусь. (*Уходит.*)

В и о л а

Скажите, пожалуйста, сударь, известно вам что-нибудь об этом деле?

Ф а б и а н

Могу только сказать, что рыцарь готов драться не на жизнь, а на смерть, в такой он ярости; больше я ничего не знаю.

В и о л а

Позволю себе спросить вас, что он за человек?

Ф а б и а н

Видите ли, по внешности этого рыцаря никак не скажешь, что он такой уж отважный. Но испытайте его храбрость, и вы поймете, что он самый искусный, свирепый и опасный фехтовальщик во всей Иллирии. Хотите, пойдем к нему навстречу. Я постараюсь помирить его с вами.

В и о л а

Я буду вам очень признателен. Судите как хотите о моем мужестве, но, если на то пошло, общество священников подходит мне куда больше, чем общество рыцарей.

Уходят.

Возвращается с э р Т о б и с с э р о м Э н д р ю.

С э р Т о б и

Скажу по правде, он сущий дьявол. В жизни не видывал такого гарпия. Я попробовал сразиться с ним на рапирах, ножах и прочем, и у него оказался такой смертельный выпад, что деваться некуда. А уж отбиваясь, он попадает в цель так точно, как ноги в землю при ходьбе. Говорят, он был фехтовальщиком у самого персидского шаха.

С э р Э н д р ю

Пропади он пропадом! Не хочу я с ним связываться.

Сэр Тоби

Но его никак не утихомирить: Фабиан еле-еле справляется с ним там.

Сэр Эндрю

Вот черт! Знал бы я, что он такой храбрёц и так здорово фехтует, я подождал бы с вызовом, пока он не издохнет. Уговорите его отказаться от поединка, и я подарю ему за это мою серую лошадку Капилет.

Сэр Тоби

Что ж, пойду попробую, а ты стой тут да держи голову повыше: вот увидишь, все обойдется без членовредительства. (*В сторону.*) Лопни мои глаза, если я не буду ездить на твоей лошади, как сейчас езжу на тебе.

Возвращаются Фабиан и Виола.

(*Фабиану.*) Я получу его лошадь, если улажу дело. Я его убедил, что этот мальчишка — дьявол, дьявол во плоти.

Фабиан

А тот сам до смерти его боится: видите, побледнел и тяжело дышит, будто за ним медведь гонится.

Сэр Тоби

(*Виоле*)

Ничего не напишешь, сударь, он поклялся, что будет с вами драться. Но так как, поразмыслив насчет этой обиды, рыцарь считает ее пустячной и не стоящей разговоров, то он обещает не причинить вам вреда, если только вы обнажите шпагу и не помешаете ему исполнить клятву.

Виола

(*в сторону*)

Да поможет мне бог! Еще немного — и все увидят, что я вот ни на столько не мужчина.

Фабиан

Если он очень уж разъярится — отступайте.

Сэр Тоби

Ничего не напишешь, сэр Эндрю: молодой человек должен разок скрестить с тобой шпагу. Этого требует его честь. По законам дуэли он не может отказаться от схватки, но зато дает слово дворянина и воина, что не причинит тебе вреда. Ну-ка, становись в позицию.

Сэр Эндрю

Дай бог, чтобы он сдержал слово! *(Обнажает шпагу.)*

Виола

Уверяю вас, мне совсем не хочется драться! *(Обнажает шпагу.)*

Входит Антонио.

Антонио

(сэру Эндрю)

Постойте, сударь! Он ли вас обидел,
Иль вы его — но драгсья на дуэли
Вы будете со мною, а не с ним!

(Обнажает шпагу.)

Сэр Тоби

С вами, сударь? А кто вы такой?

Антонио

Тот, кто способен из любви к нему
На большее, чем выразить умеет.

Сэр Тоби

Ну, если вы любитель совать нос в чужие дела, обнажайте
шпагу!

Дерутся.

Фабиан

Сэр Тоби, бога ради, прекратите, сюда идут пристава!

Входят пристава.

Сэр Тоби

Сейчас я с ним управлюсь!

Виола

(сэру Эндрю)

Сударь, будьте добры, вложите шпагу в ножны.

Сэр Эндрю

С великой охотой, сударь. А что касается моего обещания, то можете не сомневаться, я свое слово сдержу. Она смирная и хорошо слушается поводов.

Первый пристав

Вот он. Скорее арестуй его.

Второй пристав

По приказанию герцога Орсино,
Антонио, я арестую вас.

Антонио

Меня? Вы, сударь, верно, обознались.

Первый пристав

Ну нет! Я вас в лицо отлично знаю,
Хоть вы и без матросского берега.
Веди его: мы старые знакомцы.

Антонио

Что ж, подчинюсь.

(Виоле.)

Я всюду вас искал,
Вот и попался. Дела не поправишь.
Но вы-то как же? Ведь теперь придется
Мне попросить у вас мой кошелек.
Я не смогу помочь вам — это хуже
Всех бед моих. Вы смущены, мой друг?
Прошу вас, не горюйте.

Первый пристав

Ну, пошли.

Антонио

Лишь часть тех денег я возьму себе.

Виола

Какие деньги, сударь?
Я тронут вашей добротой ко мне
И тем, что вы сейчас в беду попали,—
Поэтому, конечно, я согласен
Помочь вам из моих убогих средств.
Немного денег в этом кошельке,
Но вот вам половина.

Антонио

От меня

Вы отрекаетесь? Ужель могли вы

Забыть о том, что сделал я для вас?
В мой черный день меня не искушайте,
Иль я унижусь до напоминанья
О всех моих услугах вам.

Виола

Но я
О них не знаю, как не знаю вас.
Неблагодарность в людях мне противней
Хмельного пустословья, низкой лжи,
Любых пороков, что, как червь, снедают
Податливую нашу плоть.

Антонио

О небо!

Второй пристав

Идемте, сударь. Хватит болтовни!

Антонио

Нет, подождите! Этого юнца
Я выхватил из лап когтистых смерти,
Любил его, пред ним благоговел,
Как будто все, что людям в жизни свято,
Он, безупречный, воплотил в себе.

Первый пристав

А мы при чем? Нам некогда, пойдемте.

Антонио

Но он кумир презренный, а не бог.
О Себастьян, ты красоту порочишь!
Чернит природу зла тлетворный дух;
Тот выродок, кто к благу сердцем глух;
Добро прекрасно, а порок смазливый —
Бесовский плод, румяный, но червивый.

Первый пристав

Совсем рехнулся! Ну пошли, пошли.

Антонио

Ведите, я готов.

(Уходит вместе с приставами.)

В и о л а

Он говорил, в свою ошибку веря
И мучаясь... Но верю ль я химере?
Ах, брат мой, если б не было мечтой,
Что спутали сейчас меня с тобой!

С э р Т о б и

Иди сюда, рыцарь; иди сюда, Фабиан: обменяемся тихонько
словечком об этом деле. На этот счет есть презабавные куплеты...

В и о л а

Меня назвали Себастьяном... Боже!
Мне стоит в зеркало взглянуть — и что же?
Передо мной его живой портрет:
Черты лица, покрой одежды, цвет...
Да, если мне с ним суждено свиданье,
То в соли волн есть сладость состраданья.

(Уходит.)

С э р Т о б и

Бесстыжий, дрянной мальчишка, и к тому же труслив как
заяц: что бесстыжий, это ясно, раз он бросил друга в беде, а на-
счет трусости можешь спросить Фабиана.

Ф а б и а н

Трус, притом добротный — первый сорт!

С э р Э н д р ю

Ей-богу, сейчас пойду за ним и отлущую его.

С э р Т о б и

Правильно. Отколошмать как следует, только не вздумай обна-
жать шпагу.

С э р Э н д р ю

Ну нет, обязательно вздумаю. *(Уходит.)*

Ф а б и а н

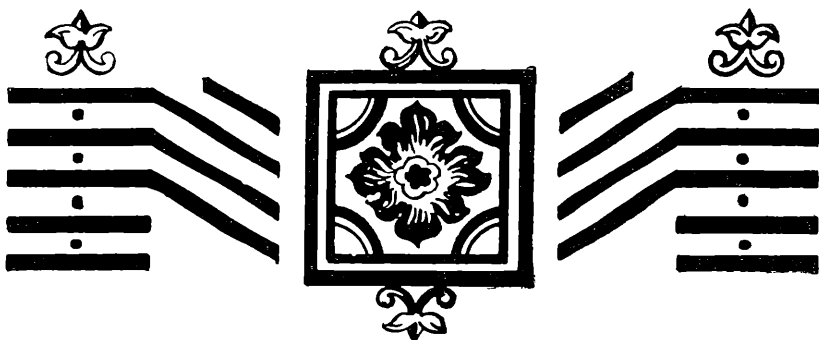
Пойдемте посмотрим, что из этого выйдет.

С э р Т о б и

Голову прозакладываю, что ничего.

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Перед домом Оливии.

Входят Себастьян и шут.

Ш у т

И вы думаете, я поверю, что вы не тот, за кем меня послали?

Себастьян

Иди-иди, оставь меня в покое:

Ты не в своем уме.

Ш у т

Ей-ей, отлично сыграно! Ну еще бы, я вас в глаза не видел, и госпожа послала меня не за вами, и хочет видеть она не вас, и Цезарио не ваше имя, и мой нос не мой, а чужой. И вообще черное — это белое.

Себастьян

Не изливай потока безрассудств:

Меня не знаешь ты.

Ш у т

Изливать поток безрассудств! Он подцепил эти слова у какого-нибудь важного господина, а теперь повторяет их шуту! Изливать поток безрассудств! Ох, боюсь, как бы весь род людской, этот великовозрастный пентюх, не оказался на проверку жеманным фа-

том.— Знаешь что, брось кривляться и скажи, что мне излить госпоже: излить ей, что ты придешь?

Себастьян

Прошу тебя, уйди, глупец несчастный!
Вот деньги, получай. А не отстанешь,
Получишь по зубам...

Шут

Рука у тебя щедрая, ничего не скажешь. Умники тем и славятся, что швыряют деньги дуракам.

Входят сэр Эндрю, сэр Тоби и Фабиан.

Сэр Эндрю

Как, сударь, вы опять здесь? Получайте, вот вам! *(Дает пощечину Себастьяну.)*

Себастьян

А вот тебе, и вот еще, и вот!

(Бьет сэра Эндрю.)

Тут, видно, все взбесились!

Сэр Тоби

Прекратите, сударь, или ваша шпага полетит на крышу!

Шут

Пойду и доложу обо всем госпоже; ни за какие деньги не согласился бы очутиться в вашей шкуре,— такое она вам пропишет. *(Уходит.)*

Сэр Тоби

(держит Себастьяна)

Успокойтесь, сударь, прекратите!

Сэр Эндрю

Оставьте, не трогайте его: я с ним по-другому рассчитаюсь. Я подам на него в суд за оскорбление действием — ведь есть же еще в Иллирии законы. Правда, я первый стукнул его, но это не в счет.

Себастьян

Прочь руки от меня!

Сэр Тоби

Утихомирьтесь, сударь, я ваших рук не отпущу. Ну-ну, мой юный вояка, спрячьте эту железку. Слишком уж вы разбуянились, успокойтесь.

Себастьян

(вырываясь из рук сэра Тоби)

Прочь, говорю! Тебе, я вижу, мало?
Коль хочешь драться, шпагу обнажай!

Сэр Тоби

Что, что? Нет, видать, придется мне выпустить из тебя парочку унций твоей бешеной крови. *(Обнажает шпагу.)*

Входит Оливия.

Оливия

Стой, Тоби, слышишь? Отпусти его!

Сэр Тоби

Сударыня!..

Оливия

Доколь терпеть мне? Грубиян несносный,
Тебе бы жить в горах, в берлогах диких,
Где не нужна учтивость... Вон пошел! —
Цезарио, прошу вас, не сердитесь! —
Уйдите, негодяи!

Сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан уходят.

Милый друг,

Пусть будет разум, а не гнев судьбою
Бесчинного и грубого набега
На твой покой. Пойдем ко мне скорей:
Я расскажу о каверзах нелепых
Невежи этого — и сам ты первый
Над ними посмеешься. Ну идем же!
Ах, выносить его уже нет сил:
Задев тебя, он сердце мне провзил.

Себастьян

Что это значит? Кто она, кто он?
Я обезумел иль мне спится сон?
К тебе моление, Лета, возношу:
Коль это сон, продли его, прошу.

Оливия

Доверься мне!

С е б а с т ь я н

Я жизнь веряю вам.

О л и в и я

О, повтори обет свой небесам!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Дом Оливии.

Входят М а р и я и ш у т.

М а р и я

Надень, пожалуйста, эту рясу и подвяжи бороду: пусть он думает, что ты сэр Топас, священник. Только побыстрей, а я тем временем сбегаю за сэром Тоби. (*Уходит.*)

Ш у т

Ладно, надену, притворюсь, что я не я. Эх, кабы я был первым притворщиком в рясе! В проповедники я не гожусь — ростом не вышел, в ученые богословы меня не возьмут — брюха не отрастил, но, по мне, прослыть честным малым и рачительным хозяином не хуже, чем считаться добрым пастырем и великим ученым. А вот и заговорщики явились.

Входят сэр Т о б и и М а р и я.

С э р Т о б и

Да благословит тебя Юпитер, господин пастор.

Ш у т

Вопос dies ¹, сэр Тоби, ибо, подобно тому как древний пражский старец-отшельник, отродясь не видывавший пера и чернил, с великим остроумием ответил племяннице короля Горбодука: «Что есть, то есть», так и я, поскольку я есмь господин пастор, постольку я есмь господин пастор, ибо что такое «то», как не «то», и что такое «есмь», как не «есмь»?

С э р Т о б и

Обратись к нему, сэр Топас.

Ш у т

Эй, как там тебя! Мир сей темнице!

¹ Добрый день. (*Исп., искаж.*)

Сэр Тоби

А здорово передразнивает плут! Отменный плут!

Мальволио

(за сценой)

Кто меня зовет?

Шут

Сэр Топас, священник, явился навестить Мальволио, помещанного.

Мальволио

Сэр Топас, сэр Топас, дорогой сэр Топас, пойдите к моей госпоже.

Шут

Изыди, враг неизреченный! Как искушаешь ты сего человека! — Ты что же, только о госпожах и умеешь разговаривать?

Сэр Тоби

Хорошо сказано, господин пастор.

Мальволио

Сэр Топас, меня неслыханно оскорбили! Дорогой сэр Топас, поверьте мне, я вовсе не сумасшедший. Они заперли меня здесь в мерзостной темноте.

Шут

Сгинь, сатана бесчестный! Скажи спасибо, что я обхожусь с тобой столь мягко: я принадлежу к тем кротким душам, которые и с чертом сохраняют учтивость. — Ты смеешь утверждать, что помещение сие погружено во тьму?

Мальволио

Как преисподняя, сэр Топас.

Шут

Да ведь тут окна в нишах, и они прозрачны, как забор, и еще есть оконца на юго-север, и они сияют, как черное дерево! И ты смеешь жаловаться на помрачение!

Мальволио

Я в своем уме, сэр Топас: говорю вам, тут темно, хоть глаз выколи.

Шут

Умалишенный, ты бредишь: говорю тебе, ты не во мрак погружен, а в невежество, в коем блуждаешь, как египтянин во тьме.

М а л ь в о л и о

А я вам говорю, что этот чулан темнее всякого невежества, будь оно темнее преисподней, и что меня неслыханно оскорбили. Я не больше сошел с ума, чем вы: можете провсрить, задайте мне любой здравый вопрос.

Ш у т

Каково воззрение Пифагора на дичь?

М а л ь в о л и о

Таково, что, может быть, душа нашей бабушки пересселилась в глупую птицу.

Ш у т

Каков твой взгляд на это воззрение?

М а л ь в о л и о

У меня более возвышенный взгляд на душу, и я никак не одобряю его воззрений.

Ш у т

Счастливо оставаться. Продолжай пребывать во тьме. Да проикнешься ты воззрением Пифагора, иначе я не признаю тебя здравомыслящим, и да убоишься стрелять глупышей, дабы не покалечить душу своей бабушки. Счастливо оставаться!

М а л ь в о л и о

Сэр Топас, сэр Топас!

С э р Т о б и

Неподражаемый сэр Топас!

Ш у т

Видите, я и швец, и жнец, и на дуде игрец!

М а р и я

А ряса и борода ни к чему: он ведь тебя не видит.

С э р Т о б и

Поговори с ним обычным своим голосом, а потом расскажешь мне, что и как. Очень мне хочется поскорее развязаться с этой затеей. Хорошо бы освободить его под каким-нибудь пристойным предлогом: моя племянница сейчас так гневается на меня, что продолжать нашу игру не следует. Не мешкай, скорей приходи ко мне в комнату.

С э р Т о б и и М а р и я уходят.

Ш у т
(поет)

«Эй, ты, Робин, храбрый Робин,
Ты доволен ли женой?»

М а л ь в о л и о

Шут!

Ш у т
(поет)

«С ней мне больше жить невмочь!»

М а л ь в о л и о

Шут!

Ш у т
(поет)

«Что такое, расскажи!»

М а л ь в о л и о

Шут, послушай!

Ш у т
(поет)

«Изменяет мне...»

Кто это меня зовет?

М а л ь в о л и о

Пожалуйста, дорогой шут, окажи великую услугу, принеси мне свечу, перо, чернил и бумаги. Даю слово дворянина, я по гроб жизни буду тебе обязан.

Ш у т

Господин Мальволио!

М а л ь в о л и о

Что, мой добрый шут?

Ш у т

Увы, сударь, как это случилось, что вы тронулись умом?

М а л ь в о л и о

Шут, со мной обошлись постыднейшим образом. Я так же в своем уме, как и ты.

Ш у т

Как я? Ну, если у вас ум, как у дурака, значит, вы действительно помешанный.

М а л ь в о л и о

Они сунули меня сюда, держат в кромешной тьме, подсылают ко мне каких-то ослов священников и вообще делают все, чтобы я сошел с ума.

Ш у т

Подумайте, что вы такое болтаете: священник-то здесь.— Мальволио, Мальволио, да укрепят небеса твой разум! Постарайся уснуть и прекрати нечестивую болтовню.

М а л ь в о л и о

Сэр Топас!

Ш у т

Не вступай с ним в переговоры, сын мой.— С ним в переговоры, отче? Да ни за что на свете, отче! Благослови вас бог, дорогой сэр Топас! — Ну еще бы, аминь.— Слушаюсь, отче, слушаюсь.

М а л ь в о л и о

Шут, шут, слышишь, шут!

Ш у т

Имейте терпение, сударь. Что вы говорите, сударь? Меня бра-
нут за то, что я разговариваю с вами.

М а л ь в о л и о

Шут, пожалуйста, раздобудь мне бумагу и свечу. Уверяю тебя, я так же в своем уме, как любой здравомыслящий иллириец.

Ш у т

Эх, кабы оно было так, сударь!

М а л ь в о л и о

Это так, клянусь своей рукой! Ради всего святого, шут, немножко чернил, бумаги и огарок свечи — и отнеси потом мою записку госпоже: ты получишь на чай столько, сколько в жизни не получал ни за одно письмо.

Ш у т

Так и быть, помогу вам. Только скажите по совести, вы и
впрямь сумасшедший или только прикидываетесь?

М а л ь в о л и о

Да нет же, истинная правда, нет!

Ш у т

В жизни не поверю помешанному, пока не увижу его мозгов.

М а л ь в о л и о

Шут, я ничего не пожалею, чтобы отблагодарить тебя. Только прошу тебя, поскорее.

Ш у т

(пост)

Иду, бегу

И помогу

Тебя поднять на смех.

Болвану спесь

Собьем мы здесь,

Как делает старый Грех,

Когда меч он берет

И от злости орет:

«Ко всем чертям ступай!»

И лукавому вмиг

Когти режет старик:

«Почтенный черт, прощай!»

(Уходит.)

С Ц Е Н А 3

Сад Оливии.

Входит Себастьян.

Себастьян

Вот небеса, вот царственное солнце,

Жемчужина — ее подарок мне...

Со мною чудеса тут происходят,

И все же я не поврежден в уме!

Но где Антонио? Он был в «Слоне»,

И мы с ним разминулись. Мне сказали,

Что в город он пошел искать меня.

Его совет мне был бы драгоценен.

Хотя мой разум, несогласный с чувством,

Здесь видит не безумье, а ошибку,

Но все же этот дивный поворот

В моей судьбе так странен, так немыслим,

Что, разуму не веря, я твержу:

«Она безумна или я помешан».

Но будь она действительно безумна,

Ей было б не по силам дом вести

И так спокойно, твердо, неприметно

Распоряжаться и делами править.

Тут что-то непонятное таится...
Но вот она сама сюда идет.

Входят Оливия и священник.

О л и в и я

Прошу, не осуждай мою поспешность,
Но если ты в своем решении тверд,
Святой отец нас ответит в часовню:
Там под священной кровлей перед ним
Ты поклянешься соблюдать мне верность,
Чтоб наконец нашла успокоенье
Ревнивая, тревожная душа.
Помолвку нашу сохранит он в тайне,
Пока ты сам не скажешь, что пора
Нам обвенчаться, как пристало мне
И сану моему. Ведь ты согласен?

С е б а с т ь я н

Да, я готов произнести обет
И быть вам верным до скончанья лет.

О л и в и я

Идемте, отче. Небеса так ясны,
Как будто нас благословить согласны.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Перед домом Оливии.

Входят шут и Фабиан.

Фабиан

Прошу тебя, сделай милость, покажи мне его письмо.

Шут

Почтеннейший Фабиан, тогда и ты исполни мою просьбу.

Фабиан

Ну конечно, с удовольствием!

Шут

Не проси, чтобы я показал тебе эго письмо.

Фабиан

Эго называется — возьми мою собаку, а взамен отдай мне ее назад.

Входят герцог, Виола, Курио и придворные.

Герцог

Вы служите графине Оливии, друзья?

Шут

Да, государь: мы вроде как ее парадная амуниция.

Герцог

А, старый знакомый! Как дела, приятель?

Шут

Правду сказать, государь, хорошо по милости врагов, худо по милости друзей.

Герцог

Наоборот: хорошо по милости друзей.

Шут

Нет, государь, худо.

Герцог

Как же это может быть?

Шут

Очень просто, государь: друзья так меня расхваливают, что превращают в осла, а враги прямо говорят, что я осел; стало быть, враги помогают мне познать самого себя, а друзья морочат голову; ну, а так как выводы подобны поцелуям и четыре «пет» дают в итоге два «да», то и получается, что хорошо по милости врагов и худо по милости друзей.

Герцог

Восхитительное рассуждение!

Шут

Вот уж нет, государь, хотя вы, видать, решили удостоить меня великой чести и вступить в число моих друзей.

Герцог

Ну, от моей дружбы тебе худо не будет: на, возьми золотой.

Шут

Пожалуйста, государь, станьте двурушником и удвойте левой рукой дело правой.

Герцог

В твоём совете мало благородства.

Шут

Я только советую, чтобы ваше благородство посоветовало вашей плоти и крови слазить в карман.

Герцог

Что ж, придется согрешить и стать двурушником: на тебе еще один.

Ш у т

Раз, два, три — вот это, действительно, круглый счет. Недаром говорят, что без третьего раза как без глаза, а на третий раз ноги сами пускаются в пляс; если вы мне не верите, прислушайтесь к колоколу святого Бенедикта: раз, два, три.

Герцог

Ну нет, больше ты меня не одурачишь и денег из меня не вытянешь. Вот если ты скажешь своей госпоже, что мне нужно побеседовать с ней, и приведешь ее сюда, тогда, может быть, моя щедрость снова проснется.

Ш у т

В таком случае, государь, побаяйте вашу щедрость, пока я не вернусь. Я иду, государь, только не думайте, что если я чего-то хочу от вас, так, значит, я и впрямь впал в грех похоти. А покамест, государь, пусть ваша щедрость действительно вздремнет, я ее сию минуточку разбуджу. *(Уходит.)*

Виола

А вот и мой спаситель, ваша светлость.

Входят Антонио и пристава.

Герцог

О, мы уже встречались с ним! Я помню,
Он был тогда в грязи и, как Вулкан,
Весь черен от порохового дыма.
Он — капитан суденышка дрянного,
Осадки и вместимости ничтожной,
И все же причинил такой ущерб
Сильнейшему из наших кораблей,
Что даже гнев и зависть побежденных
Ему воздали должное. — В чем дело?

Первый пристав

Мой государь, Антонио пред вами:
Им «Феникс» был захвачен вместе с грузом
И «Тигр» на abordаж взят в том бою,
Где ваш племянник Тит ноги лишился.
Сегодня он, забыв и страх и совесть,
Ходил по нашим улицам открыто
И даже с кем-то дрался.

Виола

Государь,
Он шпагу обнажил в мою защиту,

Но столько странного наговорил,
Как будто был горячкой охвачен.

Герцог

Прославленный пират! Морской разбойник!
Что за безумье привело тебя
К твоим врагам, которым ты нанес
Кровавую обиду?

Антонио

Славный герцог,
Прозваний этих я не заслужил:
Я не пират и не морской разбойник,
Хотя и вправду ваш старинный враг.
Сюда я колдовством был завлечен:
Вон тот молокосос неблагодарный
Из пенной пасты яросного моря
Был мной спасен,— он погибал в волнах.
Ему я жизнь вернул, ему я отдал
Свою любовь, не знавшую предела.
Пришел я во враждебный этот город
Из преданности, из любви к нему,
А он, хитрец и лицемер трусливый,
Боясь опасность разделить со мной,
Отрекся от меня и отдалился
На двадцать лет в один короткий миг.
Он даже возвратить мне отказался
Мой кошелек, всего лишь час назад
Ему врученный.

Виола

Что за странный бред!

Герцог

Когда, по-твоему, пришел он в город?

Антонио

Сегодня. А до этого мы с ним
Три полных месяца не разлучались:
Мы дни и ночи проводили вместе.

Входит Оливия со свитой.

Герцог

Графиня! Божество сошло на землю!
(К Антонио.)

А ты, приятель, не в своем уме:
Три месяца мне служит этот мальчик.

Герцог
(К приставам)

Теперь в сторонку отойдите с ним.

Оливия

Чем может быть Оливия полезна
Прославленному герцогу Орсино? —
Цезарио, ты слова не сдержал.

Виола

Сударыни!

Герцог

Прекрасная графиня!

Оливия

Цезарио, ответь же! — Ваша светлость...

Виола

При герцоге мне долг велит умолкнуть.

Оливия

Ах, только старой темы не касайтесь:
Она, как после музыки вытье,
Противна мне.

Герцог

Все так же вы жестоки.

Оливия

Все так же постоянна, государь.

Герцог

В своем упрямстве? Злая красота,
На чей алтарь, молитвам недоступный,
Души моей бесценнейшую нежность
Я приношу, — скажи, что делать мне?

Оливия

Да все, что вам угодно, ваша светлость.

Герцог

Быть может, должен мне служить примером
Египетский пират, что перед смертью
Хотел убить любимую? Ведь ревность

Порой в своих порывах благородна...
Но нет! Хотя ты страсть мою отвергла —
И я отчасти знаю, кто посмел
Закрыть мне путь к венцу моих желаний,—
Живи и впредь принцессой ледяной!
Но твоего избранника, любимца,—
Клянусь, он горячо любим и мной,—
Не допущу к тебе, жестокосердой,
Отвергнувшей меня ради него.—
Пойдем, мой мальчик! Злоба мозг туманит.
Я погублю тебя, ягненок хрупкий,
Мстя ворону в обличии голубки.

(Направляется к выходу.)

В и о л а

А я, чтоб только вам вернуть покой,
С восторгом смерть приму, властитель мой!

(Следует за герцогом.)

О л и в и я

Куда, Цезарио?

В и о л а

Иду за ним,

Кого люблю, кто стал мне жизнью, светом,
Кто мне милей всех женщин в мире этом.
Коль это ложь, пускай огонь небес
Меня сожжет, чтоб я с земли исчез!

О л и в и я

Покинута! Какое вероломство!

В и о л а

Кто вас покинул? Кто обидеть мог?

О л и в и я

Забыл? Уже? В такой короткий срок? —
Позвать священника!

С л у г а уходит.

Г е р ц о г

(Виоле)

Ступай за мною.

О л и в и я

Ужели ты расстанешься с женою?

Г е р ц о г

С женой?

О л и в и я

С женой. Посмей солгать в ответ!

Г е р ц о г

Ты ей супруг?

В и о л а

Я? Нет, мой герцог, нет!

О л и в и я

Увы, ты от меня сейчас отрекся
Из низменного страха. Не страшись,
Прими свою судьбу, собой останься,
И сразу же ты станешь вровень с тем,
Кого боишься.

Входит священник.

О святой отец,

Сейчас неожиданно все узнали то,
Что до поры до времени хотели
Мы утаить,— и я молю поведать,
Какое таинство соединило
Меня вот с этим юношей.

Священник

Какое?

Союз любви нерасторжимый, вечный:
Он подтвержден соединеньем рук,
Запечатлен священным поцелуем,
Скреплен обменом золотых колец.
Обряд в моем присутствии свершился
И засвидетельствован мной как должно.
С тех пор, как говорит мои часы,
На два часа я ближе стал к могиле.

Г е р ц о г

Щенок лукавый! Кем ты станешь в жизни,
Когда седины шерсть посеребрят?
Иль, может, надувая всех на свете,
Ты в собственные попадешься сети?

Прощай, бери ее и не забудь:
Страшись еще раз пересечь мне путь.

В и о л а

Мой государь...

Г е р ц о г

Молчи, не надо лести:
Храни и в трусости хоть каплю чести.
Входит сэр Эндрю с разбитой головой.

С э р Э н д р ю

Ради бога, лекаря! Скорее лекаря к сэру Тоби!

О л и в и я

Что с ним такое?

С э р Э н д р ю

Он проломил мне голову и сэру Тоби тоже раскроил череп.
Ради бога, помогите! Я бы сорока фунтов не пожалел отдать,
чтобы мне быть сейчас дома!

О л и в и я

Но кто на вас напал?

С э р Э н д р ю

Герцогский придворный, Цезарио. Мы думали, он трус, а он
самый отвязавшийся дьявол.

Г е р ц о г

Цезарио?

С э р Э н д р ю

Господи спаси и помилуй, он опять тут! Вы проломили мне
голову ни за что ни про что, а если и было за что, так это сэр
Тоби меня подговорил.

В и о л а

Что это значит? Я не трогал вас.
Вы обнажили шпагу без причины,
А я старался вас уговорить.

С э р Э н д р ю

Если раскроить череп — значит уговаривать, вы уговорили
меня. Для вас, видно, раскроить череп пустячное дело.

Входит ш у т, поддерживая пьяного с э р а Т о б и.

А вот и сэр Тоби приплелся. Сейчас он сам все расскажет.— Не будь он так на взводе, уж он бы разделался с вами по-своему!

Герцог

Что с вами, сударь? Что произошло?

Сэр Тоби

А мне наплевать! Стукнул меня, и все тут. Дурак, куда запропастился Дик-лекарь, а, дурак?

Шут

Да он уже с час назад как совсем упился, сэр Тоби. У него с восьми утра язык не ворочается.

Сэр Тоби

Значит, он скотина и к тому же бодливая. Ненавижу пьяную скотину.

Оливия

Уберите его. Кто это их так изукрасил?

Сэр Эндрю

Я помогу вам, сэр Тоби,— нас ведь вместе будут перевязывать.

Сэр Тоби

Поможешь? Ах ты, ослиная голова, плут, худоба несчастная, образина!

Оливия

В постель его! Пусть перевяжут рану.

Шут, Фабиан, сэр Тоби и сэр Эндрю уходят.

Входит Себастьян.

Себастьян

Я родственника вашего ударил
И виноват, конечно, перед вами.
Но будь он даже брат мне, я не мог бы
Иначе поступить. Смятение ваше
Мне говорит, что гневаетесь вы.
Во имя нашей нерушимой клятвы,
О милая, простите мне мой грех!

Герцог

Одно лицо, походка, голос тот же
У двух людей! Как в зеркале волшебном!

Себастьян

Антонио, Антонио, мой друг!
Как я считал минуты, как терзался
С тех пор, как ты бог весть куда пропал!

Антонио

Вы — Себастьян?

Себастьян

Ты не уверен в этом?

Антонио

Но как же вы могли так раздвоиться?
Две половинки яблока различней,
Чем вы. Скажите, кто же Себастьян?

Оливия

Невероятно!

Себастьян

Там не я ль стою?

Нет брата у меня, и я не бог,
Чтоб сразу быть двумя. Мою сестру
Слепые волны жадно поглотили.
Во имя неба, кто же вы такой?
Где ваша родина? Кто ваш отец?

Виола

Отец мой — Себастьян из Мессалина
И брата звали тоже Себастьян,—
Увы, он смерть нашел в могиле водной.
Коль призраки в людской одежде ходят,—
Вы — дух и нас пугать пришли.

Себастьян

Я дух,

Но в том обличье пизменном, в котором
На этот свет из чрева был рожден.
Ах, если бы вы женщиною были,
Я зарыдал бы и воскликнул: «Здравствуй,
Виола, погребенная в волнах!»

Виола

Пятном родимым, помню, был отмечен
Лоб моего отца.

Себастьян

И моего.

Виола

И умер он в тот день, когда Виоле
Исполнилось тринадцать.

Себастьян

Неизгладимое воспоминанье!
Земной свой путь окончил он в тот день,
Когда сестре тринадцать лет минуло.

Виола

Хотя мешает нам отдаться счастью
Лишь мой наряд, не мне принадлежащий,—
Не обнимай меня и не целуй,
Пока приметы времени и места
Не подтвердят тебе, что я — Виола.
Я к капитану отведу тебя:
Он спрятал девичью мою одежду
И к государю мне потом помог
На службу поступить. С тех пор мой жребий
От герцога зависел и графини.

Себастьян

(Оливии)

Как видите, графиня, вы ошиблись,
Но промах ваш теперь судьбой исправлен;
Вы с девушкой хотели обвенчаться
И этого по-своему достигли:
Вам достается девственник в мужья.

Герцог

Вы смущены? Супруг ваш знатен родом.
Ну, что же, если мне мой взор не лжет,
Найду и я в крушенье этом счастье.

(Виоле.)

Мой мальчик, ты твердил мне много раз,
Что я тебе милей всех женщин в мире.

Виола

И в этом снова sogni клять я дам
И сохраню их в сердце так же прочно,

Как прочно свод небес в себе хранит
Огонь, что день от ночи отделяет.

Герцог

Дай руку мне. Хочу тебя увидеть
В наряде женском.

Виола

Он у капитана,
Который спас меня. Но капитан
Сидит сейчас в тюрьме из-за доноса
Мальволио, дворецкого графини.

Оливия

Он будет выпущен.— Позвать немедленно
Мальволио.— Ах, я совсем забыла:
Бедняга помешался, говорят.

Возвращаются шут с письмом и Фабиан.

Смешались у меня самой все чувства,
И вовсе позабыла я о нем.
Скажи, что с ним сейчас?

Шут

Что ж, госпожа, он отбрыкивается от сатаны, как может. Вот написал вам письмо, и мне бы следовало передать его утром, да ведь послание помешанного — не проповедь, с ним можно и по-временить.

Оливия

Вскрой и прочти его.

Шут

Да укрепит вас своим примером дурак, чьими устами глаголет помешанный. (*Читает.*) «Клянусь богом, сударыня...».

Оливия

Да что с тобой? В своем ли ты уме?

Шут

Я-то в своем, да он сбрендил. Если ваша милость желает, чтобы оно было прочитано так, как задумано, вы позволите мне про-
вопить его.

Оливия

Читай как полагается.

Ш у т

Я и стараюсь, мадонна: чтобы это читать как полагается, надо читать именно так. Воспарите же мыслью и преклоните ухо, моя властительница.

О л и в и я
(Фабиану)

Пет, лучше ты читай.

Ф а б и а н
(читает)

«Клянусь богом, сударыня, вы оскорбили меня, и скоро все узнают об этом. Вы заперли меня в темноте и поручили вашему пьянчуге дядюшке надзирать за мной, хотя я в таком же здравом уме, как вы сами. Я сохранил ваше собственноручное письмо, побудившее меня принять вид, в котором я перед вами предстал, и не сомневаюсь, что с помощью этого письма добьюсь полного признания моей правоты и полного вашего посрамления. Думайте обо мне что хотите. Я выражаюсь не совсем почтительно, потому что глубоко оскорблен.

Подвергшийся безумному обхождению Мальволио».

О л и в и я

Записка в самом деле от него?

Ш у т

Да, госпожа.

Г е р ц о г

Я в ней безумия не замечаю.

О л и в и я

Пойди за ним сейчас же, Фабиан.

Ф а б и а н уходит.

Мой государь, коль вы согласны видеть
Во мне свою сестру, а не супругу,
Мы в этом доме две счастливых свадьбы
Отпразднуем в один и тот же день.

Г е р ц о г

Я с радостью приемлю приглашение.

(Виоле.)

Ваш господин освобождает вас.
Но вы так долго службу мне несли,

Столь несовместную с девицъимъ правомъ
И с вашимъ благороднымъ воспитаньемъ,
Меня своимъ властителемъ считая,
Чго вотъ моя рука: отныне вы
Становитесь владычицей владыки.

О л и в и я

А мнѣ сестрою.

Возвращается Фабианъ съ Мальволио.

Г е р ц о г

Это — вашъ безумецъ?

О л и в и я

Да, государь. — Мальволио, ну какъ ты?

М а л ь в о л и о

Сударыня, я вами оскорбленъ,
Жестоко оскорбленъ.

О л и в и я

Помилуй, чѣмъ же?

М а л ь в о л и о

Я оскорбленъ, графиня. Вотъ письмо, —
Его писали вы, не отрекайтесь.
Печать, и почеркъ, и слова, и мысли —
Все ваше, это каждый подтвердитъ.
Такъ объясните мнѣ, во имя чести,
Зачемъ вы, намекая на любовь,
Велели мнѣ носить подвязки накрестъ,
И желтые чулки, и улыбаться,
И сѣра Тобинъ презирать, и слугъ?
Зачемъ, когда, надеждой окрыленный,
Исполнилъ я все ваши повелѣнья,
Вы заперли меня въ крошечной тѣмѣ,
Священника прислали и меня
На посмеянье отдали? Скажите,
Зачемъ понадобилось это вамъ?

О л и в и я

Увы, Мальволио, но этотъ почеркъ
Не мой, хотя и очень схожъ съ моимъ:
Письмо написано рукой Марии.
Она-то и сказала мнѣ о томъ,

Что ты безумен. Вдруг приходишь ты,
Одетый как указано в записке,
Все время улыбаешься... Послушай,
С тобой сыграли очень злую шутку,
Но мы узнаем имена виновных,
И будешь ты судьей и истцом
В своем же деле.

Ф а б и а н

Госпожа моя,
Дозвольте мне покаяться — в надежде,
Что брань, и препирательства, и ссоры
Не запятнают праздничных часов,
Которым я свидетель. Эту шутку
Придумали мы вместе с вашим дядей,
Чтоб наказать Мальволио за спесь.
Письмо по приказанию сэра Тоби
Своей рукой Мария написала, —
За это Тоби обвенчался с ней.
В ответ на эту каверзу смешную
Мальволио не должен был бы злиться,
Особенно же если честно взвесить
Взаимные обиды.

О л и в и я

В какую западню попал бедняга!

Ш у т

Итак, «одни рождаются великими, другие достигают величия, к третьим оно приходит». Сударь, я принимал участие в этой интерлюдии — играл роль некоего сэра Топаса, но это не суть важно. «Клянусь небом, шут, я не помешанный!» Помните, сударь? «И чего вы, сударыня, смеетесь шуткам этого пустоголового мерзавца? Когда вы не улыбаетесь, он и двух слов связать не может». Вот так-то круговорот времен несет с собой отмщение.

М а л ь в о л и о

Я рассчитаюсь с вашей низкой сворой!

(Уходит.)

О л и в и я

Он в самом деле оскорблен жестоко.

Г е р ц о г

Догнать его и к мировой склонить.
Он должен рассказать о капитане,

А там блаженные настанут дни,
И свяжут нас торжественные узы.—
Сестра моя, до той поры мы будем
У вас в гостях.— Цезарио, пойдем.
В наряде этом для меня вы мальчик.
Потом передо мной предстанет дева,—
Моей души любовь и королева.

Все, кроме шута, уходит,

Ш у т

(поет)

Когда я был и глуп и мал —
И дождь, и град, и ветер,—
Я всех смешил и развлекал,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я достиг разумных лет —
И дождь, и град, и ветер,—
Наделал соседям я много бед,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я ввел жену в свой дом —
И дождь, и град, и ветер,—
Пошло все в доме кувырком,
А дождь лил каждый вечер.
Когда я стал и стар и хил —
И дождь, и град, и ветер,—
Я эль с утра до ночи пил,
А дождь лил каждый вечер.
Был создан мир бог весть когда —
И дождь, и град, и ветер,—
Но мы сюда вас ждем, господа,
И смешить хотим каждый вечер.

(Уходит.)

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Перевод
М И Х. З Е Н К Е В И Ч А

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ю л и й Ц е з а р ь

Октавий Цезарь

Марк Антопий

Марк Эмилий Лепид

Цицерон

П у б л и й

Попилый Лена

Марк Брут

К а с с и й

К а с к а

Требний

Лигарий

Деций Брут

Метелл Цимбр

Ц и н н а

Ф л а в и й)

Марулл } трибуны.

Артемидор Книдский, учитель риторики.

Проризатель.

Ц и н я, поэт.

Другой поэт.

Л у ц и л и й

Т и т и н и й

Мессала

Ю н ы й К а т о н

В о л у м п и й

В а р р о н

Клит

К л а в д и й

Стратон

Луций

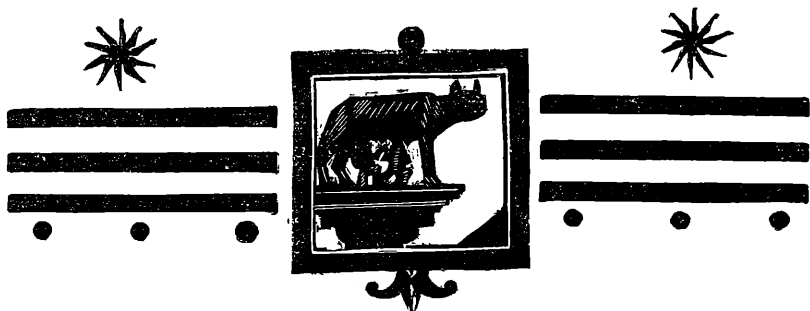
Дарданий

П и н д а р, слуга Кассия.
К а л ь п у р н и я, жена Цезаря.
П о р ц и я, жена Брута.

С е н а т о р ы, граждане, стража, слу-
ж и т е л и и пр.

Место действия — Рим; окрестность Сард; окрест-
ность Филипп.

А К Т I

С Ц Е Н А 1

Рим. Улица.

Входят Флавий, Марулл и толпа граждан.

Ф л а в и й

Прочь! Расходитесь по домам, лентяи.
Иль нынче праздник? Иль вам неизвестно,
Что, как ремесленникам, вам нельзя
В дни будничные выходить без знаков
Своих ремесл? — Скажи, ты кто такой?

Первый гражданин

Я, сударь, плотник.

М а р у л л

Где ж кожаный передник и отвес?
Зачем одет ты в праздничное платье? —
Ты, сударь, кто такой?

Второй гражданин

По правде говоря, сударь, перед хорошим ремесленником я,
с вашего позволения, только починщик.

М а р у л л

Какое ремесло? Ответь мне толком.

Второй гражданин

Ремесло, сударь, такое, что я надеюсь заниматься им с чистой совестью; ведь я, сударь, залатываю чужие грехи.

Марулл

Какое ремесло? Эй ты, бездельник.

Второй гражданин

Прошу вас, сударь, не расходитесь: ежели у вас что-нибудь разойдется, я вам залатаю.

Марулл

Что мелешь ты? Меня латать ты хочешь, грубиян!

Второй гражданин

Да, сударь, залатаю вам подошвы.

Флавий

Так, значит, ты сапожник?

Второй гражданин

Вонистину, сударь, я живу только шилом: я вмешиваюсь в чужие дела — и мужские, и женские — только шилом. Я, сударь, настоящий лекарь старой обуви; когда она в смертельной опасности, я ее излечиваю. Все настоящие люди, когда-либо ступавшие на воловьей коже, ходят только благодаря моему ремеслу.

Флавий

Что ж не работаешь сегодня дома?
Зачем людей по улицам ты водишь?

Второй гражданин

Затем, сударь, чтобы они поизносили свою обувь, а я получил бы побольше работы. В самом деле, сударь, мы устроили себе праздник, чтобы посмотреть на Цезаря и порадоваться его триумфу!

Марулл

Порадоваться? А каким победам?
Каких заложников привел он в Рим,
Чтоб свой триумф их шествием украсить?
Вы камни, вы бесчувственней, чем камни!
О римляне, жестокие сердца.

Забыли вы Помпея? Сколько раз
Взбирались вы на стены и бойницы,
На башни, окна, дымовые трубы
С детьми в руках и терпеливо ждали
По целым дням, чтоб видеть, как проедет
По римским улицам Помпей великий.
Вдали его завидев колесницу,
Не вы ли поднимали вопль такой,
Что содрогался даже Тибр, услышав,
Как эхо повторяло ваши крики
В его пещерных берегах?
И вот вы платье лучшее надели?
И вот себе устроили вы праздник?
И вот готовитесь устлать цветами
Путь триумфатора в крови Помпея?
Уйдите!
В своих домах падите на колени,
Моля богов предотвратить чуму,
Что, словно меч, разит неблагодарных!

Ф л а в и й

Ступайте, граждане, и соберите
Всех немощных и для искупленья
Ведите к Тибру их, и лейте слезы,
Пока течение низкое, поднявшись,
Не поцелует берегов высоких.

Все граждане уходят.

Смотри, смягчились даже грубияны;
Они ушли в молчанье виноватом.—
Иди дорогой этой в Капитолий;
Я здесь пойду; и если где увидишь,
Снимай все украшения со статуй.

М а р у л л

Но можно ль делать это?
У нас сегодня праздник Луперкалий.

Ф л а в и й

Что ж из того! Пусть Цезаря трофеи
На статуях не виснут. Я ж пойду,
Чтоб с улиц разгонять простой народ;
И ты так делай, увидав скопление.

Из крыльев Цезаря подпилем перья,
Чтоб не взлетел он выше всех других;
А иначе он воспарит высоко
И в страхе рабском будет нас держать.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Площадь.

Трубы. Входят Цезарь, Антоний, который должен участвовать в беге; Кальпурния, Порция, Деций, Цицерон, Брут, Кассий и Каска; за ними большая толпа, и среди нее прорицатель.

Цезарь

Кальпурния!

Каска

Молчанье! Цезарь говорит.

Музыка смолкает.

Цезарь

Кальпурния!

Кальпурния

Мой господин!

Цезарь

Когда начнет Антоний бег священный,
Встань прямо на пути его.— Антоний!

Антоний

Великий Цезарь?

Цезарь

Не позабудь коснуться в быстром беге
Кальпурнии; ведь старцы говорят,
Что от священного прикосновенья
Бесплодие проходит.

Антоний

Не забуду.

Исполню все, что Цезарь повелит.

Цезарь

Ступайте и свершите все обряды.

Музыка.

Прорицатель

Цезарь!

Цезарь

Кто звал меня?

Касска

Эй, тише! Замолчите, музыканты!

Музыка смолкает.

Цезарь

Кто из толпы сейчас ко мне взывал?
Пронзительнее музыки чей голос
Звал — «Цезарь!» Говори же: Цезарь внимлет.

Прорицатель

Остерегись ид мартовских.

Цезарь

Кто он?

Брут

Пророчит он тебе об идах марта.

Цезарь

Пусть выйдет он. Хочу его я видеть.

Касска

Выдь из толпы, пред Цезарем предстань.

Цезарь

Что ты сказал сейчас мне? Повтори.

Прорицатель

Остерегись ид марта.

Цезарь

Он бредит. Что с ним говорить. Идемте.

Трубный сигнал. Все, кроме Брута и Кассия, уходят.

К а с с и й

Пойдешь ли ты на празднество смотреть?

Б р у т

Нет.

К а с с и й

Прошу, иди.

Б р у т

Я не любитель игр, и нет во мне
Той живости, как у Антония.
Но не хочу мешать твоим желаньям
И уйду.

К а с с и й

Брут, с некоторых пор я замечаю,
Что нет в твоих глазах той доброты
И той любви, в которых я нуждаюсь.
В узде суровой, как чужого, держишь
Ты друга, что тебя так любит.

Б р у т

Кассий,

Ошибся ты. Коль взор мой омрачен,
То видимую скорбь я обращаю
Лишь к самому себе. Я раздираю
С недавних пор разладом разных чувств
И мыслей, относящихся к себе.
От них угрюмей я и в обращение;
Пусть не печалятся мои друзья —
В число их, Кассий, входишь также ты, —
К ним невниманье вызвано лишь тем,
Что бедный Брут в войне с самим собой
Забыл выказывать любовь к другим.

К а с с и й

Так, значит, я твоих не понял чувств;
Поэтому в груди я затаил
Немало дум, внимания достойных.
Свое лицо ты можешь, Брут, увидеть?

Б р у т

Нет, Кассий; ведь себя мы можем видеть
Лишь в отражении, в других предметах.

К а с с и й

То правда.
И сожаления достойно, Брут,
Что не имеешь ты зеркал, в которых
Ты мог бы доблесть скрытую свою
И тень свою увидеть. Ведь я слышал,
Что многие из самых лучших римлян
(Не Цезарь славный), говоря о Бруте,
Вздыхая под ярмом порабощенья,
Желали бы, чтоб Брут открыл глаза.

Б р у т

В опасности меня ты вовлекаешь.
Ты хочешь, чтобы я искал в себе
То, чего нет во мне.

К а с с и й

Поэтому, Брут, выслушай меня:
И так как ты себя увидеть можешь
Лишь в отражение, то я, как стекло,
Смирненно покажу тебе твой лик,
Какого ты пока еще не знаешь.
Во мне не сомневайся, милый Брут:
Я не болтун и не унижу дружбы,
Случайному знакомству расточая
Слова любви; вот если б ты узнал,
Что льщу я людям, обнимаю их,
А после поношу; что на пирах
Всем пьяницам я открываю тайны,
Тогда ты мог бы мне не доверять.

Трубы и крики.

Б р у т

Что там за крик? Боюсь я, что народ
Избрал его в цари.

К а с с и й

А, ты боишься?
Так, значит, этого ты не желаешь.

Б р у т

Нет, Кассий, хоть его я и люблю.
Но для чего меня ты держишь здесь?
И что такое сообщить мне хочешь?

Коль это благу общему полезно,
Поставь передо мной и честь и смерть,
И на обеих я взгляну спокойно.
Богам известен выбор мой: так сильно
Я честь люблю, что смерть мне не страшна.

К а с с и й

В тебе я эту доблесть знаю, Брут,
Она знакома мне, как облик твой,
И я о чести буду говорить.
Не знаю я, как ты и как другие
Об этой жизни думают, но я
И не могу, и не желаю жить
Склоняясь в страхе перед мне подобным.
Родились мы свободными, как Цезарь;
И вскормлены, как он; и оба можем,
Как он, переносить зимою стужу.
Однажды в бурный и ненастный день,
Когда Тибр гневно бился в берегах,
Сказал мне Цезарь: «Можешь ли ты, Кассий,
За мною броситься в поток ревуший
И переплыть туда?» Услышав это,
Я в воду бросился, как был, в одежде,
Зовя его, и он поплыл за мной.
Поток ревел, но, напрягая мышцы,
Его мы рассекали, разбивая,
И, с ним борясь, упорно плыли к цели.
Но не доплыли мы еще, как Цезарь
Мне крикнул: «Кассий, помоги, тону».
Как славный предок наш Эней из Трои
Анхиза вынес на своих плечах,
Так вынес я из волн ревуших Тибра
Измученного Цезаря; и вот
Теперь он бог, а с ним в сравнении Кассий
Ничтожество, и должен он склоняться,
Когда ему кивнет небрежно Цезарь.
В Испании болел он лихорадкой.
Когда был приступ у него, я видел,
Как он дрожал. Да, этот бог дрожал.
С трусливых губ его сбежала краска,
И взор, что держит в страхе целый мир,
Утратил блеск. Я слышал, как стонал он.
Да, тот, чьи речи римляне должны
Записывать потомкам в назиданье,
Увы, кричал, как девочка больная:

«Подай мне пить, Титиний!» — Как же может,
О боги, человек настолько слабый
Величественным миром управлять
И пальму первенства нести?

Крики. Трубы.

Б р у т

Опять они кричат!
Я думаю, то знаки одобренья,
И почестями вновь осыпан Цезарь.

К а с с и й

Он, человек, шагнул над тесным миром,
Возвысясь, как Колосс; а мы, людишки,
Снуем у ног его и смотрим — где бы
Найти себе бесславную могилу.
Порой своей судьбою люди правят.
Не звезды, милый Брут, а сами мы
Виновны в том, что сделались рабами.
Брут и Цезарь! Чем Цезарь отличается от Брута?
Чем это имя громче твоего?
Их рядом напиши, — твое не хуже.
Произнеси их, — оба так же звучны.
И вес их одинаков, и в заклятье
«Брут» так же духа вызовет, как «Цезарь».
Клянусь я именами всех богов,
Какою пищей вскормлен Цезарь наш,
Что вырос так высоко? Жалкий век!
Рим, ты утратил благородство крови.
В какой же век с великого потопа
Ты славился одним лишь человеком?
Кто слышал, чтоб в обширных стенах Рима
Один лишь признан был достойным мужем?
И это прежний Рим необозримый,
Когда в нем место лишь для одного!
Мы от своих отцов не раз слышали,
Что Брут — не ты, а славный предок твой —
Сумел бы от тирана Рим спасти,
Будь тот тиран сам дьявол.

Б р у т

Уверен я в твоей любви и знаю,
К чему ты хочешь побудить меня.
Что думаю о нынешних делах,

Я расскажу тебе потом; сейчас же,
Во имя нашей дружбы, я прошу,
Не растравляй меня. Все, что еще добавишь,
Я выслушаю. Мы отыщем время,
Чтобы продолжить этот разговор.
А до тех пор, отважный друг, запомни:
Брут предпочтет быть жителем деревни,
Чем выдавать себя за сына Рима
Под тем ярмом, которое на нас
Накладывает время.

К а с с и й

Я рад, что слабые мои слова
Такую искру высекли из Брута.

Б р у т

Окончен бег, и Цезарь к нам идет.

Входит Цезарь и его свита.

К а с с и й

Когда пойдут, тронь Каску за рукав,
И он с обычной едкостью расскажет,
Что важного произошло сегодня.

Б р у т

Так сделаю, но, Кассий, посмотри —
У Цезаря на лбу пылает гнев,
Все, как побитые, за ним идут;
Кальпурния бледна; у Цицерона
Глаза, как у хорька, налиты кровью.
Таким он в Капитолии бывает,
Когда сенаторы с ним несогласны.

К а с с и й

Нам Каска объяснит, что там случилось.

Цезарь

Антоний!

А н т о н и й

Цезарь?

Цезарь

Хочу я видеть в свиге только тучных,
Прилизанных и крепко спящих ночью.

А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.
Он много думает, такой опасен.

А н т о н и й

Не бойся, Цезарь; не опасен он;
Он благороден и благонамерен.

Ц е з а р ь

Он слишком тощ! Его я не боюсь:
Но если бы я страху был подвержен,
То никого бы так не избегал,
Как Кассия. Ведь он читает много
И любит наблюдать, насквозь он видит
Дела людские; он не любит игр
И музыки, не то что ты, Антоний.
Смеется редко, если ж и смеется,
То словно над самим собой с презреньем
За то, что не сумел сдержать улыбку.
Такие люди вечно недовольны,
Когда другой их в чем-то превосходит,
Поэтому они весьма опасны.
Я говорю, чего бояться надо,
Но сам я не боюсь: на то я Цезарь.
Стань справа, я на это ухо глух,
Откройся, что ты думаешь о нем.

Трубный сигнал. Цезарь и его свита, кроме Каски, уходят.

К а с к а

Ты дернул за рукав меня. В чем дело?

Б р у т

Да, Каска. Расскажи, что там случилось.
Чем Цезарь огорчен.

К а с к а

А разве не были вы с ним?

Б р у т

Тогда б не спрашивал о том, что было.

К а с к а

Ну, ему предложили корону, и когда ему поднесли ее, то он отклонил ее слегка рукой, вот так; и народ начал кричать.

Б р у т

А во второй раз почему кричали?

К а с к а

Из-за того же.

К а с с и й

А в третий? Ведь они кричали трижды?

К а с к а

Из-за того же.

Б р у т

Ему корону предлагали трижды?

К а с к а

Клянусь, что трижды, и он трижды отталкивал ее, с каждым разом все слабее, и, когда он отталкивал, мои достопочтенные соседи орали.

К а с с и й

Кто подносил корону?

К а с к а

Кто? Антоний.

Б р у т

Любезный Каска, расскажи подробней.

К а с к а

Пусть меня повесят, но я не смогу рассказать подробно: это было просто шутовство; я всего и не заметил. Я видел, как Марк Антоний поднес ему корону; собственно, это была даже и не корона, а скорее коронка, и, как я вам сказал, он ее оттолкнул раз, но, как мне показалось, он бы с радостью ее ухватил. Затем Антоний поднес ее ему снова, и он снова оттолкнул ее, но, как мне показалось, он едва удержался, чтобы не вцепиться в нее всей пятерней. И Антоний поднес ее в гретий раз, и он оттолкнул ее в третий раз, и каждый раз, как он отказывался, толпа орала, и неистово рукоплескала, и кидала вверх свои пропотевшие ночные колпаки, и от радости, что Цезарь отклонил корону, так заразила воздух своим зловонным дыханием, что сам Цезарь чуть не задохнулся; он лишился чувств и упал; что касается меня, то я не расхотелся только из боязни открыть рот и падышаться их воню.

К а с с и й

Но отчего лишился Цезарь чувств?

К а с к а

Он упал посреди площади с пеной у рта, и язык у него от-
нялся.

Б р у т

Понятно, он страдает ведь падучей.

К а с с и й

Не Цезарь, нет, но ты, и я, и Каска,
Мы все падучей этою страдаем.

К а с к а

Не понимаю, па что ты намекаешь, но я сам видел, как Це-
зарь упал. Назови меня лжецом, если разный сброд не хлопал и
не свистел ему, так же как актерам в театре, когда они нравятся
или не нравятся.

Б р у т

Что он сказал потом, придя в себя?

К а с к а

Клянусь, перед тем как упасть, заметив, что чернь радуется
его отказу от короны, он распахнул одежду и предложил им пе-
ререзать ему горло. Будь я человеком дела, я бы поймал его на
слове, провалиться мне в преисподнюю как последнему негодяю.
Да, он упал. А когда пришел в себя, то сказал, что если сделал
или сказал что-нибудь неподходящее, то просит милостиво изви-
нить это его болезнью. Три или чегыре девки рядом со мной за-
вопили: «О, добрая душа» — и простили его от всего сердца; но
они не стоят внимания; если бы даже Цезарь заколол их матерей,
они все равно вели бы себя так же.

Б р у т

И после этого ушел он мрачный?

К а с к а

Да.

К а с с и й

А Цицерон что-нибудь сказал?

К а с к а

Да, но только по-гречески.

К а с с и й

Что же он сказал?

К а с к а

Почем я знаю, пусть я ослепну, если я хоть что-нибудь понял; но те, которые понимали его, пересмеивались и покачивали головой, однако для меня это было греческой тарабарщиной. Могу сообщить вам еще новость: Марулл и Флавий за снятие шарфов со статуй Цезаря лишены права произносить речи. Прощайте. Там было еще много глупостей, да я всего не упомянул.

К а с с и й

Не придешь ли ты вечером ко мне на ужин?

К а с к а

Я зван в другое место.

К а с с и й

Так не зайдешь ли завтра на обед?

К а с к а

Да, если я буду жив, а ты не откажешься от приглашения и твой обед будет стоить того.

К а с с и й

Отлично. Я жду тебя.

К а с к а

Жди. Прощайте оба. (*Уходит.*)

Б р у т

Каким же простаком он стал теперь,
А в школе был таким живым и быстрым.

К а с с и й

Он и сейчас такой при исполнении
Отважных и достойных предприятий.
Поверь, его медлительность притворна,
А неотесанность — приправой служи́т
К остроумам, чтобы с лучшим аппетитом
Их переваривали.

Брут

Да, это так. Теперь тебя оставлю.
А завтра, если хочешь, я приду
К тебе для разговора, или ты
Приди ко мне, я буду ждать тебя.

Кассий

Приду к тебе. А ты о Риме думай.

Брут уходит.

Брут, благороден ты; но все ж я вижу,
Что благородный твой металл податлив.
Поэтому-то дух высокий должен
Общаться лишь с подобными себе.
Кто тверд настолько, чтоб не соблазниться?
Меня не терпит Цезарь. Брута ж любит.
Когда б я Брутом был, а он был Кассий,
Ему б я не поддался. Нынче ж ночью
Ему под окна я подброшу письма,
Как будто бы они от разных граждан;
В них напишу, что имя Брута чтится
Высоко в Риме, намекнув при этом
На властолюбье Цезаря туманно.
Покрепче, Цезарь, свой престол храни:
Встряхнем его, иль хуже будут дни.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Улица. Гром и молния.

Входят с противоположных сторон Каска с обнаженным мечом
и Цицерон.

Цицерон

Привет, о Каска. Цезаря домой
Ты проводил? Но чем ты так взволнован?

Каска

А ты спокоен, если вся земля
Заколебалась вдруг? О, Цицерон,
Я видел, как от бури расщеплялись
Дубы ветвистые, как океан

Вздыхался гордо, пенясь и бушуя,
До угрожающих туч достигая;
Но никогда до нынешнего дня
Я бури огненной такой не видел.
Иль там, на небесах, междоусобье,
Иль мир наш, слишком надерзив богам,
Побудил их на разрушение.

Ц и ц е р о н

Что ж более чудесного ты видел?

К а с к а

Какой-то раб — его в лицо ты знаешь —
Вверх поднял руку левую, и вдруг
Она, как двадцать факелов, зажглась,
Не тлея и не чувствуя огня.
Затем — мой меч еще в ножны не вложив —
У Капитолия я встретил льва.
Взглянув свирепо, мимо он прошел,
Меня не тронул; там же я столкнулся
С толпой напуганных и бледных женщин.
Они клялись, что видели, как люди
Все в пламени по улицам бродили.
Вчера ж ночная птица в полдень села
Над рыночною площадью, крича
И ухая. Все эти чудеса
Совпали так, что и сказать нельзя:
«Они естественны, они обычны».
Я думаю, что зло они вещают
Для той страны, в которой появились.

Ц и ц е р о н

Да, наше время странно, необычно:
Но ведь по-своему толкуют люди
Явления, смысла их не понимая.
Придет ли Цезарь в Капитолий завтра?

К а с к а

Да, и Антонию он поручил
Сказать тебе, что завтра он придет.

Ц и ц е р о н

Прощай же, Каска; грозовое небо
Не для гуляний.

К а с к а

Цицерон, прощай.

Цицерон уходит.

Входит Кассий.

К а с с и й

Кто это?

К а с к а

Римлянин.

К а с с и й

То голос Каски.

К а с к а

Твой слух хорош. Ну, Кассий, что за ночь!

К а с с и й

Ночь добрая для доблестных людей.

К а с к а

Кто знал, что будет небо так грозить?

К а с с и й

Все знавшие, что мир несчастьем полон.
Я, например, по улицам бродил,
Предав себя зловещей этой ночи.
И, распахнувшись, Каска, как ты видишь,
Открыл я грудь свою ударам молний;
Когда ж твердь неба голубой зигзаг
Раскалывал, я выставлял себя
Как цель под ослепительную вспышку.

К а с к а

Зачем же так ты небо испытуешь?
Удел людской наш — в страхе трепетать,
Когда нам боги в знаменьях шлют
Ужасных вестников для устрашенья.

К а с с и й

Ты, Каска, туп. В тебе нет искры жизни,
Что в каждом римлянине есть, иль ты
Ее не чувствуешь совсем. Ты бледен,
И перепуган, и дивишься в страхе

При виде гнева страшного небес;
Но если поразмыслишь над причиной
Того, что духи и огни блуждают,
Что звери неверны своим повадкам,
Что старцев превзошли умом младенцы,
Что все они, внезапно изменив
Своей природе и предначерганью,
Чудовищами стали,— ты поймешь,
Что небо в них вселило этот дух,
Их сделав знаменем предупрежденья
О бедствии всеобщем.
Тебе могу назвать я человека,
Он, с этой ночью схож,
Гремит огнем, могилы разверзает
И в Капитолии, как лев, рычит.
Не выше он тебя или меня
По личным качествам, но стал зловещ
И страшен, как все эти изверженья.

К а с к а

На Цезаря ты намекаешь, Кассий?

К а с с и й

Кто б ни был он. Ведь и сейчас у римлян
Тела и мышцы те же, что у предков.
Но — жалкий век! В нас дух отцов угас,
И нами правит материнский дух,
Ярму мы подчиняемся по-женски.

К а с к а

Сенаторы вновь завтра соберутся,
Чтоб Цезаря провозгласить царем;
И будет он везде — на суше, в море,
Но не в Италии — носить корону.

К а с с и й

Я знаю, где носить кинжал я буду:
От рабства Кассий Кассия избавит.
Так, боги, вы даете слабым силу
И учите тиранов побеждать:
Ни камни башен, ни литые стены,
Ни подземелья душные, ни цепи
Не могут силу духа удержать;
Жизнь, если ей тесны затворы мира,
Всегда себя освободить сумеет.

Я это знаю, пусть весь мир узнает,
Что по желанью я могу с себя
Стряхнуть гнет тирании.

Снова гром.

К а с к а

Как и я!

У каждого раба в руках есть средство
Освободиться от своих оков.

К а с с и й

Так почему же Цезарь стал тираном?
Несчастный! Разве мог бы стать он волком,
Когда б не знал, что римляне — бараны;
Пред римлянами-ланиями он лев.
Кто хочет развести скорей огонь,
Тот жжет солому. Римляне, вы щепки,
Вы мусор, коль годитесь лишь на то,
Чтоб освещать ничтожество такое,
Как Цезарь. Но куда меня, о скорбь,
Ты завлекла? Быть может, я открылся
Рабу угодливому; что ж, готов
К ответу я. Ведь я вооружен,
И все опасности я презираю.

К а с к а

Ты с Каской говоришь; он не болтун,
Не зубоскал. И вот моя рука:
Сплоти людей, чтоб зло предотвратить,
И ни на шаг тогда я не отстану
От вожака.

К а с с и й

Союз наш заключен.

Узнай же, Каска, я уже склонил
Немало благородных, честных римлян,
Чтоб разделить со мною предприятие
С опасным и почетным завершением.
Они, собравшись, ждут меня сейчас
Под портиком Помпея; в ночь такую
На улицах пустынно и безлюдно,
И даже небо мрачное похоже
На дело, что готовы мы свершить,—
Кроваво так же, огненно и грозно.

К а с к а

Остерегись, идет поспешно кто-то.

Входит Ц и н н а.

К а с с и й

Я по походке Цинну узнаю.

Он друг наш.— Цинна, ты куда спешишь?

Ц и н н а

Ищу тебя. Кто здесь? Метеллий Цимбр?

К а с с и й

Нет, это Каска. К нам и он примкнул.

Скажи, меня там ожидают, Цинна?

Ц и н н а

Я Каске рад. Но как ужасна ночь!

Из нас кой-кто чудесное увидел.

К а с с и й

Там ждут меня? Скажи.

Ц и н н а

Да, ждут.

О, Кассий, если б мог ты

И доблестного Брута к нам привлечь.

К а с с и й

Доволен, Цинна, будь: письмо вот это

На преторское кресло положи,

Чтоб Брут его нашел; другое ж брось

К нему в окно; а это, третье, воском

К статуе Брута древнего прилепишь.

У портика Помпея ждем тебя.

Брут Деций и Требоний тоже там?

Ц и н н а

Все, кроме Цимбера; он за тобой

Пошел в твой дом. Я быстро все исполню

И письма все, как ты велел, подброшу.

К а с с и й

И приходи потом в театр Помпея.

Ц и н и а уходит.

Должны с тобой мы, Каска, до рассвета
Увидеть Брута дома: ведь сейчас он
Наш на три четверти и целиком
Наш будет после этой новой встречи.

К а с к а

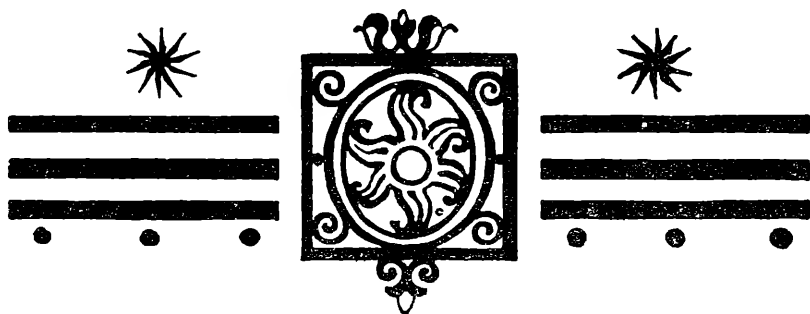
Народ глубоко почитает Брута.
То, что казалось бы в нас преступленьем,
Поддержкою своею, как алхимик,
Он в доблесть претворит и в добродетель.

К а с с и й

Ты верно понял, в чем его значение
И для чего он нужен нам. Идем,
Ведь за полночь уже, мы до рассвета
Его разбудим, и он будет наш.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Рим. Сад Брута.

Входит Б р у т.

Б р у т

Эй, Луций, встань!
По звездам распознать я не могу,
Далеко ль до утра. Проснись, эй, Луций, пробудись!
О, если б мог я как же крепко спать.
Живее, Луций! Эй, проснись же, Луций!

Входит Л у ц и й.

Л у ц и й

Ты звал, мой господин?

Б р у т

В покой мой принеси светильник, Луций.
Когда зажжешь, то позови меня.

Л у ц и й

Все будет сделано, мой господин,

(Уходит.)

Б р у т

Да, только смерть его: нет у меня
Причины личной возмущаться им,

Лишь благо общее. Он ждет короны;
Каким тогда он станет — вот вопрос.
На яркий свет гадюка выползает,
И осторожней мы тогда ступаем.
Короновать его — ему дать жало,
Чтоб зло по прихоти он причинял.
Величье тягостно, когда в разладе
Власть с состраданьем. Я не замечал,
Чтоб в Цезаре его пристрастья были
Сильнее разума. Но ведь смирение —
Лишь лестница для юных честолюбий:
Наверх взбираясь, смотрят на нее,
Когда ж на верхнюю ступеньку встанут,
То к лестнице спиною обратятся
И смотрят в облака, презрев ступеньки,
Что вверх их возвели. Вот так и Цезарь.
Предотвратим же это. Пусть причины
Для распри с ним пока еще не видно,
Решим, что, как и все, он, возвеличась,
В такие ж крайности потом впадет.
Пусть будет он для нас яйцом змеиным,
Что вылупит, созрев, такое ж зло.
Убьем его в зародыше.

Входит Луций.

Луций

Светильник я зажег, мой господин.
Кремень искал я у окна и вот
Нашел письмо с печатью, но его
Там не было, когда я спать пошел.

(Подает письмо.)

Брут

Приляг опять, еще не рассвело.
Не мартовские ль иды завтра, мальчик?

Луций

Не знаю, господин.

Брут

Взгляни же в календарь и мне скажи.

Луций

Сейчас, мой господин.

(Уходит.)

Б р у т

По небу так сверкают метеоры,
Что я могу читать при свете их.

(Вскрывает письмо и читает.)

«Ты спишь, о Брут: проснись, познай себя.
Иль Рим... Воспрянь, рази, спасай».
«Ты спишь, о Брут: проснись».
Такие подстрекательства мне часто
Подбрасывали, и я их читал.
«Иль Рим...». Как должен это я дополнить?
Иль Рим под игом одного? Как, Рим?
Из Рима предками моими изгнан
Тарквиний был, когда он стал царем.
«Воспрянь, рази, спасай». Меня зовут
Воспрянуть и спасти? О Рим, клянусь,
Что, если будешь ты спасен, спасенье
Получишь ты от Брутовой руки!

Входит Луций.

Луций

Четырнадцать дней мартовских прошло.

Стук за сценой.

Б р у т

Так. Отвори ступай; стучится кто-то.

Луций уходит.

Я сна лишился с той поры, как Кассий
О Цезаре мне говорил.
Меж выполнением замыслов ужасных
И первым побуждением промежутков
Похож на призрак или на страшный сон:
Наш разум и все члены тела спорят,
Собравшись на совет, и человек
Похож на маленькое государство,
Где вспыхнуло междоусобье.

Входит Луций.

Луций

Мой господин, у входа брат твой Кассий,
Тебя он хочет видеть.

Б р у т

Он один?

Л у ц и й

Пришли с ним и другие.

Б р у т

Ты знаешь их?

Л у ц и й

Нет, господин мой: головы склонив,
Они одеждой лица закрывали.
И я не мог черты их разглядеть,
Как ни старался.

Б р у т

Пусть они войдут.

Л у ц и й уходит.

То заговорщики. О заговор,
Стыдишься ты показываться ночью,
Когда привольно злу. Так где же днем
Столь темную пещеру ты отыщешь,
Чтоб скрыть свой страшный лик? Такой и нет.
Уж лучше ты его прикрой улыбкой:
Ведь если ты его не приукрасишь,
То сам Эреб и весь подземный мрак
Не помешают разгадать тебя.

Входят заговорщики: К а с с и й, К а с к а, Д е ц и й, Ц и л л а, М е т е л л
Ц и м б р и Т р е б о н и й.

К а с с и й

К тебе мы вторглись, твой покой нарушив,
Брут, здравствуй. Разбудили мы тебя?

Б р у т

Я встал уже, и я не спал всю ночь.
Знакомы ль мне пришедшие с тобой?

К а с с и й

Ты знаешь каждого из них, и каждый
Тебя глубоко чтит, и каждый хочет,
Чтоб о себе ты был того же мнения,

Как лучшие из римлян о тебе.
Требоний здесь.

Б р у т

Приветствую его.

К а с с и й

Вот Деций Брут.

Б р у т

Привет мой и ему.

К а с с и й

Вот Каска, вот и Цинна, вот и Цимбер.

Б р у т

Привет им всем!
Что за бессонные заботы встали
Меж вашим сном и ночью?

К а с с и й

Могу ль тебе сказать?

Брут и Кассий шепчутся.

Д е ц и й

Вот где восток. Не правда ль, там светает?

К а с к а

Нет.

Ц и н н а

Неправ ты, кромка облаков сереет,
То первые предвестники рассвета.

К а с к а

Сознайтесь же, что оба вы ошиблись.
Я покажу мечом, где всходит солнце;
Сейчас, весной, на повороте года,
Оно встает гораздо ближе к югу.
Два месяца пройдет — и луч рассвета
Мы северней увидим. А сегодня
Заря за Капитолием блеснет.

Б р у т

Все, как один, мне дайте ваши руки.

К а с с и й

И подтвердим решение наше клятвой.

Б р у т

Не надо клятв. Коль нас не побуждают
Вид скорбный граждан, собственная мука,
Зло, что царит кругом,— коль мало вам
Таких причин,— то лучше разойдемся,
Чтобы на ложе праздности возлечь,
И пусть надменно тирания правит,
Готовя смертный жребий нам. Но если
В тех побужденьях пламени довольно,
Чтоб трусы им зажглись и закалились
Дух плавкий женщин, то, сограждане,
Что, кроме дела нашего, нас может
К восстанью побудить? Иль не порукой
Нам скрытность римлян, что сказали слово
И не отступятся? Какая клятва
Нужна, когда мы честно обязались,
Что это будет или мы падем?
Пускай клянутся трусы, и жрецы,
И падаль дряхлая, и те страдалцы,
Что терпят зло. Клянутся в темном деле
Лишь те, кому не верят. Не пятняйте
Высокодоблестного предприятия
И непреклонного закала духа
Предположеньем, что нужны нам клятвы
Для дела нашего. Иль в каждой капле
Той крови благородной, что течет
У римлянина каждого, есть примесь
Нечистая, раз может он нарушить
Хоть в чем-нибудь свое же обещанье.

К а с с и й

Не стоит ли склонить и Цидерона?
Я думаю, он тоже будет с нами.

К а с к а

Нельзя нам упускать его.

Ц и н н а

Конечно.

М е т е л л

Вы правы. Серебро его волос
Нам купит общее расположение.
Все будут восхвалять нас, говоря,
Что ум его направил наши руки;
И нашу юность, наш порыв мятежный
Он скроет величавостью своей.

Б р у т

О нет, ему не надо открываться.
Он пикогда поддерживать не станет
Того, что начали другие.

К а с с и й

Верно.

К а с к а

Он непригоден нам.

Д е ц и й

Один ли только Цезарь должен пасть?

К а с с и й

Ты, Деций, прав. И было бы неверно,
Чтоб Марк Антоний, Цезарев любимец,
Его бы пережил; мы в нем найдем
Врага лукавого; его приемы
Известны нам, уж он-то ухитрится
Нам навредить. Предупредим опасность,
Пусть вместе с Цезарем падет Антоний.

Б р у т

Не слишком ли кровав наш путь, Кай Кассий, —
Снять голову, потом рубить все члены?
В смертоубийстве гнев, а после злора.
Антоний — лишь часть Цезарева тела.
Мы — жертв заклатели, не мясники.
Мы против духа Цезаря восстали,
А в духе человеческого нет крови.
О, если б без убийства мы могли
Дух Цезаря сломить! Но нет, увы,
Пасть должен Цезарь. Милые друзья,
Убьем его бесстрашно, но не злобно.
Как жертву для богов его заколем,
Но не изрубим в пищу для собак;

Пусть наши души, как хозяин хитрый,
К убийству подстрекают слуг, а после
Бранят для вида. Идя на это дело,
Должна вести не месть, а справедливость.
Когда так выступим, то все нас примут
За искупителей, не за убийц.
А об Антонии не стоит думать;
Что может сделать Цезаря рука,
Когда он обезглавлен?

К а с с и й

Опасаясь

Я все ж его: он Цезарю так предап.

Б р у т

Не стоит, Кассий, говорить о нем.
Коль Цезаря он любит, пусть умрет
С тоски по нем — вот все, что может сделать.
И то навряд ли: слишком уж он предап
Увеселеньям, сборищам, распутству.

Т р е б о н и й

Он не опасен нам. Пускай живет.
Он после сам над этим посмеется.

Бьют часы.

Б р у т

Чу! Бьют часы.

К а с с и й

Пробило три часа.

Т р е б о н и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Но неизвестно,

Решится ли сегодня выйти Цезарь;
Он с некоторых пор стал суеверен,
Оставив мнение прежнее свое
О снах и разных предзнаменованиях.
Узнав об ужасах и чудесах,
О небывалых страхах этой ночи,
Услышав предвещения авгуров,
Он в Капитолий не пойдет, быть может.

Д е ц и й

О нет, не бойтесь! Если так решит он,
Отворю его. Он любит слушать,
Что ловят деревом единорога,
Медведя — зеркалом, слона же — ямой,
Силками — льва, а человека — лестью.
Скажу ему, что лесть он ненавидит —
И он доволен будет этой честью.
Мне предоставьте.
Сумею я его разубедить
И привести из дома в Капитолий.

К а с с и й

Нет, лучше вместе все придем за ним.

Б р у т

К восьми часам — и уж никак не позже!

Ц и н н а

Пусть соберутся все без опоздания.

М е т е л л

Ведь Цезарем обижен Кай Лигарий,
За то что он Помпея восхвалял.
И как никто из вас о нем не вспомнил!

Б р у т

Поэтому, Метелл, зайди к нему;
Меня он любит, и не без причины.
Пришли его, и с ним я сговорюсь.

К а с с и й

Восходит утро. Брута мы оставим.
Расстанемся, наш уговор запомнив,
И римлянами выкажем себя.

Б р у т

Друзья, смотрите весело и бодро,
И пусть наш вид не выдаст тайных целей;
Играйте так, как римские актеры,
И без запинки исполняйте роли.
Итак, желаю доброго вам утра!

Все, кроме Брута, уходят.

Как, Люций! Вновь уснул! Что ж, упивайся
Медвяной тягостной росой дремоты;
Не знаешь ты тех призраков, видений,
Которыми забота мозг наш мучит;
Ты спишь так крепко.

Входит Порция.

Порция

Брут, мой господин!

Брут

Что, Порция? Что ты так рано встала?
Для хрупкого здоровья твоего
Опасна эта утренняя сырость.

Порция

Как и тебе. Ты нелюбезно, Брут,
Мое покинул ложе, а вчера
Вдруг встал от ужина и стал ходить,
Вздыхая и скрестив в раздумье руки.
Когда ж спросила я тебя, в чем дело,
То на меня ты посмотрел сурово,
Потом, рукою проведя по лбу,
В ответ ногой нетерпеливо топнул.
Настаивала я, но ты молчал
И гневным мановением руки
Дал знак мне удалиться; я ушла,
Боясь усилить это недовольство,
Владевшее тобою, и надеясь,
Что просто ты находишься не в духе,
Как иногда случается со всяким.
Но ты не ешь, не говоришь, не спишь,
И если б вид твой так же изменился,
Как изменился нрав твой, то тебя,
Брут, не узнала б я. Мой повелитель,
Открой же мне причину этой скорби.

Брут

Я не совсем здоров, и это все.

Порция

Брут мудр, и если бы он заболел,
То меры принял бы для излечения.

Б р у т

Я и лечусь. Спать, Порция, иди.

П о р ц и я

Как, болен Брут — и для леченья бродит
Полуодет и впитывает сырость
Туманного рассвета? Болен Брут —
И, крадучись, постель он покидает,
Чтоб подвергаться злой заразе ночи,
Чтобы холодный и нечистый воздух
Болезнь его усилил? Нет, мой Брут;
Недуг опасный твой в душе гнездится,
И я по праву и по положенью
Должна узнать причину; на коленях
Былой красой тебя я закликаю,
И клятвами твоими, и той клятвой
Великой, что в одно связала нас,—
Открой мне, как себе, как половине
Своей, всю скорбь; скажи, кто те, что
К тебе зашли, шесть или семь их было,—
И даже здесь они скрывали лица.

Б р у т

Встань, Порция. Встань, нежная моя!

П о р ц и я

Я б не склонялась, будь, как встарь, ты пежеш.
Скажи мне, Брут: быть может, по закону
Жене запрещено знать тайны мужа?
Быть может, мой супруг, я часть тебя,
Но с тем ограничением, что могу
Делить с тобой лишь трапезы и ложе
И изредка болтать? Но неужели
Лишь на окраине твоих утех
Я жить должна? Иль Порция для Брута
Наложницею стала, не женой?

Б р у т

Я чту тебя как верную супругу,
Такую ж близкую, как капли крови
В моем печальном сердце.

П о р ц и я

А если так, то знать хочу я тайну.
Пускай я женщина, но ведь меня

В супруги благородный Брут избрал;
Пускай я женщина, но ведь меня
Все доброй славой чтут как дочь Катона.
С таким супругом и с таким отцом —
Поверь мне, Брут, тверда я, как мужчина.
Откройся мне, и тайну я не выдам;
Иль твердость я свою не доказала,
Когда себе я рану нанесла
Сюда в бедро? Коль это я стерпела,
То тайну мужа я не выдам.

Б р у т

Боги,

Да буду я такой жены достоин.

Стук за сценой.

Стучат. На время, Порция, уйди.
Доверю вскоре сердцу твоему
Моей души тревогу,
Все думы, и заботы, и сомненья,
Из-за которых я угрюм и хмур.
Уйди скорее.

П о р ц и я уходит.

Кто стучится, Луций?

Входят Луций и Лигарий.

Л у ц и й

С тобою хочет говорить больной.

Б р у т

То Кай Лигарий, присланный Метеллом.
Ступай, мой мальчик.— Здравствуй, Кай Лигарий.

Л и г а р и й

Мне трудно говорить, и все же — здравствуй!

Б р у т

Некстати, храбрый Кай, твоя повязка!
О, если бы ты был сейчас здоров!

Л и г а р и й

Я выздоровлю, если Брут мне скажет,
Что есть для подвига достойный повод.

Б р у т

Лигарий, есть для подвига предлог.
Да, повод есть — достойный из достойных.

Л и г а р и й

Клянусь богами Рима, я здоров!
Недуги, прочь! О римлянин великий,
Потомок славный доблестного предка!
Ты, словно заклинатель, оживил
Мой омертвелый дух. Скажи; готов я
С любой неодолимой силой биться
И победить. Так что же надо делать?

Б р у т

Нам нужно возвратить больным здоровье.

Л и г а р и й

Отняв притом здоровье у кого-то?

Б р у т

Да. Расскажу тебе, в чем дело, Кай,
Дорогою к тому, к кому пойдем,
Чтоб это совершить.

Л и г а р и й

Идем скорей.
Воспламенившись, за тобой пойду —
На что, не знаю сам: с меня довольно,
Что Брут меня ведет.

Б р у т

За мною следуй.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Дом Цезаря.

Гром и молния. Входит Цезарь в ночной одежде.

Ц е з а р ь

И небо и земля разверзлись ночью;
Во сне Кальпурния кричала трижды:

«На помощь. Цезаря хотят убить!»
Эй, слуги!

Входит слуга.

С л у г а

Господин мой?

Ц е з а р ь

Скажи жрецам, чтоб закололи жертву,
И прорицанья их мне сообщи.

С л у г а

Исполню, господин.

(Уходит.)

Входит Кальпурния.

К а л ь п у р н и я

Как, Цезарь? Ты уйти из дома хочешь?
Не должен ты сегодня выходить.

Ц е з а р ь

Нет, Цезарь выйдет: ведь всегда опасность
Ко мне крадется сзади, но, увидев
Мое лицо, тотчас же исчезает.

К а л ь п у р н и я

Ты знаешь, Цезарь, я не суеверна,
Но я теперь боюсь. Сказал мне стражник,
Что ужасы такие он видал,
Каких себе представить мы не можем.
На улице вдруг львица окотилась;
Могила выплюнула мервецов;
По правилам военного искусства
Меж туч сражались огненные рати,
И кровь бойцов кропила Капитолий,
Был ясно слышен грозный грохот битвы:
Стонали равеные, ржали кони...
По улицам метались привиденья,
Ужасным воем поражая слух.
О, Цезарь. Это все необычайно,
И я страшусь.

Ц е з а р ь

Как можно избежать
Судьбы, вам предназначенной богами?

Нет, Цезарь выйдет; знаменья эти
Даны не только Цезарю, а всем.

К а л ь п у р н и я

В день смерти нищих не горят кометы,
Лишь смерть царей огнем вещает небо.

Ц е з а р ь

Трус умирает много раз до смерти,
А храбрый смерть один лишь раз вкушает!
Из всех чудес всего необъяснимей
Мне кажется людское чувство страха,
Хотя все знают — неизбежна смерть
И в срок придет.

Входит слуга.

Что говорят авгуры?

С л у г а

Советуют, чтоб ты не выходил.
Из жертвы внутренности вынимая,
Они в животном сердца не пашли.

Ц е з а р ь

Так посрамить желают боги трусость:
Скотливою без сердца Цезарь был бы,
Когда б из страха дома он остался.
Не будет этого: опасность знает,
Что Цезарь поопаснее ее.
Мы — как два льва, два брата-близнеца.
Из нас двоих я старше и страшней.
Нет, Цезарь выйдет.

К а л ь п у р н и я

О, увь, в тебе

Самонадеянность убила мудрость.
Не выходи сегодня; пусть мой страх
Тебя удержит дома, а не твой,
Пошлем мы Марк Антония в севат.
Пусть скажет он, что болен ты сегодня.
Прошу тебя об этом на коленях.

Ц е з а р ь

Антоний скажет им: я нездоров;
Чтоб ублажить тебя, осганусь дома.

Входит Деций.

Цезарь

Вот Деций Брут, он передаст им это.

Деций

Приветствую тебя, достойный Цезарь!
Пришел я проводить тебя в сенат.

Цезарь

Ты вовремя пришел, чтоб отнести
Сенаторам приветствие мое,
Сказать, что к ним прийти я не могу.
Ложь — не могу, и вовсе ложь — не смею.
Я не хочу прийти; скажи так, Деций.

Кальпурния

Скажи, он болен.

Цезарь

Цезарь — им солжет?
Затем ли я так далеко в победах
Простер над миром длань, чтоб опасаться
Седобородым правду говорить?
Скажи им, Деций, — Цезарь не придет.

Деций

Великий Цезарь, объяснить им надо,
В чем дело, а не то осмеян буду,
Когда им передам слова.

Цезарь

Во мне причина — не хочу прийти,
И этого довольно для сената.
Но я тебя люблю и потому
Тебе открою все. Меня жена,
Кальпурния, удерживает дома.
Ей снилось, будто статуя моя
Струила, как фонтан, из ста отверстий
Кровь чистую и много знатных римлян
В нее со смехом погружали руки.
Сон кажется ей знаменьем зловещим,
И, на колени встав, она молила,
Чтобы остался я сегодня дома.

Деций

Но этот сон неверно истолкован.
Значение его благоприятно:
Из статуи твоей струилась кровь,

И много римлян в ней омыло руки,—
И это значит, что весь Рим питаем
Твоею кровью и что знать теснится
За знаками отличья и наград.
Вот все, что сон Кальпурнии вещает.

Цезарь

Ты сон ее истолковал отлично

Деций

Да, если ввемлешь ты моим словам.
Узнай же, что сенаторы решили
Корону поднести тебе сегодня.
Узнав, что ты не явишься, они
В решение поколеблются, и слово
Крылатое из уст в уста пойдет:
«Прервем сенат, пока хороших снов
Супруга Цезарева не увидит».
Коль ты не выйдешь, то шептаться будут:
«А Цезарь испугался!»
Прости меня, о Цезарь, лишь любовь
К твоим делам велит сказать мне правду;
Мой разум подчинен любви.

Цезарь

Нелепы страхи все твои, Кальпурния!
И стыдно мне, что я поддался им.—
Подайте тогу, я иду.

Входит Публий, Брут, Лигарий, Метелл, Каска, Требо-
ний и Цинна.

А вот и Публий, он пришел за мной.

Публий

С добрым утром, Цезарь.

Цезарь

Здравствуй, Публий.—
Как, Брут, и ты сегодня встал так рано? —
Тебе привет мой, Каска.— Кай Лигарий,
И Цезарь не был так к тебе враждебен,
Как лихорадка, что тебя сгноила.—
Который час?

Брут

Пробило восемь, Цезарь.

Цезарь

Благодарю я всех вас за вниманье.

Входит Антоний.

Как, и Антоний! Ночь в пирах проводит
И все же встал. Антоний, с добрым утром!

Антоний

Великий Цезарь! С добрым утром!

Цезарь

Пусть приготовят все.

Я виноват, что ждать вас заставляю.

А, Цинна, и Метелл, и ты, Требоний.

С тобою будет разговор особый,

Ко мне сегодня должен ты прийти.

Будь ближе, чтобы о тебе я помнил.

Требоний

Да, Цезарь.

(В сторону.)

И так близко, что друзьям
Твоим захочется, чтоб я был дальше.

Цезарь

Друзья, пойдем со мной вина отведать,

А после вместе выйдем как друзья.

Брут

(в сторону)

Так только кажется тебе, о Цезарь,
И мысль об этом мучит сердце Брута.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица около Капитолия.

Входит Артемидор, читая письмо.

Артемидор

«Цезарь, остерегайся Брута; опасайся Кассия; держись по-
дальше от Каски; следи за Цинной; не доверяй Требонию; наблю-

дай за Метеллом Цимбером; Деций Брут тебя не любит; ты оскорбил Кая Лигария. У всех этих людей одно намерение, и оно направлено против Цезаря. Если ты не бессмертен, будь осмотрителен: доверчивость расчищает дорогу для заговора. Да защитят тебя всемогущие боги!

Твой друг Артемидор».

Здесь подожду, пока он не пройдет,
И, как проситель, дам ему письмо.
Душа скорбит о том, что доблесть может
Пасть от зубов завистничества злого.
Прочтешь письмо, о Цезарь,— будешь жить;
А нет — так Судьбы в заговоре с ними.

(Уходит.)

С Ц Е Н А 4

Другая часть той же улицы, перед домом Брута.

Входят Порция и Луций.

Порция

Прошу тебя, беги к сенату, мальчик;
И не расспрашивай, скорей иди.
Что ж ты стоишь?

Луций

Не знаю порученья.

Порция

Хотела б я, чтоб ты назад вернулся
Скорей, чем порученье дам тебе.
О твердость, будь со мной и между сердцем
И языком моим воздвигни гору!
Мужчина духом, женщина я силой.
Как трудно женщине не выдать тайну.
Ты здесь еще?

Луций

Что, госпожа, мне делать?

Бежать до Капитолия, вернуться
Сюда назад — и больше ничего?

Порция

Мне сообщи, как выглядит мой муж.
Ведь вышел он больным; и посмотри,

Что Цезарь делает, кто близ него.—
Чу, мальчик. Что за шум?

Луций

Не слышу, госпожа.

Порция

Так слушай лучше.
Я слышу, гул внезапный и мятежный
Из Капитолия доносит ветер.

Луций

Не слышу ничего.

Входит прорицатель.

Порция

К нам подойди.

Откуда ты?

Прорицатель

Из дому, госпожа.

Порция

Который час?

Прорицатель

Девятый, госпожа.

Порция

Отправился ли Цезарь в Капитолий?

Прорицатель

Нет, госпожа; я здесь стою и жду,
Когда пройдет он мимо в Капитолий.

Порция

Ты хочешь Цезарю подать прошение?

Прорицатель

Да, госпожа, и, если Цезарь будет
Так милостив к себе, чтобы мне внять,
Я попрошу, чтоб он был добр к себе.

П о р ц и я

Узнал ты, что ему грозит опасность?

П р о р и ц а т е л ь

Покуда нет еще, но может быть.
Прощайте. Эта улица тесна.
За Цезарем спешащая толпа
Сенаторов, и преторов, и разных
Просителей здесь слабого задавит.
Найду просторней место, чтобы Цезарь
Меня услышал, мимо проходя.

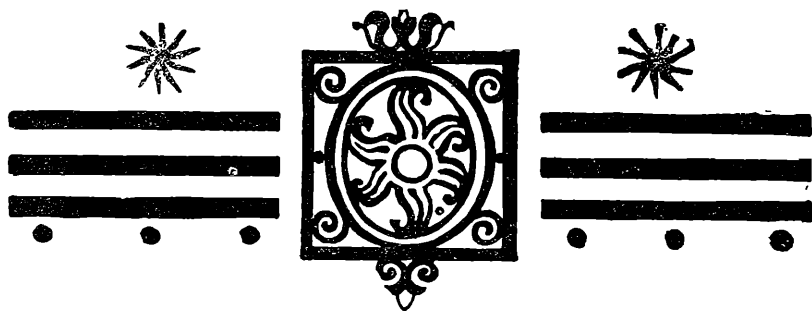
(Уходит.)

П о р ц и я

И я должна уйти. Ах, горе мне,
Как слабо сердце женщины. О Брут,
Пусть делу твоему поможет небо.
Ведь мальчик слышал. Есть у Брута просьба,
Но Цезарь ей не внимлет.— Сил нет больше.
Беги с моим поклоном к Бруту, Луций;
Скажи, что весела я, и назад
Мне принеси ответ его скорее.

Уходят в разные стороны.

АКТ III

СЦЕНА 1

Рим. Перед Капитолнем. Заседание сената.

Толпа народа; среди нее Артемидор и прорицатель.

Трубы.

Входят Цезарь, Брут, Кассий, Каска, Деций, Метелл, Требоний, Цинна, Антоний, Лепид, Попий, Публий и другие.

Цезарь

Настали иды марта.

Прорицатель

Но, Цезарь, не прошли.

Артемидор

Привет, о Цезарь, прочитай письмо.

Деций

Требоний просит, чтоб ты на досуге
Прочел его смиренное прошение.

Артемидор

Прочти мое сперва, оно тебя
Касается. Прочти, великий Цезарь.

Цезарь

Что нас касается, пойдет последним.

А р т е м и д о р

Не медли, Цезарь; прочитай сейчас.

Ц е з а р ь

Иль он с ума сошел?

П у б л и й

Эй ты, дорогу!

К а с с и й

Что подаешь на улице прошение?

Ступай же в Капитолий.

Цезарь идет вверх к сенату, остальные — за ним.

П о п и л и й

Желаю я успеха вам сегодня.

К а с с и й

Успеха в чем, Попилий?

П о п и л и й

До свиданья.

(Направляется к Цезарю.)

Б р у т

А что сказал Попилий Лена?

К а с с и й

Он пожелал успеха нам сегодня.

Боюсь, что заговор открыт.

Б р у т

Смотри, он к Цезарю подходит.

К а с с и й

Не медли, Каска, помешать нам могут.

Что делать, Брут? Коль заговор раскрыт,

Иль Кассий, или Цезарь не вернется,

Я заколю себя.

Б р у т

Будь тверже, Кассий,

То не о нас Попилий говорит,

Смеется он, и Цезарь так спокоен.

К а с с и й

Требоний действует: смотри, как он
Антония уводит за собой.

А н т о н и й и Т р е б о н и й уходят. Цезарь и сенаторы занимают
свои места.

Д е ц и й

Так где ж Метелл? Пускай вперед он выйдет
И Цезарю свою изложит просьбу.

Б р у т

Он вышел; ближе следуйте за ним.

Ц и н н а

Ты, Каска, первым нанесешь удар.

К а с к а

Готовы ль все?

Ц е з а р ь

Какие непорядки
Должны исправить Цезарь и сенат?

М е т е л л

Великий и могущественный Цезарь,
Ты видишь, Цимбр перед тобой смиренно
Склоняется.

(Опускается на колени.)

Ц е з а р ь

Предупреждаю, Цимбр,
Что пресмыканье и низкопоклонство
Кровь зажигают у людей обычных
И прежнее решение иль указ
В игрушку превращают. Но не думай,
Что Цезарь малодушен, как они,
Что кровь его расплавить можно,
Чем кровь безумцев, то есть сладкой лестью,
Низкопоклонством и виляньем псиным.
Твой брат изгнанью предан по декрету;
Коль будешь ты молить и унижаться,
Тебя, как пса, я отшвырну с дороги.
Знай, Цезарь справедлив и без причины
Решенья не изменит.

Метелл

Чей голос более, чем мой, достоин,
Чтобы великий Цезарь внял мольбе
О возвращенье брата моего?

Брут

Не лстя, твою целую руку, Цезарь,
Молю тебя о том, чтоб Публий Цимбр
Из ссылки был тобою возвращен.

Цезарь

Как, Брут?

Кассий

Прощенье, Цезарь, милость, Цезарь!
К твоим ногам склоняется и Кассий
С мольбой о том, чтоб Цимбра ты простил.

Цезарь

Будь я, как вы, то я поколебался б,
Мольбам я внял бы, если б мог молить.
В решениях я неколебим, подобно
Звезде Полярной: в постоянстве ей
Нет равной среди звезд в небесной тверди.
Все небо в искрах их неисчислимых;
Пылают все они, и все сверкают,
Но лишь одна из всех их неподвижна;
Так и земля населена людьми,
И все они плоть, кровь и разуменье;
Но в их числе лишь одного я знаю,
Который держится неколебимо,
Незыблемо; и человек тот — я.
Я это выкажу и в малом деле:
Решив, что Цимбр из Рима будет изгнап,
Решенья своего не изменю.

Цинна

Великий Цезарь!

Цезарь

Иль Олимп ты сдвинешь?

Деций

О Цезарь!..

Цезарь

Брут — и тот молил напрасно.

К а с к а

Тогда пусть руки говорят!

Каска первый, затем остальные заговорщики и Марк Брут
поражают Цезаря.

Ц е з а р ь

И ты, о Брут! Так падай, Цезарь!

(Умирает.)

Ц и н н а

Свобода! Вольность! Пала тирания!
По улицам об этом разгласите.

К а с с и й

На ростры поднимитесь и кричите:
«Свобода, вольность и освобождение!»

Б р у т

Народ, сенаторы, не бойтесь, стойте!
Смотрите: властолюбья долг оплачен!

К а с к а

Взойди на ростру, Брут.

Д е ц и й

И Кассий тоже.

Б р у т

Где Публий?

Ц и н н а

Он здесь и потрясен восстаньем этим!

М е т е л л

Смотрите, чтобы Цезаря друзья
Не вздумали...

Б р у т

Пустая болтовня! — Не бойся, Публий;
Мы ни тебе, ни римлянам другим
Вреда не причиним,— скажи всем это.

К а с с и й

Оставь нас, Публий; ведь народ нахлынет
И старости твоей не пощадит.

Брут

Уйди; пусть отвечают за деянье
Свершившие его.

Возвращается Требоний.

Кассий

Антоний где?

Требоний

В свой дом в смятенье скрылся.
Бегут, вопя, мужи и жены, дети,
Как в Судный день.

Брут

Узнаем судьб решенье;
Мы знаем, что умрем, но люди тщатся
Как можно дольше дни свои продлить.

Каска

Тот, кто отнимет двадцать лет у жизни,
Отнимет столько же у страха смерти.

Брут

Раз так, то смерть есть благо. Были мы
Друзьями Цезарю, его избавив
От страха смерти.— Римляне, склонитесь,
Омоем руки Цезаревой кровью
По локоть и, мечи обрызгав ею,
Идемте все немедленно на форум
И, потрясая красное оружие,
Воскликнем все: «Мир, вольность и свобода!»

Кассий

Склонясь, омойтесь. Везде пройдут века,
И в странах, что еще не существуют,
Актеры будут представлять наш подвиг.

Брут

И снова кровью истечет наш Цезарь,
Лежащий здесь, у статуи Помпея,
Как прах ничтожный.

К а с с и й

Да, и каждый раз
Нас, совершивших это, назовут
Людьми, освободившими отчизну.

Д е ц и й

Пора нам уходить.

К а с с и й

Да, вместе выйдем:
Брут впереди, а мы за ним; пусть видят,
Что в Риме нет сердец смелей и лучше.

Входит слуга.

Б р у т

Кто там идет? Антония посланец.

С л у г а

Так, Брут, велел мой господин склониться, —
Так Марк Антоний приказал мне — пасть
И, распростершись, так тебе сказать:
Брут благороден, мудр, и храбр, и честен;
Велик был Цезарь, царствен, смел и добр.
Скажи, что Брута я люблю и чту,
А Цезаря боялся, чтил, любил.
И если Брут позволит, чтоб Антоний
Мог невредим к нему прийти узнать,
Чем Цезарь заслужил такую смерть,
То Брут живой ему дороже будет,
Чем мертвый Цезарь, и себя он свяжет
С судьбой и делом доблестного Брута
Среди опасностей и смут грядущих
Как верный друг. Так говорит Антоний.

Б р у т

Он — римлянин и доблестный и мудрый,
Его всегда я чтил.
Скажи, что если он придет сюда,
То все узнает и, ручаюсь честью,
Уйдет нетронут.

С л у г а

Он сейчас придет.
(Уходит.)

Б р у т

Я думаю, он станет нашим другом.

К а с с и й

О, если б так. Его я опасуюсь,
И, как всегда, предчувствие мое
Меня в том не обманет.

Входит Антоний.

Б р у т

Вот он идет. Привет, о Марк Антоний!

А н т о н и й

Великий Цезарь! Ты лежишь во прахе?
Ужели слава всех побед, триумфов
Здесь уместилась? Так покойся с миром.—
Все ваши замыслы мне неизвестны,
Кому еще хотите кровь пустить;
Коль мне, то самый подходящий час —
Час смерти Цезаря, и нет оружия
Достойнее того, что обагрилось
Чистейшею и лучшей в мире кровью.
Прошу вас,— если вам я неугоден,
Пока дымятся кровью ваши руки,
Меня убейте. И тысячелетье
Прожив, не буду к смерти так готов;
Нет места лучшего, нет лучшей смерти,
Чем пасть близ Цезаря от ваших рук,
От вас, решающих все судьбы века.

Б р у т

Антоний, смерти не проси у нас.
Мы кажемся кровавы и жестоки —
Как наши руки и деянье наше;
Но ты ведь видишь только наши руки,
Деяние кровавое их видишь,
А не сердца, что полны состраданья.
Лишь состраданье к общим бедам Рима —
Огонь мертвит огонь, а жалость — жалость —
Убило Цезаря. Но для тебя
Мечи у нас притуплены, Антоний,
И наши руки, так же как сердца,
В объятия тебя принять готовы
С любовью братской, с дружбой и почетом.

К а с с и й

В раздаче новых почестей и ты
С другими наравне получишь голос.

Б р у т

Будь терпелив, пока мы успокоим
Народ, который вне себя от страха.
Тогда мы объясним тебе причины,
За что я, Цезаря всегда любивший,
Его убил.

А н т о н и й

Я знаю вашу мудрость.
Кровавые мне ваши руки дайте;
И первому, Марк Брут, тебе жму руку;
Второму руку жму тебе, Кай Кассий;
Тебе, Брут Деций, и тебе, Метелл;
И Цинне, и тебе, мой храбрый Каска;
Последним ты, но не в любви, Требоний.
Патриции — увы! — что я скажу?
Доверие ко мне так пошатнулось,
Что вправе вы сейчас меня считать
Одним из двух — иль трусом, иль льстецом. —
О, истинно тебя любил я, Цезарь!
И если дух твой носится над нами,
То тягостнее смерти для тебя
Увидеть, как Антоний твой мирится
С убийцами, им руки пожимая
Здесь, о великий, над твоим же трупом!
Имей я столько ж глаз, как ты ранений,
Точащих токи слез, как раны — кровь,
И то мне было б легче, чем вступать
С убийцами твоими в соглашение.
Прости мне, Юлий. Как олень затравлен,
Гы здесь лежишь, охотники ж стоят,
Обагрены твоею алой кровью.
Весь мир был лесом этого оленя,
А он, о мир, был сердцем для тебя.
Да, как олень, сражен толпою знати,
Ты здесь лежишь.

К а с с и й

Марк Антоний!

А н т о н и й

Прости меня, Кай Кассий.—
О Цезаре так скажут и враги,
В устах же друга то простая скромность.

К а с с и й

Не порицаю, что его ты хвалишь,
Но с нами как себя ты поведешь?
Скажи, решил ли ты стать нашим другом,
Иль не рассчитывать нам на тебя?

А н т о н и й

Я руки ваши жал, но я отвлекся
От этого, на Цезаря взглянув.
Друзья, я с вами весь и вас люблю,
И я надеюсь, вы мне объясните,
Чем и кому был Цезарь так опасен.

Б р у т

Иначе б диким зрелищем то было.
Но побужденья наши так высоки,
Что, будь ты сыном Цезаря, Антоний,
Ты внял бы им.

А н т о н и й

Лишь этого хочу.
А сверх того прошу я вас, чтоб тело
Дозволили мне вынести на площадь
И на похоронах его с трибуны,
Как подобает другу, речь держать.

Б р у т

Да, Марк Антоний.

К а с с и й

Брут, одно лишь слово.

(Тихо, Бруту.)

Не знаешь сам, что делаешь: нельзя
Нам допускать, чтоб речь держал Антоний;
Как знать, не возбудит ли он народ
Своею речью?

Б р у т

Ты меня прости.

Сам на трибуну первым я взойду
И разъясню, за что убит был Цезарь;
Скажу, что будет говорить Антоний
С согласия нашего и разрешения,
Что праху Цезаря мы отдадим
Все почести, какие подобают.
Нам это только пользу принесет.

К а с с и й

Как знать, что будет. Мне это не любо.

Б р у т

Итак, возьми прах Цезаря, Антоний.
В надгробной речи нас не порицай,
Но Цезарю воздай хвалу как должно,
Сказав, что это разрешили мы;
А иначе ты будешь отстранен
От похорон; и говорить ты будешь
С трибуны той же самой, что и я,
Когда окончу речь.

А н т о н и й

Быть по сему.

Мне большего не надо.

Б р у т

Приготовь же

Прах Цезаря и приходи на форум.

Все, кроме Антония, уходят.

А н т о н и й

Прости меня, о прах кровоточащий,
Что кроток я и ласков с палачами.
Останки благороднейшего мужа,
Кому в потоке времени нет равных.
О, горе тем, кто эту кровь пролил!
Над ранами твоими я пророчу, —
Рубиновые губы уст немых
Открыв, они через меня вещают —
Проклятье поразит тела людей;
Гражданская война, усобиц ярость
Италию на части раздерут;

И кровь и гибель будут так привычны,
Ужасное таким обычным станет,
Что матери смотреть с улыбкой будут,
Как четвертует их детей война;
И жалость всякую задушит дикость;
Дух Цезаря в погоне за отмщеньем,
С Гекатою из преисподней выйдя,
На всю страну монаршым криком грядет:
«Пошады нет!» — и спустит псов войны,
Чтоб злодеянье вся земля узнала
По смраду тел, просящих погребенья.

Входит слуга.

Ты послан от Октавия, не так ли?

С л у г а

Да, Марк Антоний.

А н т о н и й

Цезарь писал ему, чтоб в Рим он прибыл.

С л у г а

Он получил письмо и скоро будет.

Тебе же устно он передает...

(Увидев тело.)

О Цезарь!

А н т о н и й

Великодушен ты; уйди и плачь.

Скорбь заразительна; мои глаза,

Увидев перлы скорби на твоих,

Слезятся. Где сейчас твой господин?

С л у г а

Стал на ночь лагерем, семь миль от Рима.

А н т о н и й

Спешి назад, скажи, что здесь случилось:

Рим в трауре, в опасном возбужденье,

И Рим Октавию небезопасен;

Так передай ему. Нет, подожди.

Мы вместе тело вынесем на площадь,

Там буду речь держать и попытаюсь

Узнать, как отзывается народ

На злодеянье этих кровопийц;
И сообразно этому потом
Октавию доставишь донесенье.
Ну, помогай.

Уходя, унося труп Цезаря.

СЦЕНА 2

Форум.

Входят Брут, Кассий и толпа граждан.

Граждане

Хотим мы знать причину! Объясните!

Брут

Друзья, за мной и слушайте меня.—
Ты ж, Кассий, избери другую площадь,
Толпу разделим.—
Кто хочет выслушать меня, останьтесь;
Кто хочет, пусть за Кассием идет;
Мы объясним, зачем для блага всех
Убит был Цезарь.

Первый гражданин

Брута буду слушать.

Второй гражданин

Я Кассия послушаю, а после,
Все выслушав, их доводы сравним.

Кассий уходит с частью граждан. Брут всходит на ростру.

Третий гражданин

Молчанье! Говорит достойный Брут.

Брут

Терпенье до конца.

Римляне, сограждане и друзья! Выслушайте, почему я поступил так, и молчите, чтобы вам было слышно; верьте мне ради моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить; судите меня по своему разумению и пробудите ваши чувства, чтобы вы могли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше, чем его. И если этот друг спросит,

почему Брут восстал против Цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтоб Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мертв и вы все жили свободными людьми? Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его. За его любовь — слезы; за его удачи — радость; за его доблести — почет; за его властолюбие — смерть. Кто здесь настолько низок, чтобы желать стать рабом? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько одичал, что не хочет быть римлянином? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить свое отечество? Если такой найдется, пусть говорит, — я оскорбил его. Я жду ответа.

Все

Такого нет, Брут, нет.

Брут

Значит, я никого не оскорбил. Я поступил с Цезарем так, как вы поступили бы с Брутом. Причина его смерти записана в свитках Капитолия; слава его не умалена в том, в чем он был достоин, и вина его не преуменьшена в том, за что он поплатился смертью.

Входит Антоний и другие с телом Цезаря.

Вот его тело, оплакиваемое Марком Антонием, который, хотя и непричастен к его убийству, но выиграет от этого — он будет жить в республике. В таком же выигрыше будет и любой из вас. С этим я ухожу, — и так же, как я порастил моего лучшего друга для блага Рима, так сохраняю я этот кинжал для себя, если моей отчизне потребуется моя смерть.

Все

Живи, о Брут! Живи! Живи!

Первый гражданин

С триумфом отнесем его домой.

Второй гражданин

Воздвигнем статую ему, как предкам.

Третий гражданин

Пусть станет Цезарем.

Четвертый гражданин

В нем увенчаем

Все лучшее от Цезаря.

Первый гражданин

Проводим его домой с почетом.

Брут

Сограждане!

Второй гражданин

Брут говорит. Молчанье!

Первый гражданин

Потише, эй!

Брут

Друзья, позвольте, я уйду один,
А вас прошу с Антонием остаться.
Почтенье праху Цезаря воздайте,
А также славе доблестной его,
О них в надгробном слове Марк Антоний
Здесь с разрешения нашего вам скажет.
Я ухожу, а вы не расходитесь,
Пока Антоний речи не закончит.

(Уходит.)

Первый гражданин

Останемся Антония послушать.

Третий гражданин

Антоний благородный, на трибуну
Ты поднимись.— Послушаем его.

Антоний

Обязан Бруту я за разрешение
Здесь речь держать.

(Входит на роstrу.)

Четвертый гражданин

Что он сказал о Бруте?

Третий гражданин

Что он обязан Бруту разрешеньем
Здесь перед нами всеми речь держать.

Четвертый гражданин
Пусть говорит почтительней о Бруте.

Первый гражданин
Ведь Цезарь был тиран.

Третий гражданин
В том нет сомненья,
Но, к счастью, от него избавлен Рим.

Второй гражданин
Послушаем Антония. Молчанье!

Антоний
О римляне!
Все
Послушаем его.

Антоний
Друзья, сограждане, внимлите мне.
Не восхвалять я Цезаря пришел,
А хоронить. Ведь зло переживает
Людей, добро же погребают с ними.
Пусть с Цезарем так будет. Честный Брут
Сказал, что Цезарь был властолюбив.
Коль это правда, это тяжкий грех,
За это Цезарь тяжело заплатился.
Здесь с позволения Брута и других,—
А Брут ведь благородный человек,
И те, другие, тоже благородны,—
Над прахом Цезаря я речь держу.
Он был мне другом искренним и верным,
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Гнал толпы пленников к нам Цезарь в Рим,
Их выкупом казну обогащая,
Иль это тоже было властолюбьем?
Слон бедняка услыша, Цезарь плакал,
А властолюбье жестче и черствей;
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Вы видели, во время Луперкалий

Я трижды подносил ему корону,
И трижды он отверг — из властолюбья?
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Что Брут сказал, я не опровергаю,
Но то, что знаю, высказать хочу.
Вы все его любили по заслугам,
Так что ж теперь о нем вы не скорбите?
О справедливость! Ты в груди звериной,
Лишились люди разума. Простите;
За Цезарем ушло в могилу сердце.
Позвольте выждать, чтоб оно вернулось.

Первый гражданин

В его словах как будто много правды.

Второй гражданин

Выходит, если только разобраться,—
Зря Цезарь пострадал.

Третий гражданин

А я боюсь,
Его заменит кто-нибудь похуже.

Четвертый гражданин

Вы слышали? Не взял короны Цезарь;
Так, значит, не был он властолюбив.

Первый гражданин

Тогда они поплатятся жестоко.

Второй гражданин

От слез глаза его красны, как угли.

Третий гражданин

Всех благородней в Риме Марк Антоний.

Антоний

Вчера еще единым словом Цезарь
Всем миром двигал: вот он недвижим,
Без почестей, пренебрегаем всеми.
О граждане, когда бы я хотел
Поднять ваш дух к восстанью и отмщению,
Обидел бы я Кассия и Брута,
А ведь они достойнейшие люди.

Я не обижу их, скорей обижу
Покойного, себя обижу, вас,
Но не таких достойнейших людей.
Вот здесь пергамент с Цезаря печатью,
Найдённый у него,— то завещанье.
Когда бы весь народ его услышал,—
Но я читать его не собираюсь,—
То раны Цезаря вы лобызали б,
Платки мочили бы в крови священной,
Просили б волосок его на память
И, умирая, завещали б это
Как драгоценнейшее достоянье
Своим потомкам.

Четвертый гражданин
Прочти нам завещанье, Марк Антоний.

Все

Прочти нам Цезарево завещанье!

Антоний

Друзья, терпенье. Мне нельзя читать.
Нельзя вам знать, как Цезарь вас любил.
Вы — люди, а не дерево, не камни;
Услышав Цезарево завещанье,
Воспламенитесь вы, с ума сойдете;
Не знаете вы о своем наследстве,
А иначе — о, что бы здесь свершилось!

Четвертый гражданин
Мы слушаем. Читай скорей, Антоний,
Прочти нам Цезарево завещанье.

Антоний

Терпенье. Можете вы подождать.
О завещанье я вам проболтался,
Боюсь обидеть тех людей достойных,
Что Цезаря кинжалами сразили.

Четвертый гражданин
Достойных! Пет, предатели они.

Все

Читай нам завещанье!

Второй гражданин

Они злодеи, убийцы. Читай же завещанье!

Антоний

Хотите, чтоб прочел я завещанье?
Над прахом Цезаря все станьте кругом,
Я покажу того, кто завещал.
Могу ль сойти? Вы разрешите мне?

Все

Сходи.

Второй гражданин

Спускайся.

Антоний сходит с ростры.

Третий гражданин

Мы разрешаем.

Четвертый гражданин

Станьте в круг.

Первый гражданин

От тела и носилок отойдите.

Второй гражданин

Место Антонию, благородному Антонию!

Антоний

Так не теснитесь. Расступитесь шире.

Все

Назад! Назад! Раздайтесь!

Антоний

Коль слезы есть у вас, готовьтесь плакать.
Вы эту тогу знаете; я помню,
Как Цезарь в первый раз ее надел:
То было летним вечером, в палатке,
В тот день, когда он нервиев разбил.
Смотрите! След кинжала — это Кассий;
Сюда удар нанес завистник Каска,
А вот сюда любимый Брут разил;
Когда ж извлек он свой кинжал проклятый,

То вслед за ним кровь Цезаря метнулась,
Как будто из дверей, чтоб убедиться —
Не Брут ли так жестоко постучался.
Ведь Брут всегда был Цезарев любимец,
О боги, Цезарь так любил его!
То был удар из всех ударов злейший:
Когда увидел он, что Брут разит,
Неблагодарность больше, чем оружие,
Его сразила; мощный дух смутился,
И вот, лицо свое закрывши тогой.
Перед подножьем статуй Помпея,
Где кровь лилась, великий Цезарь пал.
Сограждане, какое то паденье!
И я и вы, мы все поверглись ниц,
Кровавая ж измена торжествует.
Вы плачете; я вижу, что вы все
Растроганы: то слезы состраданья.
Вы плачете, увидевши раненья
На тоге Цезаря? Сюда взгляните,
Вот Цезарь сам, убийцами сраженный.

Первый гражданин

О скорбный вид!

Второй гражданин

О благородный Цезарь!

Третий гражданин

Злосчастный день!

Четвертый гражданин

Предатели, убийцы!

Первый гражданин

О зрелище кровавое!

Второй гражданин

Мы отомстим!

Все

Мечь! Восстанем! Найти их! Сжечь! Убить!
Пусть ни один предатель не спасется.

Ангоний

Сограждане, стойте.

Первый гражданин
Молчанье! Марк Антоний говорит.

Второй гражданин
Мы слушаем его, мы пойдем за ним, мы умрем с ним.

Антоний

Друзья мои, я вовсе не хочу,
Чтоб хлынул вдруг мятеж потоком бурным.
Свершившие убийство благородны;
Увы, мне неизвестны побужденья
Их личные, они мудры и честны
И сами все вам могут объяснить.
Я не хочу вас отвратить от них.
Я не оратор, Брут в речах искусней;
Я человек открытый и прямой
И друга чтил; то зная, разрешили
Мне говорить на людях здесь о нем.
Нет у меня заслуг и остроумья,
Ораторских приемов, красноречья,
Чтоб кровь людей зажечь. Я говорю
Здесь прямо то, что вам самим известно:
Вот раны Цезаря — уста немые,
И я прошу их — пусть вместо меня
Они заговорят. Но будь я Брутом,
А Брут Антонием, тогда б Антоний
Воспламенил ваш дух и дал язык
Всем ранам Цезаря, чтоб, их услышав,
И камни Рима, возмутьясь, восстали.

Все

Восстанем мы!

Первый гражданин

Сожжем дотла дом Брута!

Третий гражданин

Скорее заговорщиков ловите!

Антоний

Внемлите мне, сограждане, внемлите!

Все

Молчанье, эй! Антоний говорит.

Антоний

Друзья, восстали вы, еще не зная,
Чем Цезарь заслужил любовь такую.
Увы, не знаете; я вам открою;
Забыли вы о завещанье.

Все

Он прав: узнать нам надо завещанье.

Антоний

Вот завещанье с Цезаря печатью.
Он римлянину каждому дает,
На каждого по семьдесят пять драхм.

Второй гражданин

О, благородный Цезарь! Месть за смерть!

Третий гражданин

О, Цезарь царственный!

Антоний

Дослушайте меня!

Все

Молчанье, эй!

Антоний

Он завещал вам все свои сады,
Беседки и плодовые деревья
Вдоль Тибра, вам и всем потомкам вашим,
На веки вечные для развлечений,
Чтоб там вы отдыхали и гуляли.
Таков был Цезарь! Где найти другого?

Первый гражданин

Нет, никогда. Скорей, скорей идемте!
Мы прах его сожжем в священном месте
И подожжем предателей дома.
Берите тело.

Второй гражданин

Огня добудьте.

Третий гражданин

Скамьи ломайте.

Четвертый гражданин
Скамьи выламывайте, окна, все!

Граждане уходят с телом.

Антоний

Я на ноги тебя поставил, смута!
Иди любим путем.

Входит слуга.

Ну как дела?

Слуга

Октавий прибыл в Рим, мой господин.

Антоний

Где ж он?

Слуга

С Лепидом вместе в Цезаревом доме.

Антоний

Сейчас отправлюсь я туда к нему.
Он прибыл кстати. Весела Фортуна
И потому ни в чем нам не откажет.

Слуга

Я слышал, он сказал, что Брут и Кассий
Промчались бешено в ворота Рима.

Антоний

Пронюхали, наверно, что народ
Я подстрекнул. К Октавию идем.

Уходят.

СЦЕНА 3

Улица.

Входит поэт Цинна.

Цинна

Мне снилось, что я с Цезарем пирую.
Предчувствия гнетут воображенья;

Я не хотел из дома выходить,
Но что-то тянет прочь.

Входят граждане.

Первый гражданин

Как твое имя?

Второй гражданин

Куда идешь?

Третий гражданин

Где ты живешь?

Четвертый гражданин

Женат ты или холост?

Второй гражданин

Отвечай всем прямо.

Первый гражданин

Да, и коротко.

Четвертый гражданин

Да, и толково.

Третий гражданин

Да, и правдиво, это будет лучше для тебя.

Цинна

Как мое имя? Куда я иду? Где я живу? Женат я или холост? Ответить всем прямо, коротко, толково и правдиво. Говоря толково, я холостяк.

Второй гражданин

Это все равно что сказать: все женатые глупцы. Ты мне за это еще ответишь. Отвечай прямо.

Цинна

Прямо — я шел на похороны Цезаря.

Первый гражданин

Как друг или враг?

Цинна

Как друг.

Второй гражданин

Вот это прямой ответ.

Четвертый гражданин

Где живешь,— коротко.

Цинна

Коротко — я живу у Капитолия.

Третий гражданин

Как зовут тебя,— правдиво.

Цинна

Правдиво — меня зовут Цинна.

Первый гражданин

Рвите его на клочки: он заговорщик.

Цинна

Я поэт Цинна! Я поэт Цинна!

Четвертый гражданин

Рвите его за плохие стихи, рвите его за плохие стихи!

Цинна

Я не заговорщик Цинна.

Второй гражданин

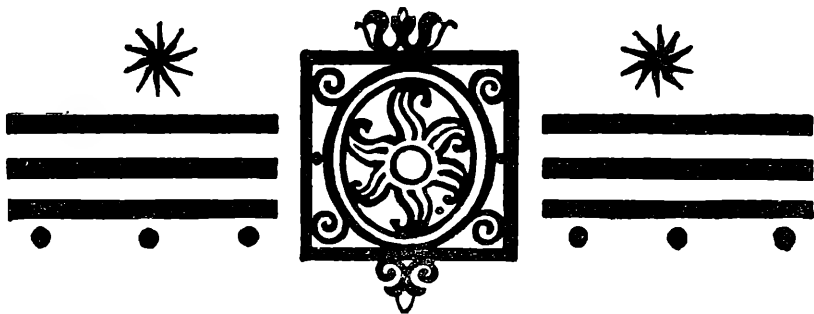
Все равно, у него то же имя — Цинна; вырвать это имя из его сердца и разделаться с ним.

Третий гражданин

Рвите его! Рвите его! Живей, головни, эй! Головни. К дому Брута и к дому Кассия. Жгите всё. Одни к дому Деция, другие к дому Каски, третьи к дому Лигария. Живей, идем!

Уходят.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Рим. Комната в доме Антония.

Антоний, Октавий и Лепид сидят за столом.

Антоний

Погибнут все, отмеченные нами.

Октавий

И брат твой в их числе. Лепид, согласен?

Лепид

Согласен.

Октавий

Так отметь его, Антоний.

Лепид

Но при условии, что жить не будет
И Публий, сын твоей сестры, Антоний.

Антоний

Умрет и он; ему знак смерти ставлю.
В дом Цезаря иди теперь, Лепид,
За завещанием, и мы решим,
Как сократить расходы из наследства.

Лепид

А сами вы где будете? Иль здесь, иль в Капитолии?

Октавий

Здесь или в Капитолии.

Лепид уходит.

Антоний

Вот жалкий, недостойный человек.
Ему бы на посылках быть, а он,
Когда мы натрое разделим мир,
Получит третью часть?

Октавий

Считая так,
Ты допустил, чтоб он голосовал.
Когда решалось, кто достоин смерти
И попадет в проскрипционный список.

Антоний

Годами старше я, чем ты, Октавий.
Мы почести возложим на него,
Чтоб с нас самих снять этот груз позорный,
И он пойдет, как с золотом осел,
Потея и кряхтя под тяжкой ношей,
Куда мы поведем или погоним;
Когда ж он нам сокровища доставит,
Мы снимем их, его ж погоним прочь.
Пусть, как осел, он хлопает ушами,
На выгоне пасясь.

Октавий

Так можно сделать,
Но он испытанный и храбрый воин.

Антоний

Как и мой конь, Октавий, и за это
Ему я обеспечиваю корм;
Его я тоже обучил сражаться,
Сворачивать, и мчаться, и стоять,
Его движениями я управляю.
Примерно так же нужно и Лепиду
Учить, и направлять, и понукать.
Безмозглый человек, он ум питает

Отбросами чужими, подражаньем
И старые обноски с плеч чужих
Берет за образец. О нем довольно,
Он лишь орудье. А теперь, Октавий,
Поговорим о главном: Брут и Кассий
Собрали войско, соберем и мы;
Поэтому союз наш закрепим,
Сплотим друзей, приложим все усилия.
Давай немедленно вдвоем обсудим,
Как лучше козни скрытые открыть
И явные опасности рассеять.

О к т а в и й

Согласен я. Ведь мы с тобой в облаве
И в окруженье лающих врагов;
Боюсь, у многих скрыта под улыбкой
Тьма козней злых.

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Перед палаткой Брута в лагере около Сард.
Барабанный бой. Входят Брут, Луцилий, Луций и солдаты;
Титиний и Пиндар встречают их.

Б р у т

Стой!

Л у ц и л и й

Скажи пароль. И стой!

Б р у т

Ну как, Луцилий! Далеко ли Кассий?

Л у ц и л и й

Он близко, и уже явился Пиндар,
Чтоб передать тебе его привет.

Б р у т

Он шлет привет мне.— Господин твой, Пиндар,
Сам в раздражение или чрез других
Дал веский повод мне для сожаленья
О сделанном; но, если он прибудет,
Все разъяснится.

Пиндар

Я не сомневаюсь,
Он явится к тебе таким, как был,
Исполнен и вниманья и почтения.

Брут

Не сомневаюсь в том.— Скажи, Луцилий,
Какой прием оказан был тебе?

Луцилий

С почетом и любезностью, как должно,
Но не с таким доверчивым радушьем
И дружеским свободным обращеньем,
Как раньше то бывало.

Брут

Это значит,
Что пылкий друг остыл; заметь, Луцилий,
Когда любовь пресыщена и тает,
То внешний церемониал ей нужен.
Уверток нет в прямой и честной вере;
А человек пустой, как конь строптивый,
Выказывает стать свою и прыть,
Но, получив удар кровавых шпор,
Вдруг никнет и, не выдержавши пробы,
Как кляча, падает. Ведет он войско?

Луцилий

Заночевать они хотели в Сардах;
Часть бóльшая, вся конница сюда
Прибудет с Кассием.

Топот за сценой.

Брут

Чу! Вот и он.
Идем к нему навстречу.

Входит Кассий с войском,

Кассий

Эй, стой!

Брут

Стой, эй! Отдать приказ!

Первый солдат
Стой!
Второй солдат
Стой!
Третий солдат
Стой!

К а с с и й

Мой брат, как ты несправедлив ко мне.

Б р у т

О боги! Я ль несправедлив к врагам?
Могу ль я быть несправедливым к брату?

К а с с и й

Спокойствие твоё зловеще, Брут,
И если только...

Б р у т

Успокойся, Кассий.

Спокойно скажешь все, тебя я знаю.
Но здесь, перед глазами наших войск,
Не будем ссориться,— им нужно видеть
Лишь знаки нашей дружбы. Отведи их,
Потом в моей палатке все упреки
Мне выскажешь открыто, Кассий.

К а с с и й

Пиндар,

Скажи начальникам, чтоб отвели
Свои отряды дальше.

Б р у т

Луцилий, сделай то же. Пусть никто
Не входит к нам во время совещанья.
У входа встанут Луций и Титиний.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Палатка Брута.

Входят Брут и Кассий.

К а с с и й

Ты оскорбил меня тем, что запятнан
И осужден тобою Люпий Пелла

За взяточничество и поборы с Сард,
А все мои ходатайства о нем
Отвергнуты, хотя его я знаю.

Б р у т

Ты оскорбил себя, прося о нем.

К а с с и й

В такое время, как сейчас, нельзя
Наказывать за мелкие проступки.

Б р у т

И про тебя ведь, Кассий, говорят,
Что будто бы ты на руку нечист
И недостойных званием облакаешь
За золото.

К а с с и й

Я на руку нечист!
Не будь ты Брутом, то, клянусь богами,
Такая речь была б твоей последней.

Б р у т

А имя Кассия порок прикрыло,
И наказание головой поникло.

К а с с и й

Наказанье!

Б р у т

Припомни март и мартовские иды:
Иль Цезарь пал не ради правосудья?
Иль негодьями он был сражен
Несправедливо? Разве кто из нас,
Сразивших мужа первого на свете
За покровительство разбою, станет
Себя пятнать позорным лихоимством
И продавать величье нашей чести
За хлам ничтожный, липнувший к рукам?
Быть лучше псом и лаять на луну,
Чем быть таким.

К а с с и й

Брут, не трави меня,
Я не стерплю; ты, позабывшись, хочешь

Меня унижить. Я солдат и старше
Тебя по опыту, умею лучше
Вести переговоры.

Б р у т

Нет, нет, Кассий.

К а с с и й

Я прав.

Б р у т

Нет, ты неправ.

К а с с и й

Довольно, или из себя я выйду.
Остерегись, не искушай меня.

Б р у т

Ничтожный, прочь!

К а с с и й

Возможно ль?

Б р у т

Выслушай мои слова.
Иль ярости твоей мне уступить?
Иль трепетать пред взглядами безумца?

К а с с и й

О боги, боги! Как снести мне это?

Б р у т

И больше вынесешь, сломив гордыню.
Рабам показывай, как вспылчив ты.
Пусть они дрожат. Мне ль уступать?
Иль должен я почтительно склоняться
Пред вспышками твоими? Нет, клянусь,
Яд желчный свой в себе ты переваришь,
Хотя б тебя взорвал он; я ж отныне
Над гневностью твоей смеяться буду
И потешаться.

К а с с и й

До того ль дошло?

Б р у т

Ты говоришь, что как солдат ты лучше.
Так докажи на деле хвастовство,
Доставь мне удовольствие: ведь я
Учиться рад у доблестных людей.

К а с с и й

Ты всячески меня поносишь, Брут.
Я говорил, что я как воин старше,
Иль я не так сказал?

Б р у т

Мне все равно.

К а с с и й

И Цезарь так не оскорблял меня.

Б р у т

И ты его не смел так раздражать.

К а с с и й

Не смел?!

Б р у т

Нет.

К а с с и й

Не смел так раздражать?!

Б р у т

Не смел из страха.

К а с с и й

Не злоупотребляй моей любовью,
Иль то свершу, о чем сам пожалею.

Б р у т

Ты сделал то, о чем жалеть сам должен.
Мне не страшны твои угрозы, Кассий,
Вооружен я доблестью так крепко,
Что все они, как легкий ветер, мимо
Пронесятся. Я посылал к тебе
За золотом и получил отказ.

Я не могу добыть бесчестьем денег;
Скорее стану я чеканить сердце,
Лить в драхмы кровь свою, чем вымогать
Гроши из рук мозолистых крестьян
Бесчестьем способом. Ведь я просил
Те деньги на оплату легионам,
И ты мне отказал. Так сделал Кассий?
Иль Каю Кассию я отказал бы?
Когда Марк Брут так скуп и алчен станет,
Чтоб прятать деньги от своих друзей,
Тогда, о боги, молниями всеми
Его сразите!

К а с с и й

Я не отказал.

Б р у т

Ты отказал.

К а с с и й

Нет, и безумен тот,
Кго мой ответ принес. Мне сердце ранил Брут.
Друг переносит недостатки друга,
А Брут преувеличивает их.

Б р у т

Ты начал их выказывать на мне.

К а с с и й

Меня не любишь ты.

Б р у т

Я не люблю твои пороки.

К а с с и й

Глаз друга должен их не замечать.

Б р у т

Льстецы не видят даже и пороки
Величиной с Олимп.

К а с с и й

Придите же, Антоний и Октавий,
И одному лишь Кассию отмстите,
Мир Кассию постыл, он ненавидим

Любимым другом, опорочен братом,
Как раб, поруган. Все его ошибки
Записаны, затвержены на память,
Чтоб в зубы мне швырнуть. О, душу всю
Я б выплакал из глаз! Вот мой кинжал,
Вот грудь моя нагая, и в ней сердце
Богаче золота и руд Плутона.
Когда ты римлянин, возьми его;
Я, отказавший в золоте; дам сердце;
Рази меня, как Цезаря. Я знаю,
Что в ненависти ты его любил
Сильней, чем Кассия.

Б р у т

Вложи кинжал,
Излей свой гнев как хочешь на свободе,
Как хочешь поноси, ты только вспыльчив.
О, Кассий, ты в ярмо впряжен с ягненком,
В нем гнев таится, как в кремне огонь;
Он при ударе высекает искру
И тотчас остывает.

К а с с и й

Будет Кассий
Посмешником для Брута своего,
Когда он распалится в раздраженье?

Б р у т

Я тоже в раздраженье говорил.

К а с с и й

Ты сознаешься в этом? Дай мне руку.

Б р у т

И сердце вместе с ней.

К а с с и й

О, Брут.

Б р у т

В чем дело?

К а с с и й

Пль нет в тебе любви ко мне настолько,
Чтобы сносить ту вспыльчивость, что мать
Передала мне?

Б р у т

Да, отныне, Кассий,
Когда вспылишь на Брута, знать он будет,
Что мать твоя бранится с ним, и только.

П о р т

(за сценой)

К военачальникам меня пустите,
У них там ссора, и нельзя одних
Их оставлять.

Л у ц и л и й

(за сценой)

Ист, к ним ты не пройдешь.

П о р т

(за сценой)

Лишь смерть меня удержит.

Входит порт в сопровождении Луцилия, Титиния
и Луция.

К а с с и й

Что там? В чем дело?

П о р т

Военачальники! Как вам не стыдно?
Любовь и дружба быть меж вас должны,
Поверьте мне — я больше жил, чем вы.

К а с с и й

Ха-ха! Рифмует циник очень плоско.

Б р у т

Ступай отсюда прочь. Уйди, бесстыдник.

К а с с и й

Терпенье, Брут; ведь он всегда таков.

Б р у т

Терплю я шутовство в другое время.
Война не дело этих стихоплетов.—
Любезный, прочь!

К а с с и й

Ступай, ступай отсюда!

П о э т уходит.

Б р у т

Луцилий и Титиний, мой приказ
Начальникам — встать лагерем здесь на ночь.

К а с с и й

Потом вернитесь и с собой Мессалу
К нам приведите.

Луцилий и Титиний уходят.

Б р у т

Луций, дай вина!

К а с с и й

Не знал я, что так вспыльчив ты бываешь.

Б р у т

О, Кассий, угнетен я тяжелой скорбью.

К а с с и й

Ты философию свою забыл,
Когда случайным бедам поддаешься.

Б р у т

Кто тверже в скорби: ведь Порция мертва.

К а с с и й

Как, Порция?

Б р у т

Она мертва.

К а с с и й

Как смерти я избег, тебе переча?
О, тяжкая и скорбная утрата.
Что за болезнь?

Б р у т

Тоска по мне в разлуке,
Скорбь, что враги, Октавий и Антоний,
Сильнее нас, известья оба эти
Совпали; и в расстройстве чувств она,
Слуг отославши, проглотила пламя.

К а с с и й

И умерла?

Б р у т

Да, умерла.

К а с с и й

О боги!

Возвращается Луций с вином и светильником.

Б р у т

О ней ни слова больше.— Дай мне кубок! —
В нем утоплю я нашу ссору, Кассий.

(Пьет.)

К а с с и й

Тост благородный будит в сердце жажду. —
Налей мне, Луций, кубок через край,
Пить без конца готов за дружбу Брута.

(Пьет.)

Б р у т

Войди, Титиний.

Луций уходит.

Входят Титиний и Мессала.

Мой привет, Мессала.

Тесней вокруг светильника садитесь,
И наши затруднения обсудим.

К а с с и й

Нет Порции!

Б р у т

Прошу, о ней ни слова.—
Мессала, получил я извещение

О том, что Марк Антоний и Октавий
Собрали против нас большое войско
И с ним идут походом на Филиппы.

Мессала

Я получил такое ж сообщение.

Брут

И что еще?

Мессала

Проскрипцией вне всякого закона
Октавий, и Антоний, и Лепид
Предали смерти сто сенаторов.

Брут

В том наши письма разнятся немного,
Мне пишут о семидесяти павших
Сенаторах, в числе их Цицерон.

Кассий

Как — Цицерон?

Мессала

И Цицерон казнен,
Проскрипция коснулась и его.
Не от жены ль ты письма получил?

Брут

Нет, Мессала.

Мессала

И в письмах ничего о ней не пишут?

Брут

Ничего, Мессала.

Мессала

Это странно.

Брут

К чему вопрос? Иль есть о ней известья?

Мессала

Нет, Брут.

Б р у т

Как римлянин, скажи мне прямо правду.

М е с с а л а

И ты, как римлянин, снеси всю правду:
Она погибла необычной смертью.

Б р у т

Прости, о Порция.— Мы все умрем, Мессала.
Лишь мысль о том, что смертна и она,
Дает мне силу пережить утрату.

М е с с а л а

Так переносит горе муж великий.

К а с с и й

Я на словах все это также знаю,
На деле же осуществить не в силах.

Б р у т

За дело, за живое. Ваше мнение
О том, чтоб нам самим идти к Филиппам?

К а с с и й

Я против.

Б р у т

Почему?

К а с с и й

Вот почему:

Пусть лучше враг отыскивает нас,
Он утомит войска, растратит средства
И понесет урон, мы ж сохраним
На отдыхе и силы и подвижность.

Б р у т

Хороший дсвод лучшему уступит.
Все жители вокруг, вплоть до Филипп,
Нам подчиняются по принуждению,
Раздражены поборами и данью,
И неприятель, проходя средь них,
Свои ряды пополнить может ими,
И станет он смелее, подкрепленный.

Всех этих выгод мы его лишим,
Когда мы встретимся с ним при Филиппах,
Народ в тылу оставив.

К а с с и й

Слушай, брат мой...

Б р у т

Постой. Прими в расчет, что от друзей
Все взято нами; наши легионы
Здесь в полном сборе; наш успех созрел,
Враг на подъеме, набирает силы;
А нам с вершины под уклон идти.
В делах людей прилив есть и отлив,
С приливом достигаем мы успеха,
Когда ж отлив наступит, лодка жизни
По отмелям несчастий волочитя.
Сейчас еще с приливом мы плывем.
Воспользоваться мы должны теченьем,
Иль потеряем груз.

К а с с и й

Итак, вперед!

Идем и под Филиппами их встретим.

Б р у т

Подкралась тьма во время разговора,
И мы должны природе подчиниться
И дать себе хотя бы скудный отдых.
Все ль обсудили мы?

К а с с и й

Все. Доброй ночи.

С рассветом выступаем мы туда.

Б р у т

Луций!

Входят Луций.

Одежду дай.

Луций уходит.

Прощай, Мессала.—

Титиний, доброй ночи! — Славный Кассий,
Спокойно спи и отдыхай.

К а с с и й

Мой брат!

Начало ночи было беспокойно.
Не будет больше между нас разлада!
Не так ли, Брут?

Б р у т

Теперь все хорошо.

К а с с и й

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Спокойной ночи, брат.

Т и т и н и й, М е с с а л а

Спокойной ночи, Брут.

Б р у т

Прощайте все.

Кассий, Титиний и Мессала уходят.
Входит Луций с одеждой.

Одежду дай. А лютия где твоя?

Л у ц и й

В палатке здесь.

Б р у т

Ты говоришь так сонно.

Я не виню тебя: не спал ты долго.
Пусть Клавдий и еще один из стражи
В моей палатке лягут на подушках.

Л у ц и й

Варрон и Клавдий!

Входят Варрон и Клавдий.

В а р р о н

Что, господин?

Б р у т

Ложитесь спать здесь у меня в палатке,
Быть может, вскоре вас я подниму
И к Кассию с известием отправлю.

В а р р о н

Так лучше нам не спать и быть на страже.

Б р у т

Не нужно, лучше спать ложитесь оба.
Быть может, посылать вас не придется.—
Вот книга, Луций. Я ее искал,
Хоть сам же положил в карман одежды.

Варрон и Клавдий ложатся.

Л у ц и й

Мой господин ее мне не давал.

Б р у т

Прости меня, мой мальчик, я забывчив.
Не можешь ты пободрствовать немного
И мне на лютне что-нибудь сыграть?

Л у ц и й

Коль господин мой хочет.

Б р у т

Да, мой мальчик,
Тебя я беспокою, ты ж послушен.

Л у ц и й

Ведь это долг мой.

Б р у т

Не требую я долга свыше сил,
Я знаю, юность любит отдохнуть.

Л у ц и й

Я спал, мой господин.

Б р у т

И хорошо, и должен лечь опять.
Сыграй немного. Если жить останусь,
Тебя я отдарю.

Музыка и пение.

Дрсмотный звук. Не ты ли, сон-убийца,
К нему жезлом свинцовым прикоснулся
И музыку прервал? Спи, нежный отрок,
Не буду я тебя будить, ты дремлешь

И можешь лютию, выронив, разбить.
Возьму ее; спокойной ночи, мальчик.
Взгляну — не перевернута ль страница,
Где я читал? Вот, кажется, она.

Входит призрак Цезаря.

Как потускнел светильник! Эй, кто там?
Глаза мои устали; оттого
Почудилось им страшное виденье.
Но близится оно... Что ты такое?
Кто ты такой — бог, добрый дух иль демон,
Что леденеет кровь и волос дыбом
Становится? Ответь мне, кто ты?

Призрак

Я твой злой гений, Брут.

Брут

Зачем явился?

Призрак

Сказать, что встретимся мы при Филиппах.

Брут

Тебя увижу вновь?

Призрак

Да, при Филиппах.

Брут

Тебя готов я при Филиппах встретить.

Призрак уходит.

Пришел в себя, а он уже исчез.
Злой гений, я с тобой поговорил бы.—
Эй, Луций! Клавдий и Варрон! Проснитесь!
Клавдий!

Луций

Я не настроил струны.

Брут

Он думает, что все еще играет.—
Проснись же, Луций!

Луций

Мой господин?

Б р у т

Какой ты видел сон, что так кричал?

Л у ц и й

Я не заметил, чтобы я кричал.

Б р у т

Нет, ты кричал. Ты видел что-нибудь?

Л у ц и й

Нет, господин.

Б р у т

Спи, Луций.— Пробудись же, Клавдий.

(Варрону.)

Вставай и ты!

В а р р о н

Мой господин?

К л а в д и й

Мой господин?

Б р у т

Что вы кричали громко так во сне?

В а р р о н, К л а в д и й

Кричали мы?

Б р у т

Да, что вы увидали?

В а р р о н

Я ничего не видел.

К л а в д и й

И я тоже.

Б р у т

Спешите к Кассию с моим посланьем.

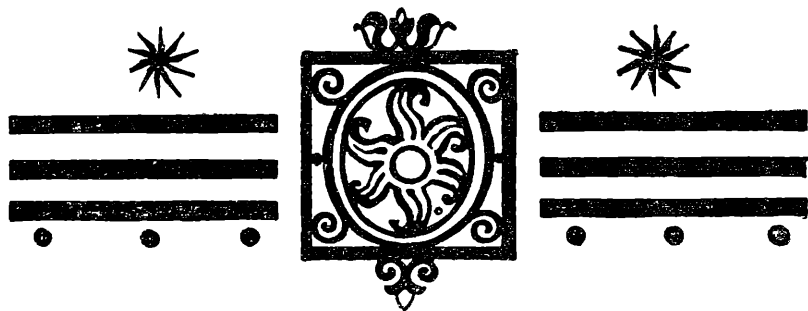
Пусть с войском раньше выступит, а мы

За ним последуем.

В а р р о н, К л а в д и й

Приказ исполним.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Равнина у Филипп.

Входят Октавий, Антоний и их войска.

О к т а в и й

Сбылись надежды наши, Марк Антоний.
Ты говорил, что враг вниз не сойдет,
А будет на горахверху держаться.
Совсем не так: вон их войска, вблизи,
Они хотят нас у Филипп настигнуть,
Ударив раньше, чем на них ударят.

А н т о н и й

Я лучше знаю их и понимаю,
Что гонит их сюда. Они бы рады
Уйти в другое место, но спустились
С трусливой храбростью, надеясь этим
Нам выказать свою неустрашимость.
Но это ложь.

Входит вестник.

В е с т н и к

Готовьтесь, полководцы;
Противник движется в порядке стройном,
И поднял он знамена боевые.
Немедленно мы действовать должны.

А н т о н и й

Октавий, ты веди свои войска,
Не торопясь, налево по равнине.

О к т а в и й

Направо поведу, а ты налево.

А н т о н и й

Зачем перечишь мне в такое время?

О к т а в и й

Я не перечу; просто так хочу.

Движение войск.

Барабанный бой. Входят Брут, Кассий и их войска; Луцилий,
Титиний, Мессала и другие.

Б р у т

Они стоят и ждут переговоров.

К а с с и й

Титиний, стой: мы выйдем говорить.

О к т а в и й

Антоний, дать ли нам сигнал к сражению?

А н т о н и й

Нет, Цезарь, лучше отразим их натиск.
Пойдем; вожди их говорить хотят.

О к т а в и й

Ни с места до сигнала.

Б р у т

Начнем с речей, а биться после будем.

О к т а в и й

Но мы речей не любим так, как вы.

Б р у т

Речь добрая удара злого лучше.

А н т о н и й

Ты злой удар приправил речью доброй.
Не ты ли, Брут, его ударив в сердце,
Кричал: «Да здравствует! Живи, о Цезарь!»

К а с с и й

Как ты разишь, не знаем мы, Антоний,
Слова ж твои ограбили пчел Гиблы,
Ты мед у них похитил.

А н т о н и й

Но не жало.

Б р у т

Не только мед и жало, но и голос.
Ведь ты жужжанье их украл, Антоний,
И, прежде чем ударить нас, жужжишь.

А н т о н и й

Не так, как вы, злодеи, чьи кинжалы
Сшибались, в тело Цезаря вонзаясь.
По-обезьяньи скалясь, ластясь псами,
Вы рабски Цезарю лобзали ноги,
А Каска, трус, как пес подкравшись сзади,
Ударил в шею Цезаря. Лстецы!

К а с с и й

Лстецы! Ну, Брут, благодари себя:
Язык его не повосил бы нас,
Когда бы внял ты Кассию.

О к т а в и й

Поближе к делу: спор нас в пот бросает,
А битва выжмет капли покрасней.
Смотрите:
На заговорщиков я вынул меч.
Когда он в ножны вложится опять?
Не раньше, чем отмстятся тридцать три
Все раны Цезаря иль новый Цезарь
Вновь кровью обогрит мечи убийц.

Б р у т

От рук убийц ты, Цезарь, не падешь,
Коль ты с собой их не привел.

О к т а в и й

Надеюсь.

Я не рожден для Брутова меча.

Б р у т

О юноша, и отпрыск самый лучший
Почетней этой смерти не найдет.

К а с с и й

Школяр-драчун не стоит этой чести
В придачу с маскарадником, кутилой.

А н т о н и й

Все тот же Кассий!

О к т а в и й

Прочь пойдём, Антоний! —

Убийцы, вызов вам в лицо бросаем:
Осмелитесь. — сегодня ждем вас в поле,
Коль нет — в другой раз наберитесь духа.

Октавий, Антоний и их войска уходят.

К а с с и й

Дуй, ветер! Бей, прибой! Плыви, корабль!
Поднялась буря, и всем правит случай.

Б р у т

Луцилий, на два слова.

Л у ц и л и й

(выходя вперед)

Что, начальник?

Брут и Луцилий разговаривают в стороне.

К а с с и й

Мессала!

М е с с а л а

(выходя вперед)

Что прикажешь мне?

К а с с и й

Мессала,

Сегодня день рожденья моего,
Родился Кассий в этот день. Дай руку
И будь свидетелем, что против воли
Я на одно сражение, как Помпей,
Поставить должен все свободы наши.
Ты знаешь, я сторонник Эпикура,
Но мнение свое переменил
И склонен верить в предзнаменования.
Когда от Сард мы шли, на наше знамя
Спустились два орла, как на насест.

Из рук солдат они хватали пищу
И до Филипп сопровождали нас.
Сегодня ж утром вдруг они исчезли,
И вороны и коршуны взамен их
Кружат над нами и на нас глядят
Как на добычу: тени их сгустились,
Как полог роковой, и наше войско
Под ним готово испустить свой дух.

Мессала

Не думай так.

Кассий

Я верю лишь отчасти,
Но дух мой бодр, и я решился твердо
Опасностям всем противостоять!

Брут

Вот так, Луцилий.

Кассий

Благородный Брут,
К нам боги благосклонны; да продлятся
Нам дни до старости средь дружбы мирной!
Но переменчивы дела людские,
И к худшему должны мы быть готовы.
Ведь если мы сражение проиграем,
То здесь беседуем в последний раз.
Что ты тогда решишься предпринять?

Брут

Согласно философии своей
Катона за сего самоубийство
Я порицал; и почему, не знаю,
Считаю я и низким и трусливым
Из страха перед тем, что будет,— жизнь
Свою пресечь. Вооружась терпением,
Готов я ждать решения высших сил,
Вершительниц людских судеб.

Кассий

Так, значит,

Согласен ты, сражение проиграв,
Идти в триумфе пленником по Риму?

Б р у т

Нет, Кассий, нет. Ты, римлянин, не думай,
Что Брута поведут в оковах в Рим.
Нет, духом он велик. Но этот день
Окончит начатое в иды марта.
Не знаю, встретимся ли мы опять,
Поэтому простимся навсегда.
Прощай же навсегда, навеки, Кассий!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет,— так мы расстались хорошо.

К а с с и й

Прощай же навсегда, навеки, Брут!
И если встретимся, то улыбнемся;
А нет,— так мы расстались хорошо.

Б р у т

Так выступай. О, если б знать заране,
Чем кончится сегодня наша битва!
Но хорошо, что будет день окончен,
Тогда конец узнаем.— Эй, вперед!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Поле битвы.

Боевой сигнал. Входят Брут и Мессала.

Б р у т

Скачи, скачи, Мессала, и приказ
К тем легионам отвези скорей.

Громкий боевой сигнал.

Пусть разом нападают; я заметил,
Что дрогнуло Октавия крыло,
Удар внезапный опрокинет их.
Скачи, Мессала: пусть ударят сверху.

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Другая часть поля.

Боевые сигналы. Входят Кассий и Титиний.

К а с с и й

Смотри, Титиний, как бегут мерзавцы!
И для своих я сделался врагом.

Вот этот знаменосец побежал,
И, труса заколовши, взял я знамя.

Т и т и н и й

О Кассий, Брут приказ дал слишком рано.
Октавия он одолеть успел,
Но грабить кинулись его солдаты,
А нас Антоний окружил кольцом.

Входит П и н д а р.

П и н д а р

Беги, мой господин, беги скорей!
Ведь Марк Антоний захватил твой лагерь.
Спасайся, Кассий доблестный, спасайся!

К а с с и й

Но холм от них далек. Взгляни, Титиний,
Не там ли лагерь мой, где видно пламя?

Т и т и н и й

Да, там.

К а с с и й

Титиний, из любви ко мне
Вскочи на моего коня и мчись,
Его пришпорив, до того вон войска
И вновь назад — чтобы я знал наверно,
Враги ли это там или друзья.

Т и т и н и й

Вернусь назад я с быстротою мысли.

(Уходит.)

К а с с и й

Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше,
Я зрением слаб; следи за ним глазами
И говори о всем, что видно в поле.

Пиндар всходит на холм.

Дал жизнь мне этот день и жизнь возьмет.
И там, где начал, должен я окончить.
Круг жизни завершен. Что там ты видишь?

П и н д а р

(сверху)

О господин!

К а с с и й
Какие вести?

П и н д а р

Титиний отовсюду окружен.
За ним, пришпорив, всадники несутся;
Он скачет. Вот они его нагнали.
Титиний! Спешились. С коня сошел оп.
Он взят.

Крик.

Они от радости кричат.

К а с с и й

Довольно. Не смотри.
Я трус и дожил до того, что вижу,
Как лучший друг взят на глазах моих!

Пиндар спускается.

Ко мне приблизься.
Тебя в плен захватил я у парфян.
И ты тогда, спасенный мной, поклялся
Исполнить все, что прикажу тебе.
Теперь приблизься и исполни клятву.
Свободен будь; и этим вот мечом,
Сразившим Цезаря, убей меня.
Не возражай; держись за рукоять;
Как только я лицо свое закрою,
Убей меня мечом.

Пиндар закалывает его.

Отмщен ты, Цезарь,
Мечом тем самым, что тебя сразил.
(Умирает.)

П и н д а р

Свободен я; но не такой ценой
Хотел добыть свободу я. О Кассий!
Далеко Пиндар убежит отсюда,
И не услышат римляне о нем.
(Уходит.)

Входят Титиний и Мессала.

М е с с а л а

В расчете мы, Титиний; ведь Октавий
Разбит войсками доблестного Брута,
Как легионы Кассия Антонием.

Т и т и н и й

Известье это Кассия подбодрит.

М е с с а л а

Где ты его оставил?

Т и т и н и й

В скорби здесь,
На этом вот холме, с ним Пиндар, раб.

М е с с а л а

Не он ли это на земле лежит?

Т и т и н и й

Лежит, как мертвый, он. О, горе мне!

М е с с а л а

То он?

Т и т и н и й

Нет, это было им, Мессала,
Нет больше Кассия. Как ты, о солнце,
Кроваво заходящее пред ночью,
День Кассия померк в его крови,—
Угасло солнце Рима! День наш кончен;
Мгла, гибель близки; завершен наш подвиг!
Неверье в мой успех его сгубило.

М е с с а л а

Неверие в успех его сгубило.
Ужасная ошибка, дочь печали,
Зачем морочишь ты воображение
Песуществующим? Зачавшись быстро,
Не знаешь ты счастливого рожденья
И губишь мать, родившую тебя.

Т и т и н и й

Эй, Пиндар! Где ты, Пиндар, отзовись!

М е с с а л а

Ищи его, Титиний. Я ж пойду,
Чтоб доблестного Брута прямо в уши
Сразить известьем этим; да, сразить.—
Пронзающая сталь и копья с ядом

Приятней были б для ушей его,
Чем эта весть.

Т и т и н и й

Спеши к нему, Мессала,
Я ж Пиндара покуда поищу.

Мессала уходит.

Зачем меня послал ты, храбрый Кассий?
Иль не нашел друзей я? Не они ль
Меня венком победным увенчали,
Чтоб передать тебе? Не слышал ты их кликов?
Увы, ты это все превратно понял.
Прими же на чело свое венок,
Твой Брут дал для тебя его, и я
Исполню порученье. Брут, приди
Взглянуть, как мной увенчан Кассий Кай.
Вот, боги, римлянина долг: найди,
Меч Кассия, и сердце здесь в груди.

(Убивает себя.)

Боевой сигнал. Входит Мессала вместе с Брутом,
юным Катонем, Стратоном, Луцилием и другими.

Б р у т

Где, где, Мессала, прах его лежит?

Мессала

Вон там, и вместе с ним Титиний в скорби.

Б р у т

Простерт Титиний навзничь.

К а т о н

Тоже мертв.

Б р у т

О Юлий Цезарь, ты еще могуч!
И дух твой бродит, обращая наши
Мечи нам прямо в грудь.

Отдаленные боевые сигналы.

К а т о н

Титиний Храбрый!
Взгляните: мертвый Кассий им увенчан!

Б р у т

Таких двух римлян больше нет на свете!
Последний из всех римлян, о прости!
Не сможет никогда Рим породить
Подобного тебе. Друзья, я должен
Ему слез больше, чем сейчас плачу.
Сейчас не время, Кассий, нет, не время.
На остров Фазос прах его доставьте:
Не место в лагере для погребенья.
Оно расстроит нас.— Идем, Луцилий,
И ты, Катон; на поле все пойдем.—
Войска ведите, Лабеон и Флавий.
Час третий. Римляне, еще до тьмы
В бою вновь счастье попытаем мы.

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Другая часть поля.

Боевой сигнал. Входят, сражаясь, солдаты обеих армий; затем —
Брут, юный Катон, Луцилий и другие.

Б р у т

Вперед, сограждане, не падать духом!

К а т о н

Меж нас нет выроdkов! Эй, кто со мной?
Свое я имя оглашаю в поле.
Отец мой Марк Катон, я сын его!
Тиранам враг и друг своей отчизне!
Я сын Катона Марка, эй вы там!

Б р у т

Я — Брут, Марк Брут! Узнайте же, кто я.
Брут, друг своей страны! Узнайте Брута!

(Уходит сражаясь.)

Юный Катон, сраженный, падает.

Л у ц и л и й

О юный доблестный Катон, ты пал?

Ты умираешь храбро, как Титиний,
И доказал, что ты Катона сын.

Первый солдат

Сдавайся иль умри!

Луцилий

Сдаюсь, чтоб умереть.
Довольно ли, чтоб ты меня убил?
(Предлагает деньги.)

Убей же Брута, славься этой смертью.

Первый солдат

Нет, не убьем. Ведь это знатный пленник!

Второй солдат

Антонию скажите: Брут захвачен.

Первый солдат

Сейчас скажу. Вот он сюда идет.

Входит Антоний.

Брут взят, Брут нами взят, мой господин.

Антоний

Где ж он?

Луцилий

Не здесь, Антоний. Брут вам не отдастся.
Ручаюсь я, что никогда живым
Враг не захватит доблестного Брута.
Ему защитой боги от позора!
Найдете ль вы его живым иль мертвым,
Все ж верен Брут останется себе.

Антоний

Не Брута взяли вы, друзья; но все же
Цена его не меньше. Охраняйте
Его с почетом. Я б хотел иметь
Таких людей друзьями, не врагами.
Узнайте, жив ли Брут или убит,
И обо всем в Октавия палатку
Нам сообщите после.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Другая часть поля.

Входят Брут, Дарданий, Клит, Стратон Волумний.

Б р у т

Остатки жалкие друзей, на отдых!

К л и т

Стабий поднял факел, господин мой,
Но не вернулся: в плен взят иль приколот.

Б р у т

Присядь же, Клит. Приколот, да, сейчас
Прикалывают нас. Послушай, Клит.

(Шепчет ему.)

К л и т

О, господин? Нет, ни за что на свете.

Б р у т

Молчи.

К л и т

Нет, я скорей убью себя.

Б р у т

Дарданий, слушай.

(Шепчет ему.)

Д а р д а н и й

Чтоб я это сделал?

К л и т

Дарданий!

Д а р д а н и й

О Клит!

К л и т

О чем ужасном Брут тебя просил?

Д а р д а н и й

Убить его. Смотри, он размышляет.

К л и т

Перепополняет душу Брута скорбь
Так, что она из глаз его струится.

Б р у т

Волумний добрый, на одно лишь слово...

В о л у м н и й

Что хочешь ты сказать?..

Б р у т

Вот что, Волумний,
Тень Цезаря ко мне являлась дважды
Средь мрака ночи,— в первый раз у Сард
И прошлой ночью в поле у Филипп.
Я знаю, что мой час пришел.

В о л у м н и й

Нет, Брут!

Б р у т

О нет, не ошибаюсь я, Волумний.
Ты видишь, что свершается на свете:
Врагами загнаны мы к ловчей яме.

Звучит боевой сигнал.

И лучше прыгнуть нам в нее самим,
Чем ждать, пока столкнут. Волумний добрый,
Ты помнишь, в школе мы учились вместе.
Прошу тебя во имя старой дружбы,
Держи мой меч — я брошусь на него.

В о л у м н и й

Не дружеская то услуга, Брут.

Снова боевой сигнал.

К л и т

Беги, мой господин. Нельзя здесь медлить!

Б р у т

Прощайте все, и ты, и ты, Волумний.—
Стратон, все это время ты дремал,
Прощай и ты, Стратон.— Сograждане,
Я рад сердечно, что ни разу в жизни
Людей мне изменивших не встречал.
Прославиюсь я несчастным этим днем,
И больше, чем Октавий и Антоний,
Достигшие своей победы низкой.
Прощайте все; язык мой досказал
Повествование о жизни Брута.

Перед глазами ночь. Покоя жажду,
Я заслужил его своим трудом.

Боевой сигнал. Крик за сценой: «Бегите! Бегите! Бегите!»

К л и т

Беги, мой господин!

Б р у т

Сейчас! За вами!

Клит, Дарданий и Волумний уходят.

А ты, Стратон, останься с господином.
Ведь ты как будто человек достойный
И не лишенный искры благородства.
Ты отверни лицо и меч держи,
Я брошусь на него. Стратон, согласен?

С т р а т о н

Дай руку мне. Прощай, мой господин.

Б р у т

Прощай, Стратон. О Цезарь, не скорбя,
Убью себя охотней, чем тебя!
(Бросается на свой меч и умирает.)

Боевой сигнал. Отступление. Входят Октавий, Антоний,
Мессала, Луцилий и войско.

О к т а в и й

Кто этот человек?

М е с с а л а

Служитель Брута. Где же Брут, Стратон?

С т р а т о н

Не будет он в плену, как ты, Мессала,
И победитель может сжечь его.
Брут лишь самим собою побежден.
Никто его убийством не прославлен...

Л у ц и л и й

Не сдался Брут живым. Спасибо, Брут,
Ты подтвердил Луцилия слова.

О к т а в и й

Беру к себе всех, кто служил у Брута.
Скажи — согласен ли ты мне служить?

Стратон

Да, коль на то Мессала согласится.

Октавий

Мессала, согласись.

Мессала

Как умер Брут, Стратон?

Стратон

Он бросился на меч, что я держал.

Мессала

Октавий, так возьми к себе на службу
Того, кто Бруту до конца служил.

Антоний

Он римлянин был самый благородный.
Все заговорщики, кроме него,
Из зависти лишь Цезаря убили,
А он один — из честных побуждений,
Из ревности к общественному благу.
Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нем соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человеком был!»

Октавий

За эту доблесть мы его как должно,
Торжественно и пышно похороним,
Положим прах его в моей палатке,
Все воинские почести отдав.
Войска на отдых! И пойдем скорее
Делить счастливейшего дня трофеи.

Уходят.

ТРОИЛ И КРЕССИДА

Перевод
Т. ГНЕДИЧ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Приам, царь троянский.

Гектор

Троил

Парис

Дейфоб

Гелен

} сыновья Приама.

Маргарелон, побочный сын Приама.

Эней

Антенор

} троянские вожди.

Калхас, троянский жрец, сторонник греков.

Пандар, дядя Крессиды.

Агамемнон, греческий полководец.

Менелай, брат его.

Ахилл

Аякс

Нестор

Диомед

Патрокл

} греческие вожди.

Терсит, безобразный и непристойный грек.

Александр, слуга Крессиды.

Мальчик, слуга Троила.

Слуга Париса.

Слуга Диомеда.

Елена, жена Менелая.

Андромаха, жена Гектора.

Кассандра, дочь Приама, пророчица.

Крессиды, дочь Калхаса.

Троянские и греческие воины, слуги.

Место действия — Троя и греческий лагерь.

ПРОЛОГ

Пред вами Троя. Вот могучий флот
Властителей. Их непреклонный дух
Воспламенен обидою и гневом;
В Афинах приготовили они
Тьму кораблей, отлично оснащенных
Орудиями яростной войны.
Во Фригию теперь они спешат:
Все греки поклялись разрушить Трою,
Затем что там, за крепкими стенами,
Прекрасная супруга Менелая
С красавчиком Парисом почивает.
И вот уже достигли Тенедоса
Их глубоко сидящие суда
С военным грузом. Вот уже в долине
Дардании разбили лагерь греки,
Еще не побывавшие в боях.
Приама город высится пред ними,
И шесть его прославленных ворот
За крепкими запорами надежно
Хранят своих сынов.
И ожиданье битвы возбуждает
Драчливый пыл у греков и троянцев;
И я сюда явился перед вами
В доспехах ратных вовсе не затем,
Чтоб этим сочинителя-поэта
Или актера лучше ублажить,
Но чтобы в подобающем наряде

Вам, зрителям почтенным, объявить,
Что, пропустив начало этой распри,
Мы с середины дело поведем,
Но все покажем в пьесе — день за днем.
Нам ваши похвала и осужденье —
Как воинам успех иль поражение.

(Уходит.)

А К Т I

С Ц Е Н А I

Троя. Перед дворцом Приама.

Входят Трои́л и Пандар.

Трои́л

Где мой слуга? Снимаю я доспехи.
Как мне сражаться под стенами Трои,
Когда жестокий бой в груди моей?
Пусть любой сражается троянец,
Свободный сердцем. Я, Трои́л, пленен!

Пандар

Ужель исправить этого нельзя?

Трои́л

Умны, искусны и отважны греки,
И хитростью, и храбростью сильны,
А я теперь слабее женских слез,
Восторженной невежд, смиренней спящих,
Трусливей девы, в темноте бредущей,
Неопытней, чем малое дитя.

Пандар

Ладно уж. Я довольно говорил с тобою об этом; теперь я больше не вмешиваюсь. Помни только: хочешь дожидаться пирога, умей дожидаться размола!

Т р о и л

А разве я не ждал?

П а н д а р

Размола-то ты ждал, но нужно еще подождать, пока муку просеют!

Т р о и л

А разве я не ждал?

П а н д а р

Ну, допустим, ждал; но надо ж дать и тесту взойти!

Т р о и л

Да я и этого ждал!

П а н д а р

Ну, допустим, ждал, но надо еще и пирог сделать, и печь затопить, и пирог испечь, да еще и дать ему остыть, а то можно и обжечься!

Т р о и л

Поверь мне! Даже бледное Смиренье
Страданьем не томится так, как я:
Сижу я за Приамовым столом,
А предо мной прекрасная Крессида
Является в мечтах — и я, изменник,
Изгнать ее из сердца не могу!

П а н д а р

Да, вчера вечером она была прекрасней, чем когда-либо: прекрасней всех женщин на свете.

Т р о и л

Порою сердце у меня в груди
От скорби разрывается на части,
Но я боюсь, чтоб Гектор иль отец мой
Страданья моего не разгадали.
Как солнце в бурю освещает тучи,
Так я улыбкой прячу боль свою,
Но скорбь не скрыть веселостью притворной:
Она прорвется вновь печалью черной!

П а н д а р

Да что там говорить! Не будь ее волосы немного потемнее, чем у Елены, нельзя бы и решить, которая из них лучше. Мне, конечно, как родственнику не пристало хвалить ее, но вот если бы кто-нибудь послушал, как она говорит... Я, конечно, не отрицаю таланта сестры твоей, Кассандры, но...

Т р о и л

О, мой Пандар, Пандар! Скажу тебе,
Что я похоронил свои надежды.
Они зарыты очень глубоко.
Не трогай их, о друг мой! Я — безумец!
Когда ты говоришь: «Она прекрасна»,
Ее глаза, улыбка, нежный голос,
Ее уста и кудри возникают
В открытой ране сердца моего.
Не вспоминай ее прекрасных рук:
Все белое темнеет перед ними
И собственной стыдится черноты,
А по сравнению с их прикосновеньем
Лебяжий пух покажется грубее,
Чем пахаря корявая ладонь.
Ты прав! Ты прав: да, я ее люблю,
Но утверждение это не бальзам
Для страждущего сердца моего,
А острый нож!

П а н д а р

Я говорю лишь правду.

Т р о и л

И все же ты всей правды не сказал!

П а н д а р

Нет, клянусь, я больше не вмешиваюсь. Она такова, какова есть. Если она прекрасна, тем лучше для нее, если нет — средства похорошеть всегда у нее под рукой.

Т р о и л

Ах, добрый мой Пандар! Что же мне делать, Пандар?

П а н д а р

Я уже получил по заслугам за мое участие в этом деле: с моей стороны неприязнь, и с твоей — неприязнь. Посредничаю, посредничаю, а благодарности не вижу.

Т р о и л

Как! Ты сердишься, Пандар? На меня сердишься?

П а н д а р

Видишь ли, она мне родственница, и я не могу утверждать, что она так же хороша, как Елена, но, не будь она мне род-

ственницей, я сказал бы, что не знаю, которая лучше: Крессида и в будни хороша, а Елена — по праздникам. Впрочем, какое мне дело до всего этого? Да будь она черна, как мавританка,— мне все равно.

Т р о и л

Да я же и говорю, что она прекрасна!

П а н д а р

А какое мне дело до того, что ты говоришь? Дура она, что сидит в Трое: отправлялась бы лучше с отцом к грекам. Как только увижу ее, прямо об этом скажу. А впрочем — и вмешиваться не хочу и знать ничего не хочу!

Т р о и л

Пандар!

П а н д а р

Нет! И не уговаривай!

Т р о и л

Пандар, дорогой мой!

П а н д а р

Прошу тебя, не говори со мной больше об этом. Я хочу забыть об этом — и делу конец. (*Уходит.*)

Тревога.

Т р о и л

Умолкните, о мерзостные крики!
Глупцы мы все — и греки и троянцы.
Поистине Елена хороша,
Коль собственною кровью ежедневно
Ее мы подтверждаем красоту.
Но не могу сражаться я за это:
Сей довод слаб для моего меча.
Но Пандар мой!.. О боги! До чего же
Терзаете вы бедного меня!
Один лишь Пандар мне помочь способен,
Но так же он упрям и неподкупен,
Как гордая Крессида холодна.
Открой мне, Аполлон, во имя Дафны,
Которую любил ты,— что такое
Крессида, Пандар? Что мы все такое?
Как Индии жемчужина, сияет
Она в своем дому. Нас разделил

Стремительный поток — свирепый, дикий.
Я лишь купец, а храбрый мой Пандар
И лодка мне, и кормчий, и надежда!

Тревога.
Входит Эней.

Эней

Царевич, что ж ты не на поле боя?

Троил

А просто так. По-женски я ответил
И, сознаю, по-женски поступил.
Но расскажи, Эней, какие вести?

Эней

Не повезло Парису: ранен он.

Троил

Кем ранен он?

Эней
Да, слышно, Менелаем.

Троил

Парису поделом — терпи и знай:
Тебя проткнул рогами Менелай.

Тревога.

Эней

Пошла потеха! Есть где разгуляться!

Троил

А мне-то что ж? Томиться и скрываться?
Куда ты, друг? Спесишь вернуться в бой?

Эней

Спешу! Лечу!

Троил

Идем же: я с тобой!

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Улица. Входят Крессиди и слуга ее Александр.

Крессиди

Кто там прошел?

Александр

Гекуба и Елена.

Крессиди

Куда они спешат?

Александр

К восточной башне.

Оттуда лучший вид на всю равнину:

Они желают битву наблюдать.

Ведь даже Гектор, терпеливый нравом,

Не выдержал сегодня, говорят:

Супругу разбранил, избил слугу

И, как усердный пахарь, до рассвета

Вскочил, надел доспехи и помчался

На поле боя. Там росой страха

Покрылись нынче все цветы и травы,

Пророчески оплакивая беды,

Которые несет с собою многим

Гнев Гектора.

Крессиди

Но чем же он разгневан?

Александр

Да слух идет, что есть у греков воин

Троянской крови, Гектора племянник,

По имени Аякс...

Крессиди

Ну, дальше что?

Александр

Он, говорят, силач непревзойденный;

Такого с ног не свалишь.

Крессиди

Ну, таковы все мужчины, если они не пьяны, не больны и не безноги.

Александр

Но этот, госпожа, у многих животных позаимствовал присущие им свойства; он храбр как лев, груб как медведь, медлителен как

слон; это человек, в котором природа все нагромодила; его доблесть доходит до глупости, а глупость приправлена рассудительностью. В нем есть и проблески всех добродетелей, и задатки всех пороков. Он и грустит и веселится беспричинно: все у него шиворот-навыворот, все ему дано и все не к месту. Он как бы Бриарей, заболевший подагрой: рук много, а толку мало, или как бы ослепший Аргус: глаз уйма, а ничего не видит.

К р е с с и д а

Но у меня такой человек вызывает только улыбку. Чем же он так рассердил Гектора?

А л е к с а н д р

Да говорят, что вчера он во время боя сбил Гектора с ног; а это уж такой позор, такой стыд, что Гектор с тех пор не спит и не ест.

Входит П а н д а р.

К р е с с и д а

Кто там?

А л е к с а н д р

Дядюшка ваш Пандар, госпожа.

К р е с с и д а

Гектор — храбрый человек.

А л е к с а н д р

Самый храбрый в мире, госпожа.

П а н д а р

О чем речь? О чем речь?

К р е с с и д а

С добрым утром, дядюшка Пандар!

П а н д а р

С добрым утром, племянница! О чем вы тут толкуете? — Здравствуй, Александр.— Ну как ты живешь, племянница? Когда ты была в Илионе?

К р е с с и д а

Сегодня утром, дядюшка.

П а н д а р

Ну так о чем же вы толковали, когда я вошел? Что, Гектор уже был в бою, когда ты явилась в Илион? А как Елена? Еще не вставала?

К р е с с и д а

Гектора уже не было, а Елена еще не вставала.

П а н д а р

Еще бы: Гектор-то поднялся рано!

К р е с с и д а

Об этом мы и толковали, и еще о том, как он был разгневан.

П а н д а р

А разве он был разгневан?

К р е с с и д а

Да вот он говорит.

П а н д а р

А ведь правда был! Я даже и причину его гнева знаю. Ну уж скажу вам: будет он сегодня все вокруг себя крушить, да и Троил от него не отстанет, и Троила нужно побаиваться, уж будьте уверены!

К р е с с и д а

Как! Разве он тоже разгневан?

П а н д а р

Кто? Троил? Да Троил еще почище Гектора!

К р е с с и д а

Юпитер! Между ними и сравнения быть не может!

П а н д а р

Как! Не может быть сравнения между Троилом и Гектором? Да как ты можешь судить о человеке с первого взгляда?

К р е с с и д а

А если взгляд не первый? Если я его раньше знала?

П а н д а р

Ну, словом, Троил есть Троил.

К р е с с и д а

Так ведь ты повторяешь мои слова: и я уверена, что он не Гектор.

П а н д а р

Ну, да и Гектор не Троил.

К р е с с и д а

Справедливо: каждый из них сам по себе.

П а н д а р

По себе? Увы! Бедный Троил сам по себе, но не в себе!

К р е с с и д а

Нет — и по себе и в себе.

П а н д а р

Ах, если бы это было правдой, я бы готов босиком в Индию сходить!

К р е с с и д а

А впрочем, я знаю только, что он не Гектор.

П а н д а р

Но он не в себе, уверяю тебя, он не в себе. Боги тому свидетели. Время, конечно, лучший врач... Ах, Троил, Троил! Как бы я хотел, чтобы она смотрела на тебя моими глазами! Нет, Гектор не лучше Троила!

К р е с с и д а

Ну уж извините!

П а н д а р

Он старше.

К р е с с и д а

Ну уж простите!

П а н д а р

Троил еще молод. А вот что ты скажешь о нем, когда он будет в годах Гектора! У Гектора и теперь такой. сообразительности нет.

К р е с с и д а

Да ему и не нужна чужая сообразительность: у него своей достаточно.

П а н д а р

Да и других достоинств нет.

К р е с с и д а

Это не важно.

П а н д а р

И красоты такой нет.

К р е с с и д а

А ему красота и не нужна: он такой, как есть, хорош.

П а н д а р

Ты ничего не понимаешь, племянница! Даже сама Елена третьего дня сказала, что хотя Троил и смугловат, этого и я не отрицаю, но у него такая кожа, что этого не замечаешь.

К р е с с и д а

Но все-таки он смуглый.

П а н д а р

Ну, это как посмотреть: конечно, смугловат, но можно сказать, что и не смугловат, по правде говоря.

К р е с с и д а

То есть, говоря по правде,— и правда и неправда.

П а н д а р

Но она сказала, что Троил по всем статьям лучше, чем Парис.

К р е с с и д а

Да и у Париса статей достаточно.

П а н д а р

Это так.

К р е с с и д а

Значит, Троил его превзошел. Уж если Елена сказала, что он лучше Париса, значит, было за что его похвалить. У Елены такой золотой язычок, что она Троила и за медный лоб похвалит!

П а н д а р

Могу поклясться, по-моему — он нравится Елене больше, чем Парис.

К р е с с и д а

Что ж, она легкомысленная гречанка.

П а н д а р

Да-да, он ей нравится! Она даже третьего дня подошла к нему, когда он стоял у окна. Хотя у него еще на подбородке разве что три-четыре волоска пайдется!

К р е с с и д а

Маловато, конечно. С такой арифметикой в любом трактире половой управится.

П а н д а р

Да, он очень молод, но уже теперь фунта на три больше Гектора стащит!

К р е с с и д а

Стащит? Неужели? Так молод и уже способен стащить?

П а н д а р

Вот доказательство того, что Елена равнодушна к нему: она подошла и своей лилейной ручкой провела по его раздвоенному подбородку.

К р е с с и д а

О Юнона, пощади нас! А кто же его раздвоил?

П а н д а р

Ну, видишь ли, у него на подбородке ямочка. Да у него и улыбка лучше, чем у всех фригийцев.

К р е с с и д а

О, улыбается он поистине замечательно!

П а н д а р

Не правда ли?

К р е с с и д а

Совсем как осенние облака!

П а н д а р

Ну уж оставь пожалуйста! А если ты хочешь убедиться, что Елена влюблена в Троила, то лучшая проба...

К р е с с и д а

Ну, пробу-то он выдержит, если она захочет попробовать.

П а н д а р

А для Троила она не стоит и выеденного яйца.

К р е с с и д а

Выеденное яйцо ничем не хуже пустой головы, а есть любители тухлых яиц, которые едят невылупившихся цыплят...

П а н д а р

Я без смеха вспомнить не могу, как она щекотала ему подбородок: у нее чудесной белизны руки, должен сознаться.

К р е с с и д а

Без пытки сознаешься?

П а н д а р

И знаешь, умудрилась найти на подбородке один седой волосок.

К р е с с и д а

Бедный подбородок! Любая бородавка богаче его!

П а н д а р

То-то было смеху: царица Гекуба смеялась так, что у нее слезы потекли ручьями.

К р е с с и д а

Можно сказать — смеялась в три ручья.

П а н д а р

И Кассандра смеялась.

К р е с с и д а

Ну, пожалуй, у этой смех похолоднее: вода в ее глазах, вероятно, не закипела и через край не полилась!

П а н д а р

И Гектор смеялся.

К р е с с и д а

Да почему же они все так смеялись?

П а н д а р

А как же: ведь Елена отыскала белый волосок на подбородке Троила.

К р е с с и д а

Если б она отыскала зеленый волосок, я бы тоже посмеялась.

П а н д а р

Они не столько смеялись волоску, сколько ловкому ответу Троила.

К р е с с и д а

А что же он такое ответил?

П а н д а р

Она сказала: «Вот, на твоём подбородке я насчитала пятьдесят два волоска и только один — седой».

К р е с с и д а

Так это ее слова.

П а н д а р

Ну да. А он ответил: «Белый волосок — это отец, а все остальные — его сыновья». — «Ах, Юпитер! — воскликнула она. — Который же из этих волосков супруг мой Парис?» — А Троил ответил: «Вот этот подлиннее — раздвоенный, рогатенький. Выдерни этот волосок и подари ему!» — Это вышло забавно: Елена так покраснела, а Парис так обозлился, что все покатались со смеху.

К р е с с и д а

Ну что ж: покатались, и пусть катятся.

П а н д а р

Словом, племянница, я тебе еще вчера кое-что сказал: подумай-ка об этом.

К р е с с и д а

Я думаю.

П а н д а р

Клянусь тебе, это правда: он плачет, как небо в апреле!

К р е с с и д а

А я от его слез вырасту, как крапива в мае!

Трубы. Отбой.

П а н д а р

Слышишь: они возвращаются с поля битвы. Отойдем-ка в сторону и посмотрим, как они будут проходить мимо, к Илиону. Прошу тебя, дорогая моя племянница, прекрасная моя Крессида!

К р е с с и д а

Ну, отойдем, если тебе так хочется.

П а н д а р

Сюда! Вот сюда! Стань сюда! Это чудесное местечко. Отсюда мы все отлично увидим. Я тебе всех назову по именам, когда они будут проходить мимо, но, прошу тебя, особенно замечь Троила!

К р е с с и д а

Не говори так громко.

Мимо проходит Эней.

П а н д а р

Вот Эней! Чем не храбрец? Он — украшение Трои, это верно. А все-таки особенно замечь Троила.

Крессид а

А это кто?

Мимо проходит Антенор.

П а н д а р

Это Антенор. Он, скажу я тебе, человек язвительный, но не плохой человек. Это одна из самых умных голов Трои. И притом настоящий мужчина. Но где же Трои́л? Я сейчас покажу тебе Трои́ла. Если он меня заметит, ты увидишь, как он мне подмигнет.

Крессид а

Подмигнет? Разве он картежник?

П а н д а р

Ну, словом, увидишь.

Крессид а

Ну что же! Если он тебе умело подмигнет, ты выиграешь.

Мимо проходит Гектор.

П а н д а р

А вот Гектор. Смотри! Смотри! Вот это человек! Да здравствует Гектор! Это действительно храбрый человек, племянница! О, славный Гектор! Посмотри, как он выглядит! Вот это внешность! Ну разве не храбрец?

Крессид а

О да! Настоящий храбрец!

П а н д а р

Не правда ли? Просто сердце радуется! Посмотри, сколько отметин на его шлеме! Ты посмотри только! Видишь? Посмотри лучше! Это не шутки. Вот это так отметины!

Крессид а

А они действительно от мечей?

Мимо проходит Парис.

П а н д а р

От мечей? Возможно. Он ведь никого и ничего не боится. Даже самого дьявола не испугается. Клянусь богом, сердце радуется, на него глядя. А вот идет Парис! Вот идет Парис! Смотри-ка, племянница. Ну разве не прекрасный мужчина? А? Он даже похож на героя. Кто это сказал, будто он сегодня был ранен? Он не ранен. Ну, теперь Елена обрадуется. Ах, скорей бы мне увидеть Трои́ла. Сейчас ты увидишь Трои́ла!

К р е с с и д а

А это кто?

Проходит Г е л е н.

П а н д а р

Это Гелен. Нет, я хотел бы знать, где же Трои! Это Гелен. Он, пожалуй, не был в бою сегодня. Это Гелен.

К р е с с и д а

А Гелен способен сражаться?

П а н д а р

Гелен? О нет! А впрочем, он мог бы довольно хорошо сражаться. Но где же все-таки Трои! Чу! Слышишь? Народ кричит: «Трои! Трои!» Гелен ведь жрец...

К р е с с и д а

А это кто там пробирается?

П а н д а р

Где? Там? Это Деифоб. Нет, я ошибся. Это Трои!

Проходит Т р о и л.

Вот это человек! Гм... гм... Храбрый Трои, цвет нашего воинства!

К р е с с и д а

Тише, тише, постыдись.

П а н д а р

Обрати на него внимание. Запомни его. О, храбрый Трои! Внимательно приглядишься к нему, племянница. Посмотри: меч его в крови, а шлем иссечен еще больше, чем шлем Гектора. А что за взгляд! А что за поступь! Замечательный юноша! Ведь ему еще и двадцати трех нету. Да здравствует Трои! Да здравствует Трои! Будь у меня сестра, по прелести равная Грациям, или дочь, по совершенству равная богине, я предоставил бы ему выбрать любую. Замечательный мужчина! Что Парис! Парис по сравнению с ним просто дрянь, ничтожество. Я ручаюсь, что Елена ничего не пожалела бы, чтобы променять Париса на него.

Проходят с о л д а т ы.

К р е с с и д а

Вот идут еще.

П а н д а р

Ну это уж ослы, дураки, олухи, оборванцы и всякое отребье. Каша после жаркого. Трои! я мог бы всю жизнь любоваться.

Теперь уж смотреть не на кого. Орлы все улетели. Теперь пойдут вороны да галки, вороны да галки. Единственно кем бы я хотел быть, так это Троилом. Это даже лучше, чем быть Агамемноном.

Крессид а

У греков есть Ахилл; он-то уж лучше твоего Троила.

П а н д а р

Ахилл? Ломовик! Носильщик! Верблюд!

Крессид а

Полно, полно!

П а н д а р

Что полно-то? Да у тебя вкуса нет! Глаз нет! Знаешь ли ты, что такое настоящий мужчина? Разве благородство, красота, рост, красноречие, мужественность, знания, щедрость, доблесть, юность не украшают каждого мужчину, подобно тому как соль или пряности сдабривают пищу?

Крессид а

Да, если рассматривать мужчину как начинку для пирога. Но тогда ты не все качества перечислил.

П а н д а р

Нет, я еще не видал таких женщин! Никогда не знаешь, куда ты повернешь.

Крессид а

Я поворачиваюсь спиной, чтобы защитить живот, полагаюсь на свое остроумие, чтобы защитить себя, скрытностью защищаю честность, маской — красоту, а ты должен защищать все это вместе. У меня ведь сторожей много.

П а н д а р

Да я только один за тобой и присматриваю.

Крессид а

Нет, уж тут я буду за тобой присматривать, дядюшка. Так будет лучше. Если я не смогу помешать тому, чтобы меня ушибли, я могу, во всяком случае, помешать болтать об этом; а если ушиб не вспухнет, никто о нем и не узнает.

П а н д а р

Ну, знаешь ли! Таких, как ты, я еще не встречал!

Входит слуга Троила.

С л у г а

Мой господин хочет немедленно поговорить с вами.

П а н д а р

Где он?

С л у г а

У вас в доме. Он сейчас снимает доспехи.

П а н д а р

Скажи ему, что я сию минуту приду.

С л у г а уходит.

Боюсь, не ранен ли он! Прощай, племянница!

К р е с с и д а

Прощай, дядюшка!

П а н д а р

Я скоро вернусь, племянница.

К р е с с и д а

И принесешь...

П а н д а р

Весточку от Троила!

К р е с с и д а

Любая весточка докажет мне только, что ты сводник.

П а н д а р уходит.

Слова, дары, признанья, заклинанья!

К услугам друга все его старанья.

Ах, лучше знаю я, каков Троил:

Не в зеркале похвал Троил мне мил.

Но помню я, мы ангельски прекрасны,

Пока желают нас и жаждут страстно:

Всем любящим полезно это знать —

Мужчина хвалит то, что хочет взять.

Но, чуть достигнут им предел желаний,

Бледнеет пыл молений и мечтаний.

Понятен мне любви закон один:

Просящий — раб, достигший — властелин.

Пускай же в сердце страсть моя таится:

В глазах моих она не отразится.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Греческий лагерь. На первом плане — шатер Агамемнона.

Входят Агамемнон, Нестор, Улисс, Менелай и другие.

Агамемнон

Властители! Как бледны ваши лица!
Какое горе удручает вас?
Все планы, что рисует нам надежда,
Теряют постепенно очертанья
Величия: различные помехи
Внезапно возникают на путях;
Так соков столкновение в древесине
Сосны здоровой создает узлы,
Задерживая рост и отклоняя.
Но вам уже, властители, не ново,
Что обманулись мы в надеждах наших:
Семь лет осады не сломили Троию.
Ведь и в былые дни деянья предков
От замыслов и целей отклонялись,
Поставленных крылагой, смелой мыслью.
Властители! Зачем же так уныло
Встречаете превратности судьбы,
Позором полагая то, что вам
Юпитер в назиданье посылает,
Испытывая ваше постоянство.
Любой металл блестит, когда любовно
Судьба на нас глядит: храбрец и трус,
Мудрец и олух, гений и невежда —
Все родственно похожи друг на друга,
Когда Фортуна озаряет их;
Но, если злится буря и сурово
Бьет ураган могучими крылами,
Все мелкое отсеивая прочь, —
Лишь то цены и веса не теряет,
Что драгоценно собственной ценой.

Нестор

Богopodobный сан твой уважая,
Великий Агамемнон, Нестор пыне
Продолжит речь твою и пояснит.
Я так скажу: превратности судьбы —
Проверка наших сил. В спокойном море
И жалкие, ничтожные суда
Дерзают безбоязненно скользить

Бок о бок с кораблем.
Но, стоит только грубому Борею
Прекрасную Фетиду рассердить,—
Корабль взрезает водяные горы
Могучим килем, споря со стихией,
Как конь Персея, а толпа лодчонок,
Недавно состязавшаяся с ним,
Стремится в бухты, чтобы не достаться
Нептуну. Так и с доблестью людей:
Лишь в бурях жизни познается доблесть.
Так в летний день порой несносный овод
Для стада мирного страшнее тигра,
Но, если вихри бури налетят,
Столетние дубы валя на землю,—
Забьются в щели оводы и мухи.
Тогда лишь те с бушующей стихией
Соперничают яростью и силой,
Кто может отвечать на лютый вой
Таким же грозным криком.

У л и с с

Агамемнон!

Ты славный вождь, ты Греции глава!
Ты наше сердце, разум, дух и воля!
В тебе желанья, мысли, силы наши
Воплощены! О, послушай Улисса.
Высокой похвалы достойны речи
Твои, великий славой и венцом,
А равно и твои, высокочтимый,
Годами древний Нестор: такова
Речь Агамемнона, что подобает
Ее на бронзе высечь. Такова
Была и речь почтеннейшего старца
С главой посеребренной, ибо он,
Как древо, подпирающее небо,
Все мысли греков мощным языком
Объединил, как цепью. Но прошу я
Тебя, великий, и тебя, премудрый,
Прислушаться к тому, что я скажу.

А г а м е м н о н

Да, царь Итаки. Говори. Мы знаем,
Что столь же часто речь твоя разумна,
Сколь редко слово мудрости прекрасной
Звучит из глотки грязного Терсита.

Уже давным-давно бы пала Троя,
 Меч Гектора хозяина лишился б,
 Не будь одной беды.
 Единства действий грекам не хгатает.
 Смотрите, как стоят палатки наши:
 Раскиданно, открыто, в беспорядке —
 Таков же беспорядок и в умах.
 Но если войско не подобно улю,
 Покорному приказу одного,—
 Какого ждете меда? Мы не ценим
 Заслуг и поощряем недостойных.
 На небесах планеты и Земля
 Законы подчиненья соблюдают,
 Имеют центр, и ранг, и старшинство,
 Обычай и порядок постоянный.
 И потому торжественное солнце
 На небесах сияет, как на троне,
 И буйный бег планет разумным оком
 Умеет направлять, как повелитель
 Распределяя мудро и бесстрастно
 Добро и зло. Ведь если вдруг планеты
 Задумают вращаться самовольно,
 Какой возникнет в небесах раздор!
 Какие потрясенья их постигнут!
 Как вздыбятся моря и содрогнутся
 Материки! И вихри друг на друга
 Набросятся, круша и ужасая,
 Ломая и раскидывая злобно
 Все то, что безмятежно процветало
 В разумном единенье естества.
 О, стоит лишь нарушить сей порядок,
 Основу и опору бытия —
 Смятение, как страшная болезнь,
 Охватит все, и все пойдет вразброд,
 Утратив смысл и меру. Как могли бы,
 Закон соподчиненья презирая,
 Существовать науки и ремесла,
 И мирная торговля дальних стран,
 И честный труд, и право первородства,
 И скипетры, и лавры, и короны.
 Забыв почтенье, мы ослабим струны —
 И сразу дисгармония возникнет.
 Давно бы тяжело дышащие волны

Пожрали сушу, если б только сила
Давала право власти; грубый сын
Отца убил бы, не стыдясь нимало;
Понятия вины и правоты —
Извечная забота правосудья —
Исчезли бы и потеряли имя,
И все свелось бы только к грубой силе,
А сила — к прихоти, а прихоть — к волчьей
Звериной алчности, что пожирает
В союзе с силой все, что есть вокруг,
И пожирает самое себя.
Великий, мудрый царь наш Агамемнон!
Когда закона мы нарушим меру,
Возникнет хаос.
Пренебрежение к этому закону
Ведет назад и ослабляет нас.
Вождю не подчиняется сначала
Его помощник первый, а тому —
Ближайший; постепенно, шаг за шагом,
Примеру высших следуют другие,
Горячка зависти обуревает
Всех, сверху донизу; нас обескровил
Соперничества яростный недуг.
Вот это все и помогает Трое:
Раздоры наши — вот ее оплот,
Лишь наша слабость силу ей дает!

Нестор

Премудро здесь Улисс нам разъяснил
Болезнь, что истощает наши силы.

Агамемнон

Недуга суть, Улисс, уразумел ты;
Скажи нам: как лечить его?

Улисс

Смотрите:

Вот наш Ахилл, краса и слава греков,
Наслушавшись восторженных похвал,
Тщеславен стал, самодоволен, дерзок,
Над нами он смеется. С ним Патрокл;
Лениво дни проводит он в постели
И шутит зло.
Насмешник дерзкий, он забавы ради
Изображает нас в смешном обличье,

Он это представлением зовет.
Порою он, великий Агамемнон,
Изображает даже и тебя
И, как актер, гуляющий по сцене,
Увеселяя зрителей, считает,
Что, чем смешней его диалог грубый,
Тем лучше он. Так дерзостный Патрокл
Тебя, о мудрый царь, изображает
Крикливым, скудоумным болтуном,
Произнося гиперболы смешные,
И что же? Грубой этой чепухе
Ахилл смеется, развалясь на ложе,
И буйно выражает одобренье,
Крича: «Чудесно! Это Агамемнон!
Теперь сыграй мне Нестора! Смотри,
Сперва погладь себя по бороде,
Как он, приготовляясь к выступленью!»
И вот Патрокл кривляется опять,
И вновь Ахилл кричит: «Чудесно! Точно!
Передо мною Нестор как живой!
Теперь, Патрокл, изобрази его,
Когда спешит он в час ночной тревоги». —
И что ж! Тогда болезни лет преклонных
Осмеивают оба силача:
Одышку, кашель, ломоту в суставах
И дрожь в ногах, и, глядя на Патрокла,
Со смеху помирает наш герой,
Крича: «Довольно! Полно! Задыхаюсь!»
И так они проводят дни свои.
Все им смешно — и доблесть, и таланты,
И внешний вид прославленных вождей,
Приказы, речи их, призывы к битве,
И пораженья наши, и победы,
Успехи и потери: все у них —
Лишь повод для нелепого глумленья.

Нестор

И вот, из подражанья этим двум,
Которых, как Улисс уже сказал,
Общественное мнение прославляет,
Другие тоже портятся: Аякс
Заносчив стал, как норовистый конь:
Он походить стремится на Ахилла,
Шатер свой разукрасил, как Ахилл,
Пирует и глумится над вождями

И подстрекает подлого Терсита,
Раба, чья желчь чеканит злые сплетни,
Нас грязными словами осквернить,
К нам ослабляя веру и почтение
В опасную годину злой войны.

У л и с с

Они, поступки наши осуждая,
Считают разум трусостью и даже
Осмеивают нашу дальновидность
И прославляют только силу рук,
А силу мысли, что судить способна
О степени уменья, силе рук,
Не признают и даже презирают.
Для них работа мысли — бабье дело,
Игра пустая, детская забава,
Для них таран, что разрушает стены,
Скорее уважения достоин,
Чем мудрость тех, чей тонкий, хитрый ум
Движеньями тарана управляет.

Н е с т о р

Да, можно бы сказать, что конь Ахилла
Достойней, чем Фетиды сыновья.

Звук трубы.

Чу! Звук трубы! Кто это, Менелай?

Входит Эней.

М е н е л а й

Из Трои.

А г а м е м н о н

Говори, зачем ты здесь?

Э н е й

Где Агамемнона шатер?

А г а м е м н о н

Вот этот!

Э н е й

Могу ли я как царственный посол
Рассчитывать на царское внимание?

Агамемнон

В том поручусь тебе мечом Ахилла
И головами греков, признающих
Согласно Агамемнона царем.

Эней

Спокойствие и мир да будут с вами!
Скажите, как узнать мне, чужеземцу,
Царя среди других достойных?

Агамемнон

Как?

Эней

Ну да. Хочу я выразить почтение
И трепетным румянцем перед ним
Зардеться, как застенчивое утро
Пред светлым Фебом.
Где этот бог, ведущий человекав?
Где мудрый и великий Агамемнон?

Агамемнон

Троянец этот презирает нас.
Иль все троянцы так затейно лстивы?

Эней

Когда оружие мы свое слагаем,
Приветливы мы, ласковы и кротки,
Как ангелы, но желчь вскипает наша,
Когда нам должно войнами быть,
Свое оружие мы держагь умеем
Во славу Зевса.— Но молчи, Эней!
Спокойнее, троянец! Будь разумен
И палец приложи к своим устам.
Цена похвал невысока бывает,
Когда хвалимый тем же отвечает,
Но, если враг нас вынужден хвалить,
Такой хвалою можно дорожить!

Агамемнон

Троянец царственный, так ты — Эней?

Эней

Да, грек, ты прав.

Агамемнон

С чем ты пришел, поведай!

Эней

Лишь Агамемнону. могу ответить.

Агамемнон

С троянцами он говорит не любит
Наедине.

Эней

А я пришел из Трои
Не для того, чтобы шептаться с ним:
Я разбужу его, как трубным гласом,
Когда заговорю.

Агамемнон

Так говори:

Царя будить не нужно — он не дремлет.
Он бодрствует, троянец, сам он это
Сказал тебе сейчас!

Эней

О, громче, трубы!

Пусть медный голос ваш разбудит сонных,
И пусть узнает ныне каждый грек,
Что хочет Троя заявить открыто.
Великий Агамемнон! Есть у нас
Царевич Гектор, смелый сын Приама,
Давно уж он томится перемирьем
И вот сегодня, мне вручив трубу,
Велел сказать вам всем: «Цари! Вожди!
Коли еще найдется грек отважный,
Который честью крепко дорожит,
В ком жажда славы больше страха смерти,
Кто доблестью украшен и отвагой,
Кто верен милой и, ее любя
(На деле, а не только на словах),
Во славу красоты ее способен
Сразиться с ним — того отважный Гектор
На поединок гордо вызывает:
И грекам и троянцам громогласно
Заявит он, что та, кого он любит,
Верней, прекрасней и разумней жен,
Которых любят и ласкают греки.
Он вызывает пред стенами Трои
Любого грека, верного любимой,
А ежели такого не найдется,

Он разгласит, что греческие жены
Уродливы, глупы и темнокожи
И ни любви, ни подвигов не стоят:
Вот все, что Гектор мне велел сказать.

Агамемнон

Любовникам сказал ты эти речи,
Эней отважный; те, кто сердцем нежен,
Остались по домам, а мы — солдаты,
Но жалок воин тот, в чьем сердце нет
Любви. Дадим мы Гектору ответ.
Смелчак найдется; если ж не найдется,
Со мной сражаться Гектору придется!

Нестор

Скажи ему от Нестора, который
Был мужем в дни, когда, еще младенцем,
Дед Гектора грудь матери сосал,
Скажи ему, что, если не найдется
Меж греков мужа с пламенной душой,
Я спрячу серебро моих седин,
На руки слабые надену латы
И встречу с ним, чтоб гордо заявить,
Что дева, мной любимая когда-то,
Была прекрасней бабушки его
И целомудренней всех дев на свете!
И вызов юности его кичливой
Я смою кровью старческой своей!

Эней

Да не допустит небо этой битвы!

Улисс

Аминь!

Агамемнон

Позволь, Эней высокородный,
Тебя в шатер ваш отвести, а там
Пускай Ахилл твои услышит речи
И уж затем узнает каждый грек.
Меж тем ты попируешь с нами вместе:
Знай, как встречает благородный враг!

Все, кроме Улисса и Нестора, уходят.

Улисс

О Нестор!

Нестор

Что, Улисс?

Улисс

Во мне зерно чудесной мысли зреет,
А ты мне помоги ее родить.

Нестор

Какая ж это мысль?

Улисс

А вот какая:

Тупые клинья узловатый пенъ
Раскалывают; гордость и надменность
Ахилла всем становится несносны;
Их следует немедля истребить,
Не то они нам могут нанести
Непоправимый вред.

Нестор

Но что же дальше?

Улисс

Надменный вызов Гектора, который,
Казалось бы, к любому обращен,
Касается лишь одного Ахилла.

Нестор

Ты прав. Его намеренья ясны.
О них совсем не трудно догадаться
И даже не такому, как Ахилл,
Будь мозг его, как Ливия, бесплоден.
Хотя — тому порукой Аполлон —
Поистине он сух, но дар сужденья
Ему отнюдь не чужд, и сможет он
Понять, что Гектор вызовом желает
Его задеть.

Улисс

И раздражить его?

Нестор

Ах, если б так случилось! Кто из греков
У Гектора отнять способен честь,
Как не Ахилл! Хоть будет эта битва

Лишь состязаньем, в ней глубокий смысл.
Троянцы здесь отведают, пожалуй,
Одно из наших лучших блюд. Поверь,
Улисс, могло бы многое зависеть
От этого жестокого сраженья.
Его успех решит судьбу и славу,
Успех иль неудачу всей войны.
О, в этих смутных контурах провижу
Я очертанья грозные событий,
Нам предстоящих. Каждому понятно,
Что тот, кто будет с Гектором сражаться,
Избранник общий наш, и выбор сей
Сам по себе является наградой.
Все лучшее, что есть в любом народе,
Процеженное в колбах естества,
Является в герое, но заго,
Когда его постигнет неудача,
Ликует враг, как будто весь народ
В нем собственное терпит поражение.
Так руки, направляя острый меч
И посылая стрелы, отвечают
За действия меча и стрел.

Улисс

Прости!

Вот потому-то и нельзя Ахиллу
Сражаться с Гектором. Покажем, Нестор,
Как мудрые купцы, плохой товар,
Чтоб сбыть его скорее; а с хорошим
Не следует спешить. Не соглашайся,
Чтобы сражался с Гектором Ахилл:
Их встреча может быть и нашей славой
И нашим величайшим посрамленьем!

Нестор

Я зреньем слаб: не вижу в этом смысла...

Улисс

Та слава, что досталась бы Ахиллу,
Не будь он горд, была бы нашей славой.
Но он геперь заносчив стал не в меру,
А лучше уж от солнечного зноя
В пустыне африканской изнывать.
Чем изнывать от дерзкого презренья
Ахилла победителя. Однако,

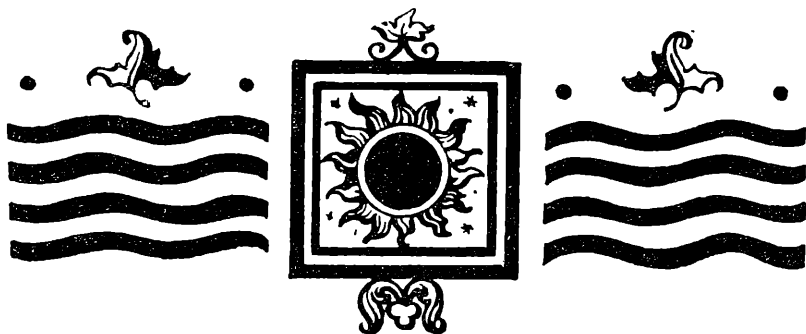
Будь он троянцем смелым сокрушен,
Сокрушена была б и наша слава
В лице его. Нет! Лучше так подстроим,
Чтоб увалень Аякс пошел сражаться
С надменным Гектором. Ведь и Аякс
Силен и смел не менее Ахилла.
Его мы как героя вознесем,
Полезно это будет мирмидонцу:
Уж очень возгордился он, и шлемом
Касается чуть-чуть не до небес.
Когда б Аякс — тяжелый, туповатый —
Сумел героя Гектора сразить,
Его мы расхвалили бы согласно;
А если он окажется сраженным, —
Спокойно примет каждый эту весть,
Уверенный, что есть у нас герои
Получше. Так успех иль поражение
Аякса нам на пользу потому,
Что спесь собьет Ахиллу самому.

Нестор

Теперь, Улисс, я начал понимать
Совета твоего глубокий смысл.
Но поглядим, что скажет Агамемнон:
Два пса смирят друг друга, ибо злосць
Их гордости для них обоих — кость.

Уходят.

А К Т II

СЦЕНА I

Другая часть греческого лагеря.

Входят Аякс и Терсит.

Аякс

Терсит!

Терсит

А что как вдруг Агамемнон покроется чирьями?

Аякс

Терсит!

Терсит

А что как эти чирьи вдруг лопнут? Может, тогда и сам он лопнет, и все лопнет? То-то было бы здорово!

Аякс

Ах ты, пес!

Терсит

Только в таком случае из него могло бы что-нибудь выйти; а пока что-то ничего не выходит.

Аякс

Ах ты, сукин сын! Ты что, не слышишь, когда тебя зовут? Ну так почувствуешь! *(Бьет его.)*

Т е р с и т

Задави тебя наша греческая чума! Тоже мне повелитель!
Ублюдок с телячьими мозгами!

А я к с

А ну-ка, поговори, поговори, тухлая говядина! Я тебя еще п
не так разукрашу!

Т е р с и т

Э, да тебя стоит и подразнить: чего доброго, поумнеешь! Впрочем, скорее уж твоя лошадь станет читать проповеди, чем ты выучишь наизусть хоть одну молитву. А вот драться ты умеешь, кляча! Парша тебя заberi!

А я к с

Ах ты, гриб поганый! Ну, рассказывай, что там объявляли?

Т е р с и г

Да что же ты меня лупишь? Думаешь, я не чувствую?

А я к с

Что объявляли, я спрашиваю?

Т е р с и т

Ну, объявляли, что ты болван.

А я к с

Уймись, дикобраз, уймись. У меня опять руки чешутся!

Т е р с и т

Что руки! Надо, чтоб ты весь чесался с ног до головы. Уж я бы тебя почесал! Ты бы у меня стал самым мерзким шелудивым в Греции! В бою-то ты, поди, не лучше других!

А я к с

Я спрашиваю тебя: что объявляли?

Т е р с и

Ты вот ежечасно рычишь на Ахилла и насмехаешься над ним, а сам ты полон зависти к нему, как Цербер к прелестям Прозерпины. Потому-то ты и лаешь на него.

А я к с

Ну и врешь же ты, как баба!

Т е р с и т

Ты вот его поколоти!

Аякс

Да я его в лепешку!

Терсит

Да он бы тебя одним кулаком раскрошил, как матрос — сухарь.

Аякс

Ах ты, паскуда! (*Бьет его.*)

Терсит

Ну-ка, ну-ка, еще!

Аякс

Эх ты, ведьмин кол!

Терсит

Ну, крепче, крепче, дурья башка! Эх, нет у тебя находчивости! У тебя и мозгу-то в голове не больше, чем у меня в пятках! Каждый погонщик мулов мой бы многому тебя научить. Ты как взбесившийся осел: только и делаешь, что дубасишь троянцев. Все, кто только что-нибудь соображает, могут продать и купить тебя, как берберийского раба. Если ты не перестанешь избивать меня, я расскажу всем, что ты собой представляешь, бессмысленная ты тварь!

Аякс

Ах ты, пес!

Терсит

Ах ты, шелудивый баран!

Аякс

Шавка ты! (*Бьет его.*)

Терсит

Ах ты, Марсов олух! Бей, разбойник! Ну, еще, еще, верблюд!

Входят Ахилл и Патрокл.

Ахилл

Полно, Аякс! За что это ты его так лупишь? — В чем дело, Терсит? Что случилось?

Терсит

Видишь ты его?

Ахилл

Пу так что же?

Терсит

Нет, ты посмотри на него!

Ахилл

Я смотрю. В чем же дело?

Т е р с и т

Нет, ты разгляди его хорошенько!

А х и л л

И хорошенько разглядел.

Т е р с и т

Нет, ты еще не разглядел его: за кого бы ты его ни принимал, оп Аякс!

А х и л л

Знаю, дурак!

Т е р с и т

Да, ты-то знаешь, а сам-то он не знает, что он дурак.

А я к с

Ох избыю же я тебя!

Т е р с и т

Уй-уй-уй-уй! Какие мудрые вещи изрекает! А пожалуй, его голове досталось от меня больше, чем от него — моим костям! За грош можно купить девять воробьев, а у него ума не больше, чем в девятой части одного воробья! Ахилл, поверь мне! У господипа моего Аякса разум в брюхе, а кишки — в голове. Я сейчас расскажу тебе, что я о нем говорил.

А х и л л

Ну что?

Т е р с и т

Я говорил, что Аякс...

Аякс собирается ударить Терсита.

А х и л л

(становится между ними)

Полно, Аякс, полно, милейший!

Т е р с и т

...имеет разума ровно насолько...

А х и л л

Ну, не трогай его!

Т е р с и т

...чтобы заткнуть ушко иглы Елены, за которую он явился сражаться.

А х и л л

Перестань, дурак!

Т е р с и т

Я-то мог бы перестать, да вот дурак не хочет! Вот он! Посмотрите на него!

А я к с

Ах ты, шавка окаянная! Да я...

А х и л л

Ну стоит ли связываться с дураком?

Т е р с и т

Не стоит, потому что дурак посрамит тебя!

П а т р о к л

Хорошо сказано, Терсит!

А х и л л

Да почему вы ссоритесь?

А я к с

Я приказал этой подлой свинье рассказать, о чем объявляли, а он надо мной издевается.

Т е р с и т

Я тебе не слуга!

А я к с

Тогда пошел вон! Пошел вон!

Т е р с и т

Чго ты командуешь? Я здесь по доброй воле!

А х и л л

Но тебя, насколько я понимаю, все-таки потрепали! Никто не подставляет спину по доброй воле. Вот Аякс действовал по своей воле, а ты — поневоле.

Т е р с и т

Ах так! Да у тебя-то, я вижу, тоже весь ум в кулаках! Не велика будет заслуга Гектора, если он вышибет из тебя мозги! Расшибить твою башку — все равно чго расколоть пустой орех: ядра-то ведь нет!

А х и л л

Как! Ты и ко мне цепляешься, Терсит?

Т е р с и т

Вот кто умен, так это Улисс и древний Нестор, ум которого пачал покрываться плесенью прежде, чем у твоего дедушки выросли ногти. Они управляют вами, как парой быков, заставляли распахивать поля войны.

А х и л л

Что? Что ты сказал?

Т е р с и т

То, что сказал! Ну, ударь, Ахилл! — Ударь, Аякс!

А я к с

Ох, я тебе язык отрежу!

Т е р с и т

Это не беда: тогда я буду говорить так же, как ты!

П а т р о к л

Хватит болтать, Терсит! Хватит! Помолчи!

Т е р с и т

Ну, молчу, коли уж Ахиллова красотка велит!

А х и л л

Что, получил и ты, Патрокл?

Т е р с и т

Хватит! Нечего мне тут делать с вами, дураками! Пойду к тем, кто поумнее. Я вернусь к вам теперь, только когда вас вешать будут! (*Уходит.*)

П а т р о к л

Наконец-то избавились!

А х и л л

Да, кстати, войску нынче объявили,
Что Гектор завтра, только встанет солнце,
Разбудит гласом трубным и троянцев
И греков, вызывая тех из нас,
Кто и силен и смел, — сразиться с ним,
Чтоб доказать... не помню только — что,
Какой-то вздор, я думаю!

А я к с

А кто же

Ему ответить должен?

А х и л л

Не знаю! Там еще бросают жребий,
Иначе было б ясно, кто...

А я к с

Ты сам?

Пойду-ка разузнаю поточнее!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Троя. Дворец Приама.

Входит Приам, Гектор, Троиц, Парис и Елена.

П р и а м

Вот после многих дней, речей и дел
Опять от греков Нестор возглашает:
«Верните нам Елену!» — и тогда
Обиды, жертвы, времени потеря,
Потеря сил, богатства и друзей,
Утраченных в пылу войны кровавой,
Все будет позабыто. Что ты скажешь?

Г е к т о р

Едва ли кто боится греков меньше,
Чем я, когда опасность только мне
Грозит. Но всем я заявляю вам:
Приам сейчас неправ!
Едва ли дева с нежною душою,
Исполненная трепетного страха,
Так часто и тревожно восклицает:
«Ах, мы не знаем, что еще случится!» —
Как я. Увы! Подтачивает мир
Заносчивость, но скромное Сомнение
Есть мудрости маяк и зонд надежный,
Умеющий до дна прощупать зло.
Пусть домой Елена возвратится:
С тех пор как первый меч мы облажили,
Десятки смелых пали в этой распре,
Они дороже много, чем Елена;
Мы потеряли столько своего,
Что не свое удерживать не надо:
Оно не стоит и десятой доли

Всего, уже потерянного нами.
Какая же причина нам мешает
Вернуть ее теперь?

Т р о и л

Стыдись, о брат мой!
Тебе ль судить о чести и величье
Царя такого, как отец наш грозный!
Какою мерой ты определишь
Безмерное могущество его?
Как ты такую силу ограничишь
И укротишь уздою опасений
И доводов ненужных? Постыдись!

Г е л е н

Не диво, что, нища во всем рассудка,
Ты сам его лишен. Подумать можно,
Что твой отец без твоего участия
Рассудком управлять бы не сумел!

Т р о и л

Все это, брат мой жрец, слова пустые:
Одним рассудком вы, жрецы, живете.
Мы знаем: враг замыслил нашу гибель;
Мы знаем, грозен меч, подъятый им.
Рассудок в сграхе от него бежит!
Не диво, что мерещится повсюду
Тебе могучий грек: рассудок твой
К ногам твоим привязывает крылья,
И ты, как от Юпитера Меркурий
Иль как звезда, сошедшая с орбиты,
Несешься прочь! Нет! Вреден нам рассудок
В опасный час! И мужество и честь
Имели в сердце заячье, когда бы
Рассудку доверялись постоянно:
От размышленья печень усыхает;
С отвагою рассудок не в ладу.

Г е к т о р

Брат, право же, она того не стоит,
Во что вам обошлась!

Т р о и л

Ее цена
Зависит лишь от ценности для нас.

Гектор

Но не должна зависеть от каприза.
Достоинство и ценность всякой вещи —
Внутри ее, равно как и в уме
Людей, ее ценящих. Неразумно
Служенье богу ставить выше бога!
Нередко люди надеяться стремятся
Причудливыми свойствами предмет,
Которому те свойства не присущи.

Троиц

Допустим, я избрал себе супругу,
И выбором руководила воля,
А волею — глаза мои и уши,
Которые любовь мою зажгли.
Глаза и уши — два надежных кормчих,
Которые мне помогают плыть
Меж волей и рассудком. Как мне быть,
Когда рассудок осуждает выбор?
Могу ль я отказаться от жены?
Мне этого и честь не позволяет:
Шелка не возвращают продавцу,
Испортив их; остатки нашей пищи
Мы в сточные канавы не бросаем,
Насытившись. Считалось до сих пор,
Что подобает с греками сразиться
Парису. Наше дружное решение
Наполнило, раздуло паруса,
И волны с ветром прекратили спор,
Чтоб дружными усилиями к цели
Доставить корабли его; тогда
Взамен сестры Приама престарелой,
Которую в плену держали греки,
Привез Парис красавицу царицу,
Гречанку, чья пленительная свежесть
И Аполлона делает поблекшим
И сумрачною делает зарю.
Зачем она у нас? Ну, а зачем
В плену держали греки Гесиону,
Приама престарелую сестру?
Но разве же не стоило сражаться
За дивную жемчужину — Елену?
Недаром венценосные цари
Купцами стали, оценив добычу

Дороже многих сотен кораблей.
Париса все расхваливали дружно,
Все подстрекали кликами: «Дерзни!»
Привез он драгоценную добычу.
Не правда ль — все ведь вы рукоплескали,
Провозгласив, что ей подобной нет!
Зачем же вы теперь свое решение
Оспаривать хотите? Ведь сама
Фортуна не всегда непостоянна!
А вы! Теперь готовы объявить
Ничтожным то, что сами же ценили
Превыше всех прекрасных благ земных!
Как низок вор, который сам боится
Похищенным владеть! Робеем мы,
Похищенной мы недостойны сами,
И, совершив проступок, мы дрожим,
Что дорого за это мы заплагим.

К а с с а н д р а
(внутри дворца)

Плачь, Троя, плачь!

П р и а м

Кто это голосит?

Т р о и л

О, это вопль сестры моей безумной.

К а с с а н д р а
(внутри дворца).

Плачь, Троя, плачь!

Г е к т о р

Кассандра это!

Входит К а с с а н д р а с растрепанными волосами, в испуге.

К а с с а н д р а

Плачь, Троя, плачь! Десятки тысяч глаз
Наполню я пророчества слезами!

Г е к т о р

Не сетуй так, сестра моя! Не ссуй!

К а с с а н д р а

О девы, юноши, мужи и старцы,
Младенцы, все встречающие криком
Беспомощным, рыдайте все со мною!
Мы выплачем и выплатим судьбе
Хотя бы долю стонов предстоящих.
Плачь, Троя, плачь! Пускай глаза твои
Слезами изойдут! Погибнет Троя!
Как головня, сожжет ее Парис!
Я вижу: пламя пожирает стены!
Плачь, Троя, плачь! Иль пусть уйдет Елена!

(Уходит.)

Г е к т о р

Ужели эти страшные рыданья
И прорицания сестры твоей
Тебя, Троил, не трогают? Ужели
Так кровь твоя безумьем зажжена,
Что ни простые доводы рассудка,
Ни мысль о злом исходе злого дела
Тебя не охлаждают?

Т р о и л

Брат мой Гектор!

Не должно нам судить о правоте
Любого начинанья по исходу.
Не должно храбрости лишаться нам,
Страшась безумных выкриков Кассандры.
Неистовство души ее больной
Не может нам внушить сомнение в смысле
Войны, в которой наша честь была
Залогом правоты. Я сам, признаться,
Не более затронут этой распрей,
Чем прочие Приама сыновья;
Но я скажу: Юпитер, сохрани
Нас от того, чего бы стало стыдно
И жалким трусам.

П а р и с

Целый свет тогда бы

Мои поступки и советы ваши
Презрепным легкомыслием признал.
Но боги все свидетели тому,
Что вы мою затею вдохновляли;
Советами вы отгоняли страх,

Моим опасным замыслом рожденный.
Ведь что я мог бы совершить один?
Способна ль доблесть одного героя
Противиться напору той вражды,
Которую война воспламенила?
Но, если б мне случилось одному
Все трудности принять, — скажу вам прямо:
Будь мощь моя, как воля, велика,
Парис не отступился б от того,
Что он задумал!

П р и а м

Ты, Парис, болтаешь,
Как те, кто наслаждением ослеплен.
Нас умудряет желчь, вас — мед дурманит.
За храбрость вас никто хвалить не станет!

П а р и с

Отец! Не для себя я дорожу
Ее неизреченной красою!
Прекрасную вину свою хочу
Я искупить, чтоб доблестью своею
Свои права навек завоевать.
Но посрамленьем славы нашей будет
Измена обещанной царице —
Согласие отдать ее назад
По требованью грубого насилья!
Могла ли мысль презренная такая
Возникнуть в столь возвышенных умах?
Я думаю, что самый малодушный
Отважным станет и поднимет меч,
Чтоб защитить Елену. Самый смелый
Не постыдится жизнью заплатить
За жизнь Елены. Честь повелевает
Сражаться за нее: ведь знают все,
Что в мире равной нет ее красе!

Г е к т о р

Ты прав, Парис; ты тоже прав, Троиц;
Красно вы говорите, но коснулись
Поверхностно глубокого вопроса,
Как те юнцы, которых Аристогель
Считает неспособными постичь
Моральной философии значение.
Все ваши доводы порождены

Кипеньем страсти или пылкой крови,
А не желаньем точно разобратъся,
В чем правота. И месть и наслажденье
Всегда к разумному суждены глухи.
Меж тем природа требует от нас,
Чтоб соблюдались право и законы
Извечные. А чье же право крепче,
Чем право брачных уз? Когда нарушит
Природный сей закон слепая страсть
И ей притом окажут снисхожденье
Высокие умы,— сама природа
Упрямо воспротивится сему!
Есть у народа каждого законы,
Смиряющие бурные порывы
Мятежных, необузданных страстей.
Когда известно всем нам, что Елена
Жена царю спартанскому, закон
Природы и народов побуждает
Ее вернуть. Упорствуя напрасно,
Мы только увеличиваем зло,
Его усугубляя. Так считаю
Я, брат ваш Гектор. Но не стану я
Препятствовать решениям вашим пылким
Прекрасную Елену удержать.
Мы все уже немало сил своих
И доблести на это положили.

Т р о и л

Да-да, мой брат, во в этом-то и суть.
Когда бы дело не касалось чести,
А только нашей прихоти пустой,
Не проливал бы я троянской крови,
Елену защищая. Славный Гектор!
Пойми, что в ней — и честь и слава наша,
Она и поощренье славных дел
И всех врагов упорных посрамленье,
Она и наша будущая гордость.
Ведь сам ты, храбрый Гектор, никому
Грядущей громкой славы не уступишь,
Которая нас всех улыбкой манит,
Зовя вперед, к победам.

Г е к т о р

Я с тобой,
Бесстрашный отпрыск славного Приама!

Я сам уже послал надменный вызов
Кичливым грекам, сонным и тупым:
Уж он-то их разбудит непременно.
Их вождь, мне говорили, мирно дремлет,
Не замечая, что раздор прокрался
В его войска.
Теперь проснется он!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Греческий лагерь. Перед шатром Ахилла.

Входит Терсит.

Т е р с и т

Ну что, Терсит? Как! Заблудился в лабиринте собственной ярости? Неужто ж этот слон Аякс довел тебя до такого состояния? Когда он бьет меня, я смеюсь, и это меня утешает. Конечно, лучше бы, чтобы я его бил, а он надо мной смеялся. Ах, черт возьми! Да я научусь ворожить и вызывать чертей, чтобы только найти выход из такого омерзительного унижения! А тут еще Ахилл навязался! Тоже мне штучка! Если падение Трои зависит от этой парочки, то стены ее простоят до того дня, пока сами собой не рушатся. О ты, великий громовержец Олимпа! Забудь, пожалуйста, что ты Юпитер, царь богов! И ты, Меркурий, да потеряет твой кадуцей свою змеиную силу, если только вы не отнимете у этих молодчиков той самой капелюсенькой капли разума, какая у них есть. Их близорукое невежество настолько скудоумно, что не способно освободить муху из лап паука, не размахнувшись мечом для того, чтобы разрезать паутину. Да падет месть богов на весь этот лагерь, или, еще лучше, да заберет всех их та самая болезнь, которая именуется из скромности неаполитанской... Ну, я все сказал! Взываю к бесу зависти, чтобы он произнес: «аминь». О Ахилл, мой повелитель!

Входит Патрокл.

П а т р о к л

Кто здесь? Терсит? Заходи-ка, милейший Терсит, и позубоскаль!

Т е р с и т

Кабы я льстился на всякую фальшивую монету, ты бы не ускользнул от моего внимания. Но не в этом дело. Ты сам себя покароешь. Да постигнет тебя проклятье всего человечества за

безумство и невежество. Да сохранят тебя небеса от умного наставника, и да не коснется тебя ни один добрый совет. Пусть прав твой до самой смерти управляет тобою. Но если та, которой достанется удел убирать твой труп, скажет, что ты — красивый труп, я поклянусь, что она, кроме прокаженных, ничего не видела. Аминь. А где же Ахилл?

П а т р о к л

Ишь ты! Да ты, оказывается, еще и ханжа! Это ты так молишься?

Т е р с и т

Молюсь, и да услышит меня небо!

Входит А х и л л.

А х и л л

Кто здесь?

Т е р с и т

Терсит, господин!

А х и л л

Ах, ты пришел! Что ж тебя не было за столом, когда я ел? Ты мало беспокоишься о моем пищеварении: ты ведь отличная приправа! Ну-ка, скажи мне, кто такой Агамемнон?

Т е р с и т

Твой повелитель, Ахилл. Ну, а ты скажи-ка мне, кто такой Ахилл?

А х и л л

Твой повелитель, Терсит. Ну, а скажи-ка мне, прошу тебя, сам-то ты кто такой?

Т е р с и т

Тот, кто лучше всех знает Патрокла. Ну, скажи мне, кто ты такой, Патрокл?

П а т р о к л

Говори ты, ведь ты же меня знаешь!

А х и л л

О говори, говори!

Т е р с и т

Над этим вопросом надо еще подумать! Агамемнон повелевает Ахиллом, Ахилл — мой господин, я — знаток Патрокла, а Патрокл — дурак.

П а т р о к л

Ах ты, негодяй!

Терсит

Тише, дурень! Я еще не все сказал!

Ахилл

Валяй, Терсит, валяй! Тебе все простительно!

Терсит

Агамемнон дурак, Ахилл дурак, Терсит дурак, и, как сказано выше, Патрокл дурак.

Ахилл

Дальше! Дальше! Выводы!

Терсит

Агамемнон дурак потому, что думает, будто командует Ахиллом; Ахилл дурак, если им командует Агамемнон; Терсит дурак потому, что служит такому дураку, ну, а Патрокл — дурак сам по себе!

Патрокл

Но почему это я дурак?

Терсит

Ну уж с этим вопросом обращайся к своему творцу. С меня довольно того, что ты дурак. — Смотри-ка, кто там идет?

Ахилл

Патрокл! Я ни с кем не хочу разговаривать! — Идем со мною, Терсит! (*Уходит.*)

Терсит

Батюшки! Сколько дрызг! Сколько безобразия! Сколько мерзостей! И всему причина — рогоносец и развратница! Нечего сказать, славный повод для того, чтобы затевать раздоры и проливать кровь. Да проказа их заberi! Да задави их собственное распутство и раздор! (*Уходит.*)

Входят Агамемнон, Улисс, Нестор, Диомед и Аякс.

Агамемнон

А где Ахилл?

Патрокл

Ахилл в шатре: он болен, государь!

Агамемнон

Скажи ему, что мы сюда явились.
Посланцев наших он прогнал, но мы

Решили пренебречь своим величием,
Чтоб посетить его. Скажи ему —
Пусть он не думает, что мы забыли
Свой сан, такой поступок совершив.

П а т р о к л

Я так и передам ему.
(Уходит.)

А г а м е м н о н

Однако
Мы видели, что он сидит в шатре.
Совсем не болен он.

А я к с

Болен-то он, положим, болен, но болезнь-то львиная: от гордости сердца. Если вы хотите польстить ему, можете называть эту болезнь меланхолией; но, клянусь вам, это просто гордость. А почему? Чем это он так гордится? Пусть он объяснит нам причину своей гордости.— Позволь мне сказать тебе одно слово, государь! (Отводит Агамемнона в сторону.)

Н е с т о р

Что это Аякс на Ахилла так нападает?

У л и с с

Да Ахилл переманил у него шута.

Н е с т о р

Кого? Терсита?

У л и с с

Именно Терсита!

Н е с т о р

Ну, теперь, без Терсита, у Аякса не будет повода для разглагольствований.

У л и с с

Ничего: теперь поводом будет то, что Терсит на поводу у Ахилла.

Н е с т о р

Тем лучше: для нас их свара приятней, чем их сговор.

У л и с с

Коли мудрость не скрепляет дружбу, глупость легко расстраивает ее. А вот и Патрокл.

Нестор

А с ним нет Ахилла?

Входит Патрокл.

Улисс

Да, суставы слона, конечно, не приспособлены для реверансов. Ноги ему служат, но сгибаться не могут!

Патрокл

Ахилл велел сказать, что сожалеет,
Когда не просто склонность к развлечению
Царя со всею свитой привела
Сюда, к его шатру. Но он в надежде,
Что просто после плотного обеда,
Для улучшения пищеваренья,
Изволили прогуливаться вы.

Агамемнон

Патрокл! Привыкли мы к таким ответам.
Он избегает нас. Его строптивый
И дерзкий нрав давно известен всем.
Он многие имеет основанья
Достоинствами многими гордиться,
Но так переоценивает их,
Что умаляет тех достоинств цену.
Они противны нам, как плод прекрасный
На грязном блюде. Но скажи ему,
Что мы пришли, чтоб с ним поговорить.
Прибавь — греха особого не будет,—
Что гордецом надутым мы считаем
Его и что себя напрасно мнит он
Великим: он один такого мнения,
А мы спокойно наблюдать решили
Его причуд приливы и отливы,
Как будто бы и вправду наша слава
Зависит от него. Скажи ему,
Что, ежели он выше занесется,—
Он нам такой не нужен: пусть лежит,
Оставленный в пыли, как те машины,
Которые настолько неуклюжи,
Что непригодны воинам в бою.
Проворный карлик на войне ценнее,
Чем великан, от сна осоловелый.
Скажи ему все это в назиданье!

П а т р о к л

Скажу и сразу принесу ответ.

(Уходит.)

А г а м е м н о н

Через посредников договориться
Нам не удастся. Мы хотим с Ахиллом
Беседовать. — Иди к нему, Улисс!

У л и с с уходит.

А я к с

И верно: почему это он больше других?

А г а м е м н о н

Да только потому, что сам он так полагает!

А я к с

Да неужто он и в самом деле так велик? Может, он воображает, что он лучше меня?

А г а м е м н о н

Конечно, воображает!

А я к с

Ну, а вы — тоже так думаете?

А г а м е м н о н

Нет-нет, благородный Аякс! Ты ему равен по силе, по доблести, по уму, да и по благородству, но ты мягче, скромнее и обходительнее...

А я к с

И с чего это иной раз люди бывают гордецами? Откуда у них эта гордость берется? Вот я просто не знаю даже, что такое гордость!

А г а м е м н о н

У тебя душа чище, Аякс, и достоинства твои выше. Гордый человек сам себя пожирает. Гордость — его зеркало, его труба, его собственная летопись. А уж коли человек старается прославить себя не делами, а словами, то такое самопрославление пожирает его дела.

А я к с

Я ненавижу гордецов! Жабье отродье!

Нестор
(в сторону)

А самого себя любит! Ну не забавно ли?

Входит Улисс.

Улисс

Ахилл не хочет завтра выходить.

Агамемнон

А почему?

Улисс

Он никаких причин
Не называл. Он просто заявил,
Что таково его расположение,
Что не намерен он ни с кем считаться.

Агамемнон

Так, значит, он не хочет выйти к нам,
Уважив нашу вежливую просьбу?

Улисс

Он выдумал какой-то вздорный повод
Для недовольства. Он уж так спесив,
Что, даже сам беседуя с собою,
Способен обижаться на себя.
От чванства, себялюбия и спеси
Уж сам не знает он, как поступать.
Он, царственный Ахилл, теряет силы,
В самом себе потворствуя раздору.
Спесь, как чума, им овладела. Гибель
Ему грозит.

Агамемнон

Пускай к нему пойдет

Аякс.

(Аяксу.)

Иди, мой друг, слова привета
Скажи ему: к тебе он благосклонен;
Ты, может быть, его уговоришь!

Улисс

О Агамемнон, царь! Да не свершится
Такое! Божества да отведут
Аякса от Ахилла! Пусть гордец

В соку своей же спеси, как жаркое
Прожарившийся, ничего иного
Не признающий, кроме вечной жвачки
Тщеславия,— не встретит нигде
Почтения от того, кого считаем
Мы все ничуть не меньшим, чем Ахилл!
Нет! Этот трижды славный, трижды смелый
Своей высокой славы не уступит,
Не склонит головы перед Ахиллом,
К Ахиллу не пойдет!
Зачем потворствовать надутой спеси
И угли подбавлять в созвездье Рака,
И без того горящего усердьем
К Гипериону славному! О нет!
Тогда Юпитер сам громами грянет:
«Пусть гордец к достойному придет:
Ахилл к Аяксу, не Аякс к Ахиллу!»

Нестор
(в сторону)

Отлично! Эта лесть ему по сердцу!

Диомед
(в сторону)

Молчит он, наслаждаясь похвалою!

Аякс

Уж если я пойду, так лишь затем,
Чтоб смазать гордеца по дерзкой роже!

Агамемнон

Нет! Нет! Не надо!

Аякс

Если предо мной
Захочет он почваниться — ему
Я спесь собою! Пустите же! Пойду я!

Улисс

Нет! Нет! Не надо! Ни за что на свете!

Аякс

Нахал паршивый!

Нестор
(в сторону)

Словно о самом себе говорит!

Аякс

Ишь ты! Даже вежливым быть не желает!

Улисс
(в сторону)

Да! Ворон ворону глаз клюет! Это против пословицы!

Аякс

Да я из него все кишки выпущу!

Агамемнон
(в сторону)

Врачу, исцелися сам!

Аякс

Эх! Кабы все думали так же, как я!

Улисс
(в сторону)

Тогда перевелись бы разумные люди!

Аякс

Да разве можно такое терпеть? Ему еще собыют спесь! Он еще получит по заслугам!

Нестор
(в сторону)

Ну, положим, половину получишь ты!

Улисс
(в сторону)

Нет! В десять раз больше!

Аякс

Я его в порошок сотру! Лепешку из него сделаю!

Нестор
(в сторону)

Ну-ка, хвалите еще! Подливайте, подливайте масла в огонь чтобы его спесь разгорелась!

У л и с с
(Агамемнону)

Не нужно огорчаться, повелитель!

Н е с т о р

Не нужно, благородный вождь, не нужно!

Д и о м е д

Мы можем обойтись и без Ахилла!

У л и с с

Ведь есть у нас герой, Ахиллу равный.
Он пред тобою. Только не хочу
В лицо его хвалить.

Н е с т о р

А почему же?
Ведь он не так заносчив, как Ахилл!

У л и с с

Хоть он, как всем известно, столь же храбр!

А я к с

Да чтобы позволить этому сукину сыну так над всеми нами
издеваться! Да будь он троянцем...

Н е с т о р

Скажите, какой порок вы найдете у Аякса?

У л и с с

Разве он чванлив?

Д и о м е д

Или падок на похвалы?

У л и с с

Или угрюм?

Д и о м е д

Или капризен и себялюбив?

У л и с с

Да, ты, Аякс, отличнейшего права!
Хвала богам! Благодаренье небу!
Хвала отцу, зачавшему тебя,
Хвала и матери, тебя вскормившей,
И тем хвала, кто воспитал тебя,

И трижды самому тебе хвала.
Но тот, кто научил тебя сражаться,
Способен только с Марсом разделить
Бессмертие. Милон, быка таскавший,
Один подобен мощному Аяксу
По силе мышц. Но о твоём уме
Не говорю: он каменной оградой
Размах твоих талантов окружает!
Паш Нестор мудр от старости своей;
Он должен мудрым быть в такие годы! —
Прости, отец наш Нестор! Будь ты юн,
Как наш Аякс, ты мудростью едва ли
Аякса разум мог бы превзойти,
Но был бы, как Аякс!

А я к с

Посмею ль я

Назвать тебя отцом?

Н е с т о р

Да, сын мой милый!

Д и о м е д

Во всем, Аякс, ему ты повинуйся.

У л и с с

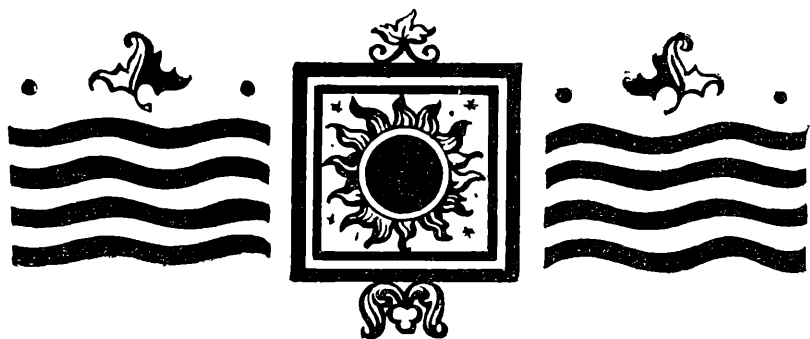
Не время медлить: наш олень Ахилл
В лесу укрылся. Соблаговоли,
Великий вождь, созвать совет военный.
Троянцы получили подкрепление.
Завтра — бой. Должны мы победить!
Вот паш герой, героев лучших цвет:
Ему по силе в мире равных нет!

А г а м е м н о н

Пусть на мели Ахилл великий спит:
Другой корабль теперь вперед летит!

Уходят.

А К Т III

СЦЕНА 1

Троя. Дворец Приама.

Входят Пандар и слуга.

П а н д а р

Эй, друг! Одно словечко! Скажи, пожалуйста, не ты ли ходишь за молодым царевичем Парисом?

С л у г а

Хожу, сударь, когда он идет впереди.

П а н д а р

Я хотел спросить — ему ли ты служишь?

С л у г а

Да, сударь, я служу своему господину.

П а н д а р

И ты служишь благородному господину! Не могу не признать, что он достоин хвалы!

С л у г а

Достоин хвалы!

П а н д а р

А меня-то ты знаешь ли?

С л у г а

Знаю, сударь, но, по правде говоря, не совсем.

П а н д а р

Ну, так узнай меня лучше: я — высокородный Пандар!

С л у г а

Надеюсь узнать вас поближе, ваша честь!

П а н д а р

Да, таково и мое желание!

С л у г а

Я надеюсь, что ваша милость будет...

П а н д а р

Меня следует называть «ваша честь», а не «ваша милость», друг!

Из глубины дворца доносится музыка.

Что это за музыка?

С л у г а

Ну, о музыке я знаю не много, сударь; знаю только, что музыкантов много.

П а н д а р

А музыкантов ты знаешь?

С л у г а

Вполне, сударь.

П а н д а р

А для кого они играют?

С л у г а

Для тех, кто слушает их, сударь.

П а н д а р

Я разумел: чей слух они услаждают, любезный?

С л у г а

И мой, сударь, и любого, кто любит музыку.

П а н д а р

Нет, я спрашиваю относительно распоряжения...

С л у г а

Разве я вправе распоряжаться, сударь?

П а н д а р

Мы с тобой, приятель, друг друга не понимаем: я, кажется, слишком вежлив, а ты слишком хитер. Я спрашиваю, по чьему приказу играют эти люди?

С л у г а

А! Ну это другое дело, сударь. Теперь мне ясно. По приказу господина моего Париса, сударь! Он там лично присутствует, а с ним смертная Венера, венец красоты, воплощение любви...

П а н д а р

Моя племянница Крессида?

С л у г а

Нет, сударь, Елена! Разве вы не догадались по тому, как я ее описываю?

П а н д а р

Да ты, голубчик, вероятно, не видел прекрасной Крескиды. Я пришел к Парису от царевича Троила; мне нужно немедленно видеть Париса, у меня дело, не терпящее отлагательств! Дело не терпит — понимаешь?

С л у г а

Да, как будто понимаю: вам не терпится...

Входят Парис, Елена и свита.

П а н д а р

Приветствую тебя, царевич, и всех твоих прекрасных спутников! Наилучшего исполнения наилучших желаний в наилучшие сроки! — Особенно тебе, наилучшая из цариц! Наилучшие мечты да послужат тебе наилучшим изголовьем!

Е л е н а

Высокочитимый Пандар! У тебя всегда запас наилучших слов!

П а н д а р

Для твоего удовольствия, сладчайшая царица! — А почему же прервалась эта прекрасная музыка, прекрасный Парис?

П а р и с

Да ты же сам прервал ее, родственничек! Но, клянусь жизнью, ты сумеешь все это поправить, да еще и сам присочи-

пить кое-что! — Знаешь, Нелли, он умеет петь на все лады и ловок все улаживать.

П а н д а р

Не верь, владычица, не верь! Это не так!

Е л е н а

Да неужели?

П а н д а р

Не одарен, царица! Не одарен! Сущая правда: не одарен!

П а р и с

Отлично сказано: какая гамма скромности! Сама гармония!

П а н д а р

У меня есть дело к царевичу, милая царица! — Позволь мне сказать тебе несколько слов, царевич!

Е л е н а

Нет! Ты от нас не уйдешь! Ты должен непременно спеть!

П а н д а р

Ты шутишь, сладчайшая царица! — Но, право же, царевич, дорогой мой и глубоко чтимый друг, брат твой Троил...

Е л е н а

Ах, Пандар! Медоточивый Пандар!

П а н д а р

Полно, полно, сладчайшая царица.— Я убедительно прошу тебя, настоятельно и почтительно прошу...

Е л е н а

Нет! Нет! Не лишай нас удовольствия тебя послушать! Не огорчай нас!

П а н д а р

Сладчайшая царица! Вот уж поистине сладчайшая царица...

Е л е н а

А огорчить сладчайшую — это ведь тяжкая вина!

П а н д а р

Нет! Этим ты ничего не достигнешь! Нет! Нет! Ей-богу, нет! Меня словами не возьмешь! Царевич Троил просил, чтобы если

царь спросит о нем за ужином, ты бы нашел способ разумно объяснить его отсутствие.

Е л е н а

Любезный Пандар...

П а н д а р

Что изволит изречь моя сладчайшая царица, моя наисладчайшая царица?

П а р и с

Что он затеял? Где это он сегодня ужинает?

Е л е н а

Но, любезный Пандар...

П а н д а р

Что изволит изречь моя сладчайшая царица? — Ну зачем вам знать, где он будет ужинать?

П а р и с

Жизнью ручаюсь, что он будет с этой совратительницей Крессидой!

П а н д а р

Нет! Нет! Ничего подобного! Вы оба заблуждаетесь! Совратительница эта больна!

П а р и с

Ладно, я придумаю, как объяснить его отсутствие.

П а н д а р

Уж пожалуйста, царевич! И чего тебе пришла в голову Крессиды? При чем тут Крессиды? Нет! Ваша бедная совратительница больна.

П а р и с.

Я, кажется, догадываюсь...

П а н д а р

Ты догадываешься? Ну о чем ты догадываешься? Дайте-ка мне лучше инструмент, и я вам сыграю. — Приказывай, сладчайшая царица!

Е л е н а

Вот это мило!

П а н д а р

Племянница моя без ума от одного предмета, который принадлежит тебе, сладчайшая царица!

Е л е н а

Она получит этот предмет, любезный Пандар, если только это не супруг мой Парис.

П а н д а р

Он? Нет! Тот, кто ей мил, разлучен с нею, но они мечтают соединиться!

Е л е н а

Соединиться? Из таких соединений трое получаются!

П а н д а р

Нет-нет, я такого и слышать не хочу. Лучше я спою вам песенку.

Е л е н а

Ах! Пожалуйста, любезный Пандар! Какой ты милый! И какой у тебя лобик прекрасный!

П а н д а р

Да что ты! Что ты!

Е л е н а

Только пусть это будет песня о любви, о любви, которая покоряет всех нас! О Купидон! Купидон! Купидон!

П а н д а р

О любви? Хорошо, так тому и быть!

П а р и с

Да-да! Любовь, любовь! Одна любовь!

П а н д а р

(поет)

Любовь, любовь всем миром управляет!

Разит ее стрела

Орлицу и орла.

Не тем любовь сильна,

Что ранит нас она,

А тем, что щекотаньем растравляет.

Любовники вопят: «Конец! Последний вздох!»

Но то, что рану как бы углубляет,

В «ха-ха-ха» все «ох-ох-ох»

Страданий превращает.

Сперва «ох-ох», а после «ха-ха-ха»,
«ох-ох», а после «ха-ха-ха» —
ха-ха!

Е л е н а

Да он сам влюблен! Влюблен! Честное слово, влюблен! По уши влюблен!

П а р и с

Он питается одними голубями, радость моя, а это распаляет кровь, а пылкая кровь порождает пылкие мысли, а пылкие мысли порождают пылкие действия, а пылкие действия — это и есть любовь.

П а н д а р

Это что ж такое — родословная любви, что ли? Пылкая кровь, пылкие мысли, пылкие действия... И ведь все это ехидны; значит, и любовь не что иное, как порождение ехидны! Боги всемогущие! А кто же у нас сегодня на поле боя?

П а р и с

Гектор, Деифоб, Гелен, Антенор и весь цвет троянского воинства. Я и сам бы пошел, да вот моя Нелли не пустила. Но как это случилось, что и брат мой Трои́л не пошел?

Е л е н а

Где-то он тоже застрял. Но ты-то ведь знаешь, любезный Пандар.

П а н д а р

Да откуда мне знать, сладчайшая царица? Я сам жажду от кого-нибудь услышать, что с ним сегодня случится. — Так не забудь же объяснить отсутствие брата, царевич!

П а р и с

Можешь на меня положиться!

П а н д а р

Прощай, сладчайшая царица!

Е л е н а

Передай от меня привет твоей племяннице.

П а н д а р

Передам, сладчайшая царица!

(Уходит.)

Трубят отбой.

П а р и с

Трубят отбой! Идем же во дворец
Приама, чтоб приветствовать героев.
Любимая Елена! Ты должна
Снять с Гектора доспехи боевые:
Упрямые застежки лат его
Твоим прекрасным пальцам подчинятся
Охотнее, чем грубому мечу
И силе мышц неукротимых греков.
Ты, ты должна его обезоружить.

Е л е н а

Ему, Парис, я рада услужить.
Ведь если примет он мою услугу,
Вручит он этим самым и венец
Моей красе...

П а р и с

О как тебя люблю я!
Уходят.

С Ц Е Н А 2

Плодовый сад за домом Пандара.

Входят с разных сторон П а н д а р и мальчик, слуга Троила.

П а н д а р

Ну как? Где твой господин? Уж верно, у моей племянницы
Крессиды?

С л у г а

Нет, сударь, он ждет, чтобы вы его туда провели!

Входит Т р о и л.

П а н д а р

А вот и он! Ну как дела? Как дела?

Т р о и л
(слуге)

Уходи-ка отсюда.

С л у г а уходит.

П а н д а р

Ну что же? Видел ты мою племянницу?

Т р о и л

Пет, Пандар. Я слонялся у дверей,
Как тень, которая у берега Стикса
Ждет переправы. Будь Хароном мне
Ты сам: перевези меня скорее
На светлые поля, где буду я
На ложе белых лилий наслаждаться!
О Пандар! Оторви у Купидона
Сверкающие крылья — и летим
Со мной к моей Крессиде!

П а н д а р

Ты жди в саду, а я схожу за нею.
(Уходит.)

Т р о и л

Кружится голова. Воображенье
Желанную мне обещает встречу,
И я уж очарован и пленен.
Что ж станется со мной, когда вкушу я
Любви чудесный нектар! Я умру!
Лишусь сознания или обрету
Способность высшее познать блаженство,
Чья сила сладкая непостижима
Для грубых чувств и недоступна им.
Но я боюсь, что вовсе не сумею
Блаженства светлый облик распознать:
Так в битве, ничего не ощущая,
Крошит герой бегущего врага
В неистовстве.

Входит П а н д а р.

П а н д а р

Сейчас она будет готова и придет сюда. Ну, теперь не упусти случай. Она очень взволнована: вся горит и даже задыхается, как будто ее напугало привидение. Ну, я пошел за ней. И хороша же, чертовка! А сердечко-то у нее бьется как! Словно у пойманного воробушка! (Уходит.)

Т р о и л

Волнение и меня буруевает.
Как сильно бьется сердце! Мысли, чувства

В смятенъе, словно робкие вассалы
Перед лицом монарха своего.

Входят Пандар и Крессида.

Пандар

Ладно, ладно! Нечего смущаться и краснеть. Стыдливость — это ребячество. — Вот она! Скажи теперь ей самой все те красивые слова, которые говорил мне. — Да куда же ты, племянница? За тобой, оказывается, нужен глаз да глаз, пока тебя не приручишь. Иди-иди, не брыкайся, а то мы тебя взнуздаем. — А ты-то почему молчишь? — Да ну же, племянница, сними покрывало и покажись нам во всей красе. Жаль вот только, что сейчас ясный день: вы оба боитесь дневного света; будь потемней, вы бы скорее сговорились. Ну-ка, нацелься получше и не промахнись! Теперь — долгий поцелуй. Такой долгий, чтоб хороший плотник успел дом заложить. Что ж вы медлите? И место подходящее и воздух чистый! Начинайте же, пока я не разъединил вас. На то и соколы, чтобы утки не дремали. Приступайте же!

Троил

Повелительница! Увидев тебя, я забыл все слова, какие знал.

Пандар

Что слова? Словами долги не платят. Ты покажи ей дела. Но боюсь, что она лишила тебя и способности действовать, и когда дойдет дело до действий... Ну что? Еще не поладили? Не знаете, с чего начать? Так я подскажу вам, как пишут векселя: «в подтверждение того, что обе стороны взаимно...» и так далее. Войдите-ка в дом, а я принесу огонька! (*Уходит.*)

Крессида

Желаешь ли ты войти, царевич?

Троил

О Крессида! Как долго я мечтал об этом!

Крессида

Ты мечтал? Да ниспосллют тебе боги.....

Троил

Что они должны ниспослать мне? Что? Почему ты так обольстительно умолкла? Ужели моя прекрасная повелительница заметила мутный осадок в источнике нашей любви?

Крессид а

Мутного осадка больше, чем воды, если страх мой не слеп.

Троил

Страх! Да ведь ему и херувимы чудятся дьяволами! Страх всегда слеп!

Крессид а

Слепой страх, ведомый зрячим рассудком, скорее найдет верный путь, чем слепой рассудок, идущий наугад без всякого страха. Недаром говорят: побережешься, так и спасешься!

Троил

О повелительница! Не думай о страхе. В свите Купидона нет и не бывает чудовищ!

Крессид а

А что-нибудь чудовищное бывает?

Троил

Ничего чудовищного, но дикого много: например, наши слова, когда мы клянемся пролить моря слез, броситься в огонь, искрошить скалы, укротить тигров силой нашей страсти. Нам ведь кажется, что нашей повелительнице трудней выдумать для нас достаточно тяжелое испытание, чем нам это испытание выдержать. В любви, дорогая, чудовищна только безграничность воли, безграничность желаний, несмотря на то, что силы наши ограничены, а осуществление мечты — в тисках возможности.

Крессид а

Говорят, что все влюбленные клянутся совершить больше, чем они способны, что они хвастают за десятерых, а не делают и десятой доли того, что может сделать один; говорят голосом льва, а поступают как зайцы. Разве они не чудовища?

Троил

Да нет же, они не такие! Цените нас по заслугам, хвалите только за содеянное. Мы будем ходить с непокрытой головой, пока не заслужим венка. Не хвалите нас за предстоящие подвиги, не называйте заслугой то, что еще не совершено, а если оно и совершено, до поры до времени давайте ему скромное название. Я скажу мало, но искренне: Троил будет для Крессиды таким, что сама зависть сможет издеваться только над его верностью, по уж о верности Троиля я говорю верно!

Крессид а

Желаешь ли ты войти, царевич?

Возвращается П а н д а р.

П а н д а р

Как! Все еще робеете и краснеете? И все еще не договорились до дела?

Крессид а

Отныне, дядюшка, все глупости, которые я совершу, я свалю на тебя.

П а н д а р

И на том спасибо. Если у вас получится мальчик, то хлопоты о нем можешь свалить на меня. Только смотри будь верна царевичу. А если он начнет фальшивить — опять же вали все на меня!

Т р о и л

Вот залог моей любви: слово твоего дяди и моя верность!

П а н д а р

Положим, я и за ее верность поручусь. Женщины нашей породы долго упорствуют, пока за ними ухаживают, но уж раз сдадутся, то бывают верны. Между нами говоря, они как репейник: уж к кому пристанут — не оторвешь!

Крессид а

Я становлюсь смелей. Ну что ж, царевич:
Я много, много дней тебя люблю!

Т р о и л

Зачем же так горда была Крессид а?

Крессид а

Горда на вид, но я уже была
Покорена при самом первом взгляде.
Я долго не хотела говорить
Об этом, чтобы ты не стал тираном.
Но я теперь скрывать любовь не в силах:
Она сильнее меня. О нет! Я лгу!
Как дети расшалившиеся, мысли
Повиноваться мне уж не хотят.
К чему я это попусту болгаю?

Кто будет верен нам, коль так беспечно
Мы собственные тайны предаем?
Да, я люблю, но не искала встречи...
Ах, если б женщины имели право,
Которое дано одним мужчинам —
В своей любви открыто признаваться!
Любимый! Прикажи мне помолчать,
А то я увлекусь и наболтаю
Такого, в чем раскаиваться стану.
Смотри, смотри, мой друг! Твое молчанье
Заставило меня заговорить
И в слабости моей тебе признаться!
Закрой мне рот, прошу тебя, царевич!

Т р о и л
(целует ее)

Закрою, как ни сладостны слова,
Которые из этих уст исходят!

П а н д а р

Славно, ей-богу, славно!

К р е с с и д а

Прошу тебя, прости меня, царевич!
Совсем я не просила поцелуя.
Мне стыдно! Боже! Как же так случилось?
Позволь же мне, царевич, удалиться!

Т р о и л

Прекрасная, ты хочешь удалиться?

П а н д а р

Не ранее, чем завтра на рассвете.

К р е с с и д а

Прошу тебя!

Т р о и л

Но что тебя волнует?

К р е с с и д а

Я, я сама!

Троил

От самое себя
Не убежать.

Крессиде

Но я хоть попытаюсь.
С тобой ведь остается все равно
Та часть меня, чья участь — быть рабою
Твоей навек. Ах, где же разум мой?
Что говорю, уж я сама не знаю!

Троил

Кто говорит разумно, тот не может
Не знать, что говорит.

Крессиде

Но, может быть,
С тобой сейчас, царевич, я хитрила,
Чтоб выведать все помыслы твои,
Узнать — разумен ты или безумен:
Ведь быть разумным и влюбленным трудно;
Ведь даже боги любят безрассудно!

Троил

О, если б женщина была способна
Своей любви и верности светильник
От юности цветущей пронести
До старости! Чтоб красоту и свежесть
Любовь своим дыханьем возрождала.
О, если б я, любимая, поверил,
Что верность и доверчивость моя
Найдет в тебе ответ и ту же меру
Чистейшей, верной, преданной любви,—
Я чувствовал бы крылья. Но, увы!
Я верю, как ребенок, я наивен,
И верно ль верю я — не знаю сам!..

Крессиде

Я ощущаю то же, что и ты!

Троил

О, спор прекрасный двух сердец влюбленных!
Пускай клянутся именем Троила
Любовники грядущих поколений,

Твердя любимым, что они верны,
Как солнцу — травы, как луне — приливы
Магнит — железу, голубю — голубка,
Иль как земля закону тяготенья.
Когда ж запас метафор истощат,
В суть верности проникнуть не умея,
Пусть вымолвят: «Верны мы, как Тронл!» —
И этими словами увенчают
Все клятвы нежности.

К р е с с и д а

Пусть будет так!

И если я нарушу эту верность,
Пусть через много долгих, долгих лет,
Когда дожди источат стены Трон,
Когда поглотит хмурое Забвенье
Все наши города и даже царства
Могучие истлеют, превратясь
В безликий прах,— пускай живет одно
Воспоминанье о моей измене.
Клеймя измены всех неверных дев,
Пусть скажут, что была непостоянна
Я, как вода, как ветер и песок,
Коварна, как лисица или волк,
Хватающий невинного ягненка,
Как леопард, который ловит лань,
Бесчувственна, как мачеха! Пускай,
Клеймя измену, говорят с презреньем:
«Коварна, как Крессида!»

П а н д а р

Пу вот и хорошо! Сговорились, кажется! Теперь только приложить печать, печать обязательно. А я буду свидетелем. Протяни руку, царевич.— Дай твою руку, племянница. Если только вы когда-нибудь друг другу измените, после того как я положил столько сил, чтобы свести вас,— пусть до самого конца мира всех злосчастных, незадачливых сводников зовут Пандарами, всех неверных мужчин — Тронлами, а всех коварных женщин — Крессидами. Аминь.

Т р о н л

Аминь!

К р е с с и д а

Аминь!

П а н д а р

Аминь! А теперь я проведу вас в комнатку; там есть ложе. А чтобы оно не болтало о ваших встречах — давите его изо всех сил! Идем!

Пусть Купидон пошлет всем скромным девам то же:
Посредника, и комнатку, и ложе!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Греческий лагерь.

Трубы. Входят Агамемнон, Улисс, Диомед, Нестор, Аякс,
Менелай и Калхас.

К а л х а с

Великие мужи! Приспело время
Просить у вас за все, что я свершил,
Достойную награду. Прозревая
Грядущее, покинул Троию я,
Оставил дом и все свое богатство,
Изменника название заслужил
И этим навсегда себя обрек
Сомнительной судьбе, всего лишившись —
Друзей, родных, и почестей, и сана,
Всего того, к чему давно привык.
Отныне делу вашему служу я
И, словно только что на свет родился,
Всему и всем я чужд и незнаком.
Но вас теперь я слезно умоляю
Мне дать хотя бы часть награды той,
Которую вы щедро обещали.

А г а м е м н о н

Чего ж ты хочешь? Говори, троянец!

К а л х а с

Вчера захвачен пленник — Антенор.
Сей Антенор троянцам очень дорог.
Уже не раз вы делали попытки, —
За что вам приношу благодаренье, —
Мою Крессида получить взамен
Какого-нибудь пленника; но Троя
Все эти предложенья отклоняла.

Однако же потеря Антенора
Троянцам нанесла такой урон,
Что ничего они не пожалеют,
Чтоб получить его. Уверен я:
Взамен его они отдать могли бы
Любого из Приамовых сынов.
Верните же троянцам Антенора,
Чтоб дочь мою Крессида получить,
И это я приму как награждение
За все мои услуги.

Агамемнон

Диомед!

Тебя я отправляю за Крессидой.
Просимое Калхасу отдадим.
Устрой же сей обмен как подобает
И сообщи, что, если поединка
Желает Гектор, то Аякс готов!

Диомед

Все выполню. Горжусь, что доверяют
Мне это бремя!

Диомед и Калхас уходят.

Из шатра выходят Ахилл и Патрокл.

Улисс

Ахилл стоит у своего шатра!
Вот если б нам пройти спокойно мимо,
Не бросив даже взгляда на него,
Как будто мы о нем не помышляем!
Я сзади всех пойду. Меня, наверно,
Он спросит, почему небрежны с ним.
Тогда я поднесу ему лекарство
Насмешки над чужим высокомерьем
И собственной спесивостью его.
Охотно выпьет он питье такое
И, может быть, в чужом высокомерье,
Как в зеркале, увидит облик свой.
Коленопреклоненьем — все мы знаем —
Мы чванству только цену набавляем.

Агамемнон

Совет неплох: последуем ему.
Пусть каждый, на Ахилла не взглянув,
Пройдет надменно или еле-еле

Ему кивнет,— а это для него
Еще обидней! Следуйте ж за мною!

А х и л л

Как! Вы опять пришли? Ведь я сказал,
Что против Трон больше не сражаюсь.

А г а м е м н о н

Что говорит он? Он о чем-то просит?

Н е с т о р

(Ахиллу)

С царем желаешь ты поговорить?

А х и л л

Нет!

Н е с т о р

Государь, он ни о чем не просит!

А г а м е м н о н

Не просит? Что ж! Тем лучше для него.

Агамемнон и Нестор уходят.

А х и л л

Эй, добрый день!

М е н е л а й

Да, добрый... Да, да, да...

(Уходит.)

А х и л л

Э! Рогоносец, кажется, смеется?

А я к с

Ну как, Патрокл?

А х и л л

Аяксу добрый день!

А я к с

Э?

А х и л л

Добрый день, я говорю, Аяксу.

Аякс

И завтра тоже будет добрый день.
(Уходит.)

Ахилл

Да что они — Ахилла не узнали?

Патрокл

Прошли-то как надменно! А бывало,
Улыбками, поклонами встречали,
Едва не становились на колени,
Как в храме!

Ахилл

Полно! Как же это так?

Да разве стал я жалок или беден?
Мы знаем, что покинутых Фортуной
И люди покидают. О своем
Паденье мы в глазах друзей читаем
Скорей, чем сами чувствуем его.
Все люди — мотыльки и только летом
Легко порхают. Не умеем чтить
Мы в человеке просто человека:
Мы почитаем лишь его почет,
Его богатство, славу, положение,
Не думая, как это все случайно!
Чуть поскользнешься — и любовь людская
Теряет равновесие мгновенно
И умирает падая. Но я
С Фортуной дружен. Всем я обладаю,
Чем до сих пор по праву владел.
Так что ж могли они во мне заметить,
Дающее им право пересгать
Ко мне с почтеньем прежним относиться?
Но вот идет Улисс, читая что-то.
Его спрошу я. — Как дела, Улисс?

Улисс

Дела идут, великий сын Фетиды!

Ахилл

А что читал ты?

Улисс

Да один чудак

Мне пишет, будто внутренне и внешне

Богато одаренный человек
Тогда лишь качества свои познает,
Когда они других людей согреют
И возвратятся с отраженной силой
К источнику.

А х и л

Да это так и есть!
Ведь даже красоту свою познать
Мы можем, лишь увидев отраженной
В глазах других. И даже самый глаз
Не может, несмотря на совершенство
Строения, видеть самого себя.
Но если глаз глаза других встречает,
В глазах других читает он привет.
Ведь и познание не в себе самом,
А в том, что познает, черпает силу.

У л и с с

Я с этой мыслью спорить не хочу,
Но автор доказать еще стремится,
Что будто человек не управляет
Своими совершенствами, пока
Их не применит на других, что будто
Не знает вовсе он себе цены,
Пока его другие не оценят
Достойной похвалой, подобно своду,
Что отвечает на любые звуки,
Или подобно стали, что приемлет
Тепло и свет, но отражает сразу
И облик солнца и его тепло.
Я поразился этим рассуждением,
Задумался — и мне на ум пришел
Непризнанный Аякс.
О небо, небо! Что за человек!
Подумать только! Вот иной на вид
Смешон и туп — а сколько в нем сокрыто!
Меж тем иной, согласно чтимый всеми,
На деле-то не стоит ни гроша.
Но завтра случай все решит: быть может,
Прославленным Аякса назовут.
Иные действуют, иные дремлют;
Иной Фортуне лишь потехой служит,
Иной, глядишь, пробрался к ней в чертог!
У гордеца урвать кусочек счастья

Не трудно, ежели гордец беспечен.
Уж и теперь угрюмого Аякса
Стремится каждый по плечу похлопать,
Как будто он уж придавил ногой
Грудь доблестного Гектора и Трои
Разрушил.

А х и л л

На меня уж и не смотрят.
Прошли, как мимо нищего. Пожалуй,
Забыли все, содеянное мной!

У л и с с

Есть страшное чудовище, Ахилл,—
Жестокое Забвенье. Собирает
Все подвиги в суму седое Время,
Чтоб их бросать в прожорливую пасть:
Забвенье все мгновенно пожирает.
Разумный муж хранит и чистит славу,
Как панцирь, а не то она ржавеет,
Но ржавый панцирь только для потехи
Пригоден. Будь же бдителен, Ахилл!
Узка тропинка Славы: рядом с нею
Один лишь может об руку идти.
Не уступай дороги, ибо Зависть
Имеет сотни сотен сыновей,
И все за Славой гоняся; а если
Уступишь место или отойдешь —
Все ринутся, как волны в час прилива,
Тебя оставив позади.
Так, ежели убит скакавший первым
Горячий конь, то задние ряды
Его затопчут. Новые деянья
Былые постоянно заслоняют.
Ведь Время, как хозяин дальновидный,
Прощаясь, только руку жмет поспешно,
Встречая ж — в расprostертые объятья
Пришедших заключает. Слово «здравствуй»
Улыбчиво, а тихое «прощай»
Уныло. Забываются легко
Былая доблесть, красота, отвага,
Высокое происхождение, сила,
Любовь и дружба, доброта и нежность.
Все очернит завистливое Время
И оклеветает. Люди разных стран

Равны в одном: им дорого и любо
Все новое, хоть новое и лепят
Из старого. Ценнее и дороже
Нам позлащенной глины черепок,
Чем золото, измазанное глиной.
Мы ценим только то, что глаз прельщает.
Не удивляйся ж ты, великий муж,
Что греки начинают чтить Аякса.
Маячит он у всех перед глазами
И тем замечен. Ведь и о тебе
Кричали много и кричали б снова,
Когда б ты заживо не схоронил
Себя, да и свою былую славу.
О, не твои ль деяния недавно
Богов подвигли на соревнованье,
Заставив Марса в бой вступить?

А х и л л

Но я

Не без причины удалился.

У л и с с

Верно.

Однако много доводов за то,
Чтоб ты не удалялся. Уж известно,
Что в дочь Приама ты влюблен.

А х и л л

Да ну?

Кому ж известно?

У л и с с

Зоркому вниманью

Тех, кто умеет каждую крупицу
Сокровищ всех Плутоновых учесть,
Измерить все глубины океанов,
Проникнуть в суть и зарождение мыслей.
Божественную сущность государства
Не описать ни словом, ни пером.
Ее законами никто не вправе
Пренебрегать. Твои сношенья с Троей
Затрагивают и тебя и нас.
Ведь, сам ты понимаешь, подобает
Ахиллу победить не Поликсену,
А Гектора. Ведь даже юный Пирр
Смутится духом, коль пойдет молва

И станут петь все греческие девы:
«Ахилл сestroю Гектора пленен,
Зато Аяксом Гектор побежден!»
Прощай! Я говорю, тебя жалея:
Уж лед трещит под тяжестью твоею!
(Уходит.)

П а т р о к л

И я, Ахилл, о том же говорю:
Как женщинам нахальным, так мужчицам
Изнеженным — не велика цена.
Я знаю, мне приписывают часто,
Не склонному к воинственным забавам,
Что будто я стараюсь удержать
Тебя своей любовью! Разомкни же
Игривые объятья Купидона,
Как лев росинки стряхивает с гривы.

А х и л л

Так с Гектором Аякс пойдет сражаться?

П а т р о к л

Да, и стяжает славу, может быть!

А х и л л

Так, значит, честь моя уязвлена?

П а т р о к л

Когда самих себя мы уязвляем,
Лечение трудно. Всякая беспечность
К опасности дает все полномочья
Опасности, разящей в ясный день
Того, кто праздно греется на солнце.

А х и л л

Иди зови Терсита, милый друг!
К Аяксу я шута отправлю с просьбой
Сюда троянцев знатных пригласить
Без боевых доспехов после битвы.
Как женщина, сгораю я желаньем
В одежде мирной Гектора узреть,
Наговориться с ним и наглядеться
На лик его. — Да вот и сам Терсит!
Отлично! И ходить за ним не нужно!

Входит Терсит.

Терсит

Пу и чудеса же творятся!

Ахилл

В чем дело?

Терсит

Да вот Аякс шляется по полю и сам с собой разговаривает!

Ахилл

Это еще что?

Терсит

А то, что завтра он должен выйти на поединок с Гектором, и он уж заранее так возгордился, предвкушая эту героическую потасовку, что пришел в неистовство и болтает чепуху.

Ахилл

Как же это так?

Терсит

А вот так! Выступает как павлин: то постоит, то опять пройдет. Бормочет что-то про себя, как трактирщица, когда та в уме что-нибудь подсчитывает, не прибегая к счетам. Кусает губы с глубокомысленным видом, словно и в самом деле полагает, будто у него в голове что-то есть. Оно-то, впрочем, конечно, так: кое-что есть. Но ум в его голове все равно как огонь в кремне: пока не стукнешь как следует — не увидишь! Да, пропал парень! Совсем пропал! Если он не свихнет себе шею в этом поединке с Гектором, так он сам свихнется от дурацкой спеси. Меня он теперь и узнавать не желает. Я ему говорю: «Здорово, Аякс!» — а он мне в ответ: «Спасибо, Агамемнон!» Ну что можно сказать о человеке, который меня принял за нашего вожда? Чудище какое-то: ни рыба ни мясо. Даже речи складной нет. Черт бы побрал это самое общественное мнение: его и так и сяк можно приспособить, и наизнанку можно носить, как кожаную одежду!

Ахилл

Ты должен отправиться к нему послом от меня, Терсит!

Терсит

Кто? Я? Да он никому не отвечает. Он так прямо и заявил, что разговоры — это удел попрошайек, а он умеет разговаривать

только кулаками. Сейчас я вам его изображу: пускай Патрокл обратится ко мне с каким-нибудь вопросом — и вы увидите Аякса как живого.

А х и л л

Ну, что ж, Патрокл, подойди и скажи ему: я покорнейше прошу доблестного Аякса пригласить достойнейшего Гектора прийти в мой шатер без оружия, а также прошу достать для особы Гектора охранную грамоту от шестижды-семижды прославленного правителя и вождя греков, Агамемнона. И далее в том же духе. Начинай!

П а т р о к л

Благословение Юпитера великому Аяксу!

Т е р с и т

Угу!

П а т р о к л

Я пришел к тебе от славного Ахилла.

Т е р с и т

Эге!

П а т р о к л

Он покорнейше просит тебя пригласить Гектора в его шатер...

Т е р с и т

Угу!

П а т р о к л

И добыть ему охранную грамоту от Агамемнона...

Т е р с и т

Агамемнона?

П а т р о к л

Да, мой повелитель!

Т е р с и т

Эге!

П а т р о к л

Каков будет твой ответ?

Т е р с и т

Да спасут тебя боги! От всего сердца...

П а т р о к л

Мне нужен ответ, сударь.

Т е р с и т

Если завтра выдастся славный денек, то к одиннадцати часам все уже будет известно. Так или иначе, он мне дорого заплатит.

П а т р о к л

Мне нужен ответ, сударь.

Т е р с и т

Желаю успеха! От всего сердца!

А х и л л

Да неужто он в таком состоянии?

Т е р с и т

Нет, он не в состоянии, а именно не в состоянии что-либо соображать. Это полнейшее расстройство. Тут уж и настраивать нечего: все вразброд. То-то будет музыка, если Гектор крепко стукнет его по башке! А может, и никакой музыки не будет? Вот разве что скрипач Аполлон наделает из его жил струн для своей скрипки.

А х и л л

Ладно! Ты просто отнесешь ему письмо.

Т е р с и т

Дай-ка, я отнесу другое к его лошади: она сообразительнее.

А х и л л

Мой разум помутился, как поток
Бурлящий. Дно я разглядеть не в силах!

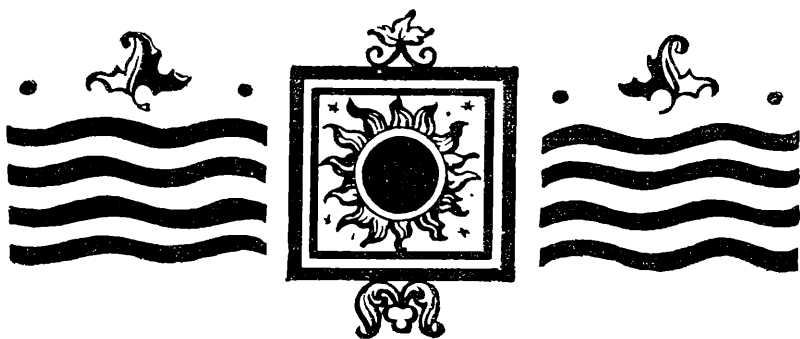
Ахилл и Патрокл уходят.

Т е р с и т

Эх, кабы поток твоего разума стал снова чистым: я мог бы хоть осла в нем выкупать! Нет, уж лучше быть овечьей вошью, чем таким доблестным невеждой!

(Уходит.)

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Троя. Улица.

Входят с одной стороны Эней и его слуга с факелом, с другой стороны — Парис, Деифоб, Антенор, Диомед и другие греки с факелами.

П а р и с

Кто там идет?

Д е и ф о б

Эней высокородный.

Э н е й

Ужели сам Парис передо мной?
Будь у меня такая же причина
Залеживаться долго — сами боги
Меня бы с ложа не могли похитить.

Д и о м е д

Вот это верно! Добрый день, Эней!

П а р и с

Эней! Приветствуй доблестного грека
И расскажи о том, как Диомед
Преследовал тебя на поле боя
Немало дней.

Эней

Привет! Цвети, герой,
И здравствуй в час беспечный перемирья.
Но в битве, если встретишься со мной,
Скажу: погибни смертью самой черной!

Диомед

Прими ж и от меня привет ответный.
Пока течет спокойно наша кровь,
Желаем мы друг другу процветанья;
Но в битве буду я, как злой охотник,
Безжалостно преследовать тебя.

Эней

И будь уверен: льва ты повстречаешь
И пасть его увидишь! Но теперь
Приветствую тебя как гостя в Трое.
Клянусь Анхизом и рукой Венеры,
Что вряд ли кто врага любил так сильно
И так давно мечтал его сразить!

Диомед

Как это верно! Боги! Если меч мой
Эней своею смертью не прославит,
Пусть он живет десятки сотен лет;
Но, если суждено ему погибнуть
От моего меча, пусть смертью храбрых
Погибнет завтра ж от несчетных ран!

Эней

О, как мы славно сходимся во мнениях!

Диомед

Но и в сражение мы сойдемся славно!

Парис

Вот самый неприветливый привет
И самая враждебная любовь!
Зачем, Эней, ты поднялся так рано?

Эней

Царь звал меня. Зачем — еще не знаю.

Парис

Ты должен в дом Калхаса с этим греком
Пойти и там прекрасную Крессиду

Ему отдать в обмен за Антенора.
Идем же вместе. Или, может быть,
Вперед идти ты хочешь? Мне сдается,
Что брат Троил почует там сегодня,—
Так разбуди его и расскажи
Ему о цели нашего прихода.
Боюсь, он будет нам не рад!

Э н е й

Конечно.

Охотней Трою он бы отдал грекам,
Чем дочь Калхаса — Трое.

П а р и с

Изменить

Ничто не в силах горькое стечение
Событий. Так идем же поскорей!

Э н е й

Прощайте все. Иду, иду, царевич!
(Уходит вместе со слугой.)

П а р и с

Скажи мне, благородный Диомед,
Правдиво, честно, как сказал бы другу;
Кто все-таки достойнее Елены —
Я или Менелай?

Д и о м е д

Достойны оба.

Он тем, что ищет вновь ее вернуть,
Изменою ее пренебрегая,
Ты — тем, что удержать ее стремишься,
Не замечая, что она бесчестна,
Ценой страданий и затрат несметных,
Ценой потери доблестных друзей.
Он рад, рогатый, выпить все подонки,
Которые останутся в сосуде;
Ты, сладострастник, на развратном ложе
Готов зачать наследников своих!
Вы, со своей распутницею вместе,
Друг друга стоите, сказать по чести!

П а р и с

Ты дочь своей отчизны не щадишь!

Диомед

Она ведь не щадит своей отчизны!
За каплю каждую порочной крови
В ее развратном теле отдал жизнь
Троянец или грек. Поверь, царевич:
За жизнь свою произнесла едва ли
Блудница эта больше добрых слов,
Чем пало добрых за нее голов!

Парис

Прекрасный Диомед! Ты, как торговец,
Порочишь то, что покупать задумал.
Но мы благоразумно помолчим:
Расхваливать товар мы не хотим.
Идем же, друг!

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Двор перед домом Пандара.
Входят Трои и Крессида.

Трои

Рассвет холодный, милая: уйди!

Крессида

Любимый, только дядю позову я,
Чтоб отпер он калитку.

Трои

Не тревожь
Его напрасно. Ляг! Пусть сон смежит
Прекрасные глаза и принесет
Забвенье, как беспечному ребенку.

Крессида

Но утро так прекрасно.

Трои

Ляг, усни!

Крессида

Уж ты со мной скучаешь?

Т р о и л

О Крессиде!

Когда бы петухи крикливым пеньем
И жаворонки день не разбудили,
Прогнав нас укрывающую ночь,
Я не ушел бы.

К р е с с и д а

Ночь была короткой.

Т р о и л

Она, колдунья, мпится бесконечной
Больным и страждущим, а из объятий
Любви летит скорей крылатой мысли.
Но уходи: ты можешь простудиться!

К р е с с и д а

Ах, не спеши! Всегда спешат мужчины!
Когда б тебя я дольше отвергала,
Сегодня не спешил бы ты.— Но кто там?

П а н д а р

(из дома)

Зачем все двери настежь?

Т р о и л

Дядя твой!

К р е с с и д а

Ах, что за наказание! Он отравит
Мне жизнь теперь насмешками своими.

Входит П а н д а р.

П а н д а р

Ну как дела? Почему нынче девственность? Скажи-ка, милал,
где тут моя племянница Крессиде?

К р е с с и д а

Отстань! Несносна мне твоя шутливость.
Ты сам меня до этого довел!

П а н д а р

До этого? До чего же? — До чего? Ну-ка, скажи, до чего я
тебя довел?

Крессид а

Ты сам негодник и других смущаешь,
И все вокруг стремишься загрязнить.

П а н д а р

Хи-хи! Ах ты, бедняжка! Несчастливая моя курочка! Ты сегодня не выпалась! Видно, он, негодяй, не давал тебе спать. Ах, медведь его задави!

Стук в ворота.

Крессид а

Вот так тебя по голове бы стукнуть!
Кто там явился, дядя, посмотри-ка.—
А ты пока войди ко мне, любимый!
Чего же ты смеешься, словно я
Тебе сказала что-нибудь плохое.

Т ро и л

Ха-ха!

Крессид а

Нет, понял ты меня превратно!

Снова стук.

Ах, как они стучат. Прошу тебя,
Войди, чтоб здесь тебя не увидали!

Т ро и л и Крессид а уходят.

П а н д а р

(идет к двери)

Кто там? Что случилось? Чего вы ломитесь? В чем дело, я спрашиваю, что случилось?

Входит Эней.

Эней

Привет тебе, о благородный Пандар!

П а н д а р

Как! Это ты, Эней? Клянусь богами,
Что не узнал тебя! Какие вести?

Эней

Троил царевич здесь?

П а н д а р

Как! Здесь Троил? А что ему здесь делать?

Э н е й

Друг, не скрывай: он здесь, я это знаю.
Ему на пользу будет наша встреча.

П а н д а р

Да неужто он здесь? Ей-богу, я не подозревал этого. Я ведь вернулся поздно и ничего не знаю. Но зачем бы ему здесь быть?

Э н е й

Напрасно ты отпираешься. Ты только вредишь ему этим. Знаешь, иная преданность бывает хуже предательства. Ты, конечно, можешь и не подозревать, что он тут, но все-таки советую тебе пойти за ним!

Входит Т р о и л.

Т р о и л

В чем дело? Что случилось?

Э н е й

О царевич!

Я так спешу, что не могу достойно
Приветствовать тебя. За мною следом
Парис, и Деифоб, и Антенор,
Из плена возвращенный; с ними грек,
Прекрасный Диомед. За Антенора
Ему должны мы возвратить сегодня
Крессида.

Т р о и л

Кто решение это вынес?

Э н е й

Приам и все великие мужи.
Они сейчас придут сюда, царевич.

Т р о и л

Как горько я за счастье заплатился!
Я встречу их! Но ты, Эней, меня
Не видел здесь. Мы встретились случайно.

Эней

Не беспокойся! Тайны я умею
Хранить надежней, чем сама природа.

Троил и Эней уходят.

Пандар

Да возможно ли это? Только что схватил и уже упустил! Черт бы побрал этого Антенора! Царевич теперь с ума сойдет. Чума задави этого Антенора! Хоть бы он себе шею свернул.

Входит Крессида.

Крессида

Что, что случилось? Кто тут был сейчас?

Пандар

Ах! Ах!

Крессида

Чего ты так вздыхаешь? Где царевич?
Скажи мне, милый дядя, что случилось?

Пандар

Ах, провалиться бы мне сквозь землю!

Крессида

О боги! Да что же случилось?

Пандар

Прошу тебя, уходи! Ах, зачем ты только на свет родилась! Я как будто знал, что ты будешь причиной его смерти. Ах, несчастный юноша! Ах, задави чума этого Антенора!

Крессида

О дядя, на коленях умоляю,
Скажи мне, что случилось?

Пандар

Тебя возьмут от нас, голубушка! Тебя возьмут от нас! Тебя уже обменяли на Антенора. Ты отправишься к своему отцу и оставишь Троила, а для него это — гибель, смерть. Он этого не вынесет.

Крессида

Клянусь богами — не уйду отсюда!

П а н д а р
Но ты должна!

К р е с с и д а
Нет, нет! Я не хочу!
Отца забыла я. Родство по крови
Мне не родство. Троиц дороже мне
Всех близких и родных. О боги, боги!
Пусть именем Крессиды называют
Измену, если я его покину!
Ни время, ни насилие, ни смерть,
Мое терзая тело, не сумеют
Любовь сломить и уничтожить в нем.
Как центр земли, она всего основа!
О, горе мне! Пойду страдать и плакать!

П а н д а р
Да, да! Иди!
К р е с с и д а

Я буду щеки нежные царапать,
Рвать волосы и голос надрывать!
Пусть сердце разорвется, призывая
Троица. Нет! Я не покину Трои!
(Уходит.)

С Ц Е Н А 3

Перед домом Пандара.

Входят Парис, Троиц, Энея, Деифоб, Антенор и Диомед.

П а р и с
Уж близится назначенное время,
Когда должны мы доблестному греку
Ее вручить. Мой милый брат Троиц,
Пойди скажи Крессиде благородной
Об этом и ее потороши.

Т р о и л
Войдите в дом. Я приведу ее
И греку передам. Но ты запомни:
Троиц, твой брат, как жрец, в минуту эту
Приносит в жертву собственное сердце.

П а р и с

Я знаю, что испытываешь ты.
Мне жаль тебя, но я помочь не в силах.—
Войдемте в дом, друзья, прошу вас всех!

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Комната в доме Пандара.
Входят П а н д а р и К р е с с и д а.

П а н д а р

Умерь свою печаль, умерь стеванья!

К р е с с и д а

К чему слова? Что я могу умерить?
Моя печаль могуча и безмерна,
Остра, сильна, как самая причина,
Родившая ее. Могу ль умерить
Такую боль? Когда бы силу чувства
Могла я сделать, как питье, прохладней,
Тогда б и боль была не так остра.
Но нет! Ничем я страсти не умерю:
Огромна боль, огромна и потеря!

Входит Т р о и л.

П а н д а р

Ах, вот он! Голубкѣ вы мои бедненькие!

К р е с с и д а

О Троил, Троил! *(Обнимает его.)*

П а н д а р

Вот это любовь! Залюбуешься, право! Дайте-ка, я тоже обниму кого-нибудь из вас. Как это в песне-то хорошо сказано:

Ах, бедное сердце, зачем вздыхать?
Тебе разорваться впопору!

А оно отвечает:

Ничто мою боль не сможет унять:
Ни жалость, ни уговоры!

Чудесный стишок! Вот уж что верно, то верно — всякий пустяк может пригодиться, даже такой стишок. Ну, как, ягнятки мои?

Т р о и л

Крессида, я люблю тебя одну!
Я прогневил богов: хвалу бессмертным
Твердили холодно мои уста,
Когда тобою сердце пламенело,—
За это боги разлучают нас!

К р е с с и д а

Ужели боги завистью страдают?

П а н д а р

Да-да, конечно! Это очевидно!

К р е с с и д а

Так, значит, я должна покинуть Трою?

П а н д а р

Увы и ах!

К р е с с и д а

Как! И Троила тоже?

П а н д а р

И Трою и Троила.

К р е с с и д а

Невозможно!

Т р о и л

Да, мы должны немедленно расстаться.
Судьба нам даже не дает отсрочки
И грубо нас растаскивает прочь,
Мешая нам в последнем поцелуе
Соединить уста; объятья наши
Насильно размыкает, заглушая
Последние обеты двух сердец.
Мы, тысячами нежных вздыханий
Купившие друг друга, отдаем
Теперь друг друга дешево, поспешно,
Единым вздыханьем проводив.
Как вор, спешит безжалостное время
Награбленное кое-как упрятать.

Все наши вздохи, клятвы, поцелуй,
Которых больше, чем на небе звезд,
Оно сжимает, душит, превращает
В короткое «прощай», как подаянье,
Оставив нам лишь поцелуй безвкусный,
Приправленный жестокой солью слез.

Э н е й
(из дома)

Пора и в путь. Готова ли Крессида?

Т р о и л
Тебя зовут. Так смерть кричит, наверно,
Свое «иди» страдальцам обреченным.
Пусть подождут. Она сейчас придет.

П а н д а р
Да где же мои слезы? Лейтесь, слезы, лейтесь, пожалуйста,
чтобы унять эту бурю, а не то ведь и мое сердце можно вырвать
с корнем! (*Уходит.*)

К р е с с и д а
Так ухожу я к грекам?

Т р о и л
Да, к несчастью!
К р е с с и д а

Крессиде горестной — к веселым грекам?
Когда же вновь мы свидимся, любимый?

Т р о и л
Будь только ты верна мне! Будь верна!

К р е с с и д а
Ужель во мне ты можешь сомневаться?

Т р о и л
Нет, это не тревога подозренья.
Я говорю: «Будь только ты верна» —
Не потому, что я боюсь измены.
Я брошу вызов смерти, утверждая,
Что сердцем ты прекрасна и чиста.
Я говорю: «Будь только ты верна» —

Чтоб этим укрепить упорство веры,
Что свидимся мы вновь.

К р е с с и д а

О мой любимый!

Опасностям себя не подвергай
И твердо верь, что я тебе верна.

Т р о и л

С опасностями я уже сроднился.
Возьми, рукав — залог моей любви!

К р е с с и д а

А ты — перчатку. Так когда же встреча?

Т р о и л

Я подкуплю всю греческую стражу,
Чтоб ночью, друг мой, посетить тебя!
Но будь верна!

К р е с с и д а

Опять — «верна»? Зачем
Ты это повторяешь?

Т р о и л

Дорогая!

Стройны, красивы молодые греки,
Природою одарены богато,
Притом умеют развивать искусно
Природные дары. Всегда влечет
Нас новое. Увы! Я знаю — ревность
Внушает мне тревогу; но пойми,
Что это грех простибельный.

К р е с с и д а

О боги!

Не любишь ты меня!

Т р о и л

Да будь я проклят,

Коль это так! Не в верности твоей
Я выразил сомнение, а в своих
Достоинствах: я не умею петь,
Отплясывать ла-вольт, сладкоречиво
Беседовать, затейных игр не знаю,—

А греки все в таких делах искусны.
Но в этих совершенствах несомненно
Таится дьявол, искушая нас.
О, не поддайся этим искушениям!

К р е с с и д а

Ужель ты сомневаешься во мне?

Т р о и л

Нет, но порою против нашей воли
Мы демонами для себя самих
Являемся и обуздать не в силах
Ни слабостей, ни склонностей своих.

Э н е й
(из дома)

Царевич!

Т р о и л

Поцелуемся, простимся!

П а р и с
(из дома)

Троил, мой брат!

Т р о и л

Иди сюда, Парис!
Пускай Эней и грек войдут с тобою.

К р е с с и д а

А ты, любимый, будешь ли мне верен?

Т р о и л

Я буду ль верен? Верность ведь порок,
Мне свойственный. Не хитростью лукавой,
А верностью своей и простотой
Известен я. Пусть медные короны
Себе другие пышно золотят,
А мой венец лишь верностью украшен.
Не бойся, друг мой! Я таков уж есть:
Мне свойственны лишь простота и честь.

Входят Эней, Парис, Антепор, Деифоб и Диомед.

Т р о и л

Привет мой Диомеду! Вот Крессида,
За Антенора отданная грекам.
Ее тебе вручу у врат троянских.
Храни ее, о достойный грек,
И помни: если встретимся мы в битве,
Крессиды имя сделает священным
Тебя и жизнь твою, как самого
Приама в Илионе.

Д и о м е д

Не спеши

Благодарить, прекрасная Крессида,
Царевича. Краса твоих очей
Тебе охраной служит. Диомеду
Как госпожа приказывай отныне!

Т р о и л

Ты, грек, со мною обошелся грубо,
Пренебрегая просьбою моею
И вознося Крессиды красоту.
Но знай — она превыше всех похвал,
Ты недостойн быть ее слугою.
Нет, это я тебе повелеваю:
Храни ее, не то, клянусь Плутоном,
Будь даже сам Ахилл тебе охраной,
Тебе я горло перережу.

Д и о м е д

Полно,

Троил, не горячись! Ведь я посол:
Моя особа неприкосновенна.
Поговорим мы позже, но запомни,
Что никого я слушать не привык
И сам я по достоинству сумею
Крессиду оценить. Тебе ж мой нрав
Велит сказать открыто: ты неправ!

Т р о и л

Что ж, подождем. Но в битве, Диомед,
За эти речи ты мне дашь ответ. —
Дай руку мне, Крессида. Близок час.
Поговорим с тобой в последний раз.

Т р о и л, Крессида и Диомед уходят.
Слышен звук трубы.

П а р и с

Чу! Это Гектора труба!

Э н е й

Я слышу.

Он будет упрекать меня, наверно:

Я обещал его опередить.

П а р и с

Троил тому виной. Идем скорее.

Д е и ф о б

Да, пужно приготовиться и нам.

Э н е й

Как молодой жених, с веселым пылом

За Гектором вослед мы поспешим.

Сей день решит судьбу и славу Трои:

Коль он герой, то все мы с ним герои.

Уходят,

С Ц Е Н А 5

Греческий лагерь. Поле поединка.

Входят Аякс, вооруженный; Агамемнон, Ахилл, Патрокл,
Менелай, Улисс, Нестор и другие.

А г а м е м н о н

Ты свеж и бодр, и ты сюда явился,

Опережая время. Разбуди же,

Аякс бесстрашный, Трою звуком трубным.

Пусть самый воздух, страхом потрясенный,

Противника великого зовет

На место боя.

А я к с

(*трубачу*)

Вот мой кошелек!

Труби, каналья, чтобы медь трубы

Надулась, чтобы легкие трещали!

Труби, упруго щеки раздувая,

Как ярый Аквилон! Пусть лопнет грудь,

Пусть брызнет крови ток из глаз твоих —
Труби, труби! Ты Гектора зовешь!

Звук трубы.

У л и с с

Никто не отвечает.

А х и л л

Слишком рано.

А г а м е м н о н

Что это? Диомед и дочь Калхаса?

У л и с с

Да, это он; я узнаю походку:
Он на носки ступает, ибо духом
Всегда стремится к небу вознестись.

Входят Диомед и Крессида.

А г а м е м н о н

Ответствуй мне, Крессида ль это?

Д и о м е д

Да!

А г а м е м н о н

Приветствую прекрасную Крессиду!

Н е с т о р

Тебя наш царь поцеловать желает.

У л и с с

Но он пока один тебя целует,
А мы бы рады все поцеловать.

Н е с т о р

Разумно и учтиво. Так начну я:
Сей поцелуй от Нестора прими.

(Целует ее.)

А х и л л

Позволь Ахиллу с уст твоих прелестных
Стереть холодный старца поцелуй!

Менелай

И я когда-то целовался тоже!

Патрокл

(становится между Менелаем и Крессидой и целует ее)

Но кончилась теперь твоя пора:
Парис предерзкий отнял, торжествуя,
Твои права — и право поцелуя.

Улисс

Его рога мы шуткой золотим,
Но из-за них мы жизни не щадим!

Патрокл

Был первый поцелуй за Менелая,
Второй же — за меня.

(Вторично целует ее.)

Менелай

Ну, ты того...

Патрокл

Парис и я — целуем за него.

Менелай

Ну нет, свой поцелуй и сам возьму я.

Крессиде

Возьмешь иль дашь? Чего-то не пойму я.

Патрокл

Возьму и дам.

Крессиде

Нет, вовсе не хочу я:
Несравненно наши поцелуи.

Менелай

Три за один тебе я обещаю.

Крессиде

Я равноценное предпочитаю.

М е н е л а й

Да что ж? Ужель я не чета другим?

К р е с с и д а

Ты не чета Парису, ясно мне:
Ты стал нечетным по его вине.

М е н е л а й

Царапнула!

К р е с с и д а

Случайно, может быть.

У л и с с

Нет, ноготком рога не повредить.
Прекрасная! Прошу о поцелуе!

К р е с с и д а

Проси.

У л и с с

Его я жажду.

К р е с с и д а

Так проси же.

У л и с с

Клянусь Венерой. Поцелую сам,
Когда Елена возвратится к нам.

К р е с с и д а

Так я должница. Поцелуй за мной.

У л и с с

Далек и день и поцелуй такой.

Д н о м е д

Прекрасная Крессиды, нам пора.

(Уходит вместе с Крессидой.)

Н е с т о р

Ну и развязна ж!

У л и с с

Не терплю таких.
Что говорят ее глаза и губы
И даже ноги? Ветреность во всех
Ее движениях нежных и лукавых.
Противна мне и резвость языка,
Любому открывающая сразу
Путь к самым тайникам ее души.
Как стол, накрытый для гостей случайных,
Она добыча каждого пришельца.

Звук трубы.

В с е

Труба троянца!

А г а м е м н о н

Вот они идут.

Входят Гектор, Эней, Трои́л и другие знатные троянцы
со свитой.

Э н е й

Привет вам, гордость Греции! Обсудим,
Как наградить того, кто победит,
И что считать победою. Должны ли
Противники сражаться до конца,
Иль поединок прекратим сигналом
Каким-либо условным? Это Гектор
Велел спросить.

А г а м е м н о н

А сам он как желает?

Э н е й

Он примет все условия охотно.

А х и л л

Я Гектора повадку узнаю:
Заносчив он и слишком презирает
Противника.

Э н е й

Ты, кажется, Ахилл
По имени?

Ахилл

Ну да, Ахилл, конечно.

Эней

Так вот, Ахилл, отныне твердо помни:
С великим он велик, а с малым — мал.
Он доблестен и горд неизмеримо.
Взвесь истинную цену слов моих:
Не гордость это, а скорей учтивость.
Аякс — наполовину нашей крови, —
И Гектор наш, сразиться собираясь
С полутроянцем, искренне решил
Употребить лишь половину сил.

Аякс

Хитро! Так поединок будет плевый!

Входит Диомед.

Агамемнон

А вот и Диомед, наш славный воин.
Ты за Аякса обсуди с Энеем
Условия: до смерти ли сражаться
Героям, или до потери сил?
Противники не зря единой крови,
Их мир уже пред боем наготове!

Аякс и Гектор занимают место для боя.

Улисс

Они готовы! Можно начинать.

Агамемнон

Кто сей троянец, столь печальный с виду?

Улисс

Приама младший сын, отличный воин,
Годами юн, но смел и верен слову;
Он не речист, зато делами славен,
Не дерзок он, но дерзких не прощает;
Он прямодушен, щедр и сердцем чист;
Все, чем богат, отдаст, что мыслит — скажет;
Он низости не терпит никакой,
Но разумом страстей не умеряет;
Как Гектор, смел, но Гектора опасней:

В пылу сражения нередко Гектор
Щадит бессильных,— этот же в сраженье
Ужасен, как любовник оскорбленный.
Его зовут Троилом и вторым
Героем после Гектора считают,—
Так в Илионе мне сказал Эней,
Который знает юношу отлично.

Трубы.

Гектор и Аякс сражаются.

Агамемнон

Сражаются!

Нестор

Теперь держись, Аякс!

Троил

Будь бдительнее, Гектор!

Агамемнон

Он метко бьет! Так-так, Аякс, отлично!

Диомед

Достаточно.

Трубы умолкают.

Эней

Дадим сигнал отбоя!

Аякс

Нет, рано! Я еще не распалился!

Диомед

Как пожелает Гектор.

Гектор

Что ж! Довольно!

Ты мне родня, ты сын сестры Приама,
И нам родство по крови запрещает
В соревнованье нашем допустить
Исход кровавый. Если б мы могли
Сказать о каждой части тела: вот
Та целиком троянская рука,
Та — греческая; кровь отца течет
В одной щеке, зато в другой струится
Кровь матери-троянки! Видят боги —

Все греческие мышцы и суставы
Отведали бы моего меча.
Но праведные боги запрещают,
Чтоб пролил я хотя бы каплю крови,
Меня роднящей с матерью твоей!
Нет! Не хочу я осквернить свой меч!
Дай, обниму тебя, Аякс любезный!
Клянусь Юпитером: твоя рука
Сильна. Так потряси ж рукою этой
Мое руку, брат!

Аякс

Спасибо, славный Гектор.
Я вижу — ты и доблестен и добр!
Ведь я пришел сюда с одною мыслью —
Тебя убить и этим похвалиться!

Гектор

Пу нет! Ведь даже сам Нептолем
Едва ли Гектора сразить мечтает,
Хотя над ним давно сияет слава,
Провозглашая: «Вот он! Вот герой!»

Эней

И греки и троянцы ожидают
Вестей о поединке.

Гектор

Мы ответим:
Мы обнялись, и все. Прощай, Аякс!

Аякс

Когда б мои желанья уважались,
Я пожелал бы, чтобы Гектор славный
Как гость в шатрах у греков побывал.

Диомед

И Агамемнон и Ахилл желают
Тебя увидеть, Гектор, без доспехов.

Гектор

Эней! Проси прийти сюда Троила,
А между тем пошли троянцам весть
О радостном исходе поединка.—

Дай руку мне, Аякс! Идем на пир!
Я рад увидеть греческих героев.

Аякс

Сам Агамемнон вышел к нам навстречу.

Гектор

Ты всех мне поименно назови.
Ахилла по замашкам и по росту
Отменному узнать довольно просто.

Агамемнон

Приветствую тебя, о враг могучий,
От коего избавиться мечтал я!
Но не пойми слова мои превратно:
Пусть все, что предстоит, и все, что было,
Поглотит в этот день река забвенья.
Пусть одна лишь дружба торжествует.
Передаем тебе, великий Гектор,
От сердца к сердцу искренний привет.

Гектор

Благодарю, великий Агамемнон!

Агамемнон

(Троилу)

Привет тебе, достойный сын Приама!

Менелай

Позвольте мне, воинственные братья,
Привет царя и брата повторить.

Гектор

С кем говорю я?

Эней

С Менелаем славным.

Гектор

А, это ты? Спасибо. Я клянусь
Железной дланью Марса, как клянется
Венерой бывшая твоя супруга,
Что хорошо живется ей. Тебе же
Нет от нее привета.

М е п е л а й

Замолчи!

Не поминай при мне ты это имя
Проклятое!

Г е к т о р

Прости, я виноват.

Н е с т о р

Тебя, троянец смелый, видел часто
Я в битве. Ты прокладывал свой путь,
Как пламенный Персей, ковы пришпорив
Фригийского, но, равнодушный к славе,
Не опускал ты своего меча
На головы поверженных тобою.
И часто я с восторгом восклицал:
«Вот это — сам Юпитер, жизнь дающий!»
Видал я также, как во время битвы,
Когда тебя кольцом теснили греки,
Ты, как борец на олимпийских играх,
Спокойно отдыхал. Лицо твое
Всегда закрыто было сталью шлема —
Теперь тебя без шлема лицедею.
Твой дед со мной сражался. Был он смел,
Но, поклянусь владыкой нашим Марсом,
Его с тобой равнять я не могу.
Позволь же заключить тебя в объятия!
Добро пожаловать, достойный воин!
Привет от старца!

Э н е й

Это древний Нестор!

Г е к т о р

Я рад тебя обнять, о летописец!
Ты об руку со временем идешь
Уже давно, о достолавный Нестор!

Н е с т о р

С тобой я рад бы силой состязаться,
Как состязаюсь тонкостью ума.

Г е к т о р

Ну что же, я не прочь!

Нестор

Ха-ха! Клянусь
Моей седой бородой, что завтра ж
Померялись бы мы, когда б я мог.

Улисс

Как странно мне, что могут стены Трои
Стоять, когда у нас ее основа.

Гектор

Известно мне, Улисс, твое витийство!
Ах, сколько пало греков и троянцев,
С тех пор как я увидел в Илионе
Послами Диомеда и тебя!

Улисс

Я предсказал тогда, что ожидает
Нас всех. Мои пророчества сбылись
Еще наполовину. Стены Трои
И башни, возносящиеся гордо
До неба, в прах повергнутся.

Гектор

Не верю!

Они пока стоят надежно. Кровью
За каждый наш фригийский камень грекам
Придется заплатить. Я знаю: время
Рассудит всех. Конец венчает дело,
И он придет.

Улисс

Оставим же ему
Решенье, храбрый, достославный Гектор!
Пока проследуй к нашему вождю,
А после загляни и в мой шатер.

Ахилл

Нет, дорогой Улисс, ко мне он прежде
Придет.— О Гектор! Я тобой люблюсь!
Я жадно весь твой облик изучаю,
Чтоб наизусть тебя запомнить, Гектор!

Гектор

Кто это говорит? Ахилл?

Ахилл

Ахилл!

Гектор

Так подойди! Дай разглядеть тебя!

Ахилл

Смотри же влать!

Гектор

Уже я насмотрелся.

Ахилл

Не слишком скоро ль? Я вот, как барышник,
Тебя еще разглядывать готов.

Гектор

Разглядывай, читай меня, как книгу
О доблестях. Но многого, пожалуй,
Ты не поймешь. Ну что ж ты так упорно
Уставился?

Ахилл

О, укажите, боги,
Какое место в этом сильном теле
Мне поразить, чтоб Гектора убить?
Хочу я знать, где будет эта рана?
Где эта брешь, отверстие, откуда
Дух Гектора великого уйдет?

Гектор

Бессмертные, на твой вопрос ответив,
Унизили б себя. Молчи, гордец!
Не думаешь ли ты, что так уж просто
Обдумать и найти надежный способ
Меня сразить?

Ахилл

Да, думаю. И что же?

Гектор

Будь ты оракулом, вещая это,
И то б я не поверил. Берегись!

Уж я тебя убью, не обсуждая,
Куда ударить! Дивным шлемом Марса
Клянусь тебя всего изранить в битве! —
Простите, греки мудрые, что словом
Заносчивым сорвал он с уст моих
Ответ надменный; но слова делами
Я подтверждаю.

Аякс

Мой брат, не горячись! —
Свои угрозы вы оставьте оба.
Случайно иль намеренно, в бою
Сойдетесь вы, имей лишь ты желанье. —
Но я боюсь, тебя уж не допустят
Сражаться с Гектором.

Гектор

Так что ж, Ахилл?
Коль ты не прочь — давай сойдемся в поле!
С тех пор как ты покинул дело греков,
Сражаться не с кем мне.

Ахилл

Ты просишь, Гектор, —
Так завтра насмерть мы с тобою бьемся;
А нынче мы друзья.

Гектор

Что ж, по рукам!

Агамемнон

Вас, Греции великие мужи,
Прошу в шатер: все вместе попируем;
А там, коль это Гектору и вам
Приятно, — попирует он и с каждым
Из вас отдельно. — Бей же, барабан!
Играйте, трубы, громче! Славный воин
Высокой встречи воинской достоин!

Все, кроме Троила и Улисса, уходят.

Троил

Улисс высокородный, умоляю,
Скажи мне — где находится Калхас?

У л и с с

В шатре, где Менелай живет, царевич.
Сегодня с ним пирует Диомед;
Он нынче не на землю, не на небо
Восторга полный устремляет взор,
А только на красавицу Крессиду.

Т р о и л

А ежели тебя я попрошу,
Когда мы с Агамемноном простимся,
Туда пойти со мной?

У л и с с

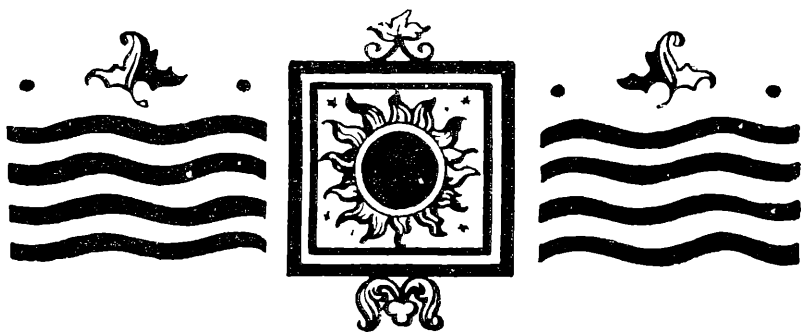
Готов, царевич!
А ты мне Расскажи, кого Крессиды
Оставила в стенах великой Трои,
Какой любовник там о ней томится?

Т р о и л

Смешон нам тот, кто хвастается раной
Глубокою. Веди меня, Улисс!
Она любима, любит и страдает,
Но жадный рок злосчастную терзает!

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Греческий лагерь; перед шатром Ахилла.

Входят Ахилл и Патрокл.

А х и л л

Я ночью греческим вином согрею
Ту кровь, что меч мой завтра охладит.
Патрокл! Мы угостим его на славу!

П а т р о к л

А вот Терсит.

Входит Терсит.

А х и л л

Ну что, нарыв злоречья?
Что, пень трухлявый, новости какие?

Т е р с и т

Да вот тебе письмо, идол идиотопоклонников, тебе, блестящая пустышка, письмо!

А х и л л

Откуда, жалкое подобие образа человеческого?

Т е р с и т

Из Трои, воплощение глупости, из Трои.

П а т р о к л

Ну как там Гектор у Агамемнона? Небось ты в шатер и не прорвался?

Т е р с и т

Именно так: тер, тер, а не прорвался. Так всегда бывает, когда чирей нарываает.

П а т р о к л

Ловко сказано, Невзгода. Но к чему все эти выкрутасы?

Т е р с и т

Да замолчи ты, мальчишка. Нечего мне с тобой толковать. Разве ты мужчина? Так, прислужница Ахиллова ложа...

П а т р о к л

Что? Я — прислужница Ахиллова ложа? Это еще что такое?

Т е р с и т

Ну — наложница мужеского пола, если это тебе понятнее. Этакая противоестественная мразь! Да нападут на вас все распроклятые немочи, да поразят вас все катарры, подагры, боли в пояснице, грыжи, ломота в суставах, обмороки, столбняки, параличи! Да вытекут ваши глаза, да загноятся у вас и печень и легкие, да сведет вам и руки и ноги!

П а т р о к л

Чего ты ругаешься, чертова перечница?

Т е р с и т

А разве я ругаю тебя?

П а т р о к л

Нет, куцый огрызок, нет, непотребный сукин сын!

Т е р с и т

Нет, так что ж ты так растревожился, вонючий шматок шерсти, гнойная глазная повязка, рукава от жилетки! Эх, ты! И почему это мир переполнен такой мошкаррой, такой мелюзгой, умаляющей величие природы!

П а т р о к л

Вон отсюда, желчный пузырь!

Терсит

Ах ты, тухлое яйцо!

Ахилл

Патрокл, любезный друг мой, не хочу я
Принять участие в завтрашнем бою.
Вот у меня посланье от Гекубы
И дочери ее — моей любимой,
И обе со слезами умоляют,
Чтоб клятву я сдержал. Я не могу
Ее нарушить. Пусть погибнут греки!
Я славою своей не дорожу,
Но эту клятву честно я сдержу.
Идем, Терсит, шатер украсим мой:
Сегодня ночью будет пир горой! —
Идем, Патрокл!

Ахилл и Патрокл уходят.

Терсит

Да! Крови много, а мозгу мало; не диво, что эти молодчики спят! Вот кабы они спятили от избытка мозга и нехватки крови, так я, пожалуй, сам сумел бы их вылечить! Возьмем Агамемнона... Что ж! Он человек порядочный, только бабочек любит... Мозгу-то у него, впрочем, тоже не больше, чем серы в ушах. А вот его братец — забавная разновидность Юпитера: подлинный бык на цепочке. Рогоносец из рогоносцев! Ну что могло получиться из ума, нашпигованного злостью, и злости, приправленной умишком? Только осел. Но это бы еще ничего, да ведь он еще и вол! И это бы еще ничего! Но он вдобавок полуосел и полувол. Нет, я охотней соглашусь быть мулом, собакой, кошкой, хорьком, жабой, ящерицей, совой, коршуном, вяленой селедкой — чем угодно, только не Менелаем. Нет! Кабы судьба сделала меня Менелаем, я бы взбунтовался. Ну чем бы я хотел быть, не будь я Терситом? Во всяком случае, лучше уж быть вошью в тряпье прокаженного, чем Менелаем! Ого! Сюда приближаются какие-то блуждающие огни!

Входят Гектор, Троиц, Аякс, Агамемнон, Улисс, Нестор,
Менелай и Диомед с факелами.

Агамемнон

С пути мы сбились.

Аякс

Нет, вдали огни.

Гектор

Я причинил вам хлопоты.

Аякс

Пустое!

Улисс

Да вот Ахилл дорогу нам укажёт!

Входит Ахилл.

Агамемнон

Теперь прощай, прекрасный сын Приама!

Аякс тебя погом проводит сам.

Гектор

Спокойной ночи, повелитель греков!

Спасибо!

Менелай

Доброй ночи, славный воин!

Гектор

Прощай и ты, сладчайший Менелай!

Терсит

Ну уж и сладчайший! Нашел к чему применить словёчко.
Сладчайшая помойка! Сладчайший сток для нечистот!

Ахилл

Желаю доброй ночи уходящим!

Приветствую пришедших!

Агамемнон

Так прощай!

Агамемнон и Менелай уходят.

Ахилл

Ты, древний Нестор, с юным Диомедом
Побудьте с Гектором часок-другой.

Диомед

О нет! Я занят делом неотложным
И не могу опаздывать никак.—
Прощай, великий Гектор.

Гектор

Дай мне руку.

Улисс

(тихо, Троицу)

Пойдем за факелом его, и он
Нас прямо приведет к шатру Калхаса.

Троил

От всей души спасибо.

Гектор

Доброй ночи!

Диомед уходит; Улисс и Троил следуют за ним.

Ахилл

Идемте же, идемте в мой шатер!

Ахилл, Гектор, Аякс и Нестор уходят.

Терсит

Этот Диомед лицемер и проныра. Самый бесчестный плут из всех, кого я знаю. Я верю его лъстивости не больше, чем шипению змеи. На обещания он не скупится, как брехливая собака, но коли он хоть одно исполнит, так это уж такое чудо — вроде знаменья, — что впору астрологам предсказывать! Нет, уж скорее Луна станет светить, как Солнце, чем Диомед сдержит хоть одно свое обещание. Я, пожалуй, откажусь от удовольствия посмотреть на Гектора, но этого плута выслежу. Говорят, у него завелась какая-то троянская тварь, и шатер изменника Калхаса прикрывает их делишки. Пойду-ка следом. Ведь подумать только: везде разврат! Везде распутники! (Уходит.)

СЦЕНА 2

Там же. Перед шатром Калхаса.

Входит Диомед.

Диомед

Эй, кто тут есть? Отвечайте!

Калхас

(из шатра).

Кто там?

Диомед

Я — Диомед, а ты как будто Калхас? Но где же твоя дочка?

Калхас
(из шатра)

Опа сейчас к тебе выйдет.

Входят Трои и Улисс; останавливаются в отдалении; за ними
Терсит.

Улисс

Стань так, чтоб факел нас не осветил.

Входит Крессида.

Троил

Она! К нему?

Диомед
Питомице — привет!

Крессида

Мой милый опекун, одно словечко!

(Шепчет ему на ухо.)

Троил

Так сблизилась!

Улисс

Опа играет глазками с первым встречным!

Терсит

Опа играет, и на ней любой может играть: лишь бы ключ был!

Диомед

Так помни!

Крессида

Помню, помню, будь спокоен!

Диомед

Смотри же, чтоб дела не расходились
С твоими мыслями.

Т р о и л

Что ж это она должна так запомнить?..

У л и с с

Тите! Слушай!

К р е с с и д а

Ах, милый грек, не соблазняяй меня!

Т р о и л

О, подлость!

Д и о м е д

Ну, а все же?

К р е с с и д а

Нет, не надо.

Д и о м е д

Пу, хоть словечко. Что ты так боишься!

К р е с с и д а

Нет... не могу... Чего же хочешь ты?

Т е р с и т

Совсем безделицы: уединиться!

Д и о м е д

Но ты ведь поклялась, что ты исполнишь!

К р е с с и д а

Ах, не лови меня на этой клятве,
Прекрасный грек! Чего-нибудь другого
Проси.

Д и о м е д

Прощай.

Т р о и л

О, я молчать не в силах!

У л и с с

Ну, что, троянец, скажешь?

К р е с с и д а

Диомед!

Ди о м е д

Нет-нет, прощай: меня не одурачишь.

Т р о и л

Она дурачит лучшего, чем ты!

К р е с с и д а

Одно словечко на ухо.

Т р о и л

Проклятье!

У л и с с

Царевич, ты расстроен. Удалимся,
Прошу тебя. Твой гнев растет и может
Ужасными словами разразиться.
Опасно здесь. Уйдем же, умоляю!

Т р о и л

Нет, подождем, прошу тебя.

У л и с с

Довольно!

Уйдем. Ты вне себя. Уйдем, царевич!

Т р о и л

Нет, подожди.

У л и с с

Но ты себя не сдержишь.

Т р о и л

Нет, подожди. Клянусь мученьем ада,
Ни слова не скажу!

Ди о м е д

Так доброй ночи!

К р е с с и д а

Ты сердишься как будто?

Т р о и л

А тебя
Печалит это, жалкое созданье?

У л и с с

Сдержи себя, царевич!

Т р о и л

О Юпитер!
Да, я сдержу себя.

К р е с с и д а

Ах, опекун мой!

Д и о м е д

Нет-нет, прощай: уж больно ты хитришь.

К р е с с и д а

Да нет же, не хитрю я. Подойди же!

У л и с с

Ты весь дрожишь, царевич. Уходи!
Ты вне себя.

Т р о и л

Вот по щеке его
Погладила.

У л и с с

Идем, идем со мною.

Т р о и л

Нет, подожди. Юпитером клянусь:
Ни слова не скажу я. Как плотина,
Терпенье встало пред моей обидой.
Еще немного подождем.

Т е р с и т

Ведь как этот бес сладострастия щекочет их своим жирным
хвостом и распутными пальцами! — Смелей, паскудники, смелей!

Диомед

Согласна ты?

Крессиде

Да, можешь мне поверить!

Диомед

Так подари мне верности залог.

Крессиде

Сейчас.

(Уходит.)

Улисс

Смотри, ты клялся все стерпеть.

Троил

Не бойся; я не чувствую себя:

Уж я не я, а лишь одно терпенье.

Входит Крессиде.

Терсит

Ну-ка! Где залог? Ну-ка! Ну-ка!

Крессиде

Вот, Диомед, дарю тебе рукав.

Троил

А где же клятва верности?

Улисс

Царевич!

Троил

Я все стерплю. Я не подам и виду.

Крессиде

Его залог! Ах, как меня любил он!

Изменница!.. О нет! Верни его!

Диомед

Да чей он?

К р е с с и д а

Чей бы ни был — он опять
В моих руках. Нет, не хочу я встречи
С тобою, Диомед. Оставь меня.

Т е р с и т

Тонкая игра! Браво! Это не женщина, а бритва!

Д и о м е д

Я отниму.

К р е с с и д а

Его?

Д и о м е д

Да-да, его!

К р е с с и д а

О боги! О залог любви бесценный!
Хозяин твой не спит и размышляет
И о тебе и обо мне, вздыхая,
Мою перчатку поднося к губам,
Как я тебя целую.— Только с сердцем
Моим ты у меня возьмешь залог!

Д и о м е д

Я сердце раньше взял, теперь — залог.

Т р о и л

Поклялся я, что все стерплю спокойно.

К р е с с и д а

Нет, Диомед, ты не возьмешь залога.
Я дам тебе другое что-нибудь.

Д и о м е д

Но чей он? Чей?

К р е с с и д а

Не все ль тебе равно?

Д и о м е д

Нет, полно, ты признаешься мне, чей он.

К р е с с и д а

Любившего меня сильнее, чем ты.
Ты взял его. Бери же.

Д и о м е д

Чей же он?

К р е с с и д а

Клянусь тебе Дианы светлой свитой,
И ей самой его не назову я.

Д и о м е д

Так завтра сей залог на шлем надену,
Чтоб сразу подарившего найти.

Т р о и л

Будь ты хоть дьявол сам и на рогах
Носи залог мой — вызову тебя!

К р е с с и д а

Пусть говорят: что было, то прошло;
Я слово данное беру обратно.

Д и о м е д

Прощай же! С Диомедом шутки плохи!

К р е с с и д а

Нет, погоди. Зачем же так легко
Ты сердишься?

Д и о м е д

Я не люблю глумленья!

Т е р с и т

И я, клянусь Плутоном, но, вернее,
Я не люблю глумленья над собою,
А вообще — люблю.

Д и о м е д

Так что ж, мне приходить?

Крессида

Приди, о боги!
Приди, хотя меня замучит совесть.

Диомед

Итак, прощай, до встречи.
(Уходит.)

Крессида

Приходи же!
Троилу вслед один мой глаз глядит,
Другим же глазом страсть руководит.
О слабый пол! Все наши заблужденья
Зависят от игры воображенья.
Наш ум глазам подвластен, потому
Никто не верит женскому уму.

(Уходит.)

Терсит

Еще разумнее она б сказала,
Признавшись, что распутницею стала!

Улисс

Все кончено.

Троил

Да, все.

Улисс

Так что ж стоишь ты?

Троил

Хочу я закрепить в душе моей
Все слышанное мною, слог за слогом.
Я вспоминаю разговор их нежный,
И думается мне, что это сон.
Еще осталась в сердце искра веры,
Еще надежда силится упрямо
Оспаривать свидетельство ушей
И глаз моих. Ведь и они нередко
Клевещут и обманывают нас.
Крессида ль здесь была?

Улисс

Я не умею,
Царевич, привиденья вызывать!

Т р о и л

Нет, это не она.

У л и с с

Увы, она!

Т р о и л

Нет, не она. Ведь я в своем уме?

У л и с с

И я в уме. Но здесь была Крессида.

Т р о и л

Нет, именем всех женщин я клянусь
И честью наших матерей — не верю!
Я не хочу поддаться клевете
Постыдной: ведь, Крессиду опозорив,
Всех женщин опозорю я! Не верю!

У л и с с

Но разве наших матерей она
Позорит?

Т р о и л

Нет, ведь это не она!

Т е р с и т

Он собственным глазам уже не верит.

Т р о и л

Нет, я не верю. То была другая,
То Диомедова была Крессида!
О, если красота имеет сердце,
А сердце клятвы свято соблюдает,
А клятвы соблюдать нас учат боги,
И если есть во всем закон и смысл,—
Так это не она. О, я безумен!
С самим собою спорить я готов.
Все двойственно, и восстает мой разум
На самого себя, неутомимо
Твердя одно: нет, это не Крессида!
В душе моей великая борьба:
Как сгранно неделимое двоится,
Становится и небом и землей;

Но так неуловимо их различье,
Что даже тонкой нитью Арахней
Нельзя его в пространстве обозначить.
О, верю, верю! Как врата Плутона,
Сознание непреложно, что с Крессидой
Я связан как бы узами небес.
О, знаю, знаю: ныне эти узы
Разорваны, растоптаны, разбиты;
Теперь она сама из их обрывков
Искуснейшими пальцами своими
Связала новый тоненький шнурочек,
Чтоб к Диомеду привязать себя.

У л и с с

Троил достойный! Даже вполонину
Страдать, как ты страдаешь, тяжело.

Т р о и л

Да, грек! И боль свою запечатлеть
Кровавыми хочу я письменами,
Пылающими, словно сердце Марса,
Зажженное Венерой! Никогда
Никто, нигде так не любил, как я!
Крессиду так же страстно я люблю,
Как страстно Диомеда ненавижу.
Он мой рукав на шлем себе нацепит.
Но, будь тот шлем самым Вулканом сделаю,
Его разрубит меч мой. Дикий ветер,
Который называют ураганом,
Столб воздуха, сгущенный ярим солнцем,
Несется, поражая слух Нептуна,
Не столь стремительно, как ярый меч мой,
Который Диомеда поразит!

Т е р с и т

Уж взгреет он его за похотливость!

Т р о и л

Моя Крессида лжива! Лжива! Лжива!
Любое вероломство чище этой
Измены злой!

У л и с с

Сдержи себя, царевич.
Твой страстный гнев вниманье привлечет.
Входит Э н е й.

Э н с й

Я целый час ищу тебя, царевич.
В доспехах Гектор. Он собрался в Трою.
Аякс готов вас проводить обоих.

Т р о и л

Иду, иду! — А ты, мой друг, прощай!
Прощай, змея-изменница! А вот
Грек пусть башку свою побережет!

У л и с с

Я провожу тебя.

Т р о и л

Прощай. Спасибо.

Уходят.

Т е р с и т

(выступает вперед)

Эх, вот бы мне повстречать этого пройдоху Диомеда! Я бы покаркал над ним, что твой ворон, напророчил бы ему беду! А, пожалуй, Патрокл мне что-нибудь даст, если я расскажу ему об этой шлюхе: он таких любит, как попугай — миндальные косточки. Распутство и разбой, разбой и распутство — это всегда в моде! Ах, припеки их дьявол в самое уязвимое место. *(Уходит.)*

С Ц Е Н А 3

Троя. Перед дворцом Приама.

Входят Гектор и Андромаха.

А н д р о м а х а

Ужели мой супруг настолько гневен,
Чтобы моим молениям не внимать?
Сними доспехи! В битву не ходи!

Г е к т о р

Молчи, не то могу тебя обидеть!
Уйди! Клянусь богами: я решил.

А н д р о м а х а

Недобрый сон я видела сегодня.

Гектор

Молчи, я говорю.

Входит Кассандра.

Кассандра

Где брат мой Гектор?

Андромаха

Он здесь, сестра моя! Он рвется в бой.
О, станем на колени перед ним,
Чтоб вял он просьбам нашим и молениям:
Тревожный сон всю ночь меня томил
Скоплением смутным призраков кровавых.

Кассандра

О, то был вещий сон!

Гектор

Трубите, трубы!

Кассандра

Не надо, брат мой, заклинаю небом!

Гектор

Уйди, сестра! Богами я поклялся!

Кассандра

Но боги глухи к неразумным клятвам
Разгневанных: так порченная печень
Лишь оскверняет жертвоприношение.

Андромаха

О мой супруг! Нельзя считать священным
Деянье, причиняющее вред!
Ведь если мы добытое разбоем
На дело милосердия отдаем,
Мы злого дела тем не искупаем.

Кассандра

Обетов сила в их разумном смысле;
Бессмысленность их крепости лишает.
Сними доспехи, Гектор!

Гектор

Замолчи!

Наперекор судьбе, во имя чести
Пойду я. Жизнь всем людям дорога,
Но лучшим людям — честь дороже жизни.

Входит Троиц.

Что, юноша? И ты решил сражаться?

Андромаха

Кассандра, пусть отец его попросит!

Кассандра уходит.

Гектор

Нет, юный брат мой, ты сними доспехи:
Сегодня я сражаться буду сам.
Пока твои не укрепятся мышцы,
Превратностей войны не ищущай.
Ты храбр, мой брат, и можешь быть героем,
Но нынче я один сражусь за Троию.

Троиц

Брат, за тобой один порок я знаю,
Присущий больше льву, чем человеку.

Гектор

Что ж, назови его, мой милый брат.

Троиц

Когда твой славный меч на павших греков
Как ураган обрушиться готов,
Ты говоришь врагу: «Вставай! Живи!»

Гектор

Но это ж честно!

Троиц

Это глупо, Гектор!

Гектор

Что, что сказал ты?

Троиц

Да, клянусь богами!

Пусть жалостливы матери седые;

Но мы, когда в доспехах мы, должны
Лишь месть нести на поднятых мечах,
Безжалостно искореняя жалость.

Гектор

Но это дикость!

Троил

Это суть войны!

Гектор

Троил, не должен ты сражаться нынче.

Троил

А кто меня посмеет удержать?
Ни рок, ни Марса длань и жезл горящий,
Ни матери Гекубы, ни отца
Коленопреклоненного рыданья,
Ни ты, мой славный брат, своим мечом —
Никто остановить меня не в силах,
Одна лишь смерть.

Входят Кассандра и Приам.

Кассандра

О, удержи его, Приам, отец мой!
Он посох твой! Опору ты теряешь,
А ты — опора Трои, и с тобою
Все рушится!

Приам

Подумай, сын мой Гектор!
Жене и матери твоей приснилось
Недоброе. Сестра твоя вещает
Недоброе, и сам я здесь, томимый
Предчувствием, к тебе сейчас взываю:
Не уходи!

Гектор

Эней давно уж в поле.
Послал я вызов грекам. Честь моя
Велит сегодня утром мне явиться
Пред ними!

Приам

О мой сын, не уходи!

Гектор

Нет, не могу нарушить слово я,
Отец любимый! О, не принуждай
Меня презреть сыновнее почтение!
Ты сам меня пошли и отпусти,
О царственный Приам!

Кассандра

Не отпускай!

Андромаха

Не отпускай его, отец любимый!

Гектор

Меня ты рассердила, Андромаха!
Коль дорог я тебе, так уходи!

Андромаха уходит.

Троил

А эта суеверная девчонка
Своими снами всполошила всех,
Безумная!

Кассандра

Прощай любимый Гектор!
О, ты уж мертв! Твой взор уже затмился,
И кровь течет из страшных ран твоих!
Как Троя плачет! Как вопит Гекуба,
Как страшно Андромаха голосит!
Повсюду плач и дикое смятение;
Все, как безумные, себя не помня,
Кричат: «Он умер! Гектор, Гектор умер!»

Троил

Довольно! Прочь отсюда!

Кассандра

Я уйду!

Прощай же, Гектор. Меч уж занесен:
Падешь и ты и славный Илион!

Гектор

Отец, не слушай слов ее безумных,
Ободри всех, скажи, что бранной славой
Нас озарит сегодня бой кровавый.

Приам

Прощайте, дети. Да хранят вас боги!

Приам и Гектор уходят в разные стороны.

Тревога.

Троил

Вот, началось! Ну, Диомед, гордец,
Теперь-то мы сочтемся наконец!

Входит Пандар.

Пандар

Посгой, постой, царевич!

Троил

Что такое?

Пандар

Да вот письмецо пришло тебе от одной бедной девочки.

Троил

Дай, я прочту.

Пандар

Ох, проклятая чахотка! Подлая сучья чахотка вконец меня замучила. Да еще огорчает меня несчастная судьба этой девочки. Ох-ох-ох! Не то, так другое будет-таки причиной моей смерти. Видишь: у меня и глаза стали слезиться, а в костях такая дьявольская ломота — просто не знаю, что и подумать. Ну, так что ж она там пишет?

Троил

Слова, слова, слова — а сердца нет!

(Разрывает письмо.)

А дело обстоит совсем иначе.

Слова на ветер, и письмо — на ветер.

Меня словами в заблуждение вводит,

А для другого нежный час находит!

Троил и Пандар уходят в разные стороны.

СЦЕНА 4

Поле между Троей и греческим лагерем.
Тревога. Стычки.

Входит Терсит.

Терсит

Вот это так сцепились! Пойду-ка посмотрю поближе. Этот наглый пройдоха Диомед привязал-таки себе на шлем рукав влюбленного троянского молокососа. Вот бы посмотреть, как они встретятся! Вот кабы молодой троянский осел, влюбленный в шлюху, отколошматил этого сластолюбивого греческого паскудника так, чтобы тот вернулся к своей распутнице ни с чем в полном смысле слова! Да! Впрочем, и хитрости всех остальных мудрых пройдох тоже гроша медного не стоят. Нестор весь прогнил, как изъеденный мышами сыр, а Улисс — помесь пса с лисицей. Натравил ублюдка Аякса на такого же кобеля — Ахилла; а теперь один кобель важничает перед другим. Аякс не желает сегодня сражаться, и греки по этому случаю решили отбросить всякие тонкости и вести себя, как варвары! Здорово!

Входят Диомед и преследующий его Троиц.

Троиц

Стой! Не беги! Ведь даже в волны Стикса
Я брошусь за тобою!

Диомед

Не бегу я!

Я только отступил, чтобы сражаться
В удобном месте, от толпы подальше.
Ну что ж, троянец, нападай! Держись!

Терсит

Держись, держись за свою потаскушку, грек; и ты за свою, троянец! Эй, рукав, рукав!

Троиц и Диомед уходят сражаясь.

Входит Гектор.

Гектор

Эй, кто ты, грек? Ты с Гектором сразиться
Достоин ли по крови и по званью?

Терсит

Нет-нет, куда там. Я бедный прохвост, паршивый зубоскал, грязный проходимец.

Гектор

Я верю этому. Тогда — живи!

(Уходит.)

Терсит

Да благословят тебя боги за то, что ты мне поверил, но за то, что напугал меня, желаю тебе сломать шею. Однако надо бы раз-
узнать, что случилось с теми двумя развратниками. Они ведь, пожа-
луй, проглотят один другого. То-то бы я посмеялся такому чуду!
Хотя это и не чудо вовсе. Похоть всегда сама себя пожирает.
Пойду-ка поищу их! *(Уходит.)*

СЦЕНА 5

Другая часть поля сражения.

Входят Диомед и слуга.

Диомед

Скорей возьми Троилова коня
И отведи его к моей Крессиде.
Скажи, что я красе ее служу.
Влюбленного троянца уничтожив,
Я буду рыцарем ее теперь.
Иди скорей!

Слуга

Иду. мой господин!

Входит Агамемнон.

Агамемнон

Вперед! Смелей! Жестокий Полидам
Поверг Менона, а Маргарелон
Ублюдок в плен Дорея захватил;
С копьем стоит он каменным колоссом
Над трупами поруганных царей
И Кедия и Эпистропа; ранен
Наш Поликсен; Фоад и Амфимах
Смертельно ранены; Патрокл, наверно,
Убит или пленен, а Паламед
Истерзан страшно; яростный Стрелец
Внушает ужас грекам. — Диомед!
Спешим на помощь, или все погибнут!

Входит Нестор.

Нестор

Патрокла труп Ахиллу отнесите
И пристыдите увальня Аякса.
Смотрите, Гектор носится как вихрь:
То смело скачет на коне Галафе,
То, спешившись, сражается в строю —
И греки разбегаются, как стаи
Пугливых рыб от мощного кита;
То он, как жнец, в другом конце сраженья
Срезает греков — и они ложатся,
Как спелые колосья под серпом.
Везде и всюду Гектор возникает,
Губя и милую. Он увлечен
Настолько, что способен все что хочет
И даже невозможное свершить.

Входит Улисс.

Улисс

Смелей, смелей, воители! Ахилл
Вооружился. Он отмстить клянется
За смерть Патрокла. Он рычит и плачет.
Он увидел, как Гектор изувечил
Злосчастных мирмидонцев: без носов,
Без рук они вернулись с поля боя.
Аякс, лишившись друга, обезумел;
Как бешеный, оружием потрясая,
Троила ищет он. Троил сегодня
Неслыханные подвиги свершил.
Он жизнью рисковал неустрашимо,
И счастье, вопреки его безумству,
Ему давалось в руки.

Входит Аякс.

Аякс

Трус, трус Троил! Эй, где ты?

Дномед

Вот он! Вот он!

Нестор

Идемте все туда.

Входит Ахилл.

А х и л л

Где Гектор, где?
Убийда слабых! Где ты? Покажись!
Узнаешь ты, каков Ахилл во гневе!
Где Гектор? Гектор! Гектора ищущу я!

Уходят.

С Ц Е Н А 6

Другая часть поля сражения.

Входит Аякс.

Аякс

Троил! Где трус Троил? Да выходи же!

Входит Диомед.

Диомед

Где, где Троил?

Аякс

А что тебе?

Диомед

Его

Хочу я проучить.

Аякс

Ну нет, не выйдет!

Я уступил бы, будь я полководцем,
Всю власть тебе, но только не Троила.
Эй, где Троил?

Входит Троил.

Троил

Остановись, предатель,

И за коня мне жизнью заплати.

Диомед

Ах, ты нашелся!

Аякс

Диомед, ни с места!

Я, я один хочу сразиться с ним.

Диомед

Нет, я не уступлю: он мой по праву.

Троил

Так нападайте ж оба, хвастунишки!

Уходят сражаясь.

Входит Гектор.

Гектор

Ага, Троил! Отлично, молодец!

Входит Ахилл.

Ахилл

Ах вот ты где! Так нападай же, Гектор!

Гектор

Передохни сперва.

Ахилл

Противна мне

Заботливость твоя, троянец дерзкий!

Я понимаю — на руку тебе

То, что в бездействии я долго пробыл

И притупил оружие свое.

Но скоро ты меня узнаешь; ныне ж

Иди, куда идешь.

Ахилл уходит.

Гектор

Сейчас простимся,

Но я не прочь бы кости поразмять,

С тобой сразившись.

Входит Троил.

Брат мой, что случилось?

Троил

Эней пленен Аяксом! Невозможно!

Клянусь великим пламенем небесным —

Не дам Энея! Отобью Энея,

Иль буду сам пленен! Я докажу,

Что жизнью я уже не дорожу.

(Уходит.)

Входит воин в блестящих доспехах.

Гектор

Стой, гордый грек! Ты — знатная добыча.
Не хочешь? Стой! Попорчу, изломаю
Я драгоценные твои доспехи,
Но овладею ими все равно.
Беги же, зверь, охотиться сумею
Я за отличной шкурою твоею!

Уходят.

СЦЕНА 7

Другая часть поля сражения.

Входят Ахилл и мирмидонцы.

Ахилл

Запомните приказ мой, мирмидонцы:
Везде и всюду следуйте за мною,
Не нанося ударов, наготове.
Я Гектора кровавого найду, —
Тогда набросьтесь на него мгновенно
Со всех сторон, рубите, не щадя.
За мною: Гектора удел решен:
Я вас веду — погибнуть должен он!

Уходит.

Входят Менелай и Парис сражаясь; за ними — Терсит.

Терсит

Здорово! Рогоносец сцепился с рогодельцем. — А ну-ка, бык! —
А ну-ка, пёс! Кусь-кусь, Парис, кусь-кусь, воробушек! Эй, бык
тебя одолеет, берегись его рогов! Эй, берегись!

Парис и Менелай уходят.

Входит Маргарелон.

Маргарелон

Остановись, презренный, и сражайся!

Терсит

А ты-то кто!

Маргарелон

Побочный сын Приама.

Т е р с и т

Я и сам побочный сын и люблю побочных. Я и зачат побочно, и воспитан побочно, и умен побочно, и храбр побочно: все, что во мне есть, незаконно. Свой своему поневоле брат, так что мы с тобою братья. Чего же нам кусать друг друга? Остерегись. Нам обоим ст ссоры один только вред: коли сыновья распутниц сражаются из-за распутницы, то они привлекают на свои головы небесное правосудие. Так что прощай, ублюдочек! (*Уходит.*)

М а р г а р е л о н

Черт бы тебя забрал, трус ты этакий! (*Уходит.*)

С Ц Е Н А 8

Другая часть поля сражения.

Входит Гектор.

Г е к т о р

Как плод внутри гнилой, он был хорош

Лишь с виду и за это поплатился.

Закончен день. Сниму доспехи с плеч.

От крови отдохни, мой славный меч.

(*Снимает шлем и кладет меч и щит рядом с собой.*)

Входят Ахилл и мирмидонцы.

А х и л л

Взгляни-ка, Гектор, как заходит солнце,

Как ночь ползет уродливо за ним.

День кончится сейчас, и, знаю я,

С ним, Гектор, жизнь окончится твоя.

Г е к т о р

Я безоружен. Драться не хочу я.

А х и л л

Все на него! Вот тот, кого ищу я!

Теперь пади, Пергам, погибни, Троя:

Повержен тот, кто был твоей душою!

Ликуйте, мирмидонцы, все крича:

Пал Гектор от Ахиллова меча!

Трубят отбой.

Что слышу я? Отбой трубят у греков?

Мирмидонцы
И у троянцев тоже, храбрый воин!

Ахилл

Ночь, как дракон, крылом покрыла землю
И разделила армии врагов.
Мой меч почти насытился, но все же
Наутро вновь полакомиться сможет!
Убитого я привязать велю
К хвосту коня: врага я посрамлю!

Уходят.

СЦЕНА 9

Другая часть поля сражения.
Барабанный бой.

Входят Агамемнон, Аякс, Менелай, Нестор, Диомед
и другие. За сценой крики.

Агамемнон

Что там за шум?

Нестор

Я слышу барабаны.

Крики за сценой:

Ахилл! Ахилл! Ахилл! Повержен Гектор!

Диомед

Кричат, что Гектор побежден Ахиллом!

Аякс

Ну что ж! Хвалиться нечем: Гектор был
Не хуже и не лучше, чем Ахилл.

Агамемнон

Пошлем гонца Ахилла попросить
Шатер мой царский нынче посетить,
Коль боги нам послали смерть героя,
Конец раздорам, ибо пала Троя!

Уходят под барабанный бой.

СЦЕНА 10

Другая часть поля сражения.

Входят Эней, Парис, Антенор, Деифоб и троянские
воины.

Эней

Здесь простоять должны мы до рассвета.
Не двигаться отсюда ни на шаг!

Входит Троиц.

Троиц

Убит великий Гектор!

Все

Гектор! Боги!

Троиц

Он мертв, и труп его, к хвосту коня
Привязанный убийцей, поруганью
Позорно предан. О, нахмурься, небо!
О боги, боги, пощадите Трою,
Послав ей гибель скорую как милость,
Чтоб нам позора своего не видеть.

Эней

Царевич! Речь твоя умы смущает.

Троиц

Меня превратно понимаешь ты:
Не чувствую я страха перед смертью;
Уверен я, что небеса и люди
Нас утратить ничем уже не могут.
Нет Гектора! О, кто из нас решится
Приаму и Геккубе принести
Такую весть? Кто, страшною совой
Явившись в Трою, крикнет: «Гектор умер!»
Кто превратит Приама в холодный камень,
И в Ниобей, слезами исходящих,
Всех наших дев и жен? О, эго слово
Всю Трою умертвит! Идем, идем!
Наш Гектор пал — зачем же мы живем?
Смотрите: вот шатры врагов надменных,
Пришедших на фригийские поля!
Как только встанет Гелиос, бесстрашно

Я нападу на них! Тогда тебе,
О жалкий трус, нигде, нигде не скрыться.
Не знает ненависть моя преград.
Я буду гнаться за тобой повсюду,
Как злая совесть, что рождает бреды
И демонов уродливых плодит.
Идите в Трою смело и спокойно:
За Гектора мы отомстим достойно.

Эней и троянские воины уходят.

С другой стороны входит Пандар.

Пандар

Постой!

Троил

Прочь, мерзкий сводник! Срам и стыд
Пуškai тебя навеки заклеят.

(Уходит.)

Пандар

Вот это называется доброе лекарство от ломоты в костях! Ах, люди, люди, люди! Как презирают они своих посредников! Плохо нам живется, предателям и сводникам! Как охотно принимают наши услуги, когда они нужны, и каково нам потом приходится! Почему это так ценят нашу работу, а ремесло наше так презирают? Эх, надо бы об этом стишок сложить. С чем бы это сравнить? Ну-ка, попробую:

Резвится пчелка — весело ей жить,
Пока способна мед она носить.
Без меда и без жала — что в ней толку?
Все обижают беденькую пчелку.

Всем торгашам, промышляющим человеческим телом, надо бы написать такое на стенах своих комнат.

Средь вас немало сводников, друзья.
Поплачьте, видя, как обижен я!
А если нету слез — так постоите,
Мои больные кости помяните.
Друзья по ремеслу, прошу всех вас:
Я завещанье вам прочту сейчас.
Но говорить я все-таки не смею:
Есть дамы здесь; пред ними я робею.
Пойду опять трудиться, ну а вам
Болезни по наследству передам!

(Уходит.)

КОНЕЦ—ДЕЛУ ВЕНЕЦ

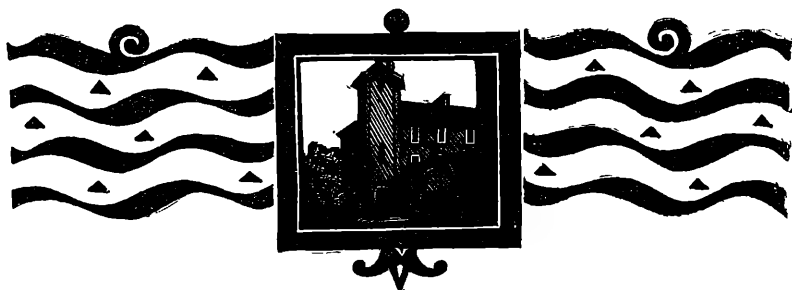
**Перевод
МИХ. ДОНСКОГО**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король французский.
Герцог флорентийский.
Бертрам, граф Руссильонский.
Лафё, старый вельможа.
Пароль, приближенный Бертрама.
Первый дворянин } соратники Бертрама
Второй дворянин } по Тосканской войне.
Дворецкий графини Руссильонской.
Шут графини Руссильонской.
Паж.
Графиня Руссильонская, мать Бертрама.
Елена, воспитанница графини.
Старая вдова, флорентийка.
Диана, дочь вдовы.
Марианна, соседка и приятельница вдовы.
Французские и флорентийские дворяне, офицеры, солдаты и проч.

Место действия Франция и Тоскана.

А К Т I

С Ц Е Н А I

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят Бертрам, графиня Руссильонская, Елена и Лафё,
они в трауре.

Графиня

Разлучаясь с сыном, я как бы вторично хороню супруга.

Бертрам

И я, матушка, покидая вас, заново оплакиваю отца. Но мой долг повиноваться воле его величества короля, тем более что он теперь и опекун мой.

Лафё

Вместо супруга король будет вашим защитником, графиня; вам, граф, он заменит отца. Он, кто всегда так добр, несомненно окажет вам свое особое благоволение: ваши достоинства скорее могли бы встретить доброту там, где ее нет, чем не найти ее там, где она есть в избытке.

Графиня

Каковы надежды на исцеление его величества?

Лафё

Он отказался от врачей, графиня. Своим лечением они заставляли его тратить время на надежды, а результат был лишь того, что с течением времени он и надежды утратил.

Графиня
(указывая на Елену)

У этой девушки был отец — увы, сколько скорби в слове «был»! — его ученость почти равнялась величию его души. Если бы первая ни в чем не уступала последнему, то он мог бы сделать жизнь вечной и смерти пришлось бы сидеть сложа руки. О, если бы, на счастье монарха, он был еще в живых! Я уверена, что он нанес бы смертельный удар недугу короля.

Лафё

Как звали того, о ком вы говорите, графиня?

Графиня

Он был знаменитым врачом, мессир, и был вполне достоин своей славы. Его звали Жерар Нарбоннский.

Лафё

Да, это был искуснейший врач. Совсем еще недавно государь вспоминал о нем с хвалою и сокрушением. Если бы наука могла противостоять смерти, то он, с его познаниями, был бы жив и посейчас.

Бертрам

А чем же, скажите, болен государь?

Лафё

У него незаживающий свищ.

Бертрам

Я и не слыхивал о такой болезни.

Лафё

Желал бы я, чтобы и никто о ней не слышал. Так эта девушка — дочь Жерара Нарбоннского?

Графиня

Единственное его дитя; и он поручил ее моему попечению. Ее прекрасное воспитание позволяет мне возлагать на нее самые смелые надежды. Унаследованные ею душевные свойства таковы, что придают еще большую цену ее дарованиям. Ибо если хорошими качествами наделен человек дурной, то похвалы им смешаны с сожалением; это добродетели, вводящие в обман. Ее же достоинства подкупают своей естественностью. Она унаследовала чистоту души и усовершенствовала свои добродетели.

Ла ф ё

Ваши похвалы, графиня, вызвали слезы на ее глаза.

Г р а ф и н я

Слезы — это рассол, в котором лучше всего сохраняются похвалы девушкам. Всякий раз как воспоминание об отце сжимает ей сердце, рука скорби стирает румянец с ее щек. — Полно, Елена, полно, не плачь. Не то еще подумают, что ты больше выдаешь горе, чем чувствуешь его.

Е л е н а

Да, я выдаю горе, но лишь потому, что чувствую его.

Ла ф ё

Сдержанная печаль — дань усопшим, излишняя скорбь — враг живых.

Г р а ф и н я

Да, живые враждуют со скорбью и, быть может, доводят ее до излишеств, дабы скорей ее умертвить.

Ла ф ё

Как это следует понимать?

Б е р т р а м

Матушка, я жду от вас напутствия.

Г р а ф и н я

Прими, Бертрам, мое благословенье.
Не только видом — духом будь в отца.
Пускай равно и кровь твоя и доблесть
Тобою управляют. Будь достоин
Высокого рожденья своего.
Будь добр со всеми, доверяй немногим
И ни к кому не будь несправедлив.
Врагов спокойной мощью устрашай,
Не яростью. Друзей храни, как жизнь.
И лучше пусть немой тебя считают,
Чем станут за болтливость порицать.
Да ниспослет тебе благое небо
Все милости свои. Прощай, мой сын!
(К Лафё.)

Несведущ он в обычаях придворных,
Прошу не отказать ему в советах.

Ла ф ё

Вся опытность моя к его услугам.

Г р а ф и н я

Пусть небеса его благословят.—

Прощай, Бертрам!

(Уходит.)

Б е р т р а м

(Елене)

Чего бы ни пожелали вы для себя, пусть ваши мечты исполнятся. Утешайте мою мать, госпожу вашу, заботьтесь о ней.

Ла ф ё

Прощайте, красавица. Надеюсь, вы окажетесь достойной своего отца.

Б е р т р а м и Л а ф ё уходят.

Е л е н а

Отец!.. Нет, я печалюсь не о нем.
Чужие слезы больше, чем мои,
Приличествуют памяти отцовской.
Каков он был? Его забыла я.
Воображение мое хранит
Одно лицо, одни черты — Бертрама.
Теперь погибну я. Уехал он,
И жизнь ушла. Любить Бертрама — то же,
Что полюбить звезду и возмечтать
О браке с ней, — так он недосыгаем.
Его лучи издалика ловлю,
Но не могу взнестись к его орбите.
В своей любви я слишком дерзновенна:
Ведь если лань стремится к льву — ей смерть.
О, боль и радость ежечасных встреч,
Когда могла я на страницах сердца,
Страницах, красоте его открытых,
Запечатлеть и соколиный взор,
И полукружия бровей, и кудри!
Уехал он — и память лишь о нем
Боготворить любви моей осталось...
Но вот один из тех, кто едет с ним,
И рада я ему из-за Бертрама,
Хоть мне известен он как лгун бесстыдный,

Пустейший скоморох и жалкий трус.
Пороки эти так ему к лицу,
Что теплое гнездо себе в нем свили,
Оставив доблесть дрогнуть на ветру.
Ах, часто видим мы, как зябнет ум,
А глупость нежится в тепле и холе.

Входит Пароль.

П а р о л ь

Да хранит вас бог, моя королева.

Е л е н а

И вас, мой король.

П а р о л ь

Я разве король?

Е л е н а

А я разве королева?

П а р о л ь

Вы размышляете? Наверное, о девственности?

Е л е н а

Вот именно. Вы с виду такой бравый воин. Позвольте задать вам один вопрос. Мужчина — враг девственности. Как же нам, девушкам, оборонять ее от врага?

П а р о л ь

Не впускайте его в свою цитадель.

Е л е н а

Но он идет на приступ. А девственность, как бы отважно она ни защищалась, так слаба. Посоветуйте, как нам отбить атаку.

П а р о л ь

Ничто не поможет. Мужчина осадит вашу крепость, подведет подкоп и пробьет брешь.

Е л е н а

Да сохранит господь нашу девственность от этих ужасов! Неужели нет такой военной хитрости, чтобы женщины могли одержать верх?

П а р о л ь

Чем раньше мужчина окажется сверху, тем скорее женщина одержит верх. Не забудьте, что, отбив атаку, вы сами останетесь в накладе. Не в сохранении девственности мудрость природы. Наоборот, потеря девственности приумножает ее достояние: ведь ни одна новая девственница не может появиться на свет без того, чтобы ради этого не была утрачена девственность. То, из чего вы созданы,— это материал для изготовления девиц. Единжды утратив девство, можешь приобрести дюжину девственниц; если же будешь сквалыжничать, то останешься на бобах. Что в ней толку, в девственности? К черту ее!

Е л е н а

И все же я буду оберегать ее от посягательств, пусть даже мне из-за того придется умереть девственницей.

П а р о л ь

Стоит ли оберегать такой пустяк? Это значит идти против самой природы. Восхвалять девственность — все равно что осуждать собственную мать, а это уже просто срам. Девственницы ничем не лучше самоубийц, и их надлежало бы хоронить за церковной оградой как закоренелых преступниц против законов природы. Девственность, подобно сыру, порождает червей, которые разъедают ее; она гибнет, пожирая сама себя. Не говорю уже о том, что девственность отличается сварливостью, высокомерием, ленью, а более всего себялюбием, каковое есть страшнейший из смертных грехов. Что вы носитесь со своей девственностью? Тут и думать нечего: отделаться от нее, и все. И тогда через десять лет у вас будет десять девственниц — процент изрядный. Да и самый капитал от того не станет хуже. К черту девственность!

Е л е н а

Но как сделать, чтобы отдать ее тому, кто ей мил?

П а р о л ь

Сейчас подумаем. Дело, правду сказать, трудное: как девственности может быть мил тот, кому она не по вкусу? А ведь этот товар быстро портится: чем дольше его хранить, тем он меньше стоит. Надо его сбыть, пока на него есть спрос; не упускайте времени. Девственность — это престарелая шеголиха, разряженная в пух и прах, в прическе, каких уже давно не носят: она вертится при дворе, да не ко двору пришлась. Девственность вышла из моды так же, как вышли из моды броши и зубочистки. С воз-

растом улучшается только вино, но не девичьи щечки. Перезрелая девственность похожа на французскую сушеную грушу: ни вида, ни вкуса. Ей-богу, ни дать ни взять — сушеная груша. Когда-то была она, может, хороша, а нынче — сушеная груша, да и только. На что она годится?

Е л е н а

Оставим это.— Графа при дворе
Ждут тысячи привязанностей новых.
Он будет звать их множеством имен,
Причудливых, любовных, нежных прозвищ.
Нашептанных незрячим Купидоном:
«Владычица», «возлюбленная», «друг»,
«Губительница», «госпожа», «царица»,
«Изменница», «волшебница», «богиня»
«Святая гордость», «гордое смирение».
«Согласье злое», «сладостный разлад».
«Пленительная мука», «упование»...
И станет он... Ах, кем же станет он?
Храни его господь!.. Но научиться
Нетрудно при дворе... А он такой...

П а р о л ь

Какой?

Е л е н а

Он тот, кому желаю я добра.
Но жаль...

П а р о л ь

Чего вам жаль?

Е л е н а

Жаль, что у наших добрых пожеланий
Нет плоти. Жаль, что нам, низкорожденным,
Позволено не больше чем желать.
О, если бы, облекшись в плоть и кровь,
Помчались пожеланья вслед за другом,
Чтобы ему открыть мечты, которым
Не сбыться никогда!

Входит паж.

П а ж

Господин Пароль, граф прислал меня за вами. *(Уходит.)*

П а р о л ь

Прощай, малютка. При дворе, если только я тебя не забуду, непременно стану о тебе вспоминать.

Е л е н а

Вы, господин Пароль, родились под звездой милосердия.

П а р о л ь

Я родился под звездой войны, под Марсом.

Е л е н а

Под звездой войны? Несомненно.

П а р о л ь

Почему — несомненно?

Е л е н а

Даже самые незаметные военные светила так высоко стоят над вами, что вы всегда оказываетесь под звездой войны.

П а р о л ь

Я родился под Марсом, когда он был в зените.

Е л е н а

Пожалуй, скорее когда он скрывался за горизонт.

П а р о л ь

Почему?

Е л е н а

На войне вы тоже норовите скрыться от противника.

П а р о л ь

Только по соображениям тактики.

Е л е н а

Когда страх подает свой голос на военном совете, то лучшая тактика — бегство. Но сочетание отваги и трусости поистине придает вам крылья, и я с удовольствием наблюдаю птиц вашего полета.

П а р о л ь

У меня дел по горло, и состязаться с тобой в остро словии некогда. Погоди, вот вернусь настоящим придворным и смогу про-

светить тебя насчет кой-чего. Тогда уж ты будешь более податлива и дашь себе вдолбить здравые мысли. Не то, смотри, невежество доведет тебя до гибели и ты так в неблагодарности и померешь. Прощай. Будет у тебя досуг — читай молитвы, не будет — вспоминай своих дружков. А лучше раздобудь-ка себе супруга и постарайся выжать из него столько же, сколько сможешь дать сама. И на том — прощай. (*Уходит.*)

Е л е н а

Когда помочь себе ты можешь сам,
Зачем взывать с мольбою к небесам?
Нам выбор дан. Те правы, что посмели;
Кто духом слаб, тот не достигнет цели.
Любимый так высок, я так низка,
Взираю на него издалека.
Но большие, чем скромность и величье,
Природа может сочетать различья.
«Несбыточно!» — так говорит лишь тот,
Кто мешкает, колеблется и ждет.
Возможно ль, чтоб любовь не победила,
Когда в ней есть и мужество и сила?
Болезнь монарха... Ошибусь ли я?
Но я решилась. Мысль тверда моя!

(*Уходит.*)

С Ц Е Н А 2

Париж. Зал в королевском дворце.

Трубы. Входят король с письмами в руке и свита.

К о р о л ь

Сиена и Флоренция в раздоре,
Они воюют с переменным счастьем.

Первый вельможа

Да, государь, прошел об этом слух.

К о р о л ь

Он достоверен. Нам кузен австрийский
Об этом пишет, сообщая также,
Что флорентийский герцог за поддержкой
Намерен к нам прибегнуть. Добрый друг

Нас предостерегает; видно, хочет,
Чтоб в этой просьбе отказали мы.

Первый вельможа

Свою любовь к вам, государь, и мудрость
Он проявлял так часто, что они
Велят прислушаться к его совету.

Король

Он дал за нас ответ. И флорентийцу —
Отказ, еще до получения просьбы.
Но мы не возбраняем тем дворянам,
Что захотят Тоскане послужить,
Примкнуть к любой из двух сторон враждебных.

Второй вельможа

Да, это может быть отличной школой
Для юношей, мечтающих о битвах,
О ратных подвигах...

Король

Кто к нам явился?

Входят Бертрам, Лафё и Пароль.

Первый вельможа

Бертрам, граф Руссильонский, государь.

Король

Как ты похож, мой мальчик, на отца!
Не поскупилась щедрая природа,
Когда тебя любовно созидала.
Так будь в отца и благородством духа.
Добро пожаловать сюда, в Париж.

Бертрам

Я вашему величеству принес
И преданность мою и благодарность.

Король

Вернуть бы вновь мне силу и здоровье
Тех дней, когда с твоим отцом, два друга,
Отправились мы в первый наш поход.
Он, ученик храбрейших, был знаток
Тогдашнего военного искусства.

Он времени сопротивлялся долго.
Но ведьма-старость подобралась к нам
И силы отняла. Мне так отрадно
О друге вспомнить, о твоём отце.
Любил он в молодости пошутить;
Не то же ль мы и нынче наблюдаем
Средь молодых дворян? Но их остроты,
Отскакивая, ранят их самих,
Поскольку в одеянье благородства
Они облечь насмешку не умеют.
Он резок был, но он не оскорблял,
Был горд, но не бывал высокомерен,
Лишь с равным иногда, в ответ на вызов.
И честь его тогда была часами:
По ним он точно узнавал минуту,
Когда дать слово гневу; и язык
Лишь стрелке тех часов повиновался.
А к низшим относился он как к людям
Иным по должности, но не породе.
Величие свое он к ним склонял,
Их возвышая скромностью своею
И скромность черная в их похвалах.
Вот муж — для наших юношей пример.
Сравнив его с собой, они бы знали,
Как сыновьям далеко до отцов.

Б е р т р а м

Воспоминанья ваши, государь,
Щедрей, чем надпись на могильном камне.
И строки эпитафии бледнеют
Перед хвалой монарха.

К о р о л ь

О, если бы и я был там, где он!
Он говорил (я слышу как сейчас
Его слова; он не бросался ими,
Но сеял семена, чтоб дали всходы):
«Пусть я не доживу...— так начинал он
Задумчиво в конце веселых пиршеств,—
Пусть я не доживу до тех времен,
Когда сгорит в моей лампаде масло.
Зачем мне жить посмешищем для юных,
Которые чтут только новизну,
Беседуют лишь о покрое платья,
Меняют мнения чаще, чем наряды».

Такой судьбы хотел он для себя,
И я, вослед за ним, хочу того же.
Раз я уже ни меда и ни воска
Для улья своего не приношу —
Пора уйти и место уступить
Другим рабочим пчелам.

Второй вельможа

Государь,
Вас любят все. И кто молчит об этом —
Сильней других потерю ощутит.

Король

Напрасно занимаю я престол.—
Скажите, граф, давно ли умер врач,
Что вашего отца лечил когда-то?
Он так молвой прославлен.

Бертрам

Государь,
Тому полгода, как скончался он.

Король

Будь жив он, я к нему бы обратился.—
Граф, я на вашу руку обопрюсь.—
А эти лекари своим леченьем
Измучили меня. Пускай теперь
Болезнь с природой спорят без помехи.
Я рад вам, граф. Вы для меня отныне
Как сын.

Бертрам

Благодарю вас, государь.
Трубы. Все уходят.

СЦЕНА 3

Руссильон. Комната в замке графини.
Входят графиня, дворецкий и шут.

Графиня
(дворецкому)

Теперь я могу вас выслушать. Что вы намереваетесь сказать
мне об этой девушке?

Дворецкий

Ах, если бы усердие, с которым я стараюсь угадать желания вашей светлости, значилось уже в перечне моих былых заслуг! Ведь, распространяясь о чистоте своих побуждений, мы заставляем в ней усомниться и грешим против скромности.

Г р а ф и н я
(замечая шуту)

Зачем здесь этот плут? Ступай вон. Счастье твое, что я верю не всем жалобам на тебя,—потому что скучно в них разбираться. Мне-то известно, что ты достаточно глуп, чтобы решиться на любую пакость, и достаточно хитер, чтобы выпутаться из нее.

Ш у т

Ваша светлость знает, что я бедняк.

Г р а ф и н я

Ну хорошо, хорошо.

Ш у т

Не так уж это хорошо, что я бедняк, хотя многих богачей и ждет преисподняя. Но если бы ваша светлость позволили мне жениться, то мы с моей невестой Изабеллой уж как-нибудь да свели концы с концами.

Г р а ф и н я

Ты что же, хочешь стать вовсе нищим?

Ш у т

Неужели я уйду от вас вовсе ни с чем?

Г р а ф и н я

В каком смысле?

Ш у т

В смысле Изабеллы. Служба хорошо, а счастье лучше. И сдается мне, что не будет у меня счастья, пока не будет потомства. Ведь, как говорится, дети — благословение божие.

Г р а ф и н я

Так, значит, тебя тянет жениться?

Ш у т

Ваша светлость, этого требует мое бренное тело. Плоть тянет меня, а уж если дьявол тянет — плачешь, да идешь.

Г р а ф и н я

И это единственная причина?

Ш у т

Клянусь вашей светлости, есть и другие, притом самые благочестивые.

Г р а ф и н я

А можно о них узнать?

Ш у т

Я грешил, как и вы, ваша светлость, как всякий, кто создан из плоти. А уж если я женюсь, то, конечно, стану каяться.

Г р а ф и н я

Каяться, что женился, но не каяться в грехах.

Ш у т

Кроме того, у меня нет друзей. И я надеюсь приобрести их через жену.

Г р а ф и н я

Такие друзья — твои враги, шут.

Ш у т

Вы плохо разбираетесь, ваша светлость, в том, что такое настоящие друзья. Эти молодцы будут выполнять за меня работу, которая мне наскучила. Тот, кто возделывает мое поле, бережет мою рабочую скотинку, а урожай-то все равно достается мне. Если я для него рогоносец, то он для меня — батрак. Жена — плоть и кровь моя. Кто ублажает мою жену, ублажает мою плоть и кровь; кто ублажает мою плоть и кровь, тот любит мою плоть и кровь; кто любит мою плоть и кровь, тот мне друг; следовательно, тот, кто обнимается с моей женой, — мой друг. Если бы люди были согласны оставаться тем, что они есть на самом деле, им нечего было бы опасаться женитьбы. Ибо если даже у молодого пуританина Чарбона и у старого паписта Пойзама мозги устроены совсем по-разному в смысле религии, то лбы у них украшены одинаково и бодаться друг с другом они могут ни дать ни взять, как два барана.

Г р а ф и н я

Ты, видно, так навсегда и останешься сквернословом и клеветником?

Ш у т

Пророком, ваша светлость. Послушайте истину из моих уст.
(Поет.)

Судьба воистину щедра,
Воистину блага:
Уж если даст кому жену,
Добавит и рога.

Г р а ф и н я

Поди-ка, милейший, вон. Я еще с тобой поговорю.

Д в о р е ц к и й

Не угодно ли вашей светлости приказать, чтобы он позвал к вам Елену? Речь моя будет о ней.

Г р а ф и н я
(шту)

Поди скажи моей воспитаннице, что мне надо с ней побеседовать. Ты понял, я имею в виду Елену.

Ш у т
(поет)

Она промолвила, вздохнув:
«Я правду вам открою.
Из-за Елениной красоты
Сгубили греки Трою».
Ах, стыд и срам!
Ах, стыд и срам!
Ах, бедный, бедный царь Приам!
«У жен,— прибавила она,—
Прескверные повадки:
На девять дрянней лишь одна
Благопристойна и скромна,
Не дрянь — одна в десятке».

Г р а ф и н я

Как! Только одна в десятке? Ты исковеркал песню, шут!

Ш у т

Разве что исправил, ваша светлость: подумайте, все-таки одна порядочная в десятке. Хоть бы господь посылал нам каждый год

такой урожай! Будь я священником, я не стал бы жаловаться на такую жено-десятину. Одна из десяти! Да ведь если бы всякий раз, когда появляется комета или случается землетрясение, на свет рождалось по одной порядочной женщине,— и то у мужчин были бы какие-то виды на выигрыш в лотерее. Пока что мужчина раньше протянет ноги, чем вытянет счастливый жребий.

Г р а ф и н я

Иди-ка, иди, любезный, да исполни то, что я тебе приказала.

Ш у т

Итак, ничего не поделаешь,— мужчина должен выполнять приказания женщины. Ничего не поделаешь,— служба не пуританка, и придется ей натянуть белый стихарь смирения на черную рясу строптивости. Иду, спешу. Стало быть, требуется послать сюда Елену. *(Уходит.)*

Г р а ф и н я

Так что же?

Д в о р е ц к и й

Я знаю, ваша светлость, как горячо вы любите свою воспитанницу.

Г р а ф и н я

Да, это правда. Отец Елены поручил ее моим заботам. К тому же она и заслуживает самой нежной любви. Она достойна большего, чем получает, и получит больше, чем потребует.

Д в о р е ц к и й

Ваша светлость, случилось мне на днях войти в зал, где была Елена, но она меня не заметила. Думая, что она одна, она разговаривала сама с собой. Могу поручиться, что ни к кому другому она не обращалась. Она говорила о своей любви к вашему сыну. «Фортуна,— воскликнула она,— ты не богиня, если не можешь преодолеть различия между его и моим положением! Купидон, ты не бог, если властвуешь только там, где люди равны друг другу! Диана, ты не царица девственников, если можешь допустить, чтобы бедная воительница из твоего воинства была захвачена в плен при первой же стычке и не была ни отбита, ни выкуплена». И в словах ее была такая скорбь, такая горечь, каких я не мог ожидать от юной девушки. И я почел своим долгом уведомить вас об этом, ибо вам следует все знать,— как бы не случилось какого несчастья.

Г р а ф и н я

И вы хорошо поступили. Держите это в тайне. Я по многим признакам давно уже обо всем догадывалась, но чаши весов колебались, и я не знала — верить или не верить. Прошу вас, оставьте меня. Итак, никому ни слова; благодарю за вашу преданность. Я еще вернусь к этому разговору.

Дворецкий уходит.

Г р а ф и н я

Я и сама все это испытала.
Ведь розе юности шипы любви
Даны земной природой изначала:
Кипит в нас кровь, и страсть кипит в крови.
Противиться любви в молодые годы —
То значило б восстать против природы.
И мы грешили в наши дни, любя,
Но не считали грешными себя.

Входит Е л е н а.

Ее недуг в глазах ее читаю.

Е л е н а

Что приказать изволит ваша светлость?

Г р а ф и н я

Дитя, ты знаешь, что тебе я мать?

Е л е н а

О госпожа!

Г р а ф и н я

Не госпожа, а мать.
Зачем тебя пугает это слово?
Ты вздрогнула, его услышав, будто
Увидела змею. Но почему?
Хочу тебя я числить между теми,
Кто мной рожден: тебе я, значит, мать.
Родство по выбору не уступает
Родству по крови. Можно ведь навек
Привить к стволу чужой ему побег.
Хоть мне ты не дала мук материнства,
По-матерински я тебя люблю..
Но что с тобой? Как будто слово «мать»
В тебе оледенило кровь. Я вижу,

Что радуга, предвестница дождя,
Уже блеснула на твоих ресницах.
Из-за чего же плачешь ты, скажи?
Из-за того, что дочь мне?

Е л е н а

Что не дочь.

Г р а ф и н я

Тебе я мать.

Е л е н а

Простите, ваша светлость,
Граф Руссильон не может быть мне братом.
Я незнатна, мои безвестны предки,
Его же род высок, в веках прославлен.
Он добрый повелитель мой; а я
Его служанка; вот судьба моя.
Нет-нет, не брат он мне!

Г р а ф и н я

И я не мать?

Е л е н а

Вы? Нет, вы мать. О, если б можно было
Вам быть мне матерью, но без того,
Чтобы ваш сын мне приходился братом!
Могу ли стать вам дочерью родной,
Но так, чтобы не быть ему сестрой?

Г р а ф и н я

Да, ты могла бы стать моей невесткой.
Не это ли имеешь ты в виду?
О боже, как тебе все эти речи
Волнуют кровь. Ты побледнела снова.
Моя тревога, значит, разгадала
Твою любовь. Теперь понятно мне
Твое пристрастие к уединенью,
И вижу я источник слез твоих.
Мне ясно все: ты влюблена в Бертрама.
Не отрицай: когда призналось сердце,
То незачем притворствовать устам.
Итак, скажи мне правду. Тайну эту
Твои глаза и щеки выдают,
И лишь язык еще грешит упрямством.

Скажи, ведь это правда? Если правда,
То нелегко такой клубок распутать.
А если я ошиблась,— поклянись,
Но, чтобы небеса тебе послали
Во мне помóгу, ты должна открыть
Всю истину.

Е л е н а

Простите, ваша светлость.

Г р а ф и н я

Ты любишь сына моего, Елена?

Е л е н а

Простите, господа.

Г р а ф и н я

Его ты любишь?

Е л е н а

А разве вы не любите его?

Г р а ф и н я

Оставь. Моя любовь — любовь по крови,
Ее нельзя оспорить. Ну, смелей,
Поверь мне тайну чувства своего,
Которую ты скрыть уже не в силах.

Е л е н а

Да будет так. И, преклонив колени,
Я признаюсь пред богом и пред вами,
Что больше вас и первым после бога
Бертрама я люблю.
Хотя мой род и небогат,— он честен.
Так и моя любовь. И оскорбить
Того, кто мной любим, она не может.
Назойливо преследовать его
Я не пыталась. Ждать любви ответной
Не стану я, пока не заслужу;
А чем мне заслужить ее — не знаю.
Люблю его напрасно, без надежды:
Неиссякающий поток любви
Лью в решето, его не наполняя.
Я, как индеец, поклоняюсь солнцу,
Которое, взирая с высоты,

Меня не замечает. Госпожа,
Вы вправе гневаться, что я посмела
Того же полюбить, кто дорог вам.
Но если вас, чья благостная старость
О юности свидетельствует чистой,
Сжигал когда-то пламень тех же чувств —
Стыдливость и томленье, страсть и нежность —
И если иногда была для вас
С Венерою тождественна Диана, —
Вы сжалитесь над той, кому в удел
Дано мучительное наслаждение:
Дарить, не получая возмещения;
Над той, пред кем один лишь путь открыт:
Там жизнь искать, откуда смерть грозит.

Г р а ф и н я

Скажи мне откровенно, — ты решилась
Отправиться в Париж?

Е л е н а

Да, госпожа.

Г р а ф и н я

А для чего? Будь искренна со мною.

Е л е н а

Я буду с вами искренна — клянусь!
Вы знаете — отец мне завещал
Немало чудодейственных рецептов,
Которые для блага всех людей
Открыл он знаньем, опытом проверил.
Он мне велел их бережно хранить
Как средства, чья целительная сила
Намного превосходит их известность.
Меж них испытанное есть лекарство
И от того смертельного недуга,
Который убивает короля.

Г р а ф и н я

И только потому — скажи мне правду —
Ты собралась в Париж?

Е л е н а

Ваш сын меня о том заставил вспомнить.
Не то Париж, король и врачеванье
Мне, верно, и на ум бы не пришли.

Г р а ф и н я

Но все ли ты обдумала, Елена?
А вдруг тобой предложенную помощь
Король отвергнет? Он в одном как будто
С врачами согласился — что они
Его не в состоянии излечить.
Как неученой девушке поверят,
Когда наука, истощив все средства,
Давно уж отказалась от борьбы?

Е л е н а

Предчувствие мне бóльшая порука,
Чем все познания моего отца —
А он из всех врачей был величайшим.—
Что средство, им завещанное мне,
Благословят счастливые созвездья.
И если ваша светлость мне позволит,—
Своей ненужной жизнью поручась,
Пообещаю исцелить монарха
В назначенный им день.

Г р а ф и н я

Ты в это веришь?

Е л е н а

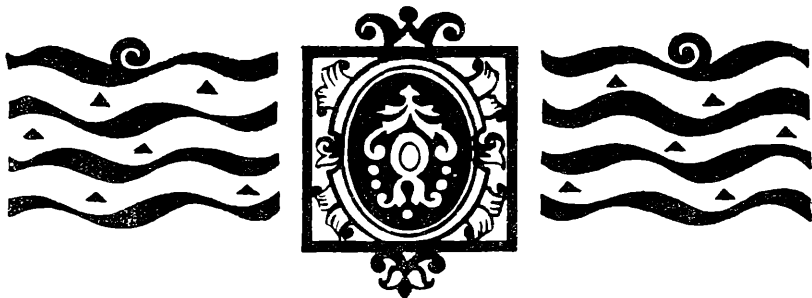
Я это знаю.

Г р а ф и н я

Что же, если так,—
Тебя, Елена, отпущу с любовью
И денег дам тебе и провожатых.
Ты отвезешь поклон моим друзьям.
А я останусь за тебя молиться.
Твоим намереньям помочь я рада
Всем, чем могу. И завтра поутру
Отправиться должна ты ко двору.

Уходят.

А К Т II

С Ц Е Н А 1

Париж. Зал в королевском дворце.

Трубы. Входят король в сопровождении двух молодых дворян, отправляющихся во Флоренцию, Бертрам, Пароль и свита.

К о р о л ь

(прощаясь с отъезжающими дворянами)

Прощай, мой юный рыцарь. Не забудь,
Что я сказал про воинский обычай.—
Прощай и ты.— Прошу вас разделить
Советы, мною данные, меж вами.
От дележа мой дар не уменьшится.

П е р в ы й д в о р я н и н

Мы, государь, надеемся найти
Вас в добром здравии, когда вернемся,
Обогадившись опытом войны.

К о р о л ь

Нет, не бывать тому, хотя дула
Мириться с безнадежностью не хочет.
Итак, прощайте, юноши мои!
Умру я или нет, не забывайте,
Что вы потомки доблестных французов.
И пусть Италия, которой Рим
Упадок лишь в наследие оставил,

Увидит, что французские дворяне
Явились не заигрывать со славой,
Но с нею обвенчаться. И когда
Храбрейшие отступят, стойте твердо.—
И прогремит о вас молва. Прощайте.

Второй дворянин
Желаю вам здоровья, государь.

Король
Смотрите, опасайтесь итальянок.
Как говорят, на просьбу итальянки
Француз досель не отвечал отказом;
Так до войны не попадитесь в плен.

Первый и второй дворяне
(вместе)
Советы ваши в сердце сохраним.

Король
Итак, прощайте!
(Слугам.)
Помогите мне.

Король и свита отходят в глубину сцены.
Король опускается на ложе.

Первый дворянин
(Бертраму)
Как жаль нам, граф, что едем мы без вас.

Пароль
Не по его вине: ведь он храбрец!

Второй дворянин
Война! Вот счастье!

Пароль
Счастья нету выше!
Уж я, поверьте, всласть повоевал.

Бертрам
Со мною нянчатся, мной помыкают:
«Ты слишком молод!», «Позже!», «Через год!»

П а р о л ь

Уж если так приспичило, сынок,—
Чего бояться, удери без спросу.

Б е р т р а м

Лошить полы я должен башмаками
И гарцевать среди придворных юбок,
А там пока всю славу расхватают,
И шпаги будут годны лишь для танцев.
О нет! Клянусь, я убегу тайком.

П е р в ы й д в о р я н и н

Такое бегство — подвиг.

П а р о л ь

Граф, решайтесь.

В т о р о й д в о р я н и н

Рассчитывайте на меня во всем.
Прощайте.

Б е р т р а м

В нашей дружбе мы срослись;
Разлука разрывает нас на части.

П е р в ы й д в о р я н и н

(Паролю)

Капитан, прощайте.

В т о р о й д в о р я н и н

Прощайте, любезнейший господин Пароль.

П а р о л ь

Доблестные герои, ваши шпаги сродни моему мечу. Вы благородные и блестящие удалцы, словом — благородный металл! В Спинийском полку вы найдете некоего капитана Спурио; у него на левой щеке шрам, зарубка войны, сделанная вот этим самым мечом. Передайте ему, что я жив, и намотайте себе на ус все, что он обо мне порасскажет.

В т о р о й д в о р я н и н

Непременно, доблестный капитан.

П а р о л ь

Пусть Марс примет вас в число своих любимчиков.

Д в о р я н е у х о д я т.

П а р о л ь

Что же вы собираетесь делать?

Король поднимается с ложа.

Б е р т р а м

Тсс!.. Король...

П а р о л ь

Вам бы не мешало проститься с этими господами более странно и торжественно. Вы ограничились довольно холодным прощанием, а надо бы употребить побольше красноречия. Ведь они — самоновейшие побрякушки, которые Время прицепило к своему колпаку. Они задают тон и определяют, как надо ходить, есть и разговаривать, причем следуют предначертаниям надежнейших из небесных светил. И если даже сам дьявол управляет этой музыкой, все равно надо плясать под их дудку. А потому догоните-ка их и проститесь с ними покуда явнее.

Б е р т р а м

Ну что ж, пожалуй.

П а р о л ь

Они молодцы хоть куда и, сдастся мне, будут славными войсками.

Бертрам и Пароль уходят.

Король выходит на авансцену. Входит Лафё.

Л а ф ё

(преклоня колени)

Прощенье, добрый государь! И мне
И моему известью!

К о р о л ь

Встаешь с колен,
И это будет выкуп за прощенье.

Л а ф ё

(вставая)

Итак, я за прощенье внес вам выкуп.
О, если б, государь, могли и вы
С такой же легкостью стать на колени
И встать с колен по моему приказу!

К о р о л ь

Ах, если бы! Тогда б я с плеч твоих
Снес голову и попросил прощенья.

Лафё

И я безропотно бы это снес.
Но, добрый государь, вот речь о чем:
Угодно ль вам с недругом распрощаться?

Король

Нет.

Лафё

Как! Виноград лисице неугоден?
Ну, этот виноград угоден будет,
Лишь бы достался царственной лисе!
Я лекаря такого цардобыл,
Который может в камень жизнь вдохнуть,
Скалу расшевелить и вас заставить,
Мой добрый государь, пуститься в пляс.
Довольно одного прикосновенья
Того врача, чтобы король Пипин
Восстал из гроба, чтобы Карл Великий
Вновь взял перо и написал бы ей
Любовное признание.

Король

Ей? Кому же?

Лафё

Да дело в том, что этот врач — она.
Она предстанет здесь, лишь позовите.
Нет, шутки в сторону, клянусь вам честью;
Я познакомился с одной особой
И так был удивлен в ней сочетаньем
Девичьей прелести, и красноречья,
И твердости, и знаний, и ума,
Что не виню себя за легковерье.
Угодно ль вам (она об этом просит)
Ее принять, а там уж надо мною
И посмеяться?

Король

Что ж, Лафё мой добрый,
Позволь нам поглядеть на это диво,
Чтоб мы с тобой делили удивленье
Или рассеяли его, дивясь,
Что ты так удивлен.

Ла ф ё

Да будет так.

Откладывать на завтра мы не станем.

(Уходит.)

К о р о л ь

Он так всегда: большие предисловья

К ничтожным пустякам.

Возвращается Ла ф ё с Е л е н о й.

Ла ф ё

(Елене)

Прошу сюда.

К о р о л ь

Его усердие летит на крыльях!

Ла ф ё

Пожалуйте сюда.

Вот государь. Ему все расскажите.

Вы смущены, как будто бы повинны

В крамоле; но крамольников таких

Король не опасается. А я

Оставлю вас наедине — как сводник.

(Уходит.)

К о р о л ь

Красавица, я слышал, что у вас

Есть дело к нам.

Е л е н а

Да, добрый государь.

Отец мой был искусный врачеватель

Жерар Нарбоннский.

К о р о л ь

Я его знал.

Е л е н а

И, значит, мне не надо тратить слов,

Чтоб восхвалять его. На смертном ложе

Он передал мне разные лекарства;

Одно из них — венец его искусства

И опыта его ценнейший перл —
Велел хранить он как зеницу ока.
И я храню. Недавно я узнала
О том, что вас терзает, государь,
Мучительный недуг, недуг тот самый,
Который может быть излечен средством,
Оставленным мне в дар моим отцом.
И я пришла смиренно предложить
Лекарство это и свои услуги.

К о р о л ь

Благодарю, красавица. Но как
Поверить я могу в выздоровленье,
Когда ученейшие доктора,
Мудрейшие светила медицины
Признали, что наука здесь бессильна?
Прилично ль нам рассудок наш унизить,
Бессмысленной надеждой обольстясь,
И наш недуг отдать на поруганье
Слепому знахарству? Величье наше
Нам подает единственный совет:
Отвергнуть помощь, раз в ней смысла нет.

Е л е н а

Своих услуг навязывать не смею.
Так пусть я буду вознаграждена
Сознанием исполненного долга.
О, если б я могла уйти и думать,
Что вспомнит государь меня добром!

К о р о л ь

Каким же был бы я неблагодарным,
Когда бы в этой просьбе отказал.
Благодарю за то, что ты хотела
Вновь жизнь вдохнуть в мертвеющее тело.
Не знаешь ты того, что знаю я:
Близка, неотвратима смерть моя.

Е л е н а

Раз вы уже не верите в спасенье,
То принесет ли вред мое лечение?
Пусть я слаба; но часто небеса
Творят руками слабых чудеса.
Ведь если провиденье соизволит,
Уста младенцев истину глаголят.

Порой из маленького ручейка
Рождается могучая река;
Порою же и море высыхает,
Когда владыкам веры не хватает.
Бывает, что ошибочен расчет,
А там, где нет надежд,— спасенье ждет.

К о р о л ь

О нет, дитя. Напрасные старанья!
Благодарю тебя за состраданье.
Лишь этим я могу тебе воздать.

Е л е н а

Не отвергайте божью благодать!
Желаем мы все взвесить, все измерить,
Когда творец повелевает верить,
И то, чем мы обязаны ему,
Хотим людскому приписать уму.
Быть может, оттолкнув мое усердье,
Вы оскорбите божье милосердье.
Не самозванка я, я вам не лгу,
Не обещаю больше, чем могу.
Я верю твердо, нет в душе сомненья:
Бальзам целебен, ждет вас исцеленье!

К о р о л ь

Так веришь ты? И страждущую плоть
Когда ж излечишь?

Е л е н а

Если даст господь,
То ранее, чем колесница Феба
Двукратно пересечь успеет небо,
И раньше, чем вечерняя звезда
Двукратно в сумрак канет без следа.
Лишь склянка кормчего перевернется
Двадцать четыре раза,— как вольется
Здоровье в вас и вы поймете вдруг,
Что жизнь воскресла, умер злой недуг.

К о р о л ь

А если лживо это обещанье?

Е л е н а

Тогда снесу любое наказание:
Пусть на меня падут позор и стыд,

Пусть в песнях непристойных заклеят
Меня народ как шлюху, ведьму, лгунью,
Пусть казнь меня постигнет, как колдунью.

К о р о л ь

Ужели правда, что твои слова —
Внушение благого божества?
И то, что ум людской счел безнадежным,
Верховный разум признает возможным?
Дитя, ты жизнью дорожить должна;
Все лучшее дала тебе она.
Есть у тебя все мыслимые блага:
Ум, красота, и юность, и отвага.
И ты рискуешь всем! Одно из двух:
Иль ты мудра, или в тебе злой дух!
Что ж, милый врач, лечи! И будь что будет,
Но смерть моя тебя на смерть осудит.

Е л е н а

Коль в должный срок я вас не излечу,
Да буду отдана я палачу,
Но если принесу вам исцеленье,
Какое ждет меня вознагражденье?

К о р о л ь

Проси — получишь дар любой.

Е л е н а

Любой?

К о р о л ь

Клянусь своей короной и душой.

Е л е н а

Тогда в награду за мои услуги,
Кого скажу, посватай мне в супруги.
Свой низкий род связать я б не могла
С побегами монаршего ствола
И не дерзну, поймав тебя на слове,
Просить о принце королевской крови,
Но из своих вассалов мне в мужья
Отдай того, кого назначу я.

К о р о л ь

Что ж, вот моя рука. Твое желанье
Исполню я, сдержи лишь обещанье.

Тебе вполне я вверился, мой врач;
Сама, что нужно, прикажи, назначь.
Испытывать тебя я мог бы дольше,
Но больше знать — не значит верить больше.
Кто ты, зачем, откуда держишь путь —
Не все ль равно? Благословенна будь!

(Свите.)

Пойдемте.

(Елене.)

Нанеси удар недугу —
И я воздам услугой за услугу.
Уходят.

С Ц Е Н А 2

Руссильон. Комната в графском замке.

Входят графиня и шут.

Г р а ф и н я

Продолжай, любезный; посмотрим, каково-то ты воспитан.

Ш у т

Каково у вас питание, таково и воспитание. Но я-то лучше откормлен, чем выучен. А значит, я только на то и гожусь, чтобы меня отправили к королевскому двору.

Г р а ф и н я

«К королевскому двору»! Если о нем ты говоришь с таким презрением, то где же ты мог бы ужиться? Скажи на милость, «к королевскому двору»!

Ш у т

По чести, ваша светлость, если господь бог одарил кого учтивостью, тот при дворе и уживется и наживется. А ежели у тебя нет умения шаркать ножкой, посылать воздушные поцелуи, болтать вздор и с вывертом снимать шляпу, то ты там останешься без пог, без рук, без языка, да и без шляпы. Нет, такому молодцу. верно вам говорю, при дворе делать нечего. А я не пропаду, я-то знаю одно словцо, которое может служить ответом на любой вопрос.

Г р а ф и н я

Неужели? Какой же должен быть ответ, чтобы годился для всякого вопроса?

Ш у т

Да уж вроде как стул брадобрея, который впору любому задю. На нем умещается и острозадый, и плоскозадый, и толстозадый, и какой-хотите-задый.

Г р а ф и н я

Так твой ответ подходит ко всякому вопросу?

Ш у т

Так же подходит, как взятка — стряпчему, как дурная болезнь — расфуфыренной потаскушке, как тростниковое колечко Тибби — указательному пальцу Томми, как блин — масленице, как танец моррис — майскому празднику, как гвоздь — к своей дыре, как рога — рогоносцу, как сварливая баба — драчливому мужику, как монашкины губы — к поповскому рту и как к колбасной кишке ее начинка.

Г р а ф и н я

Так, стало быть, у тебя есть ответ на всякий вопрос?

Ш у т

На любой вопрос, кто б его ни задал — от вельможи до стражника.

Г р а ф и н я

Но если это ответ на все вопросы, то какого же исполинского размера он должен быть!

Ш у т

Да ничуть; если бы ученые высказались на этот счет, они признали бы, что это сущий пустяк. Сейчас вы получите его в наиболее полном виде. Спросите-ка меня: «Вы придворный?» Вам тоже полезно поучиться.

Г р а ф и н я

Став для этого снова молодой? Ах, если бы это было возможно. Я задам тебе дурацкий вопрос в надежде поумнеть от твоего ответа. Скажите, пожалуйста, сударь, вы придворный?

Ш у т

Ах боже мой, сударь! — Чего проще? Вот я от вас и отделился. Валяйте, валяйте, хоть сотню таких вопросов.

Г р а ф и н я

Сударь, знаете ли вы, что я смиренный ваш друг и люблю вас?

Ш у т

Ах боже мой, сударь! — Похлеще, похлеще, не щадите меня.

Г р а ф и н я

Я полагаю, сударь, вы не станете есть столь грубую пищу?

Ш у т

Ах боже мой, сударь! — Ну, задавайте же вопросы потрудитесь, не стесняйтесь.

Г р а ф и н я

Вас, сударь, кажется, недавно высекли?

Ш у т

Ах боже мой, сударь! — Похлеще, не щадите меня.

Г р а ф и н я

Значит, во время порки ты кричишь: «Ах боже мой!» и «Похлеще, не щадите меня!» Поистине твое «Ах боже мой» очень подходит к порке. Если случится, что тебя высекут, твой ответ подойдет к порке как нельзя лучше.

Ш у т

Впервые в жизни у меня вышла осечка с моим «Ах боже мой, сударь!» Как видно, вещь может служить долго, но не может служить всегда.

Г р а ф и н я

Я слишком щедро расточаю время
На балагурство со своим шутом.

Ш у т

«Ах боже мой!» — ответ мой снова к месту.

Г р а ф и н я

Ну, хватит. К делу. Вот письмо Елене.
Пусть тотчас же ответит мне она.
Да кланяйся моим родным и сыну.
Немного это.

Ш у т

Кланяться немного?

Г р а ф и н я

Немного поручила я тебе,
Ты понял ли?

Ш у т

Как не понять? Все понял.
Сейчас же ноги в руки и — бегом.

Г р а ф и н я

И сразу же назад.

Уходят.

С Ц Е П А 3

Париж. Зал в королевском дворце.
Входят Бертрам, Лафё и Пароль.

Л а ф ё

А говорят, что время чудес миновало! У нас развелись философы, которые все сверхъестественное и загадочное объявляют простым и обыденным. А из этого проистекает, что мы отгораживаемся мнимым знанием от мира и потрясающие явления считаем пустяками, тогда как следовало бы испытывать священный ужас.

П а р о л ь

Вот-вот. Это самое удивительное из чудес, какие только случались в наше время.

Б е р т р а м

Да, бесспорно.

Л а ф ё

Подумать, что от него отказались знаменитейшие врачи...

П а р о л ь

Я о том и говорю: последователи и Галена и Парацельса.

Л а ф ё

...ученейшие светила медицины...

П а р о л ь

Верно. Я это и говорю.

Л а ф ё

...признав его неизлечимым...

П а р о л ь

Вот именно. И я это говорю.

Л а ф ё

...безнадежным...

П а р о л ь

Совершенно правильно. Приговоренным... мм...

Л а ф ё

...к верной смерти.

П а р о л ь

Вы справедливо заметили. Я так и собирался сказать.

Л а ф ё

Смело могу утверждать: это нечто небывалое!

П а р о л ь

Так оно и есть. Я еще видел такое представление... Как бишь оно называется... мм...

Л а ф ё

Мы получили представление о том, как небесное могущество проявляется в земном существе.

П а р о л ь

Вот это самое я и собирался сказать. Именно это.

Л а ф ё

Ведь он теперь прыгает от радости, как дельфин на волнах,— да не упрекнул меня в непочтительности.

П а р о л ь

Нет, это просто удивительно. Тут нечего и размазывать — удивительно, да и только. Лишь тот, в ком нет ни стыда, ни совести, не признает, что здесь видна... мм...

Л а ф ё

Десница божья.

П а р о л ь

Ну да, это я и говорю.

Л а ф ё

Подумать, что в столь слабом...

П а р о л ь

...и хрупком создании воплотилась великая сила, великая мощь, каковая не только излечила короля, но и пробудила в нас сверх того... мм...

Л а ф ё

Чувство благодарности.

П а р о л ь

Именно это я и хотел заметить. Метко сказано.— Но вот и король.

Входят король, Елена и свита.

Л а ф ё

«Lustick!»¹ — как сказал бы голландец. Теперь я буду вовеку ухаживать за девушками, пока у меня во рту будет хоть один зуб. Королю, видать, даже в танце с ней пройти, так и то впору.

П а р о л ь

Mort du vinaigre!² Да ведь это Елена!

Л а ф ё

Бог свидетель, это она.

К о р о л ь

Созвать немедля всех моих дворян.

Один из придворных уходит.

Пусть рядом с исцеленным врач мой сядет.
Клянусь вторично этою рукой,
Которой ты чувствительность вернула,—
Получишь дар, желаемый тобою,
Лишь назови его.

Входят молодые дворяне.

Красавица, взгляни на цвет дворянства,
На юношей отважных, благородных,
Которым я монарх и опекун.
Бери себе в мужья из них любого —
И ни один не возразит ни слова.

Е л е н а

(молодым дворянам)

Пусть любовь позволит вам самим
Избрать невест прекрасных и достойных,
Но одному судьбу назначу я.

Л а ф ё

Я отдал бы коня со всею сбруей,
Чтоб средь мальчишек этих оказаться,
Чтоб у меня зубов был полон рот
И молодой пушок на подбородке.

¹ «Веселье, радость!» (*Голланд.*)

² Одна из форм божбы, дословно — «Смерть от укуса!» (*Франц.*)

К о р о л ь
(Елене)

Все — отпрыски стариннейших родов.

Е л е н а
О рыцари!
Мне бог позволил исцелить монарха.

Д в о р я н е
Благословен творец, тебя пославший.

Е л е н а
Я только девушка простого звания,
И все мое богатство лишь в одном:
Что девушкой могу себя назвать я...—
Нет, государь, прости, я откажусь!..
Мне шепчут щеки, заливаясь краской:
«Мы оттого краснеем, что решилась
Ты выбирать; когда ж отказ ты встретишь,—
Зальемся смертной бледностью навеки».

К о р о л ь
Нет, выбирай! Ответивший отказом
Сердца обоих нас отвергнет разом.

Е л е н а
Союз со мной, Диана, разорви!
Служу отныне божеству любви.
(Подходя к первому дворянину.)
Кто ж мой избранник? Рвусь к нему незримо.

П е р в ы й д в о р я н и н
Я рад быть им.

Е л е н а
Благодарю. Но — мимо.
Первый дворянин отступает с поклоном,

Л а ф ё

Быть на его месте немногим приятнее, чем поставить на кон
свою жизнь и выбросить на двух костях два очка.

Е л е н а

(подходя ко второму дворянину)

Ваш взор так горделив и так суров,
Что я ответ читаю в нем без слов.
Меня любить я вас не приневолю.
Пусть лучшее вам выпадет на долю.

В т о р о й д в о р я н и н

Вы — лучшая!

Е л е н а

Желаю вам найти
Достойнее, а нам — не по пути.
Второй дворянин отступает с поклоном.

Л а ф ё

Что ж, они так-таки и отступятся от нее? Будь эти молодцы
моими сыновьями, я бы их высек или отправил к туркам, чтобы
те взяли их к себе евнухами.

Е л е н а

(подходя к третьему дворянину)

Не бойтесь, вам не предложу я руку;
Вам не придется отвергать доuku.
Пусть небеса ваш брак благословят
С женой прекраснее, чем я, стократ.

Третий дворянин отступает с поклоном.

Л а ф ё

Да эти мальчишки сделаны изо льда! Так легко отказываться
от нее! Не иначе, как матери прижили их от англичан: у фран-
цузов не может быть таких сыновей.

Е л е н а

(подходя к четвертому дворянину)

Вы юны, счастливы, добры, — и все же
Я не взойду женою к вам на ложе.

Ч е т в е р т ы й д в о р я н и н

Но почему, красавица, скажи!

Л а ф ё

Все-таки нашлась во Франции виноградная гроздь! Видно, что
хоть твой отец не был трезвенником. Впрочем, мне хорошо изве-
стно, ты — набитый дурак; это так же верно, как то, что мне не
четыренадцать лет.

Е л е н а

(подходя к Бертраму)

Боюсь сказать, что вас я выбираю,
Но и себя и все, чем обладаю,
Вручаю вам.— Вот он, избранник мой!

К о р о л ь

Итак, Бертрам, она твоя жена.

Б е р т р а м

Моя жена? Молю вас, государь,
Позвольте поступить мне в этом деле
По разуменью моему.

К о р о л ь

Бертрам,
Ты знаешь ли, чем я обязан ей?

Б е р т р а м

Я знаю, государь, но почему
На ней жениться должен я — не знаю.

К о р о л ь

Со смертного одра я поднят ею.

Б е р т р а м

Но если, государь, вы поднялись,
То нужно ли ронять меня за это?
Я с ней знаком, она росла у нас.
Дочь лекаря моей женою станет?
Бесчестье и позор!

К о р о л ь

Гнушаешься ты низким ее званьем?
Но я могу ее возвысить. Странно,
Что принято людей ценить по крови.
Ведь если нашу кровь налить в сосуд,—
Ни теплотой, ни густотой, ни цветом
Одну не отличите от другой.
Вот девушка, она полна достоинств,
Но ты «дочь лекаря» в ней презираешь.
Ты имя ценишь, не дела. Напрасно!
Кто подвигом себя прославить смог,—
Пусть низок родом, духом он высок.

А кто гордится пышностью убранства
Да званьем, тот раздут водянкой чванства.
Под именем любим зло будет злом,
Как и добро останется добром.
Делами люди ценятся своими,
В вещах лишь сущность нам важна, не имл.
Взгляни на эту девушку: юна,
Умом и красотой наделена,—
Вот честь, которую дала природа.
Но если кто, твердя о чести рода,
Прославленными предками кичась,
Ничтожен сам, тот честь роняет в грязь.
Что значит слово «честь»? Как раб бессильный
Приковано к любой плите могильной,
Оно костям неблагодарным льстит,
Тогда как честный прах молвой забыт.
Люби же это милое создание;
Дана ей добродетель в достоянье —
На свете нет приданого ценней.
А я дам имя и богатство ей.

Б е р т р а м

Любить ее не стану, не хочу.

К о р о л ь

Себе же ты вредишь своим упрямством.

Е л е н а

Я счастлива, что мой король здоров,—
И мне другой ненадобно награды.

К о р о л ь

Теперь уже моя задета честь,
И власть моя ей на защиту встанет.—
Возьми Елену за руку, ты слышишь,
Гордец, мальчишка дерзкий, недостойный
Такого дара! Ты посмел презреть
Ее и с ней — мое благоволение.
Кто тяжелее — взвешиваешь ты.
Но знай, положим мы свое величье
На чашу, где она, — и, как пушинка,
Взлетишь ты к перекладине весов.
Иль ты забыл, что честь твоя взрастет
Лишь там, где мы решим ее посеять?
Смири гордыню, повинуйся нам;

Тебе на благо наши повеленья.
Высокомерья своего не слушай,
Но подчинись судьбе, как указуют
Тебе твой долг и вместе наша власть,
Иначе отрекись я от тебя,—
Пускай невежество и безрассудство
Тебя затянут в свой водоворот;
И на тебя, во имя правосудья,
Обрушу я свой гнев, свое возмездье,—
И жалости не жди! Ну, выбирай.

Б е р т р а м

Простите, государь, я подчиняю
Свои влеченья взору короля.
Я понял, что благоволенье ваше
Почет дарует, облакает честью,
И вижу я, что ту, кого считал
Я в горделивых мыслях слишком низкой,
Взыскал своею милостью монарх,
И, стало быть, он дал ей благородство,
Которого рожденье не дало.

К о р о л ь

Дай руку ей и назови женою.
Ее приданое уравновесит
Твое богатство; даже превзойдет.

Б е р т р а м

Я дам ей руку.

К о р о л ь

Ваш союз Фортуна
И милость короля благословляют.
Мы нынче ж договор, сейчас рожденный,
Скрепим обрядом бракосочетанья,
А свадебное торжество отложим
Впредь до прибытья близких и друзей.
Любезен будешь мне, ее любя,
А если нет,— пеняй уж на себя.

Король, Бертрам, Елена, вельможи и свита уходят,

Л а ф ё
(Паролю).

Послушайте-ка. На одно слово.

П а р о л ь

К вашим услугам, мессир.

Л а ф ё

Ваш покровитель и господин хорошо сделал, что пошел на попятный.

П а р о л ь

На попятный?.. Мой покровитель? Мой господин?

Л а ф ё

Ну да. Разве я говорю не на родном нашем языке?

П а р о л ь

На грубом языке. И если я пойму его как следует, то прольется кровь. Какой такой мой господин?

Л а ф ё

А что же, вы родня графу Руссильонскому? Товарищ?

П а р о л ь

Любому графу. Всем графам на свете. Любому из людей.

Л а ф ё

Любому из графских людей — пожалуй. А сам граф из другого теста.

П а р о л ь

Вы, сударь, слишком стары. Вот вам: вы слишком стары.

Л а ф ё

Заруби себе на носу, любезный, что я зовусь Человек, а тебе этого звания, сколько бы лет ты ни прожил, не заслужить.

П а р о л ь

Того, что так легко получить, я получать не собираюсь.

Л а ф ё

Разделив дважды с тобою трапезу, я было счел тебя неглупым малым: ты разглагольствовал о своих странствиях, и это было довольно забавно. Однако пестрые ленты, которыми ты украшен, как праздничная барка, наглядно меня убедили, что у этакой посудины не бог весть какое водоизмещение. Теперь я тебя раскусил; не жалко и выплюнуть. Можно было бы взять тебя в оборот, да браться противно.

П а р о л ь

Ну, если бы у тебя не было привилегий дряхлости...

Л а ф ё

Не переусердствуй в своем гневе, не то как раз нарвешься на поединок, а уж тогда... да пощадит тебя господь, цыплячья душа! Прощай, решетчатое окно: мне не надо открывать твои створки, я и так вижу все насквозь. Давай руку.

П а р о л ь

Вы, мессир, нанесли мне жесточайшую обиду.

Л а ф ё

И с превеликим удовольствием. Ты того стоишь.

П а р о л ь

Я этого не заслужил, ваша милость.

Л а ф ё

Клянусь, что заслужил, заслужил на полновесный червонец. А уж я тебе не дам спуску ни на грош...

П а р о л ь

Я постараюсь быть умнее.

Л а ф ё

Старайся изо всех сил, тем более что ты сильно кренишься в противоположную сторону. Если когда-нибудь тебя свяжут твоими собственными лентами и высекут, ты узнаешь, что значит гордиться своими связями. Я не прочь продолжать с тобой знакомство, вернее, изучать тебя, чтобы, когда поймают тебя с личным, я мог заявить: «Мне этот прохвост известен».

П а р о л ь

Мессир, ваши издевательства просто нестерпимы.

Л а ф ё

Я бы хотел, чтобы это были адские муки и чтобы я мог потешаться над тобой вечно. Ведь для мужской потехи я уже слишком стар, как ты изволил заметить. (*Уходит.*)

П а р о л ь

Погоди, твой сын заплатит мне за это унижение, ты, паршивый, дряхлый, мерзкий дворянщик!.. Ничего-ничего, главное —

выдержка: истинное достоинство недолго терпит унижения. Клянусь жизнью, я его изобью, только бы подвернулся удобный случай,— будь он хоть дважды, четырежды дворянин! Уж тогда я не пощажу его преклонного возраста, нет уж... Я его изобью! Только бы с ним повстречаться снова!

Возвращается Лафё.

Лафё

Эй ты, твой покровитель и господин женился. Могу сообщить новость: у тебя есть молодая госпожа.

Пароль

Осмелюсь со всем чистосердечием умолять вашу светлость, чтобы вы обратили внимание на свою ошибку: граф — мой добрый покровитель, но господин, коему я служу, он там наверху.

Лафё

Кто? Бог?

Пароль

Да, мессир.

Лафё

Дьяволу ты служишь, вот кто твой господин. Чего это ты на рукава нацепил ленты? Решил их сделать штанами? Разве кто-нибудь еще из слуг так носит? Уж тогда переставь и зад на место носа. Клянусь честью, будь я моложе хотя бы на два часа, я бы тебя отлупил. Ты всеобщее позорище, и всем и каждому следовало бы тебя лупить. Я полагаю, что ты и сотворен только для того, чтобы люди пробовали на тебе свои кулаки.

Пароль

Жестоко и незаслуженно, ваша милость.

Лафё

Полно, любезный. В Италии ты был бит за то, что украл какую-то мелочь. Какой ты путешественник? Ты бродяга. Ты держишься куда нахальнее со знатыми и почтенными людьми, чем тебе позволяют твое рождение, звание и заслуги. Не стоит тратить на тебя слова, а то бы я назвал тебя канальей. Прощай. *(Уходит.)*

Пароль

Хорошо!.. Отлично!.. Так-так... Хорошо!.. Отлично!.. Ничего, дай срок.

Входит Бертрам.

Б е р т р а м

Теперь погиб я! Связан навсегда!

П а р о л ь

Мой мальчик, что стряслось?

Б е р т р а м

Хоть я и дал обет пред алтарем,
Но ложа с ней не разделю вовски.

П а р о л ь

О чем ты говоришь? О чем, сынок?

Б е р т р а м

Пароль! Ах, мой Пароль, меня жепили!
Я убегу в Тоскану, на войну!
Я никогда не разделю с ней ложа.

П а р о л ь

Да! Франция — собачья конура,
В ней жить противно. Едем на войну!

Б е р т р а м

От матушки пришло письмо, но я
Еще не знаю, что она мне пишет.

П а р о л ь

Успеется. В поход, сынок! В поход!
Бесплодно держит честь свою под спудом,
Кто дома обнимается с бабенкой
И тратит с нею мужественный пыл,
Который лучше бы употребил он,
Пришпоривая скакуна войны.
В чужие страны! Франция — конюшня,
В ней прозябать пристало только клячам.
А посему — в поход!

Б е р т р а м

Да, решено. Ее ж домой отправлю
И матушку немедля извещу
О том, как ненавистна мне жена,
Причина бегства. Также государю
Все напишу, чего сказать не смею.
А свадебный подарок короля

Поможет снарядиться для похода
В Италию, где хабрецы воюют.
Поход не труден, не страшна война,
Когда в дому постылая жена.

П а р о л ь

Надолго ли, скажи, такая прихоть?

Б е р т р а м

Пойдем, мне твой совет необходим.
Ее я тотчас отошлю, а завтра
И мы с тобою в путь. Ей суждена
Скорбь одиночества, а мне — война.

П а р о л ь

Итак, вперед, под пули! Дай мне руку.
Все, поженившись, пожиная скуку.
Мужайся! В путь! Оставь ее одну.
Король тебя обидел. На войну!

Уходят.

С Ц Е Н А 4

Там же. Другой зал во дворце.

Входят Е л е н а и ш у т.

Е л е н а

Матушка шлет мне душевный привет. Как она поживает?

Ш у т

Не совсем хорошо. Впрочем, она совершенно здорова. Она в прекрасном расположении духа, и все же ей нехорошо. Благодарение богу, она поживает отлично и ни в чем не нуждается, но все же ей не совсем хорошо.

Е л е н а

Но если она поживает отлично, то почему же ей не совсем хорошо?

Ш у т

Ей было бы совсем хорошо, если бы не две вещи.

Е л е н а

Какие же?..

Ш у т

Во-первых, то, что она еще не в раю, да возьмет ее туда поскорее господь. А во-вторых, то, что она еще на земле, откуда господь да возьмет ее поскорее.

Входит Пароль.

П а р о л ь

Благослови вас бог, счастливейшая госпожа!

Е л е н а

Надеюсь, сударь, вы радуетесь моему счастью.

П а р о л ь

Я молился о том, чтобы вы его получили, и теперь молюсь, чтобы вы его удержали при себе...— А, это ты, приятель! Как поживает моя старая госпожа?

Ш у т

Если бы вам отдать ее морщины, а мне — ее деньги, то она бы поживала именно так, как вы сказали.

П а р о л ь

Да я же ничего не сказал.

Ш у т

Именно поэтому вы истинный мудрец. Ибо язык человеческий болтает, как правило, в ущерб своему владельцу. Ничего не говорить, ничего не делать, ничего не понимать и ничего не иметь за душой — вот главные из ваших достоинств, сумма которых мало отличается от нуля.

П а р о л ь

Пошел вон! Ты прохвост.

Ш у т

Вам бы, сударь, следовало сказать так: «Для прохвоста ты прохвост». То есть: «Для меня ты прохвост». Это было бы вернее, сударь.

П а р о л ь

Пошел ты к... премудрый дурак! Я дурака сразу вижу.

Ш у т

Может быть, в зеркале? Или вы видели, как кто-то на вас показывал пальцем? Полезное признание, сударь. В зеркале вы мо-

жете увидеть большого дурака: всем людям будет чем позабавиться и смеха достанет на всех.

П а р о л ь

Пройдоха ты! Зажравшийся пройдоха! —
Сударыня, сегодня на закате
Граф должен ехать: срочные дела.
Права любви, супружества права,
Что вам принадлежат, он уважает,
Однако вынужден просить отсрочки.
Но сладкий есть нектар и в промедленье:
Тугой уздой придержанное время
Удвоит вашу будущую радость,
Наполнит кубок счастья до краев.

Е л е н а

Так что же мне супруг повелевает?

П а р о л ь

Чтоб тотчас вы простились с королем,
Своим желаньем объяснив отъезд
И благовидный подыскав предлог
Для этого поспешного решения.

Е л е н а

Что приказал еще он?

П а р о л ь

Чтобы вы
Дальнейших повелений ожидали.

Е л е н а

Во всем его желаньям я послушна.

П а р о л ь

Так и скажу.

Е л е н а

Пожалуйста.

(Шуту.)

Идем.

Уходят.

С Ц Е Н А 5

Там же. Другая комната во дворце.

Входят Лафё и Бертрам.

Лафё

Не может быть, ваша светлость, чтобы вы считали его настоящим воином.

Бертрам

Разумеется, да, мессир; притом испытанным храбрецом.

Лафё

Вам об этом известно от него самого?

Бертрам

Ну да, и от заслуживающих доверия свидетелей.

Лафё

Значит, у меня слабое зрение: я принял этого сокола за ворону.

Бертрам

Уверяю вас, мессир, что это человек огромных познаний и не меньшего мужества.

Лафё

Ну, если так, то, стало быть, я содеял грех против его многопытности и совершил кощунство против его отваги. И положение мое отчаянное, ибо я не нахожу раскаяния в своей душе. Да вот и он. Прощу, помирите нас. Я мечтаю с ним подружиться.

Входит Пароль.

Пароль

(Бертраму)

Ваша светлость, все будет исполнено, как вы велели.

Лафё

Соблаговолите сообщить, сударь, кто ваш портной?

Пароль

Мессир...

Лафё

О, конечно, он мне известен! Как же, сударь! Он превосходный мастер, он, сударь. пренкуснейший портной.

Б е р т р а м
(*тихо, Паролю*),

Она пошла к королю?

П а р о л ь
(*тихо, Бертраму*)

Пошла.

Б е р т р а м
(*тихо, Паролю*)

И к вечеру уедет?

П а р о л ь
(*тихо, Бертраму*)

Как вы ей приказали.

Б е р т р а м

Написаны все письма, а казна —
В ларце, и лошадей седлать велел я.
И до начала нашей ночи брачной
Наступит ей конец.

Л а ф ё

Бывалого путешественника почему бы и не послушать после обеда; но если кто, сказав три слова, три раза соврет и вместе с одной избитой истиной сбывает вам тысячу вздорных небылиц, такого молодца достаточно однажды выслушать, чтобы трижды отколотить. Да помилует вас бог, капитан.

Б е р т р а м

Не вышло ли у вас с мессиром какой неприятности, Пароль?

П а р о л ь

Не знаю, почему я попал в немилость у мессира.

Л а ф ё

Да, вы ухитрились попасть в нее, с головой, и с сапогами, и с шпорами, и со всеми потрохами, как тот молодец, который прыгает в праздничный пирог. И выбраться из этой немилости вам будет не легче, чем ответить на вопрос, зачем вы туда залезли.

Б е р т р а м

Вы, мессир, должно быть, не так его поняли, он порядочный человек.

Л а ф ё

Я понял, что он дрянь порядочная, даже когда читает молитвы. Прощайте, ваша светлость. Поверьте мне, что он пустой

орех, без ядра. У этого человека нет ничего за душой, кроме его платья. Не полагайтесь на него в трудную минуту. Мне случалось иметь дело с такими господами, и я знаю им цену. *(Пароло.)* Прощайте, сударь. Я отозвался о вас лучше, чем вы того стоите или впредь будете стоить. Но, так и быть, надо проявлять великодушные. *(Уходит.)*

П а р о л ь

Вот, ей-богу, пустейший старик.

Б е р т р а м

Пожалуй.

П а р о л ь

А что, разве он вам не известен?

Б е р т р а м

Известен, как же. И могу сказать:
Хвалу ему возносят все.— Но вот
Колодка, что надета мне на шею.

Входит Е л е н а.

Е л е н а

Как вы мне повелили, мой супруг,
Я говорила с королем, он дал
Согласие на мой отъезд. Но прежде
Он хочет видеть вас наедине.

Б е р т р а м

Его приказ я выполняю... Елена,
Не удивляйтесь моему решению,
Хотя оно с обычаем в разладе
И к положенью моему нейдет.
Застигнут я врасплох всем происшедшим,
И выбит я совсем из колеи,—
Вот почему уехать вас прошу;
А если вам угодно удивляться,
То хоть не задавайте мне вопросов:
Причины важные таются здесь.
Дела, которые меня зовут,
Значительней, чем могут показаться
На первый взгляд тому, кто их не знает.

(Протягивая ей письмо.)

Вот — матушке отдайте. На два дня
Мы расстаемся. Будьте же разумны.

Е л е н а

Супруг мой, вам отвечу лишь одно:
Во всем я покоряюсь вашей воле...

Б е р т р а м

Ступайте же.

Е л е н а

...и приложу все силы,
Чтоб заслужить вниманьем и заботой
Высокий жребий, на который права
Мне скромное рожденье не дает.

Б е р т р а м

Достаточно об этом. Я спешу.
Прощайте. В путь.

Е л е н а

Супруг мой...

Б е р т р а м

Что еще?

Е л е н а

Сокровища того, что мне досталось,
Не стою я. Не смею я сказать:
«Оно мое!» — хоть это так и есть.
И то, что мне вручил закон, хочу я
Украсть, как вор трусливый.

Б е р т р а м

Что же это?

Е л е н а

Немного... даже меньше... так, ничто.
Чего хочу, сказать я не хочу...
Супруг мой! Лишь чужие и враги
Друг друга на прощанье не целуют.

Б е р т р а м

Не медлите. Скорей. Заждались кони.

Е л е н а

Я повинуюсь, добрый мой супруг.

Б е р т р а м
(Паролю)

Все люди собраны мои?
(Елене.)

Прощайте.

Е л е н а уходит.

Ступай и, сидя дома, дожидайся.
Туда я больше не вернусь. Милей
Мне барабанный бой и стук мечей!
(Паролю.)

Бежим!

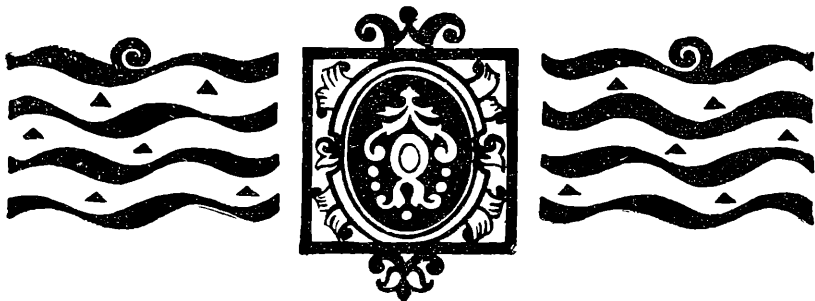
П а р о л ь

Не бойся ничего. Coraggio!¹

Уходят.

¹ Смелей! (Итал.)

А К Т III

СЦЕНА 1

Флоренция. Зал в герцогском дворце.

Трубы. Входят герцог флорентийский со свитой, двое французских дворян и солдаты.

Герцог

Итак, мы вам подробно изложили
Главнейшие причины той войны,
Что столько уже крови поглотила,
Но жажды не умерила своей.

Первый дворянин

На вашей стороне добро и правда,
На стороне противной — ложь и зло.

Герцог

И потому весьма нас удивляет,
Что наш кузен, король французский, сердце
Для наших просьб о помощи замкнул.

Второй дворянин

Я вашему высочеству признаюсь,
Что в государственных делах не смыслю.
Я человек простой, неумудренный;
В руках у государственных мужей
Я лишь марионетка. Так могу ли

Вам домыслы высказывать свои?
Легко на скользкой почве оступиться.

Герцог

В своих решениях волен он, конечно.

Второй дворянин

Но я уверен: юные французы,
Больные праздностью, к вам поспешат
Искать лекарства.

Герцог

Мы им будем рады,
Их всем, чем можем, щедро наградим.
Свои места вы знаете в сражение;
Коль старшие падут — вам повышенье.
Итак, до завтра. Свидимся в бою.

Трубы. Все уходят.

СЦЕНА 2

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят графиня и шут.

Графиня

Все случилось, как я желала; но почему же он не приехал
с ней вместе?

Шут

По совести сказать, я полагаю, что молодой граф человек
весьма меланхолического склада.

Графиня

Из чего это следует? Вот вздор!

Шут

А как же? Он смотрит на свой сапог — и насвистывает, по-
правит на нем отворот — и насвистывает, спросит что-нибудь —
и насвистывает, ковыряет в зубах — и насвистывает. Я знал
одного меланхолика, который так любил музыку, что просвистал
все родовое имя.

Графиня

(распечатывая письмо)

Посмотрим, я хочу узнать, что он пишет и когда собирается
приехать.

Ш у т

А я, побывав при дворе, разочаровался в своей Изабелле. Наша деревенская голсная треска и наши Изабеллы в подметки не годятся придворной соленой треске и придворным Изабеллам. Теперь у моего Купидона мозги сдвинулись набекрень, и я начинаю относиться к любви, как старик к деньгам: мне жалко ее тратить.

Г р а ф и н я

Что я вижу!

Ш у т

Ровнехонько то самое, на что вы глядите. (*Уходит.*)

Г р а ф и н я

(*чигает*)

«Я отправляю к вам вашу невестку. Она спасла короля, а меня погубила. Я с ней обвенчан, но она не стала моей женой; и я поклялся, что этого не случится вовеки. До вас дойдет слух о том, что я бежал из Франции. Узнайте же это раньше от меня. Если мир достаточно велик, то я буду держаться на большом расстоянии от дома. Почтительно приветствую вас. Ваш несчастный сын Бертрам».

Нехорошо, сгροптивый мой гордец!
Бежал ты от добрейшего монарха,
Его немилость на себя навлек —
И чем же? Тем, что пренебрег невестой,
Такой, которой даже император
Стыдиться бы не стал.

Ш у т возвращается.

Ш у т

Ах, ваша светлость, прибыли дурные вести в сопровождении двух солдат. Они направляются к вам вместе с молодой графиней.

Г р а ф и н я

Что случилось?

Ш у т

Правда, в новостях есть и кое-что утешительное: ваш сын уцелеет дольше, чем я предполагал.

Г р а ф и н я

Как уцелеет?

Ш у т

Вот именно, ваша светлость, раз он сбежал, — по крайней мере до меня дошел этот слух. Не так опасно бежать, как лежать:

хотя второе занятие и умножает количество младенцев, но зато мужчинам сокращает век. Вот они сами идут сюда и расскажут вам все подробности. А я слышал только одно — что ваш сын сбсжал. (*Уходит.*)

Входят Елена и два офицера.

Первый офицер

Храни вас бог, графиня.

Елена

Ваша светлость,
Уехал он! Уехал навсегда!

Второй офицер

Не говорите так.

Графиня

(*Елене*)

Терпение!

(*Офицерам.*)

Вам, господа, я рада.

(*Елене.*)

Мне в жизни испытать пришлось так много
Смен радости и горя, что ничем
Нельзя меня согнуть. — Ну, где мой сын?

Второй офицер

Уехал к флорентийскому двору.

Мы повстречались с ним на полдороге.

Депеши из Флоренции в Париж

Доставим мы и вновь туда вернемся.

Елена

Взгляните, вот письмо — теперь вольна я

На все четыре стороны идти.

(*Читает.*)

«Когда ты завладеешь кольцом, которое я не снимаю со своего пальца, когда ты сможешь показать мне свое дитя, зачатое от меня, — только тогда можешь называть меня своим мужем. Но такое *тогда* означает *никогда...*».

Вот он, мой приговор!

Графиня
(офицерам)

Вы привезли письмо?

Первый офицер

Да, ваша светлость.

Но каемся теперь, узнав, что в нем.

Графиня

О дочь моя, не сокрушайся так.

Все это горе взяв себе одной,

Меня лишишь моей законной доли.

Он был мне сыном, но теперь исторгну

Из сердца имя самое его.

Отныне только ты мое дитя.—

Итак, он во Флоренцию уехал?

Второй офицер

Да, ваша светлость.

Графиня

Чтобы там сражаться?

Второй офицер

Да, с этим благородным побуждением.

И смею вас уверить, что с почтением

Его там встретит герцог.

Графиня

Вы туда

Вернетесь скоро?

Первый офицер

Полетим на крыльях.

Елена

(читает)

«У меня во Франции, пока там есть жена, нет ничего».

Как это горько!

Графиня

Так он пишет?

Елена

Да.

Первый офицер

Но, может статья, дерзкая рука
Писала то, с чем сердце несогласно.

Графиня

«Пока там есть жена, нет ничего!»
Да по сравненью с ней он сам — ничто.
Она бы стоила такого мужа,
Какому двадцать этаких мальчишек
Почти б за честь служить и называли б
Ее тогда смиренно госпожой.
Кто был при нем?

Первый офицер

Всего один слуга
Да некий капитан. Я с ним знаком.

Графиня

Его зовут Пароль?

Первый офицер

Да, ваша светлость.

Графиня

Дряннейший малый, с грязною душой.
Все доброе в себе мой сын погубит,
Водя знакомство с ним.

Первый офицер

Да, ваша светлость.

Чего-то слишком много в этом малом,
Что заставляет легковых верить,
Как будто в нем и вправду что-то есть.

Графиня

Вы, господа, желанные здесь гости,
А сыну моему вы передайте,
Что не добудет он вовек мечом
Той чести, от которой сам отрекся.
Все остальное изложу в письме,
Которое вручу вам для него.

Второй офицер

Мы счастливы служить вам, ваша светлость.

Графиня

Служить? О нет! Лишь дружеской услуги
Прошу от вас. Пожалуйста за мной.

Графиня и офицеры уходят.

Елена

«Пока там есть жена, нет ничего».
Нет ничего во Франции, пока
Там есть жена! Ну что ж, ее не будет,—
И все вернется к вам, граф Руссильон.
Супруг мой бедный! Неужели я
Из родины твоей тебя изгнала,
Отдав твою прекраснейшее тело
Превратностям безжалостной войны?
И неужель, из-за меня покинув
Веселый двор, где ты мишенью был
Для женских взглядов, станешь ты теперь
Мишенью для дымящихся мушкетов?
О вы, свинцовые посланцы смерти,
Летающие на огненных крылах,
Промчитесь мимо! Воздух рвя со свистом,
Не трогайте супруга моего!
Кто бы в него ни целил — мной подослан,
И, кто бы в грудь ни выстрелил ему,—
Подвигнут на убийство мной, злодейкой.
Не я убью, но я причина смерти.
О нет! Уж лучше встретиться бы мне
С голодным львом, что вышел на добычу.
Уж лучше бы на голову мою
Все бедствия обрушила природа.
Вернись домой, Бертрам! Вернись оттуда,
Где честь в награду может получить
Одни рубцы, но чаще — все теряет.
А я уйду. Ты там, пока я здесь,—
Так смею ль я здесь дольше оставаться?
Нет, ни за что, хотя бы в этом доме
Благоуханье райское лилось
И ангелы служили вместо слуг.
Да, я уйду, и пусть утешит слух твой
Известье о моем уходе горьком.
Мой день окончен,— ночь в друзья возьму.
Как жалкий вор, скрываюсь я во тьму.

(Уходит.)

СЦЕНА 3

Флоренция. Перед герцогским дворцом.

Трубы. Входят герцог флорентийский, Бертрам, Пароль, дворяне, офицеры, солдаты и другие.

Герцог

Начальником тебя мы назначаем
Над конницею нашей. И с надеждой
Мы доверяемся твоей звезде.

Бертрам

О государь! Такое бремя тяжело,
Но, если таково желанье ваше,
Его приму и с этой ношей ринусь
Опасностям навстречу.

Герцог

Мчись же в бой,
И пусть Фортуна, возлюбив тебя,
Сияет на твоём победном шлеме!

Бертрам

Великий Марс, тебе служу отныне.
О, дай моим мечтам осуществиться,
И докажу я миру, что во мне
К любви презренье и любовь — к войне!

Уходят.

СЦЕНА 4

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят графиня и дворецкий.

Графиня

Зачем вы взяли у нее письмо?
Могли бы догадаться, что она
Мне пишет неспроста. Прочтите снова.

Дворецкий

(читает)

«Я оскорбила гордую любовь.
Паломницей к Иакову Святому,
Босая, ноги раздирая в кровь,
Замаливать свой грех уйду из дому.

Пускай ваш сын, кого я так люблю,
Узнав о том, вернется с поля брани.
Всем сердцем я его благословлю,
Влачась по горестной стезе скитаний.

Пусть он меня простит за то, что я,
Подобная безжалостной Юноне,
Его послала на труды в края,
Где рыщет смерть за храбрыми в погоне.

Смерть пощадит его, как я щажу:
Сдружившись с ней, его освобожу».

Графиня

Ах, сколько острых жал в словах столь мягких!
Как вы неосмотрительно, Ринальдо,
Уйти ей дали. Если б я успела,
Ее отговорить бы я могла.
Но поздно уж.

Дворецкий

Простите, ваша светлость.
Когда б я ночью вам вручил письмо,
Ее могли б еще догнать, хотя
Скорей всего она бы не вернулась.

Графиня

Где ангела-хранителя найдет
Супруг заблудший? Нет ему спасенья,—
Вот разве та, кому так внемлет небо,
Всевышнего умолит судию
Смягчить свой гнев! — Пишите же, Ринальдо,
Дурному, недостойному супругу.
В словах высоких оцените ту,
Кого так низко сам он оценил.
Поведайте, как я скорблю глубоко,
Хоть сам он мелок, чтоб меня понять.
Письмо с гонцом надежным отошлите.
Услышав, что она ушла из дому,
Вернется он. Надеюсь, что тогда,
Ведомая своей любовью чистой,
Она сюда обратно поспешит.
Кто мне из них дороже, разум мой
Не знает.— Снарядите же гонца! —
Покоя старость хочет и молчанья,—
Но скорбь ждет слез, слов требует страданье.

Уходят,

СЦЕНА 5

Перед стенами Флоренции.

Вдали раздается звук трубы. Входят старая вдова, Диана, Марианна и другие горожане.

Вдова

Да ну же, поторопитесь! Ведь когда они подойдут к самому городу, мы уже ничего не увидим.

Диана

Говорят, этот французский граф совершил славные подвиги.

Вдова

Рассказывают, будто он взял в плен неприятельского военачальника и собственной рукой убил брата их герцога... Ну вот, мы только понапрасну спешили: они проходят через другие ворота. Слышите? Трубы удаляются.

Марианна

Пойдемте. Ничего не поделаешь, вернемся домой и хоть послушаем, что другие расскажут. А ты, Диана, смотри остерегайся этого французского графа. Честь девушки в ее добром имени, и целомудрие дороже всяких богатств.

Вдова

Я уже рассказывала соседке, как к тебе приставал один из его приближенных.

Марианна

Знаю я сго, негодя! Пароль его зовут. Он гнусный пособник молодого графа во всех этаких делах. Берегись их, Диана. Все их посулы, обещания, клятвы, знаки внимания и прочие средства, измышляемые похотью, ничего не стоят. Многих уже девушек они совратили. Но беда в том, что, как бы ни были ужасны примеры, сколько бы девушек ни погибало, это не мешает другим бедным пташкам лететь прямо в силки. Тебе-то, я надеюсь, мои предостережения не нужны. Тебя будет охранять твоя чистота, хотя бы опасность угрожала всего лишь твоей скромности.

Диана

За меня вам не нужно бояться.

Вдова

Я думаю.— Смотрите, вот идет паломница. Должно быть, она захочет остановиться на моем постоялом дворе: пилигримы посылают ко мне друг друга. Спрошу-ка ее.

Входит Елена в одежде паломницы.

В д о в а

Храни вас бог. Куда лежит ваш путь?

Е л е н а

К Иакову Святому.

Скажите, где живут здесь пилигримы?

В д о в а

Близ городских ворот, в «Святом Франциске».

Е л е н а

Так прямо мне идти?

В д о в а

Да-да, конечно.—

Вдали слышна военная музыка.

Прислушайтесь! Они идут сюда.—

Вы подождите. Вот пройдут войска —

И я сама туда вас провожу,

Тем более что я хозяйку знаю,

Как самое себя.

Е л е н а

Не вы ли это?

В д о в а

Да, это я и рада вам служить.

Е л е н а

Спасибо. Я вас подожду охотно.

В д о в а

Вы не из Франции ли?

Е л е н а

Да, оттуда.

В д о в а

Здесь одного из земляков своих

Увидите сейчас. На поле брани

Он славно отличился.

Е л е н а

Кто же он?

Д и а н а

Граф Руссильонский. Знаете такого?

Е л е н а

Слышать слыхала: он молвой прославлен;
Но видеть не случилось.

Д и а н а

Кто б он ни был,—
Его здесь все считают храбрецом.
Он, говорят, из Франции бежал
Из-за того, что должен был жениться
По воле короля на нелюбимой.
Не знаю, правда ли?

Е л е н а

Да, это правда.
С его женой знакома я.

Д и а н а

О ней
С пренебреженьем крайним отзывался
Один из графской свиты.

Е л е н а

Кто же это?

Д и а н а

Его зовут Пароль.

Е л е н а

Я с ним согласна.
В сравнении с высокородным графом
Она низка настолько, что не стоит
И имени ее упоминать.
Но есть у ней достоинство одно:
Смиренная, безропотная верность,
В которой невозможно усомниться.

Д и а н а

Несчастная! Уж лучше быть рабой,
Чем быть женой, супругу ненавистной.

Вдова

И правда. Где она сейчас, не знаю,
Но, верно, ей, бедняжке, нелегко.

(Указывая на Диану.)

Вот кто бы мог, когда б желание было,
Ей причинить немало зла.

Елена

Но чем же?

Быть может, граф влюблен и предлагает
Ей связь преступную?

Вдова

Вы угадали.

На все готов, чтоб своего добиться
И оскорбить девическую честь.
Но дочь моя атаки отбивает
И не сдается.

Марианна

Бог ее храни!.

Входят с барабанным боем и развернутыми знаменами флорентий-
ские войска, Бертрам и Пароль.

Вдова

Идут! Идут! Смотрите же: вот этот —
Сын герцога, Антонио, а тот —
Эскал.

Елена

А где же здесь французский граф?

Вдова

Вон тот красавец с перьями на шлеме.
Как жаль, что он жене своей неверен:
Будь он честней, он был бы лучше всех.
А вам он тоже нравится?

Елена

Да, очень!

Диана

Да, жаль, что он испорчен. А вон там —
Тот негодяй, что увлекает графа
В дурное общество. Будь я графиней, —
Велела б я мерзавца отравить.

Е л е н а

Который? Не пойму.

Д и а н а

Вон та мартышка,
Что лентами обвита. Это странно...
Он что-то приуныл.

Е л е н а

Быть может, ранен?

П а р о л ь

(в сторону)

Проморгать барабан! Вот так история!

М а р и а н н а

Что с ним? Он словно бы не в себе. Смотрите, он нас заметил.

В д о в а

Чтоб тебя черт побрал!

М а р и а н н а

Вместе с твоими лстивыми речами и ужимками, паршивый
сводник!

Бертрам, Пароль, офицеры и солдаты уходят.

В д о в а

Войска прошли. Паломница, пойдете
Со мной в мой дом. И вы найдете там
Еще пять-шесть таких же пилигримов,
Что держат путь к Иакову Святому.

Е л е н а

Благодарю смиренно. Может быть,
Вы с вашей милой дочкой согласитесь
Со мной поужинать? Само собою,
Я с благодарностью плачу за всех.
И кой-какие ценные советы
Я этой девушке могла бы дать.

В д о в а и Д и а н а

(вместе)

Охотно принимаем приглашение.

Уходят.

СЦЕНА 6

Лагерь близ Флоренции.

Входят Бертрам и двое французских дворян.

Первый дворянин

Прошу вас, любезный граф, выведите этого Пароля на свежую воду. Не мешайте ему сделать то, что он задумал.

Второй дворянин

Если ваша светлость не убедится, что он — полное ничтожество, вы можете лишить меня своего уважения.

Первый дворянин

Клянусь жизнью, граф, это мыльный пузырь.

Бертрам

Вы полагаете, что я в нем ошибаюсь?

Первый дворянин

Уверяю вас, граф. Я говорю только то, что хорошо знаю, без всякого предубеждения. Будь он даже моим родичем, я не мог бы не признать, что он отъявленный трус, безудержный хвастун, бесстыдный клятвопреступник и что нет за ним ни одного из достоинств, которое могло бы объяснить ваше к нему расположение.

Второй дворянин

Вам бы надо подвергнуть его испытанию. Иначе может случиться, что в каком-нибудь важном и секретном предприятии вы положитесь на его доблесть, которой на деле нет, а в решительную минуту он вас предаст.

Бертрам

Надо придумать, на чем бы его испытать.

Второй дворянин

Чего же лучше, — дайте ему случай вернуть потерянный барабан. Ведь он хвастал, что для него это сущий пустяк.

Первый дворянин

А тут я с отрядом флорентийцев и схвачу его. Возьму с десятков незнакомых ему солдат — и он не отличит нас от неприятеля. Мы свяжем его по рукам и ногам, завяжем глаза — и он, очутившись в нашем собственном лагере, вообразит, что его притащили

во вражеский стан. Пусть только ваша светлость будет при его допросе. Ручаюсь, что он, побуждаемый подлым страхом, ради сохранения жизни решится на предательство и разболтает врагу все, что ему известно о ваших планах, не устыдясь нарушения воинской присяги. А если нет, то не верьте после этого ни единому моему слову.

Второй дворянин

Хотя бы для потехи пошлите его на поиски барабана! Он уверяет, что разработал для этого хитроумный план. Когда ваша светлость увидит плоды его стараний и убедится, что при переплавке из этой глыбы руды выйдет только комок грязи, то или вы прикажете выбивать барабанную дробь на его собственной спине, или придется признать, что слабость ваша к нему непреодолима... А вот и он.

Первый дворянин

О, хотя бы для смеха не препятствуйте ему в осуществлении столь славной задачи: пусть он выручает свой барабан.

Входит Пароль.

Бертрам

Ну как, Пароль? Мысль о барабане все не дает тебе покоя?

Второй дворянин

Да чтоб он лопнул! Ну его! Подумаешь, барабан!

Пароль

«Подумаешь, барабан»! Разве только в барабане дело? Лишиться барабана таким дурацким образом! Нечего сказать, славные отдаются приказы: наша конница врезалась в наш собственный фланг и смяла своих же пехотинцев!

Второй дворянин

Приказы тут ни при чем. Произошла несчастная случайность, которой не мог бы предвидеть даже сам Цезарь, если бы он командовал в этом бою.

Бертрам

Однако не приходится жаловаться на исход сражения. Правда, потеря барабана уронила нашу воинскую честь, но, что пропало, того не вернешь.

Пароль

Можно было вернуть.

Бертрам

Можно было. Но этого не случилось.

Пароль

Барабан нужно вернуть. Жаль только, что награда за подвиг редко достается тому, кто ее заслужил, а то бы я вернул этот барабан, или захватил какой-нибудь другой, или... «hic jacet...»¹,

Бертрам

Ну, если уж тебе так нейдет и ты уверен, что достаточно искушен в военных хитростях, чтобы вернуть утраченный символ воинской славы, то ступай и соверши чудеса храбрости. Я почту доблестным подвигом твою попытку. А буде она увенчается успехом,— сам герцог похвалит тебя и вознаградит с подобающей ему щедростью за каждую крупницу проявленного тобой геройства.

Пароль

Клянусь моей рукой воина, я совершу этот подвиг!

Бертрам

По тогда надо поторапливаться.

Пароль

Займусь этим делом нынче же вечером. Сейчас я составляю диспозицию, вдохновлюсь уверенностью в успехе операции, отдам распоряжения на случай своей смерти,— и можете рассчитывать на то, что к полуночи обо мне кое-что услышите.

Бертрам

Могу ли я взять на себя смелость доложить его высочеству о твоём замысле?

Пароль

Не знаю, что получится, но попытаюсь попытаться, и в том даю клятву.

Бертрам

Мне известно, как ты храбр, как искусен в военном деле, я готов поручиться за успех. Счастливого пути!

Пароль

Я не люблю бросать слова на ветер. (*Уходит.*)

¹ Здесь покоится... (*Лат.*)

Первый дворянин

Так-то вот и рыба не любит плавать. Ну не чудак ли? С какой самонадеянностью он берется за дело, которое, как он хорошо знает, невыполнимо. Кричит: «Будь я проклят, если не совершу подвига!» — а сам скорее даст себя проклясть, чем отважится на подвиг.

Второй дворянин

Вы его не знаете, ваша светлость, как знаем мы. Спору нет, он способен вкратце в доверие и продержаться с неделю, пока его не раскусят. Но достаточно однажды понять, что он за птица, и он уж вас больше не обманет.

Бертрам

Вы и в самом деле считаете, что он не исполнит ничего из того, за что берется с таким жаром?

Первый дворянин

Ровным счетом ничего. Он вернется, выдумав какую-нибудь историю, и преподнесет вам с десятков небылиц, могущих сойти за правду. Но мы его выследили и, вот увидите, этой ночью затравим. Вы убедитесь, что он не заслуживает уважения вашей светлости.

Второй дворянин

Мы славно потешим вас травлей, прежде чем сдерем шкуру с этой лисы. Первым вспугнул ее старик Лафё. Когда личина будет сорвана, — а это произойдет нынче ночью, — вы сами признаете, что под ней скрывается жалкая тварь.

Первый дворянин

Пойду-ка я проверю западню.

Бертрам

А брат ваш пусть останется со мною.

Первый дворянин

Как вам угодно. Я прощаюсь с вами.

(Уходит.)

Бертрам

Пойдемте. Я хочу вам показать
Ту девушку.

Второй дворянин

Но мне от вас известно,
Что будто к ней никак не подступиться!

Бертрам

И в том ее единственный изъян.
Всего лишь раз я с нею говорил —
На редкость холодна. Я посылал ей
Записки и подарки через франта,
Которого отслеживаем мы.
Вернула их! Вот все мои успехи.
Она красавица! Угодно вам
Пойти со мной взглянуть?

Второй дворянин

Я буду счастлив.

Уходят.

СЦЕНА 7

Флоренция. Комната в доме вдовы.

Входят Елена и вдова.

Елена

Но если вы не верите, что я
Его жена, то как мне убедить вас,
Не погубив при этом весь свой план?

Вдова

Мы люди бедные, но мы честны,
И дел таких я отроду не знала.
Сомнительным поступком не хочу
Себя позорить.

Елена

Нет о том и речи!

Сперва поверьте мне, что граф мой муж,
Что все, рассказанное мною вам, —
А вы его клялись не разглашать —
От слова и до слова только правда.
Тогда поймете: оказав мне помощь,
Которой я прошу, не ошибетесь.

В д о в а

Я верю вам. Я вижу по всему.
Что вы, конечно, знатная синьора.

Е л е н а

Возьмите этот кошелек в обмен
На дружескую помощь, а в дальнейшем
Я награжу еще вас и еще.
Влюбленный в вашу дочь, решился граф
Взять крепость красоты ее осадой.
Пускай она смягчится — лишь для вида;
Что делать дальше, мы ее научим.
Пылая страстью, граф ей не откажет
Ни в чем. На пальце носит он кольцо.
Оно из поколения в поколение
Уж сотни лет в роду их переходит.
Кольцо ему дороже всех сокровищ.
Однако же, томим голодной страстью,
Для достижения цели он отдаст
И то кольцо, хоть пожалеет после.

В д о в а

Теперь ваш план становится понятным.

Е л е н а

Судите сами — за меня закон.
Дочь ваша, графу уступив притворно,
Потребуется кольцо и согласится
Свидание назначить, а тогда
Ее я тайно подменю; она же
Останется чиста. И от меня
Пять тысяч крон в приданое получит,—
Сверх раньше данного.

В д о в а

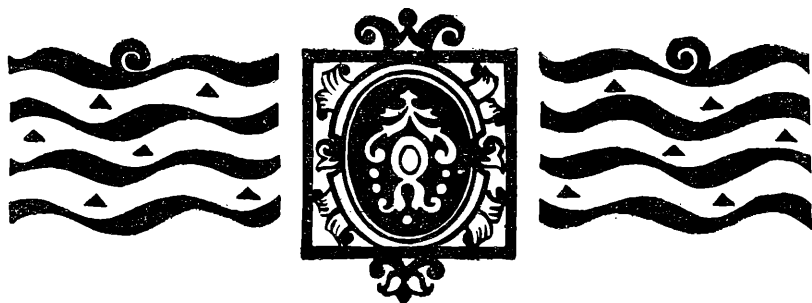
Ну, хорошо.
Вы объясните дочке, что ей делать,
Назначьте час и выберите место,
Чтоб честный наш обман осуществить.
А ваш супруг-то, что ни вечер,— здесь,
Под окна к нам приводит музыкантов,
Слагает песни девушке безродной.
Мы гоним — где тут! Так настойчив, будто
О жизни и о смерти речь идет.

Е л е н а

Итак, сегодня мы раскинем сети.
Коль будет нам сопутствовать успех,—
Добру послужим, поощряя грех.
Закону беззаконием поможем;
Постель порока станет брачным ложем.

Уходят.

А К Т IV

С Ц Е Н А 1

Близ флорентийского лагеря.

Входит первый французский дворянин в сопровождении нескольких солдат. Они прячутся в засаду.

Первый дворянин

Иначе как вдоль этой изгороди, ему дороги нет. Напав на него, болтайте всякую тарабарщину, и не беда, если сами себя не будете понимать. Надо сделать вид, что его языка не знает никто из нас, кроме одного, который будет разыгрывать роль толмача.

Первый солдат

Можно, капитан, я буду толмачом?

Первый дворянин

А ты незнаком с ним? Он не узнает тебя по голосу?

Первый солдат

Нет, капитан.

Первый дворянин

На каком же тарабарском наречии ты будешь с нами изъясняться?

Первый солдат

Да на том же, что и вы со мной.

Первый дворянин

Он должен принять нас за отряд иноземцев, наемных солдат противника. А так как он малость смыслит в языках, похожих на его родной язык, то каждому из нас придется изобретать что-нибудь свое, не обращая внимания на то, что бормочут остальные. При этом надо только делать вид, что мы отлично понимаем друг друга. Галдите как сороки, и чем больше будет трескотни, тем лучше.— Что же касается тебя, толмач, то держи ухо востро.— Но вот и он. Прячьтесь! Он, видно, собирается продрыхнуть тут полночи и вернуться с каким-нибудь враньем, подкрепляя его клятвами и божбой.

Входит Пароль.

Пароль

Десять часов! Часика через три можно будет и восвояси отправиться. Что бы им такое наплести? Надо выдумать что-нибудь правдоподобное, а то не поверят. Они о чем-то пронюхали, и за последнее время насмешка стала частенько стучаться в мои двери. Пожалуй, язык мой чересчур храбр. А сердце робеет перед лицом Марса и его слуг. Вот почему и нет согласия между речами и поступками.

Первый дворянин

(в сторону)

Это первое правдивое слово, которое изрек твой язык.

Пароль

Какой дьявол подбил меня пуститься на розыски этого барабана? Я же отлично знал, что его не вернуть, что я и пробовать не стану. Придется самому себя поранить и сказать, что получил увечья в бою. Но легкие раны не убедят их. Они скажут: «Из-за такой-то малости ты повернул назад?» А нанести себе серьезную рану я не решаюсь. Ну как тут быть? Что придумать? Язык мой, за то, что твоя болтовня так меня подвела, я подарю тебя торговке маслом, а себе куплю язык у немого.

Первый дворянин

(в сторону)

Как это может быть, чтобы он, зная себе цену, оставался таким как есть?

Пароль

А может, будет достаточно, если я искромсаю свою одежду? Или сломаю свой испанский меч?

Первый дворянин
(в сторону)

Ну нет, этим ты от нас не отделаешься.

Пароль

Или сбрею бороду и заявлю, что враги надо мной так падались?

Первый дворянин
(в сторону)

И это не пройдет.

Пароль

Или брошу одежду в воду и скажу, что враги раздели меня донага?..

Первый дворянин
(в сторону)

И этого маловато.

Пароль

А если поклянусь, что выпрыгнул из окна крепости?..

Первый дворянин
(в сторону)

С какой высоты?

Пароль

...с высоты в тридцать сажен?

Первый дворянин
(в сторону)

Хоть трижды поклянись,— все равно не поверят.

Пароль

Эх, найти бы мне неприятельский барабан! Тогда бы я поклялся, что выручил собственный.

Первый дворянин
(в сторону)

Тебе нужен барабан? Изволь.

За сценой барабан бьет тревогу.

Пароль

Ой! Вражеский барабан!

Первый дворянин и солдаты выскакивают из засады.

Первый дворянин
Трока мовезус! Карго, карго, карго!

Солдаты
Карго, карго! Вилианда пар корбо! Карго!

Хватают Пароля и завязывают ему глаза.

Пароль
Я выкуп дам! Повязку развяжите!

Первый солдат
Боскос тромульдо боскос.

Пароль
А, понял я,— вы из отряда Муско!
Неужто вы убьете человека
За то, что ваш язык ему неведом?
Есть между вами немец иль датчанин,
Голландец, итальянец иль француз?
По-своему со мной пусть потолкует.
Я вам открою все, и флорентийцев
Вы победите.

Первый солдат
Боскос ваувадо! —
Я знаю твой язык.— Корелибонто!
Подумай о душе: к твоей груди
Приставлены две дюжины кинжалов.

Пароль
Ой-ой! Ой-ой!

Первый солдат
Молись! Молись! Молись! —
Манка реванья дульче!

Первый дворянин
Оскорби дульчос воливорко.

Первый солдат
Наш генерал пока тебя щадит.
Сейчас ты будешь так как есть, с повязкой,

Отправлен на допрос. И если ты
Дашь сведенья полезные, тебе
Оставят жизнь.

П а р о л ь

О дайте мне пожить!
Я тайны вам военные открою,
О наших силах расскажу, о планах!
Такие сведенья могу я дать,
Что вас ошеломлю.

П е р в ы й с о л д а т

А не соврешь?

П а р о л ь

Клянусь душою, нет!

П е р в ы й с о л д а т

Акордо линта.—

Пойдем. Пока тебя никто не тронет.

П а р о л ь под конвоем и первый солдат уходит.

П е р в ы й д в о р я н и н

(второму солдату)

Ты графу Руссильонскому скажи
И брату моему, что в наши сети
Попался этот гусь. До их прихода
Глаза ему развязывать не будем.

В т о р о й с о л д а т

Я понял, капитан.

П е р в ы й д в о р я н и н

И сообщи,

Что нас он хочет нам самим предать.

В т о р о й с о л д а т

Я так и доложу.

П е р в ы й д в о р я н и н

А он покамест

Пускай сидит в потемках под замком.

Уходят.

СЦЕНА 2

Флоренция. Комната в доме вдовы.

Входят Бертрам и Диана.

Бертрам

Я слышал, ваше имя — Фонтибель?

Диана

Меня зовут Дианой.

Бертрам

Как богиню!

И этого достойны вы вполне.
Но почему же ваша красота
Чуждается любви? Ведь если юность
Своим огнем не зажигает вас,
Вы статуя, не девушка из плоти!
Когда лежать вы будете в гробу,
Не будете ни холодней, ни строже.
Пример возьмите с матери своей:
Узнав любовь, она дала вам жизнь.

Диана

Ее любовь была чиста.

Бертрам

А ваша?

Диана

Нет. Мать любила своего супруга,
Как вы должны любить свою жену.

Бертрам

Молчи! Не поминай о ней, Диана.
Я с нею скован цепью, а к тебе
Любви меня привязывают узы.
Тебе я буду угождать всегда!

Диана

Да, как же! Вы нам рады угождать,
Пока мы вам угодны. А когда
Все розы оборвете, нам оставив
Лишь тернии, — с насмешкой говорите,
Что нет у нас цветов.

Б е р т р а м

Но я клянусь...

Д и а н а

Для истины не нужно столько клятв;
Один обет ей нужен, но правдивый.
Мы, в чем бы ни клялись, взываем к небу.
Скажите же мне сами: если б я
Величем громовержца поклялась,
Что вас люблю, поверили бы вы,
Когда б моя любовь была преступной?
Такие клятвы оскорбляют небо.
А потому все ваши обещанья —
Слова, не подкрепленные ничем,
Пустые речи. Так по крайней мере
Мне кажется.

Б е р т р а м

Не надо, чтоб казалось!
Не будь жестокой в святости своей.
Любовь — святыня. И моя правдивость
Чужда тому, в чем ты винишь мужчин.
Не уклоняйся же! Я болен страстью,
Отдайся ей — и ты меня излечишь.
Тебя любить вовеки буду я,
Как в этот миг! Скажи, что ты — моя!

Д и а н а

Как вижу я, находчивы мужчины;
Их красноречье побеждает нас.
Вы не подарите мне этот перстень?

Б е р т р а м

Любимая, возьми его на время,
А подарить — не смею.

Д и а н а

Не хотите?

Б е р т р а м

В нем — родовая честь. Передается
Оно из поколения в поколение.
Его уграта для меня — позор.

Диана

Но честь моя — такое же кольцо,
Наш родовой алмаз. Передается
Она из поколения в поколение.
Ее утрата для меня позор.
Смотрите, ваша собственная мудрость
В защиту мне от ваших настояний
Призвала честь на сторону мою.

Бертрам

Возьми кольцо! Мой род, и честь, и жизнь
Одной тебе принадлежат. Я твой.

Диана

Так в полночь стукните в мое окно.
Мать не услышит, я уж позабочусь.
Но если вправду любите меня, —
Завоевав мое девичье ложе,
Вы от меня уйдите через час
И говорить со мною не пытайтесь.
Причину вы узнаете тогда,
Когда кольцо вернется к вам обратно.
А ночью я надену вам на палец
Кольцо другое. Будет вам оно
Напоминать о том, что свершено.
Я жду. Во мне жену вы обретете,
Хоть смерть моим надеждам принесете.

Бертрам

Рай на земле я обрету с тобой!
(Уходит.)

Диана

Живите долго и благодарите
Меня и небеса! —
Мне матушка все точно предсказала, —
Не побывала ль в сердце у него?
Мужчины, по ее словам, клянутся
Все на один манер. Он поклялся
На мне жениться, как умрет жена.
Но я с ним лягу разве лишь в могилу.
Коль все мужья — как этот вот француз,

Пушай вовек не знать мне брачных уз.
И обмануть того мы можем смело,
Кто сам решился на дурное дело.

Уходят.

СЦЕНА 3

Флорентийский лагерь.

Входят двое французских дворян и солдаты.

Первый дворянин

Ты передал ему письмо от матери?

Второй дворянин

Передал, час тому назад. Что-то в письме его очень задело: читая, он изменился в лице.

Первый дворянин

Он достоин самого большого порицания за то, что отверг такую достойную жену, такую прелестную женщину.

Второй дворянин

Чем и заслужил на веки вечные королевскую немилость. А король уж настроил было свою щедрость на такой лад, чтобы она спела графу песенку о счастье. Я скажу тебе одну вещь, но это должно остаться строжайшей тайной.

Первый дворянин

Все, что ты скажешь, тотчас же умрет и будет во мне погребено.

Второй дворянин

Он соблазнил здесь, во Флоренции, одну юную девушку с незапятнанным доселе именем. Нынче ночью он насытит свою похоть на погибель ее чести. Он отдал ей свое кольцо — фамильную драгоценность — и весьма доволен этой постыдной сделкой.

Первый дворянин

От такого падения да сохранил нас господь. Ибо, если бы мы были предоставлены своим порокам, чем бы мы стали?

Второй дворянин

Предателями по отношению к самим себе. Обычно предатель изобличает себя, еще не достигнув своей гнусной цели. Так и

предательство графа по отношению к его собственному благородству не может оставаться тайной.

Первый дворянин

Не отвратительно ли, что люди сами трубят о своих дурных умыслах? Значит, сегодня вечером он с нами не будет?

Второй дворянин

Он придет после полуночи. Ему для свидания отпущен один лишь час.

Первый дворянин

Ждать уже недолго. А я хотел бы, чтобы мы вывели его приспешника на чистую воду при нем: пусть-ка граф убедится, как ошибается в людях. Превозносить такую шельму!

Второй дворянин

Мы без него не начнем. Ведь и для того плута присутствие графа будет как наказание плетью.

Первый дворянин

А пока не расскажешь ли, что нового слышно об этой войне?

Второй дворянин

Да говорят, что идут переговоры о мире.

Первый дворянин

Могу тебе сказать больше,— мир уже заключен.

Второй дворянин

Что же будет тогда делать граф Руссильонский? Будет продолжать свои скитания или вернется во Францию?

Первый дворянин

По твоему вопросу видно, что он поверяет тебе не все свои намерения.

Второй дворянин

И слава богу. Не то пришлось бы мне отвечать за все его поступки.

Первый дворянин

Месяца два назад его жена покинула Руссильонский замок, чтобы совершить паломничество к Святому Иакову. Этот благочестивый замысел она и осуществила. Но когда она добралась туда,

ее хрупкость пала жертвой испытанных ею страданий; словом, она испустила последний вздох и теперь приобщилась к хору ангелов.

Второй дворянин

Откуда все это известно?

Первый дворянин

Большая часть — из ее собственного письма. Там рассказано все, что предшествовало ее смерти. О самой же смерти, которую она, конечно, не могла описать, имеется достоверное свидетельство приходского священника.

Второй дворянин

И граф это знает?

Первый дворянин

Да, во всех подробностях; он во всеоружии истины.

Второй дворянин

Меня безмерно печалит, что эта новость должна его радовать.

Первый дворянин

Подумать, как порою нас веселят наши утраты!

Второй дворянин

И как иной раз мы топим в слезах наше счастье. Великая слава, которую он стяжал здесь своей доблестью, на его родине сменится таким же позором.

Первый дворянин

Ткань человеческой жизни сплетена из двух родов пряжи — хорошей и дурной. Наши добродетели преисполнили бы нас гордыней, если бы их не бичевали наши грехи; а наши пороки ввергли бы нас в отчаяние, если бы их не искупали наши достоинства.

Входит слуга.

Ну что? Где твой господин?

Слуга

Он повстречался на улице с герцогом, который отпустил его с почетом. Завтра утром его сиятельство уезжает во Францию. Герцог обещал дать ему рекомендательное письмо к королю.

Второй дворянин

Такое письмо ему крайне необходимо; и если похвалы будут даже преувеличены, то тем лучше.

Слуга уходит.

Первый дворянин

Король испытал такую горечь, что ее никакими похвалами не подсластишь. А вот и граф.

Входит Бертрам.

Ну как, ваша светлость? Ведь уже далеко за полночь.

Бертрам

Я успел сегодня сделать добрых полтора десятка дел, на каждое из которых был бы нужен месяц. Редкая удача! Я простился с герцогом, раскланялся с его приближенными, овдовел, оплакал покойную жену, написал матери о своем возвращении, подобрал себе спутников. А между этими важными делами завершил еще несколько других, более приятных. Последнее из них было важнейшим, но с ним я еще не совсем покончил.

Второй дворянин

Если это дело не из легких, а уезжаете вы утром, то вашей светлости нужно поторопиться.

Бертрам

Я не покончил с этим делом в том смысле, что мне, боюсь, еще придется впоследствии о нем услышать... Ну, а как же наш веселый диалог между шутом и солдатом? Пусть приведут сюда этот поддельный образчик всех совершенств. Он ввел меня в обман, как двусмысленный оракул.

Второй дворянин

Ведите его сюда.

Несколько солдат уходят.

Он всю ночь просидел в колодках, несчастный герой.

Бертрам

И поделом: колодки к его ногам подходят лучше, чем шпоры, которые он так долго носил незаслуженно. Как он себя держит?

Первый дворянин

Я уже сказал вашей светлости: он себя — никак, а вот колодки его держат. Но если уж говорить всю правду, то он ревет, как

девка, пролившая молоко. Он исповедовался Моргану, которого принял за монаха, во всем, что с ним случилось с младенчества до того злополучного дня, когда он угодил в колодки. Как вы думаете, что он рассказал на исповеди?

Б е р т р а м

Надеюсь, не про меня что-нибудь?

В т о р о й д в о р я н и н

Его исповедь записана и будет прочитана в его присутствии. И если о вашей светлости там упоминается, в чем я не сомневаюсь, то вам придется выслушать терпеливо все до конца.

Возвращаются солдаты с Паролем.

Б е р т р а м

Чтоб ему провалиться! Как, с завязанными глазами! Но обо мне он ничего не посмеет сказать. Тсс... тсс...

П е р в ы й д в о р я н и н

Начинается игра в жмурки.— Порто тартаросса.

П е р в ы й с о л д а т

Приказано принести орудия пытки. Что ты скажешь, пока тебя не начали пытать?

П а р о л ь

Я все скажу, что мне известно, вам не придется меня принуждать. Если вы даже сотрете меня в порошок, я не смогу ничего добавить.

П е р в ы й с о л д а т

Боско чимурчо.

В т о р о й д в о р я н и н

Боблибиндо чикурмурко.

П е р в ы й с о л д а т

Вы милостивы, генерал. (*Пароллю.*) Наш генерал приказывает тебе ответить на вопросы, которые у меня здесь записаны.

П а р о л ь

Я буду отвечать чистую правду, клянусь своей надеждой остаться в живых.

П е р в ы й с о л д а т

(*читает*)

«Во-первых, спросить у него, какова численность конницы у флорентийского герцога?» Что ты на это скажешь?

П а р о л ь

Пять-шесть тысяч. И то народ вовсе негодный. Солдаты одна дрянь, да и командиры — людишки самые никудышные, клянусь моей доброй славой и честью. Если лгу, пусть не быть мне живым.

П е р в ы й с о л д а т

Так, значит, и записать?

П а р о л ь

Пишите. Если надо, я могу присягнуть на чем угодно.

Б е р т р а м

(тихо)

Ему все нипочем! Какой закоренелый мерзавец!

П е р в ы й д в о р я н и н

(тихо)

Что вы, ваша светлость! Это же ваш Пароль, отважнейший воин. По его собственным словам, в одной пряжке его перевязи вся стратегия войны, и вся тактика — в ножнах его кинжала.

В т о р о й д в о р я н и н

(тихо)

Нет уж, больше я не стану доверять человеку только потому, что он умеет начищать до блеска свой меч, и не буду считать его совершенством только за то, что он щеголяет нарядами.

П е р в ы й с о л д а т

Так, записано.

П а р о л ь

Я сказал: «пять-шесть тысяч всадников». Но я хочу говорить чистейшую правду. Поэтому припишите: «или около того». Я буду говорить правду.

П е р в ы й д в о р я н и н

(тихо)

Тут он, действительно, весьма близок к истине.

Б е р т р а м

(тихо)

Но я за это не собираюсь его благодарить: не в таких случаях надо говорить правду.

П а р о л ь

Не забудьте записать: «людишки никудышные, дрянцо».

Первый солдат

Ладно, записал.

Пароль

Покорнейше вас благодарю. Начистоту так уж начистоту: на редкость никудышные.

Первый солдат

(читает)

«Спросить его о численности пехоты». Что ты ответишь на это?

Пароль

Поверьте, мессир, пусть это будет последний час моей жизни, если я не скажу всю правду. Сейчас соображу: у Спурио полторы сотни, у Себастьяна столько же, столько же у Корамбуса, столько же у Жака... У Гильтиана, Космо, Лодовико и Грацио по две с половиной сотни... В моем собственном отряде, у Читофера, Вомона, Бенцо — по две с половиной сотни... Общим счетом по спискам, если считать строевых и обозных, не наберется, клянусь жизнью, и пятнадцати тысяч голов. Да и то, добрая половина из них не отважится стряхнуть снег со своих плащей, чтобы тут же и самим не рассыпаться.

Бертрам

(тихо)

Что с ним делать?

Первый дворянин

(тихо)

Ничего, сказать ему спасибо.— Спроси-ка у него, что я за человек и на каком счету у герцога?

Первый солдат

Так, записано. *(Читает.)* «Спросить — имеется ли в лагере некий француз, капитан Дюмен? На каком счету он у герцога? Что известно о его храбрости, честности и воинском искусстве? Нельзя ли подкупить его и подбить на измену?» Что ты скажешь на это? Известно тебе что-нибудь?

Пароль

Покорнейше вас прошу, позвольте мне ответить на вопросы по порядку. Спрашивайте.

Первый солдат

Знаешь ли ты некоего капитана Дюмена?

П а р о л ь

Как же, знаю. Он был подмастерьем у одного портняжки в Париже. Потом его оттуда выгнали и отстегали плетью за то, что он сделал ребенка одной слабоумной девке, содержавшейся на казенный счет,— немой дуручке, которая не умела сказать «нет».

Первый дворянин в гневе замахивается.

Б е р т р а м

(тихо)

Прошу вас, удержите руку! Хотя я и знаю, что по его башке плачет первая черепица, которой суждено сорваться с крыши.

П е р в ы й с о л д а т

Значит, упомянутый капитан служит в войсках герцога?

П а р о л ь

Конечно, этот паршивец там.

П е р в ы й д в о р я н и н

(тихо)

Что вы на меня так смотрите? Дайте срок, мы кое-что услышим и о вашей светлости.

П е р в ы й с о л д а т

На каком счету он у герцога?

П а р о л ь

Герцог знает его как самого никчемного из моих подчиненных и написал мне на днях, чтобы я выгнал его из отряда. Поймите, кажется, это письмо у меня в кармане.

П е р в ы й с о л д а т

Да ну? Сейчас мы тебя обыщем.

П а р о л ь

Впрочем, по правде говоря, я не помню: то ли оно при мне, то ли осталось в моей палатке, среди других писем герцога.

П е р в ы й с о л д а т

Вот оно,— тут какая-то бумага. Прочешь его тебе?

Б е р т р а м
(тихо)

Паш толмач хорошо играет роль.

П е р в ы й д в о р я н и н
(тихо)

Просто молодец.

П е р в ы й с о л д а т
(читает)

«Диана, граф набитый дурак, но набит он золотом...».

П а р о л ь

Это не то, мессир. Это предостережение одной флорентийской красотке, некой Диане, чтобы она остерегалась некоего графа Руссильонского, безмозглого и никчемного молокососа, притом отчаянного развратника. Прошу вас, мессир, положите письмо обратно.

П е р в ы й с о л д а т

Сперва, с твоего позволения, я его прочту.

П а р о л ь

Уверяю вас, что у меня были самые лучшие намерения по отношению к девице. Уж я-то знаю, что молодой граф — зловерд-ный сластолюбивый мальчишка, который прямо-таки глотает де-вушек, словно кит мелкую рыбешку, — целыми косяками.

Б е р т р а м
(тихо)

Проклятый двуличный негодяй!

П е р в ы й с о л д а т
(читает)

«Не верь его признаниям в любви:
Не клятвы, золото пускай он трагит.
Торгуйся с ним и не продешевь.
Бери вперед: потом он не заплатит.
Тебе я дам еще совет один,—
Гони мальчишек прочь, ласкай мужчин:
Граф и в своей любви — поверь солдату! —
Щедрее на авансы, чем на плату.

Твой, как тебе шепнул я на ушко,

Пароль».

Б е р т р а м
(тихо)

Ему надо бы вырезать эти вирши на лбу и прогнать сквозь строй!

В т о р о й д в о р я н и н
(тихо)

Но ведь это же, граф, ваш преданный друг. Прославленный знаток языков и бесстрашный воитель!

Б е р т р а м
(тихо)

Я до сих пор относился терпимо ко всякой твари, кроме кошек. Но эта тварь для меня теперь хуже кошки.

П е р в ы й с о л д а т

По выражению лица нашего генерала вижу я, что нам придется тебя повесить.

П а р о л ь

Ради всего святого, оставьте мне жизнь, мессир! Не то чтобы я боялся смерти, но поскольку я много грешил, то хотел бы остаток моих дней употребить на покаяние. Дайте мне пожить, мессир! Хотя бы в темнице, в колодках, как угодно, только бы жить!

П е р в ы й с о л д а т

Посмотрим, нельзя ли будет что-нибудь сделать, если ты все чистосердечно расскажешь. Итак, вернемся к капитану Дюмену. Ты ответил на вопросы касательно его репутации, отношения к нему герцога и его храбрости. Что ты скажешь о его честности?

П а р о л ь

Да для него нет ничего святого: из монастыря яйцо украдет. По части похищения и насилования чужих жен он не уступит Нессу. Клятвы он ставит ни во что, и рядом со списком его клятвопреступлений бледнеют подвиги Геркулеса. Лжет он, мессир, с таким красноречием, что способен одурачить самой истину. Лучшее из его качеств то, что он пропойца, ибо когда он пьян в стельку, то дрыхнет и не причиняет вреда никому, кроме своей простыни. Но его повадки всем известны, поэтому его кидают на солому. К сказанному мной об его честности остается прибавить немного: он обладает всем, чего не должно быть у честного человека; из того, чем должен обладать честный человек, у него нет ничего.

Первый дворянин

(тихо)

Он начинает мне нравиться.

Бертрам

(тихо)

Чем? Отзывом о твоей честности? Язва ему в глотку! Для меня он, ни дать ни взять, кошка.

Первый солдат

Что ты знаешь о его познаниях в воинском искусстве?

Пароль

Сказать правду, об его воинском искусстве мне известно, что в Англии он хаживал во главе отряда странствующих комедиантов и бил в барабан. Не хочу взводить на него напраслину,— других воинских успехов за ним не знаю. Вот разве что, говорят, он в той же стране заслужил офицерское звание гем, что обучал инвалидную команду вздвигать ряды на плацу, называемом Майл-Энд. Как видите, я рад упомянуть и о его заслугах, хоть и не могу поручиться, что это было на самом деле.

Первый дворянин

(тихо)

Он настолько переподличал самую подлость, что вызывает восхищение как истинная диковина.

Бертрам

(тихо)

Язва ему в пасть! Кошка, да и только!

Первый солдат

Раз уж он такой дрянной человек, то нечего и спрашивать, можно ли его подкупить.

Пароль

Мессир! Да за четверть экую он продаст вам свою бессмертную душу и откажется от райского блаженства за себя самого и всех своих потомков на веки вечные.

Первый солдат

А что такое его брат, другой капитан Дюмен?

Второй дворянин
(тихо)

Зачем он спрашивает обо мне?

Первый солдат

Ну, каков он?

Пароль

Два сапога пара. Он несколько уступает своему брату в достоинствах, зато намного превосходит его в пороках. Он еще трусливее брата, который слывет отчаянным трусом. При отступлении он обгоняет любого скорохода; зато, когда надо идти в атаку, у него трясутся поджилки.

Первый солдат

Если тебе сохранят жизнь, возьмешься ты выдать флорентийского герцога?

Пароль

Возьмусь. А также начальника его конницы графа Руссильонского.

Первый солдат

Я доложу генералу и узнаю его решение.

Пароль
(в сторону)

Хватит с меня барабанного боя! Чтоб их разнесло, все эти барабаны! Попасть в такую передрядю, и ради чего? Чтобы показать, будто я храбрец, и рассеять подозрения этого графа, похотливого мальчишки! Но кто бы мог подумать, что меня ждет засада?

Первый солдат

Ничего не поделаешь: тебя казнят. Генерал говорит, что тот, кто так предательски выдал все тайны своего войска и гнусно оклеветал почтеннейших людей, не годен ни на что путное. Поэтому тебя казнят.— Эй, палач! Голову ему долой!

Пароль

Ради самого господа, мессир! Пощадите меня! Развяжите хоть глаза перед смертью.

Первый солдат

Так и быть. Простись со всеми своими друзьями. (Снимает с него повязку.) Ну, погляди вокруг. Не узнаешь ли кого-нибудь?

Б е р т р а м

Здравствуйте, благородный капитан.

В т о р о й д в о р я н и н

Благослови вас бог, капитан Пароль.

П е р в ы й д в о р я н и н

Спаси вас господь, благороднейший капитан.

В т о р о й д в о р я н и н

Капитан, не прикажете ли передать привет мессиру Лафё?
Я еду во Францию.

П е р в ы й д в о р я н и н

Доблестный капитан, не перепишите ли вы для меня сонет, сочиненный вами для Дианы в честь графа Руссильонского? Не будь я таким трусом, я бы заставил вас это сделать. Счастливо оставаться.

Б е р т р а м и о б а д в о р я н и н а у х о д я т .

П е р в ы й с о л д а т

Ну, вот, капитан, вы и разоблачили себя. Можно сказать, вы разделись донага; одни только ленты и остались.

П а р о л ь

Кого бы не погубил такой заговор?

П е р в ы й с о л д а т

Если бы вам посчастливилось найти страну, где водятся настолько же покрытые позором девки, вы могли бы стать родоначальником племени бесстыжих. Прощайте. Я тоже еду во Францию. Мы уж там о вас порасскажем. (*Уходит.*)

П а р о л ь

Однако же спасибо и на том.

А будь я сердцем горд,— оно б разбилось.

Мне капитаном больше не бывать.

Но разве я не буду наслаждаться

Едой, питьем и сном, как капитаны?

Я и такой как есть не пропаду.

А хвастуны пускай остерегутся:

Кто хвастает, не избежит никак,

Чтоб где-нибудь да не попасть впросак.

Меч, ржавей! Стыд, умри! К чему тут вздохи?

Осмеян? Что ж, дела не так уж плохи:
Я проживу,— живут же скоморохи.
Во Францию, за прочими вослед!

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Флоренция. Комната в доме вдовы.

Входят Елепа, вдова и Диана.

Е л е н а

Порукой правоты моей вам будет
Один из величайших государей
В крещеном мире. Чтобы завершился
Мой замысел, склонюсь к его стопам.
В былые дни ему я помогла,
И, может быть, он мне обязан жизнью.
Будь он татарин с сердцем, как кремь,—
И то нашлась бы в сердце благодарность.
Известно мне, что государь в Марселе,
И в этот город мы направим путь.
Вы знаете, меня считают мертвой.
Войска распустят, граф домой поедет,
И мы туда же с помощью небес,
С соизволенья доброго монарха,
Нежданно явимся.

В д о в а

О, ваша светлость,
Слуги верней, чем я, не знали вы.

Е л е н а

А вы во мне нашли такого друга,
Который помышляет лишь о том,
Чем отплатить вам за любовь. И разве
Не сам творец послал меня сюда,
Чтоб наделить приданым вашу дочь
И чтобы в ней помощницу нашла я
Для возвращения моего супруга?
О странные мужчины! Как они
Способны наслаждаться ненавистным,
Когда обмануты мечтой распутной,
Чернящей черную ночную тьму.

Коль милое далеко,— с тем же пылом
Разврат способен тешиться немилым.
Но полно...— Вас, Диана, я прошу,
Уж вы еще немного потерпите.

Диана

Хотя бы вы мне умерегь велели,
Я ваша,— ради вас на все пойду.

Елена

Прошу вас потерпеть. Настанет лето,
Когда шиповник колючий зацветет
И тернии закроются цветами.
В путь! Ждет карета. Время нас торопит.
Как говорят, конец венчает дело,
И если даже горько мне — ну что ж,
Все хорошо, когда конец хорош!

Уходят.

СЦЕНА 5

Руссильон. Комната в замке графини.

Входят графиня, Лафё и шут.

Лафё

Нет, нет и нет. Вашего сына сбил с пути этот расфуфыренный
молодчик. Того количества шафрана, которое он употребляет на
окраску своих воротничков и манжет, хватило бы, чтобы всю
нашу зеленую молодежь перекрасить в его цвета. Ах, если бы
ваша невестка была жива, если бы сын ваш находился под отчим
кровом и пользовался благоволением короля, а не этого красно-
хвостого трутня, о котором я говорю...

Графиня

...и о котором лучше бы мне вовеки не слышать! Подумать
только, что умерла благороднейшая из женщин, которую когда-
либо создавала природа. Если бы она была плотью от плоти моей
и стояла бы мне материнских мук, я не могла бы привязаться к
ней крепче.

Лафё

Это была славная женщина, славная женщина. Переберешь
не одну тысячу салатов, пока найдешь такую травку, как она.

Ш у т

И правда, мессир, она была как душистый левкой в салате, скорее даже как резеда.

Л а ф ё

Дурень, эти травы не кладут в салат, это душистые растения.

Ш у т

Откуда мне разбираться в растениях? Не считайте, мессир, что я какой-нибудь Навуходоносор.

Л а ф ё

Сам-то ты кем себя считаешь: пройдохой или дураком?

Ш у т

Когда служу мужчине, то пройдохой, а когда женщине — дураком.

Л а ф ё

А в чем же разница?

Ш у т

Служа мужчине, я его обманываю с его женой, значит, присваиваю себе его права.

Л а ф ё

Поистине ты служишь ему, как пройдоха.

Ш у т

А на службу его жене я ставлю свой дурацкий жезл.

Л а ф ё

Да ты и впрямь и дурак и пройдоха.

Ш у т

Рад вам служить.

Л а ф ё

Ну уж нет.

Ш у т

Если нельзя служить вам, то придется служить одному князю, который еще почище вас.

Л а ф ё

Кто же он? Француз?

Ш у т

У него есть название на любом языке, хотя морда у него на французский манер.

Л а ф ё

Что же это за князь?

Ш у т

Князь тьмы, мессир. Сиречь — дьявол.

Л а ф ё

Вот тебе мой кошелек, держи. Даю его не для того, чтобы переманить тебя от твоего князя. Служи ему, как служил.

Ш у т

Я родом из лесных краев, ваша светлость, у нас не жалеют дров, а у этого князя тоже огонек на славу. И все-таки, раз он князь мира, пусть сильные мира сего толпятся при его дворе. Мне больше по душе домик с узкой калиткой, куда спеси никак не протиснуться. Немногие, кто согласен смириться, туда попадут, но благородные люди большей частью такие привередливые и изнеженные, что предпочитают идти по пути, усыпанному цветами, который заканчивается широкими воротами и жарким пламенем.

Л а ф ё

Ладно, ступай-ка отсюда тем путем, который тебе больше по душе, ты мне что-то надоел. Я тебя нарочно предупреждаю об этом, чтобы нам не поссориться. Ступай. Скажи, чтобы позаботились о моих лошадях, да смотри без этих твоих шуток.

Ш у т

Ну, а если и с шутками? Лошади над ними поржут, но ведь им-то велит ржать закон природы. (*Уходит.*)

Л а ф ё

Он себе на уме и за словом в карман не лезет.

Г р а ф и н я

Что верно, то верно. Мой покойный муж очень смеялся его шуткам. Потому-то дурака этого отсюда и не гонят, и он уверен, что ему любое непотребство сойдет с рук. В самом деле, он совсем распустился и переходит всякие границы.

Л а ф ё

Он мне нравится: малый не промах. Но вот что я хотел вам сказать: когда я прослышал об ее кончине и о том, что ваш сын возвращается домой, я обратился с просьбой к нашему государю, чтобы он замолвил слово о моей дочери. Еще когда граф и моя

дочь были детьми, его величество сам заговаривал об этом браке. Государь обещал мне возобновить это сватовство, и нет лучшего средства для того, чтобы вернуть его милостивое расположение вашему сыну. Как вы на это смотрите, графиня?

Г р а ф и н я

Очень благосклонно, мессир. И желаю, чтобы ваш план счастливо осуществился.

Л а ф ё

Его величество едет сюда из Марселя. Он так бодр, как если бы ему было тридцать лет. Если верить человеку, который обычно бывает хорошо осведомлен,— государя следует ждать здесь завтра.

Г р а ф и н я

Я почту себя счастливой, увидав его прежде, чем умру. Я получила письмо о том, что сын мой придет сегодня к вечеру. Прошу вас, мессир, остаться у меня и присутствовать при встрече его с государем.

Л а ф ё

Я именно и думал, как бы получить эту возможность.

Г р а ф и н я

Вам стоит только воспользоваться принадлежащими вам правами.

Л а ф ё

Я широко пользовался ими, ваша светлость; но, благодарение богу, они еще сохранили свою силу.

Входит ш у т.

Ш у т

Ах, ваша светлость! Там прибыл молодой граф, ваш сын, с бархатной повязкой на лице. То ли под ней рубец, то ли нет, одному бархату известно. Но бархатная повязка выглядит превосходно. Это, верно, особый форс: на левой щеке — черный ворс; зато правая щека у него без ворса, голая.

Л а ф ё

Рубец, приобретенный в честном бою, благородный шрам — почетное украшение. Таков, верно, и этот.

Ш у т

Так-то так, но лицо у него словно наштиговано.

Л а ф ё

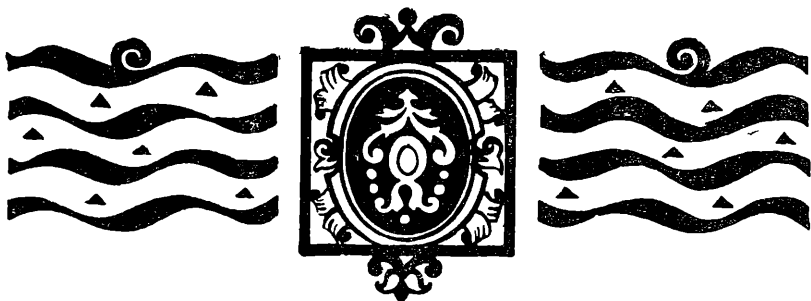
Пойдемте навстречу вашему сыну. Мне не терпится потолковать с юным героем.

Ш у т

Да их там целая дюжина. И все в деликатных шляпах с учтивыми перьями, которые кивают и раскланиваются с каждым встречным и поперечным.

Уходят.

А К Т V

С Ц Е Н А 1

Марсель. Улица.

Входят Елена, вдова, Диана и двое слуг.

Е л е н а

Мы гнали лошадей и день и ночь.
Устали вы, конечно. Что же делать!
Но знайте, — изнулив себя дорогой,
С ночами дни смешав из-за меня,
Мне в сердце крепко вы пустили корни,
И вас ничто не вырвет из него.
И если счастье...

Входит дворянин, королевский сокольничий.

Вот кто мне поможет
Увидеть короля, лишь захотел бы. —
Благослови вас бог, мессир.

Д в о р я н и н

И вас.

Е л е н а

Я вас, мессир, встречала при дворе.

Д в о р я н и н

Да, это может быть.

Е л е н а

Надеюсь я, что общая молва
О вашем добром сердце справедлива.
Гонимая нуждой своей великой,
Приличья все отбрасывая прочь,
Я прибегаю к вашей доброте
И буду благодарна беспредельно.

Д в о р я н и н

Чего же вы хотите?

Е л е н а

Чтобы вы

Мое прошение королю вручили
И всем своим влияньем помогли
Увидеться мне лично с государем.

Д в о р я н и н

Но короля здесь нет.

Е л е н а

Как — нет?..

Д в о р я н и н

Уехал.

Еще вчера собрался он внезапно.

В д о в а

О боже мой! Так, значит, все напрасно!

Е л е н а

И все-таки конец венчает дело,
Хотя судьба как будто против нас.—
Скажите мне, куда же он уехал?

Д в о р я н и н

Насколько мне известно, в Руссильон.
И я туда же еду.

Е л е н а

Ах, мессир,

Вы короля нагоните скорее,—
Вручите же ему посланье это.
Оно не навлечет на вас опалы;
Ваш труд заслужит только благодарность.

А я за вами следом поспешу.
Мне хватит средств, чтоб средства отыскать
Для достижения цели.

Д в о р я н и н

Вашу просьбу

Исполню я.

Е л е н а

И, что бы ни случилось,
Об этом вы не будете жалеть.—
А мы должны продолжить нашу скачку.
Скорей! Скорее — в путь!

Уходят.

С Ц Е Н А 2

Руссильон. Двор графского замка.

Входят ш у т и П а р о л ь.

П а р о л ь

Добрейший господин Лаваш, передайте это письмо мессиру Лафё. В прошлые времена, когда я был в дружбе с нарядным платьем, вы меня узнавали. А теперь нечистый окунул меня в нечистоты, и от меня разит разительными превратностями судьбы.

Ш у т

Видно, судьба порядочная грязнуля, если от ее неблаговоления так неблагоовонно разит, как ты говоришь. Отныне я отказываюсь есть варево, которое она мне приготовит на своей кухне. Послушай-ка, стань с подветренной стороны.

П а р о л ь

Не бойтесь, сударь, не зажимайте нос. Я выразился фигурально.

Ш у т

Ну и что ж, что фигурально? Если от гвоей фигуры воняет, то почему бы мне и не зажать нос? Я зажимаю нос при виде любой вонючей фигуры. Честью тебя прошу, отойди подальше.

П а р о л ь

Пожалуйста, сударь, возьмите у меня эту бумагу.

Ш у т

Фу! Отойди-ка подальше. Чтобы я вручил бумагу из ночного горшка судьбы дворянину? Да, кстати, вот и он сам.

Входит Лафё.

Тут, ваша милость, к вам пришла помурлыкать драная кошка Фортуны, а может, это ободранная крыса Фортуны (только уж наверняка не мускусная крыса, запах тут другой). Это животное плюхнулось в грязную лужу превратностей судьбы и, по собственным его словам, выкупалось в нечистотах. Прошу вашу милость выудить эту рыбину из лужи и использовать по назначению, ибо она смахивает на жалкого, замызганного, продувного, дурашливого, бессовестного бродягу. Я соболезную его несчастьям с высоты собственного благополучия и препоручаю его вашей милости. *(Уходит.)*

П а р о л ь

Мессир, перед вами человек, жестоко исцарапанный Фортуной.

Л а ф ё

Что же я могу сделать? Подстричь ей когти? Так все равно, уж слишком поздно. Какую же пакость учинил ты Фортуне, что она так исцарапала тебя? Она ведь, в общем, порядочная женщина и не позволяет, чтобы пакостникам долго везло. Возьми четверть эку на бедность. Пусть мировой судья примирит тебя с Фортуной, а у меня есть дела поважнее.

П а р о л ь

Умоляю вашу милость выслушать еще одно слово.

Л а ф ё

Тебе нужен еще один медяк? На, бери и не трать лишних слов.

П а р о л ь

Мессир, меня зовут Пароль.

Л а ф ё

Вот так слово! Да тут и пароль и отзыв. Страсти господни! Вашу руку. Ну, как поживает ваш барабан?

П а р о л ь

Ах, мессир! Ведь это вы первый раскусили меня.

Ла ф ё

Да ну? И, значит, меня первого стошнило.

Па р о л ь

Мессир! От вас зависит меня спасти, ибо вы меня погубили.

Ла ф ё

Стыда в тебе нет! Ты хочешь, чтобы я был зараз и сатаной и богом? И вверг тебя в погибель и был твоим спасителем?

За сценой трубы.

Это король: я узнаю звуки труб. Ладно, наведайся попозже. Я еще вчера тебя вспоминал. Ты дурак и мошенник, но не помирать же тебе с голоду. А пока убирайся.

Па р о л ь

Вечно буду за вас бога молить!

Уходят.

С Ц Е Н А 3

Там же. Комната в графском замке.

Трубы. Входят король, графиня, Ла ф ё и свита.

К о р о л ь

Сокровище утратили мы в ней
И стали оттого бедней нашего.
А сын ваш, ослеплен своим безумьем,
Не смог ее как должно оценить.

Г р а ф и н я

Былого не вернешь, мой государь.
Считите это вспышкой безрассудства.—
Богата ими пламенная юность;
Не может разум справиться с огнем,
В который юность подливает масло.

К о р о л ь

Я все ему простил, я все забыл,
Хоть был уже натянут лук возмездья,
И мига ждал я, чтоб стрелу пустить.

Л а ф ё

Прошу прощенья,— должен я сказать,
Что юный граф тяжелую обиду
Нанес монарху, матери, супруге,
Но самого себя сильнее обидел:
Лишился он жены, чья красота
Пленила и пресыщенные взоры,
Чьи речи зачаровывали слух,
Чьи совершенства признавал смиренно
Любой гордец и рад был ей служить.

К о р о л ь

Когда мы хвалим то, что потеряли,
Еще большей утрату вспоминать.
Зовите же его. Мы примирились,
И первый взгляд попреки умертвит.
Просить у нас прощенья он не должен;
Раз умерла причина прегрешенья,
И головни дымящиеся гнева
Забвеньем я засыплю. Пусть войдет
Не как преступник он,— как незнакомец.
Скажите: наша воля такова.

П р и д в о р н ы й

Да, государь. (*Уходит.*)

К о р о л ь

(*к Лафё*)

Беседовал ты с ним
О дочери своей? Что он ответил?

Л а ф ё

Что предает себя монаршей воле.

К о р о л ь

Поженим их. О нем весьма хвалебно
Мне пишут.

Входит Бертрам.

Л а ф ё

У него довольный вид.

К о р о л ь

Ни с летним днем, ни с зимним я не схож:
Во мне одновременно можешь встретить
И солнца свет и тучу снеговую.
Но пусть лучи разгонят облака.
Так подойди же. Небо снова ясно.

Б е р т р а м

О государь возлюбленный, простите
Мою вину! Я каюсь горько в ней.

К о р о л ь

Забыто все. Ни слова о прошедшем,
Но будем настоящим дорожить.
Я стар и не могу в решениях медлить,
Иль времени бесшумная стопа
Меня опередит. Скажи, ты помнишь
Дочь этого вельможи?

Б е р т р а м

Государь,
Я с ней знаком. Ее уже давно
Избрал я сердцем, но оно не смело
Язык мой взять в глашатаи свои.
В глазах запечатлелся этот образ,
И тут свою подзорную трубу
Дала мне гордость. Все иные лица
Представились мне в искаженном виде:
Слиняли краски и черты сместились,
Уродством показалась красота.
Вот отчего случилось, что Елена,—
Которую все люди восхваляли,
Которую и сам я полюбил,
Когда навек утратил,— для меня
Была тогда попавшей в глаз пылинкой.

К о р о л ь

Ты хорошо сказал. И часть вины
Загладил тем, что полюбил Елену.
Однако запоздалая любовь,
Как и помилованье после казни,
Нас наполняет горечью, твердя:
«Прекрасно было то, чего уж нет».
Чтоб мы как должно ценное ценили,

Оно должно покоем в могиле.
Жестокостью друзей своих губя,
Потом мы слезы льем, корим себя;
Рыдает, пробудясь, любовь у гроба,
И, устыдившись, засыпает злоба.
Вот по Елене погребальный звон.
Мир ей. Теперь шли свадебный подарок
Красавице Мадлен. Ты с ней сосватан.
А мы здесь остаемся до конца:
До новой свадьбы юного вдовца.

Г р а ф и н я

Дай бог, чтоб новая была счастливей,
Иль пусть я до нее не доживу!

Л а ф ё

О сын мой, в ком продолжится мой род,
Пошли невесте обручальный перстень,
Чтоб он ее сиянием своим
Привел сюда...

Бертрам снимает с пальца перстень и дает ему.

Покойная Елена,
Клянусь моей седою бородой,
Была прелестным существом. Я помню,
Заметил я, когда прощались мы,
Вот этот перстень у нее на пальце.

Б е р т р а м

Нет, этот перстень не ее.

К о р о л ь

Постой!

Дай мне взглянуть. Пока мы говорили,
Мой взор к нему все время обращался.—
Я этот перстень подарил Елене
В залог того, что к ней приду на помощь,
Когда она окажется в беде.
Как выманить сумел ты у нее
Ценнейшее из всех ее сокровищ?

Б е р т р а м

Мой государь, вы гневаться вольны,
Но этот перстень не ее.

Г р а ф и н я

Мой сын!

Клянусь, она носила этот перстень
И так же дорожила им, как жизнью.

Л а ф ё

Ручаюсь,— это самое кольцо.

Б е р т р а м

О нет, мессир, вы, право же, ошиблись.
Однажды во Флоренции был брошен
Мне этот перстень из окна. Он был
Завернут в лист бумаги, на котором
Стояло имя благородной дамы.
Она считала, что свободен я.
Когда ж я все ей о себе поведал,
Сказав, что ей ответить не могу
Взаимностью, она смирилась грустно,
Но перстень отказалась взять назад.

К о р о л ь

Сам Плутос, обладающий секретом,
Как в золото металлы превращать,
Знаком не больше с тайнами природы,
Чем с этим перстнем я. Он был моим,
И, кто бы ни вручил его тебе,—
Я дал его Елене. Признавайся,
Коль ты еще рассудка не утратил,
Какое совершил над ней насилье,
Чтобы отнять кольцо? Она клялась,
Что не расстанется с кольцом,— вот разве
Отдаст его тебе на брачном ложе
(Но ложа с нею ты не разделил)
Иль мне, случись беда, его пошлет.

Б е р т р а м

Нет, перстень не ее.

К о р о л ь

Клянусь, ты лжешь
И пробуждаешь этим подозренье,
Которое прогнать бы я хотел.
Ужель ты мог быть так бесчеловечен...
Не может быть... И все-таки... Как знать!

Ее возненавидел ты смертельно,
И вот она мертва. Увидев перстень,
Я в этом более не сомневаюсь,
Как если бы ей сам закрыл глаза.—
Эй, взять его!

Стража окружает Бертрама.

Пока я только знаю,
Что не без основанья я боялся
И что бояться больше должен был.—
В тюрьму его! — Произведем дознание.

Б е р т р а м

Коль вы докажете, что от Елены
Я взял кольцо, то будет не трудней
Вам доказать, что с ней делил я ложе
Там, во Флоренции, где никогда
Она и не бывала.

Стража уводит Бертрама.

К о р о л ь

Я угнетен печалью.

Входит дворянин-сокольничий.

Д в о р я н и н

Государь,
Не гневайтесь, взялся я передать
Прошение вам от некой флорентийки,
Которая, вас не застав в Марселе,
Вручить его сама вам не могла.
Я согласился передать письмо,
Равно плененный красотой и речью
Просительницы. Здесь она теперь
И ждет ответа. По ее лицу
Могу судить, что дело очень важно.
А на словах добавила она,
Что жалоба касательство имеет
И к вашему величеству и к ней.

К о р о л ь

(читает, сначала про себя, потом вслух)

«...щедро расточая уверения в том, что женится на мне, если умрет его жена,— я краснею от стыда, признаваясь в этом,— он овладел мною. Теперь граф Руссильонский овдовел и нарушил

свои клятвы, положившись на которые я принесла ему в жертву свою девическую честь. Он скрылся из Флоренции, не простясь со мною, и я последовала за ним на его родину в поисках правосудия. Я ищу его у вас, государь! Где же иначе я его найду? Неужели же соблазнитель останется безнаказанным, а бедная девушка погибнет? Диана Капилетти».

Л а ф ё

Нет, уж лучше я куплю себе зятя на ярмарке и заплачу за него наличными деньгами; а такого мне даром не надо.

К о р о л ь

Лафё, тебя спасают небеса,
Послав известье это.— Позовите
Просительницу.— Приведите графа.

Сокольничий и несколько придворных уходят.

Мне кажется, графиня, что Елена
Предательски убита.

Г р а ф и н я

Если так,
Убийц да покарает правосудье!

Стража вводит Бертрама.

К о р о л ь

Я удивляюсь одному, мессир:
Считая жен исчадиями ада,
От них спасаясь бегством в тот же день,
Как в верности навек им поклялись.
Вы все еще мечтаете жениться!

Возвращается сокольничий, за ним вдова и Диана.

Кто эта женщина?

Д и а н а

О государь,
Я обесчещенная флорентийка,
Несчастный отпрыск рода Капилетти.
Известно вам, о чем я вас прошу,
А стало-быть, известно и о том,
Насколько я достойна сожаленья.

В д о в а

Я, государь, ей мать. Уязвлены

И честь моя и годы оскорбленьем.
Без вас конец как чести, так и годам.

К о р о л ь

Что скажешь, граф? Ты знаешь этих женщин?

Б е р т р а м

Я, государь, не стану отрицать,
Что знаю их. Но в чем же обвиненье?

Д и а н а

Как на свою жену ты странно смотришь!

Б е р т р а м

Она жена? Уж только не моя!

Д и а н а

Как — не твоя? Ведь если б ты женился,
Ты руку б отдал, — но она моя!
Ты клятвы дал бы, — но они мои!
Ты отдал бы себя, — но весь ты мой!
С тобой душой и телом мы едины,
И та, что стала бы тебе супругой,
Тем самым сочеталась бы со мной,
Взяла б обоих нас, иль никого.

Л а ф ё

(Бертраму)

Вы так запятнали свое имя, что моей дочери не пристало его
носить. Не бывать вам ее мужем.

Б е р т р а м

Не слушайте безумную, мессир.
Я с ней однажды... пошутил, и только.
Мой государь, как вы могли поверить,
Что честь мою я мог так уронить?

К о р о л ь

Поверить мог? Ты веру заслужи, —
Тогда уж я и в честь твою поверю.

Д и а н а

Пусть, государь, он скажет под присягой,
Похитил ли невинность у меня.

К о р о л ь

Ответь.

Б е р т р а м

Она бесстыдна, государь,
И в лагере была солдатской девкой.

Д и а н а

О, клевета! Но если так,— он мог
Меня купить за мелкую монету.
Не верьте, государь. Взгляните лучше
На этот перстень,— нет ему цены.
Зачем же он сокровище такое
Решился подарить солдатской девке?

Г р а ф и н я

Он покраснел! Я узнаю кольцо:
Опо шесть раз уже в семействе нашем
Переходило к сыну от отца.
Она его жена. В том нет сомненья:
Одно кольцо — мне тысяча свидетельств.

К о р о л ь

(Диане)

А нет ли здесь кого, кто подтвердил бы
Правдивость ваших слов?

Д и а н а

Есть, государь,
Хоть прибегать к свидетельству такому
Противно мне. Его зовут Пароль.

Л а ф ё

Здесь был сегодня этот человек,—
Коль назван быть он может человеком.

К о р о л ь

Найти его и привести.

Один из придворных уходит.

Б е р т р а м

К чему?

Как знают все, он вероломный раб,
Отмеченный печатью всех пороков:

Для этой твари слово правды — яд.
Кто может утверждать, что я таков,
Как скажет он? Сказать же все он может.

К о р о л ь

Твой перстень у нее.

Б е р т р а м

Да, признаю.

Она мне приглянулась. И ее
Я с юным пылом начал помогаться.
Она меня к себе не подпускала,
Чтоб, раззадоренный сопротивленьем,
Попался я, как рыба на крючок:
Препятствия ведь разжигают страсть.
Она своей красою заурядной
И редкостною хитростью своей
Заставила меня пойти на сделку.
Я отдал ей кольцо, а от нее
Я получил лишь то, что первый встречный
Купить бы мог по рыночной цене.

Д и а н а

Что ж, я стерплю. Раз вы отвергли прежде
Такую благородную супругу,
Чего ждать мне? Еще одна лишь просьба:
Возьмите этот перстень и верните
Мое кольцо.

Б е р т р а м

Нет у меня его.

К о р о л ь

Кольцо? Какое?

Д и а н а

Государь, оно
Точь-в-точь такое, как у вас на пальце.

К о р о л ь

Знаком вам перстень? Он с его руки.

Д и а н а

Ему я перстень отдала на ложе.

К о р о л ь

Так, стало быть, не бросили кольцо
Вы из окна?

Д и а н а

Я вам сказала правду.

Возвращается придворный, за ним — Пароль.

Б е р т р а м

Кольцо ее, я каюсь, государь.

К о р о л ь

Я вижу, ты запутался во лжи;
Тебя нетрудно сбить.

(Указывая на Пароля.)

Свидетель — он?

Д и а н а

Да, государь.

К о р о л ь

Скажи, но только правду!
Не бойся господина своего,
Тебя я защищу, но будь правдивым,—
Все расскажи, что знаешь ты о нем
И женщине, которая пред нами.

П а р о л ь

Пусть ваше величество не прогневается, мой господин всегда был благороднейшим дворянином. Любил он и поразвлечься, как все истые дворяне.

К о р о л ь

Ну, ближе к делу. Любил он эту женщину?

П а р о л ь

Любить-то любил, государь. Но как?

К о р о л ь

Что значит — как?

П а р о л ь

Он любил ее по-дворянски.

К о р о л ь

Как же это?

П а р о л ь

Государь, он ее любил и в то же время не любил.

К о р о л ь

Точно так же, как ты плут и в то же время не плут? Ну и скользкий же малый!

П а р о л ь

Я неимущий человек и весь к услугам вашего величества.

Л а ф ё

Он искусный барабанщик, государь, но никудышный оратор.

Д и а н а

Вы знаете, что граф обещал на мне жениться?

П а р о л ь

По совести, я знаю больше, чем могу говорить.

К о р о л ь

Но разве ты не хочешь говорить все, что знаешь?

П а р о л ь

Хочу, если так угодно вашему величеству. Я, как бы сказать, был между ними посредником. Но он не только, чтобы так... Нет, он действительно любил ее,— был просто без ума. Толковал о Вельзевуле, о преисподней, об адских фуриях и прочих высоких материях. В ту пору они еще мне вполне доверяли, и я знал, когда они отправились в постель и многое другое, вроде того, что он обещал на ней жениться и всякие там тонкости, так что расскажи я это — худо бы мне пришлось. А потому знать-то я знаю, но ничего не расскажу.

К о р о л ь

Ты уже все рассказал, если только не можешь добавить, что они обвенчаны. Но ты в своих показаниях лукавишь. Отойди.

(Диане.)

Так этот перстень ваш?

Д и а н а

Да, государь.

К о р о л ь

Где куплен он? Иль, может быть, подарен?

Д и а н а

О нет, он не подарен и не куплен.

К о р о л ь

Но кто же вам его ссудил?

Д и а н а

Никто.

К о р о л ь

Тогда его нашли вы?

Д и а н а

Не нашла.

К о р о л ь

Но как могли вы, им не обладая,
Его отдать?

Д и а н а

Его не отдавала.

Л а ф ё

Показания этой женщины, государь, что просторная перчатка:
так же легко снимается, как надевается.

К о р о л ь

Но перстень мой. Я дал его Елене.

Д и а н а

Быть может, он ее; быть может, ваш.

К о р о л ь

Эй, взять ее! Я на нее разгневан.
В тюрьму ее! Да и его туда же!

(Диане.)

Когда не скажешь, где взяла кольцо,
Ты через час умрешь!

Д и а н а

Я не скажу.

К о р о л ь

Эй, увести ее!

Д и а н а

О государь,

Меня вы на поруки отпустите!

К о р о л ь

Ты кажешься и мне публичной девкой.

Д и а н а

Клянусь вам небом, я мужчин не знала.

К о р о л ь

Так почему же графа ты винишь?

Д и а н а

Он виноват и все же невиновен.
Я девушка, поклясться в том могу,
Хотя он присягнет, что я вам лгу.
Я не распутница, избави боже!
Скорей...

(указывая на Лафё)

жена вот этого вельможи.

К о р о л ь

Она обманывает нас. В тюрьму!

Д и а н а

О матушка, где ж поручитель мой?

В д о в а уходит.

Постойте, государь! Владелец перстня
Сейчас войдет, чтоб оправдать меня.
А тот, которым я обольщена,
Как он считает, но который все же
Не сделал мне вреда,— не нужен мне.
От той обиды, что нанес он деве,
Его жена дитя несет во чреве.
Прошу мою загадку разгадать:
Кто и мертвая и будущая мать?
А вот вам и разгадка.

Входят вдова и Елена.

К о р о л ь

Что за чудо!

Иль волшебством отводяг нам глаза?
Его супруга ты иль тень ее?

Е л е н а

Да, государь, я тень его супруги:
Он дал мне имя, но не дал любви.

Б е р т р а м

Возьми то и другое! И прости!

Е л е н а

О мой супруг! Как ты со мной был нежен
В ту ночь, когда считал, что я — она!
Твой перстень у меня. А вот письмо,
В котором ты писал мне: «Лишь тогда,
Когда моим кольцом ты завладеешь,
Когда ты от меня зачнешь дитя...».
Я выполнила эти два условия.
Итак, двукратно завоеван мной,
Согласен ты признать меня женой?

Б е р т р а м

Я твой навек. Не преступлю обета.
Но как же, расскажи, случилось это?

Е л е н а

Всю истину узнаешь, все поймешь.
Разводом покарай меня за ложь.—
О матушка!

Г р а ф и н я

Тебя живой я вижу!

Л а ф ё

Тут лук натертый, что ли, не пойму:
С чего это глаза мне зашипало?

(*Паролу.*)

Эй ты, пустой барабан, дай-ка мне платок. Спасибо. Поступай ко мне в шуты. Да хватит кланяться, ты это делаешь очень противно.

К о р о л ь

(Елене)

Мы знаем, что правдивый твой рассказ
Растрогает и усладит всех нас.—

(Диане.)

А ты, цветок, еще никем не смятый,
В приданое получишь дар богатый.
Оставшись девушкой, как ясно мне,
Женою стать ты помогла жене.
Когда найдем досуг и час удобный,
Мы твой рассказ послушаем подробный.
Все счастливы. К союзу двух сердец
Был горек путь. Тем сладостней конец.

Трубы.

Э П И Л О Г

(произносится актером, играющим короля)

Спектакль окончен. Я уж не король,
Я лишь бедняк, игравший эту роль.
Но будем мы считать конец счастливым,
Коль представленьем угодить смогли вам.
А если и похлопать вам не лень,—
Мы рады вам играть хоть каждый день.

Все уходят.

**СТАТЬИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**

«КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ»

Комедия «Как вам это понравится»¹ вместе с «Двенадцатой ночью» и «Много шума из ничего» увенчивает серию ранних комедий Шекспира, полных нежного лиризма, ласки и жизнерадостности.

Время ее написания определяется довольно просто: отсутствие ее в списке Мереса указывает, что она возникла не ранее 1598 года. С другой стороны, один книгоиздатель взял лицензию на ее опубликование в 1600 году. Следовательно, пьеса была написана в 1599 или 1600 году. Правда, лицензия не была использована, и пьеса была опубликована впервые лишь в фоллио 1623 года.

Если «Сон в летнюю ночь» является трансформированной «маской», то комедия «Как вам это понравится» содержит в себе элементы также трансформированные, другого драматического жанра — пасторали.

Основные сцены пьесы протекают в лесу, где добрый изгнанный герцог ведет с последовавшими за ним придворными простую и здоровую жизнь, которую он так убедительно восхваляет:

Ну что ж, друзья и братья по изгнанию!
Иль наша жизнь, когда мы к ней привыкли,
Не стала много лучше, чем была
Средь роскоши мишурной? Разве лес
Не безопаснее, чем двор коварный?

Находит наша жизнь вдали от света
В деревьях — речь, в ручье текущем — книгу,
И проповедь — в камнях, и всюду — благо.

(II, 1)

¹ Заглавие это допускает несколько толкований. Большинство критиков XIX века, связывая его с содержанием Эпилога к пьесе, склонно было понимать это заглавие как просьбу автора к зрителям о снисхождении: примите, мол, нашу пьесу как вам будет угодно; пусть каждый найдет в ней и одобрит то, что ему больше всего понравится. Однако новейшие критики относят его не к содержанию пьесы, а исключительно к ее наименованию: «назовите это как хотите». Ввиду неясности вопроса мы сохраняем традиционный русский перевод заглавия.

После того как Боккаччо в своих «Фьезоланских нимфах» дал первый в европейской поэзии образец пасторали, насытив взятую у древних (например, у Вергилия) схему гуманистическими чувствами и живым реалистическим содержанием, жанр повествовательной и драматической пасторали испытал большую эволюцию, причем в основном он аристократизировался. Таковы виднейшие образцы пасторального романа или поэмы конца XV и XVI века: в Италии — «Аркадия» Саннадзаро (ск. 1490 г.), в Испании — «Презрение ко двору и хвала сельской жизни» Антонио де Гевары (1539; в том же году было переведено на английский язык Франсисом Брайаном; незадолго до появления комедии Шекспира перевод этот вышел новым изданием) и «Диана» Монтемайора (1559), в Англии — произведения современников Шекспира: «Ода о презрении ко двору», роман «Аркадия» Филиппа Сидни и роман «Розалинда» или «Золотое наследие Эвфуса» Томаса Лоджа (1590; затем вышло еще несколько изданий в 90-х гг.). Последний из этих романов и послужил сюжетным источником шекспировской комедии¹.

Шекспир весьма близко придерживается своего источника, изменяя лишь все собственные имена (кроме Розалинды). Из более крупных его отклонений отметим лишь введение им таких значительных персонажей, как придворный шут Оселок и меланхолический Жак. Он опустил также несколько мелких сюжетных деталей. Но гораздо важнее всего этого внесенное им коренное изменение духа и смысла рассказа.

В романе Лоджа, так же как и во всех перечисленных выше образцах жанра, изображающих прелесть жизни на лоне природы, среди простых и честных пастухов, довольных своим скромным делом и способных на благородные чувства, несомненно звучит здоровый протест против типичного для той эпохи разврата феодальных дворов и жестокости, беззащитной хищности входящей в силу буржуазии. Но по существу это призыв не к поискам лучших, более справедливых форм активной жизни, а к уходу от действительности в мир отвлеченной, идеальной мечты. Пастушеская жизнь в этих произведениях изображена в условных, слащавых тонах, имеющих мало общего с реальностью. Пастухи и пастушки, томно вздыхающие, изысканно вежливые, сочиняющие вычурные стихи, — в сущности, перереженные аристократы. Таков же и слог этих поэм-романов, чрезвычайно манерный и витиеватый.

Шекспир придал всему этому совершенно иной характер и направленность. Прежде всего он заострил в своей комедии сатирический момент, осудив устами некоторых ее персонажей порочность современного ему городского, особенно столичного общества. Старый честный слуга Адам сетует о наступившем упадке нравов, когда достоинства человека «являются врагами» ему, а Орlando, восхваляя благородство души Адама, называет его примером

Той честной, верной службы прежних лет,
Когда был долгом труд, а не корыстью.

(II, 3)

Умный шут Оселок, хотя и сам отравлен придворной культурой, обличает лицемерие и пошлость знати. Меланхолический Жак бичует бес-

Источником романа Лоджа, в свою очередь, является анонимная, раньше приписывавшаяся Чосеру повесть о Гамелине (XIV в.). Существовало мнение, что Шекспир наряду с романом Лоджа знал также и повесть о Гамелине, откуда он почерпнул несколько сюжетных деталей. Но сейчас это мнение не находит поддержки среди исследователей.

сердечие «жирных мешан», в стремительном беге за наживой бросающих без помощи раненого товарища, чванство разбогатевших горожан, которые «наряды княжеские надевают на тело недостойное свое», жеманство и тупицы и пошлыми надписями на их кольцах (весьма ярко все это выражено в его размышлениях о раненом олене — II, 1).

В свете этих высказываний получает особый смысл изображение в пьесе злых и беззаконных поступков. Захват престола насильником Фредериком и ограбление Орlando его старшим братом — это лишь проявление водарившейся всюду прогни за наживой, бессердечия. По сравнению с этим жизнь изгнанников в лесу оказывается действительно полной нравственной чистоты и здоровой человечности. Не случайно поэтому при первом упоминании в пьесе о лесной жизни герцога и его приближенных они сравниваются не с томными пастухами, а с Робинсом Гудом, героем английских народных баллад, собравшим, по преданию, отряд «благородных» разбойников в целях борьбы против злых насильников — богачей и помощи беднякам (I, 1).

Вообще же, рисуя картину жизни среди природы, Шекспир придает ей, насколько это возможно, правдоподобие. Бесспорно, и в его пьесе есть черты специфически «пасторального» стиля: таковы страдающий от неразделенной любви пастушок Сильвий и прециозно жеманная, зараженная аристократическим эвфуизмом пастушка Феба. Но эти образы несут скорее характер шутиливой пародии, так как Шекспир для снижения их выводит рядом фигуру избранницы Оселка крестьянки Оди, в словах и поведении которой так много здравого смысла и прямодушия. Преодоление пасторального идеала в этой пьесе достигается также помимо пародирования любовного дуэта Сильвия — Фебы выступлением старого пастуха Корина с вымазанными детем руками, жалующегося на суровый нрав своего хозяина, богатого пастуха. Так Шекспир вкрапливает реалистические черточки в свое идиллически-мечтательное изображение жизни на лоне природы.

Существенно то, что, отдавая дань пасторальному стилю (тому, что можно было бы назвать реалистическим вариантом его), Шекспир преодолевает пасторальность еще и тем, что показывает пребывание изгнанников в лесу как вынужденное и привлекательное лишь до того момента, когда победа над злыми силами позволяет всем вернуться к реальной и деятельной жизни. В лесу остается лишь брызгливый мечтатель Жак, полный мизантропии и предпочитающий одиночество среди природы людскому обществу, несправимо, по его мнению, глупому и пошлomu. Некоторые критики, например Брандес, хотели видеть в Жаке прообраз Гамлета и считали его речи выражением образа мыслей самого Шекспира. Без сомнения, в уста Жака Шекспир вложил ряд своих собственных тонких наблюдений, но в целом, конечно, автор этой очаровательной, веселой и дышащей любовью к природе и людям пьесы бесконечно далек от унылого человеконенавистника Жака. Шекспир в этой пьесе явно заодно с теми, на чью сторону он привлекает все симпатии зрителей: с Орlando, воплощающим в себе юную силу и смелость, наряду со способностью глубоко и благородно чувствовать, и Розалиндой, такой же смелой и глубоко чувствующей, но вместе с тем пленительно остроумной и нежной.

Новый оттенок «пасторальному» жанру Шекспир придает в этой пьесе трактовкой обстановки действия. В пьесе есть некоторые указания на то, что местом и временем действия в ней является Фламандско-Бургундское княжество XV века: Арденнский лес, некий герцог, суверенно правящий в этих краях, французская форма большинства имен. Но дело в том, что в Англии, в близком Шекспиру Уоркшире, был тоже Арденнский лес (с ударением на первом слоге), тесно связанный

с фольклорной традицией о Робине Гуде. Отсюда Шекспир и черпал краски для обрисовки своего Арденнского леса. Несомненно, надо предположить, что географическая локализация леса двоилась в его сознании, приближаясь к утопическому образу. Лиственный лес, где водятся змеи и львы,—этого не бывало ни в английских, ни во французских лесах той эпохи. Этот абсолютно сказочный лес является не только местом, но и фактором действия, подобно афинскому лесу в «Сне в летнюю ночь». Этим отчасти объясняется и легкость исправления «злодеев», едва они попадают в его атмосферу (Оливер, узурпатор герцога). Мы здесь оказываемся в сказочной стране чудес, очень далекой от сладкого жеманных «красот» пасторальной фантазии.

Музыка и пение насыщают эту прелестную комедию. Но это не условная мелодика итальянских напевов, а нечто родственное по духу лихим песням Робина Гуда и его товарищей, бесечно и радостно живущих «под зеленым деревом», и задорным хорам английских охотников. К этим народным корням восходит инспирация данной комедии Шекспира.

В этой пьесе, самая обстановка которой не оставляет места для «злых», имеется целый ряд положительных образов: старый герцог, Амьен. Адам, Корин... Но все они тускнеют и отступают на задний план перед основной парой — Розалиндой и Орландо. Орландо — идеальная, рыцарственная натура того же склада, что Эдгар в «Лире», соединяющая в себе силу и смелость с душевной тонкостью, обладающая фантазией, которая позволяет ей вести себя сообразно обстоятельствам — то как разбойник с большой дороги, то как нежный юноша, слагающий любовные стихи. Он образован, не учившись, воспитан без школы.

Розалинда — воплощение нежности и деятельного начала в жизни. Лукавая, задорная, плетущая свои прелестные интриги в Арденнском лесу, словно лесной дух, ставший духом жизни.

Вся пьеса похожа на сказку, но сказку почти без событий,— скорее на мечту, фантазию, сниту грез, полных сладостной нежности и любви к жизни.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ»

Стр. 30. Оно подобно ядовитой жабе, что ценный камень в голове таят.— Одно из многочисленных перешедших из средневековья в Возрождение суеверных представлений о чудесных свойствах некоторых животных.

Стр. 41. Декдем, декдем, декдем — припев неясного происхождения. Возможно, что это уэльское слово, означающее: «приди ко мне».

...всех перворожденных Египта.— Начитанные в библии (см. Вторую книгу Моисея) англичане того времени разумели под этим богатых и знатных людей.

Стр. 51. Будут вместо книг деревья... и т. д.— Сцена эта является пародией на эпизод поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», где описывается, как влюбленный в Анджелику Роланд (по-итальянски — Орландо) бродит среди деревьев, читает на их стволах сплетенные инициалы Анджелики и своего соперника Медора и рубит мечом эти надписи вместе с деревьями.

Стр. 55. Аталанта — в греческой мифологии девушка, славившаяся своей гордостью и нравственной чистотой.

Дукреция — древняя римлянка, лишившая себя жизни после того, как ее обесчестил сын царя Тарквиния.

Елена — Елена Прекрасная, из-за красоты которой разгорелась, согласно мифу, Троянская война, длившаяся десять лет.

Стр. 56. ...с тех пор как я была ирландской крысой... — Намек на ирландских «заклинателей», выманивавших пением и игрой на волынке крыс из погребов и топивших их.

Стр. 57. ...целый Южный океан открытий. — На рубеже XVI и XVII веков английские мореплаватели открыли в океанах целый ряд новых островов и земель.

Стр. 60. ...не заучивали ли вы наизусть надписи на их перстнях? — На обручальных кольцах в те времена нередко вырезались краткие изречения из библии или какие-либо морализирующие сентенции.

...отвечаю вам, как на обоях, с которых вы заимствовали ваши вопросы. — В те времена на стеновых обоях нередко изображались человеческие фигуры с выходящими из их уст лентами, на которых были написаны какие-нибудь ходячие изречения.

Стр. 66. похож на... Овидий среди готов. — Овидий, поэт времен Августа (I в. до н. э. — I в. н. э.), был сослан на побережье Черного моря, заселенное тогда готами.

Даже у Юпитера под соломенным кровом шалаша было лучшее пристанище. — Намек на рассказ Овидия (в «Метаморфозах») о посещении Юпитером хижины Филемона и Бавкиды, двух престарелых любящих супругов.

Стр. 68. А здесь нет никого, чтобы вручить вам вашу невесту? — По английским обычаям свадебный обряд требовал присутствия лида, обычно пожилого, передававшего невесту жениху.

Стр. 69. ...у сокола — свой бубенчик... — Во время соколиной охоты к лапке сокола прикреплялся бубенчик для того, чтобы, если сокол далеко залетит и не вернется, было легче его отыскать, идя на звон бубенчика.

«О милый Оливер!» и «Ступай назад! Прочь, говорят!» — строки из баллад того времени.

Стр. 79. ...я испытываю самую гумористическую грусть. — Согласно учению Аристотеля о темпераментах, общий жизненный тонус человека определяется преобладанием в теле одной из четырех «жидкостей» (humores, откуда — «гуморальный», «гумористический», позднее — «юмористический»). Грусть, меланхолическое настроение, согласно этой теории, объяснялись преобладанием в организме так называемой «черной желчи».

...иначе я никак не поверю, что вы катались в гондолах. — То есть побывали в Венеции. Уже в те времена Венеция была излюбленным местом, посещавшимся богатыми и знатными путешественниками.

Стр. 82. Троил — см. пьесу «Троил и Крессида».

Леандр — герой древнегреческого сказания, переплывавший каждый вечер при свете звезд Геллеспонт (пролив, отделяющий Черное море от Мраморного, нынешние Дарданеллы), чтобы повидаться со своей возлюбленной Геро, жившей на противоположном берегу, пока однажды темной и бурной ночью он не утонул.

Стр. 84. ...буду плакать... как Диана у фонтана. — В 1596 году в Лондоне, в Чипсайде, был поставлен фонтан из серого мрамора с изваянием Дианы, из грудных сосков которой лилась вода.

Стр. 95. ...старый господин.— Сказано, вероятно, в шутку.

Стр. 96—97. Языческий философ, когда ему приходило желание поестъ винограду...— Намек на басню Эзопа о лисице и винограде. «Языческий философ» — сказано в шутку, вероятно, о самом Эзопе.

Стр. 97. Бастонада — итальянское слово, означающее «избиение палками».

Стр. 106. ...ссора наша была по седьмому пункту.— Эта строка и следующие являются пародией на переведенный в 1595 году на английский язык трактат итальянца Савболи «О чести и честных ссорах».

Стр. 109. О брак, Юноны ты оплот.— Юнона (Гера), супруга Юпитера (Зевса), подобно Гименею, также считалась хранительницей чистоты брака.

«ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ, ИЛИ ЧТО УГОДНО»

Сохранились сведения, что эта комедия игралась в 1602 году в юридической корпорации Мидл-Темплъ. Из этого не следует, однако, что она была новой пьесой. Э. К. Чемберс датирует ее 1599—1600 годами. В последнее время все чаще высказывают мнение, что имя одного из главных героев было дано Шекспиром в честь итальянца Орсино, герцога Браччиано, посетившего Лондон в 1600—1601 годах. Таким образом, мнения сходятся на том, что комедию следует отнести к 1600 году. При этом ее считают последней из жизнерадостных комедий великого драматурга.

При жизни Шекспира комедия в печати не появлялась и впервые была опубликована в фоллио 1623 года. Основная линия действия (Оливи — Орсино — Виола) заимствована из книги Барнеби Рича «Прощание с военной профессией» (1581), но сюжет имел долгую историю до Рича: сначала он появился в итальянской комедии «Перепутанные» (1531), затем в одной из новелл Банделло (1554), от него перешел к французу Бельфоре и уже отсюда попал в Англию. Но заимствованной была только романтическая линия сюжета. Мальволио, сэр Тоби Белч, Мария, сэр Эндрю Эггючик — создания Шекспира. Впрочем, и вся романтическая история тоже по-своему осмыслена Шекспиром.

Название является случайным. Двенадцатая ночь после рождения была концом зимних праздников, и она отмечалась особенно бурным весельем. К такому случаю и была приурочена комедия, для которой Шекспир не искал названия, предложив публике считать ее «чем угодно». Критика, однако, приписала названию более значительный смысл. Двенадцатая ночь рождественских праздников была как бы прощанием с весельем. Если верить принятой хронологии творчества Шекспира, то его комедия оказалась «прощанием с веселостью» и для самого драматурга. После «Двенадцатой ночи» появляются «мрачные комедии» и великие трагедии Шекспира, ни одной веселой комедии он уже больше не создаст.

Итак, Шекспир прощается с веселостью. Кажется, он и в самом деле исчерпал все источники комизма и теперь, создавая эту комедию, повторяет в новой комбинации многое из того, с чем мы уже встречались в его прежних произведениях. Комическая путаница из-за сходства близнецов составляла основу сюжета его первой «Комедии ошибок». Девушка, переодевая в мужской наряд, была в «Двух веронцах», «Венецианском купце» и «Как вам это понравится». Такой персо-

наж как сэр Тоби Белч сродни Фальстафу, а Эндрю Эггючик — Слендеру из «Виндзорских насмешниц».

Новым вариантом старого комедийного мотива Шекспира является и тема обманчивости чувств, играющая такую важную роль в «Двенадцатой ночи». Первый намек на это был в «Комедии ошибок», где мы видели Люциану, ошеломленную тем, что Антифол Сиракузский, которого она принимает за его брата, объясняется ей в любви. Еще более развит мотив обманчивости чувств в «Сне в летнюю ночь»: здесь Елена, сначала отвергнутая своим возлюбленным, потом сама отворачивается от него под воздействием колдовских чар. Но самым ярким проявлением ослепленности под влиянием любовных чар был, конечно, знаменитый эпизод, в котором царица эльфов Титания ласкает ткача Основу, украшенного ослиной головой. В «Двенадцатой ночи» обман чувств характерен для Орсино и Оливии.

Наконец, как и в ряде других комедий, действие «Двенадцатой ночи» происходит в обстановке несколько нереальной. Чувства героев являются вполне земными, и сами они — существа из плоти и крови, но мир, в котором они живут, — это сказочная для англичан шекспировского времени Иллирия. Красивое название страны, расположенной на восточном побережье Адриатического моря, звучало тогда так же экзотично, как теперь. Весть об этом далеком крае донесли до Англии моряки, прибывавшие в Лондон со всех концов света. Шекспир любил выбирать для своих комедий сказочные, экзотические места действия. Иллирия, Сицилия, Богемия — эти названия звучали для публики шекспировского театра романтически, и для романтических историй он выбирал страны с такими загадочно заманчивыми названиями.

Нужно было это и для данной комедии, для веселой романтической сказки, которую хотел поведать публике Шекспир. Ведь его «Двенадцатая ночь» изображает то, что не часто случается в жизни, и если бывает, то только там, где происходит действие всех сказок, а оно, как правило, там, куда мы никогда не попадем.

В прекрасной Иллирии живут даже более беззаботно, чем в Арденнском лесу. Здесь не трудятся, не воюют и только иногда охотятся. Главное же занятие населения — любовь и развлечения. Этим занимаются все — от герцога до слуг. Правитель этой сказочной страны делами своего государства не озабочен. У Орсино более важное занятие: он влюблен и услаждает душу мечтами о своей прекрасной возлюбленной, слушая музыку.

В эту страну любви и веселых шуток попадает юная Виола сразу же после кораблекрушения, во время которого она потеряла единственного близкого человека, брата Себастьяна, как две капли воды похожего на нее лицом. И стоит ей оказаться на берегу Иллирии, как ее сразу охватывает особая атмосфера этой сказочной страны. Отважная девушка любит приключения, и раз судьба забросила ее сюда, она готова пойти навстречу любым неожиданностям. Переодевшись в мужское платье, она поступает музыкантом ко двору герцога. Ее маскарад — и средство самозащиты, обычное в те времена, когда женщина должна была скрывать свою слабость, и проявление свойственного героине авантюризма, и своего рода «розыгрыш», шутка, породившая неожиданные для нее осложнения. И, конечно же, она сразу влюбляется, не только потому, что молода, но и потому, что попала в атмосферу двора, напоенного мечтаниями Орсино о прекрасной любви. В него она и влюбляется, и эта любовь оказывается для нее источником мучительных переживаний.

Прелесть ее юной музыкальной души мгновенно завоевывает Виолу нежное расположение Орсино, чувствующего, что из всех окружающих

его паж Цезарио, как назвала себя Виола, лучше всего способен понять его чувства. Но для герцога она — мужчина, и, хотя ренессансные нравы поощряли платоническую страсть между людьми одного пола, о чем свидетельствуют «Сонеты» самого же Шекспира, Виола жаждет любви иной. Но ей присуща самоотверженность. Ее любовь не эгоистична. Для нее будет горьким счастьем, если она сумеет добиться расположения к Орсино со стороны любимой им Оливии. Хотя аналогия не является полной, но строй чувств Виолы находит некоторое соответствие в тех же «Сонетах» Шекспира, лирический герой которых тоже испытывал горькое удовлетворение в том, что два прекрасных существа, дорогих для него, полюбили друг друга. Так или иначе, Виола самоотверженно борется за то, чтобы Оливия ответила на чувство Орсино взаимностью. Она умеет так красиво говорить о любви, что добивается неожиданного результата: Оливия влюбляется в переодетую девушку. И здесь начинается комедия обманчивости чувств, которую так любил изображать Шекспир.

Из трех романтических героев комедии Виола единственная обладает не только горячим сердцем, но и ясным умом. Ей одной видна и вся запутанность ситуации, возникшей из-за ее переодевания. Она принадлежит к числу тех шекспировских героинь, чья прекрасная женственность сочетается с устойчивостью чувств, беспредельной верностью, глубиной сердечных переживаний.

Орсино обладает иным душевным складом. Он, как и Ромео до встречи с Джульеттой, не столько любит предмет своих вздыханий, сколько влюблен в любовь. Его молодая душа открылась для большого чувства, но его любовь — это как бы любованье красотой переживаний, связанных с этим чувством. Недаром ему так нужна музыка. Она и питает и успокаивает его взволнованные эмоции. Чувства его тонки, и прежние мужественные развлечения, вроде охоты, теперь не доставляют ему удовольствия. Общение с Цезарио дает ему гораздо больше, ибо в нежной душе пажа он находит созвучие своим переживаниям. Он даже сам не сознает, насколько важна для него эта дружба. Когда в финале комедии оказывается, что Цезарио — девушка, Орсино не приходится перестраивать свое отношение к этому юному существу, которое он уже раньше полюбил за то, что оно так хорошо понимало его чувства. Поэтому для него открытие подлинной личности Виолы является радостью, и он мгновенно отдает ей всю свою жаждущую взаимности любовь.

Если вся жизнь Орсино проходит в ожидании большой любви, способной заполнить его сердце, то с Оливией мы знакомимся тогда, когда она, вопреки природе, решила отказать себе во всех радостях жизни. Пережив большое горе, утрату отца и брата, Оливия хотела уйти от суеты мира, закрыть доступ привязанностям, лишение которых причиняет страдание. Но душой она молода и, подобно Орсино и Виоле, тоже созрела для любви. Ее решимости вести отшельнический образ жизни не хватает надолго. Как только появляется Цезарио, в ней пробуждается сначала любопытство, а затем страсть. Натура волевая, она готова теперь презреть все: и обязательную женскую скромность, и неравенство положения (Цезарио, хотя «он» и дворянин, все же ниже ее по званию). И теперь она добивается взаимности с той энергией, какую Виола-Цезарио проявляла для того, чтобы завоевать ее сердце для Орсино.

Мы смеемся, наблюдая перипетии этой забавной истории, но каким чистым и прекрасным является этот смех! Нам известно, что Оливия ошибается, но смеемся мы не над ней, а над причудами юных сердец, ослепленных избытком кипящих в них чувств. Чувства эти прекрасны

и благородны. В них проявляются лучшие душевные способности человека, но и это лучшее, оказывается, может поставить в смешное положение того, кто лишен возможности узнать, что представляет собой тот или та, на кого направлено сердечное чувство.

С Оливией происходит примерно то же, что и с Орсино в конце комедии. Встретив брата Виолы, Себастьяна, она принимает его за полюбившегося ей пажа и, дойдя до предела страсти, предлагает ему немедленно венчаться. Случай свел ее сначала с Виолой, душевные качества которой увлекли воображение юной графини. Она полюбила Цезарио-Виолу не за внешность, а за мужество, характер, настоящность и портичность души. А затем случай же произвел подмену: Оливия встретила Себастьяна не только лицом, но и другими качествами схожего с сестрой. Он смело пошел навстречу неожиданно обрушившемуся на него потоку страсти Оливии и, подхваченный им, неожиданно-нежданно в один миг обрел счастье, которого другие ищут всю жизнь и далеко не всегда находят. Так бывает только в сказках, но ведь перед нами именно сказка о том, как люди ищут счастья в любви, и о том, как оно приходит к ним совсем не так, как они его ожидали. Орсино добивался Оливии, а счастье нашел в Виоле; Оливия жаждала взаимности Цезарио-Виолы, а обрела ее у Себастьяна; Виола страдала, не питая надежд на счастье, но оно неожиданно само пришло к ней; Себастьян искал сестру, а нашел возлюбленную и жену.

То, что происходит в кругу Орсино — Оливии — Виолы — Себастьяна, является высокой комедией, комедией чистых и прекрасных чувств. Все они люди большого душевного благородства, может быть, даже слишком прекрасные для реального мира, но идеальный душевный склад таких людей и вносит в жизнь истинную красоту. Искусство, стремящееся к тому, чтобы поднять человека до подлинных высот гуманности, истины и красоты, избирает таких героев, чтобы через них раскрыть, на что способен человек в своих лучших проявлениях.

Но это не та бесплотная идеальность, которая лишает художественное изображение убедительности, а высокая духовная настроенность, сочетающаяся с изумительным проникновением в действительные свойства человеческого сердца. Вот почему Шекспир остается реалистом и тогда, когда погружается в мир романтики. И поэтому же во всей этой милой сказке, где красивые чувства ставят людей в смешные положения, мы ощущаем несомненную жизненную правду.

Рядом с этим миром высоких чувств — иной, более земной мир, где человек предстает не в столь изящном виде, но все же не лишен черт по-своему симпатичных. Это мир сэра Тоби Белча и Марии. Они — центр его, как центром мира красивых чувств является Виола.

Сэр Тоби Белч совсем не иллирийский житель. У него не только имя английское. Он типичный «пожиратель бифштексов» и такой же любитель веселых попок, как сэр Джон Фальстаф. Остроумия у него поменьше, чем у славного рыцаря, но разгульную жизнь он любит не меньше его и хорошей шутке тоже знает цену.

Как и Фальстаф, сэр Тоби считает, что рожден для веселья и беззаботной жизни. Но при рождении ему не достались средства для этого. Он обедневший дворянин и вынужден жить милостями своей племянницы Оливии. Впрочем, его несколько не смущает положение приживалы, ибо, как и Фальстаф, о существовании морали он даже смутно не подозревает. Было бы лишь что поесть, а главное, выпить! Надо, однако, отдать должное его изобретательности: у него есть и свой источник доходов, помимо харча, получаемого в доме богатой племянницы. Он занимается ремеслом, которое в Лондоне шекспировских времен называлось «ловлей кроликов» — обиранием наивных провинциа-

лов, приезжавших в столицу. Роберт Грин, недруг Шекспира, в нескольких памфлетах описал приемы этого вида городской «охоты».

Сэрру Тоби удалось подцепить такого «кродлика» — это провинциальный щеголь сэр Эндрю Эггючик, приехавший в Лондон — простите, в Иллирию, — чтобы себя показать, людей посмотреть и заодно подыскать богатую невесту. Сэр Тоби взялся сосватать ему Оливию. Воздыхания сэра Эндрю по Оливии — забавная пародия на ухаживания Орсино. Конечно, сэр Тоби ни на миг не обманывался насчет возможности женить этого простака на Оливии. Обманывался сэр Эндрю, и этот обман стоил ему дорогого. Сэр Тоби ест и пьет на его счет, облекая кошельек простоватого провинциала. Мы встретим впоследствии у Шекспира еще одну такую ситуацию — в «Отелло» (Яго и Родриго), но там она кончится для простака трагично. Но Тоби не Яго, не злодей, а веселый боиниван, и Эндрю отделяется потерей кошелька и лошади да несколькими ушибами от Себастьяна.

Под стать пожилому ветрогону сэрру Тоби озорная Мария. Она мастерица на выдумки, которыми потешает себя и других. Ей хочется женить на себе сэра Тоби: это сравняло бы ее с госпожой, которой она прислуживает. Впрочем, расчетливость она проявляет не столько в этом, сколько в забавных проделках, увлекающих ее гораздо больше матримонциальных планов. Завлечь сэра Тоби в сети брака — нелегкое дело, ибо он не из тех мужчин, которые добровольно расстаются со свободой бражничать и веселиться. Если уж ему и придет в голову жениться, то разве что на такой озорной девчонке, как Мария, которая сама неистовства на веселье проделки.

Нельзя сказать, что круг сэра Тоби — это дно жизни, ее подонки. Конечно, респектабельностью здесь даже не пахнет, но это не мир зла. Если романтические герои комедии живут в царстве любви, то компания сэра Тоби живет в царстве веселья, и только ханжи да пуритане откажут этому миру в моральном праве на существование. Правда, люди этого мира сами о морали не помышляют, но для нравственного здоровья человечества смех и веселье необходимы, и в этом оправдание веселых домочадцев графини Оливии.

Есть у этих людей враг — дворецкий Мальволио. Положение он занимает невысокое, но окружающим может принести достаточно вреда. Он враг не только им, но и приятной жизни вообще. Мальволио — сухой, чопорный, суровый человек, и есть в нем нечто пуританское. Он охотно поддерживает Оливию в ее стремлении соблюдать траур и жить, отгородившись от сует жизни. С неудовольствием смотрит он на благоклонность Оливии к Цезарию. Его возмущает уже одно то, что люди хотят и могут веселиться, предаваться развлечениям и любить. Сам он имеет одну страсть — честолюбие. Положение дворецкого дает ему малую, но ощутимую власть над домочадцами Оливии. Правда, они весьма непокорны и ему постоянно приходится воевать с ними, но он не теряет надежды укротить их.

Веселая компания сэра Тоби решает проучить Мальволио. Как это сделать, придумывает хохотушка Мария. Этот эпизод слишком известен, и нет нужды пересказывать его. Остановимся на характере его.

Поначалу розыгрыш, заставляющий Мальволио поверить, что Оливия влюблена в него, кажется просто смешным и безобидным. Постепенно, однако, шутники доходят до того, что издеваются над Мальволио не без ожесточения и злости. Современному читателю и особенно зрителю шутка начинает казаться слишком грубой и жестокой, и она уже не доставляет удовольствия. Но не следует забывать, что сэр Тоби и его компания — люди в самом деле грубоватые, любящие на английский манер самые беспощадные «практические шутки» — розыгрыши,

от которых человек может иногда серьезно пострадать. Публика шекспировского театра, для которой и казни были интересным зрелищем, смотрела на подобные шутки иначе, чем мы. Одна из шуток — появление шута в облачении священника и исповедь Мальволио (IV, 2) — представляет собой пародию на католическую обрядность (над католицизмом в протестантской Англии разрешалось потешаться).

Образ Мальволио, вначале комический, постепенно приобретает иную окраску. В нем появляется нечто вызывающее жалость. Это с одной стороны. А с другой — фигура его становится злойшей. И хотя в этом мире веселья и любви он бесилец, мрачная тень, отбрасываемая им, напоминает о зле, которое существует в реальном мире, ибо, пусть в приуменьшенном виде, он все же обладает такими чертами, которые омрачали репессансные идеалы. Его честолюбие, злобность, ханжество и мстительность были теми пороками, которые Шекспир видел и показывал как источники трагического в жизни.

Но здесь Мальволио только угрожает. В мире сказки он немогущ. Поэтому даже его герцог велит «уговорить на мир». Мальволио, однако, покидает сцену непримиренным и непримиримым врагом радости и веселья. Они торжествуют победу в серии браков, завершающих комедию. А у нас остается ощущение, что хотя все кончается благополучно, но где-то за пределами этого сказочного мира таятся страшные угрозы человеку и человечности.

Шекспир остается верен себе в том, что даже этот зловедущий образ не превратил в ходульное воплощение злодейства. Прежде всего это своеобразный человеческий характер, пусть неприятный, но безусловно реальный. Сэр Тоби, Мария и остальные правы, воюя против Мальволио. Но не вся правда на их стороне. Выше та правда, которая воплощена в душевном благородстве Виолы, Орсино и Оливи. Но в общем люди этих двух миров — союзники в отрицании ханжества и утверждении радости жизни. При этом счастье благородной любви выше тех примитивных удовольствий, ради которых живут Тоби и иже с ним.

Кроме Мальволио, все персонажи комедии добры, жизнепестры, отзывчивы и веселы. Но есть еще один персонаж, выделяющийся среди них. Это шут Фесте. Мы видим его в числе участников веселого розыгрыша, учиняемого над Мальволио, слышим его дерзкие шутки над теми, кому он обязан повиноваться. Он один из самых остроумных шекспировских шутов. Но есть в нем черта, отличающая его от всех предшественников в комедиях Шекспира.

Фесте меланхоличен, в нем ощущается некоторая усталость от веселья, которым другие так непринужденно наслаждаются. Он выступает в комедии как выразитель настроений, расходящихся с общим тоном ее. В меланхолии Фесте критика давно уже увидела предвестие будущего трагизма Шекспира.

Между тем образ Фесте, каким мы его теперь знаем, — результат изменений, внесенных в комедию в процессе ее сценической истории на шекспировском театре. Открытием этого мы обязаны трем исследователям — Флэйю, Ноблу и Дж. Доверу Уилсону.

Чтобы понять суть дела, надо вспомнить начало комедии. Виола говорит, что она умеет петь и играть на музыкальных инструментах. В качестве музыканта она и поступает ко двору Орсино. Но в нынешнем тексте она нигде не поет и не музицирует. Что это — «забычивость» Шекспира? Нет. Первоначально роль Виолы исполнял мальчик-актер, умевший красиво петь и игравший на музыкальных инструментах. Нетрудно представить себе, что именно Виола исполняла грустную песню «Поспеши ко мне, смерть, поспеши...», которая так понравилась

Орсино. Она соответствовала и его печальному настроению, вызванному неразделенной любовью, и чувствам самой Виолы.

Но прошло время, мальчик-актер утратил данные, необходимые для этой роли, и песня должна была выпасть из пьесы. Но тут помогло новое обстоятельство. В труппу Бербеджа — Шекспира вступил замечательный комик Роберт Армин, превосходный музыкант, обладавший хорошим голосом. Песня была передана ему. Вчитываясь внимательно в текст, нетрудно увидеть, как была переделана сцена для того, чтобы Фесте был призван ко двору Орсино и исполнил лирическую песню. По-видимому, заодно была добавлена и заключительная песенка, также исполняемая Фесте и носящая иронически-меланхолический характер.

Именно таким путем, по-видимому, проникли в комедию те меланхолические мотивы, которые не только придали новую окраску образу Фесте, но и наложили печать на всю пьесу в целом. Переделка эта относилась уже к тому времени, когда Шекспир создавал свои великие трагедии и «мрачные комедии». Отсюда можно сделать вывод о том, что внесение новых мотивов в комедию не было случайностью. Но не следует преувеличивать их значение. «Двенадцатая ночь» остается одной из самых жизнерадостных, оптимистических комедий Шекспира. Создавая ее в первоначальном виде, Шекспир и не подозревал ни о каком «прощании с веселостью». Лишь потом оказалось, что он никогда уже больше не смог написать ни одной такой веселой и очаровательной комедии, как эта.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ДВЕНАДЦАТОЙ НОЧИ»

Стр. 113. Действующие лица:

Герцог Иллирийский.—Иллирия — восточный берег Адриатического моря. Здесь это название дано воображаемой стране.

Некоторые персонажи носят смысловые имена: Белч значит — отрывка. Эгьючик — имеющий бледные щеки (от английского «aigue» — лихорадка и «cheek» — щеки); имя Мальволио образовано от итальянского «mala voglia» — злая воля, злонамеренность.

Стр. 116. ...печень, мозг и сердце...— Отражение доктрины Платона, считавшего эти три органа носителями трех видов душевной деятельности — страсти, мышления и воли.

Стр. 117. Элизий, или Элизий, Елисейские поля (миф.)— обитель доблестных душ.

...как на спине дельфина — Арион.— Согласно античному мифу, дельфин, очарованный пением Ариона, спас его во время кораблекрушения, вынеся на своей спине на берег из бушующих волн.

Стр. 119. Шепни ему, что я не я, а евнух...— Кастраты ценились как певцы — исполнители дискантовых партий.

Вы евнух, я немой...— В турецких гаремах наряду с евнухами были и немые прислужники.

Стр. 123. ...подкрепись-ка скорее стаканчиком канарского.— Крепкое канарское вино (с Канарских островов) очень ценилось в Англии.

Стр. 124. ...так же бояться пыли, как портреты миссис Молл.— Миссис Молл — известная лондонская куртизанка времени Шекспира. Портрет ее завешивался под предлогом предохранения от пыли, но в действительности оттого, что оригинал пользовался дурной славой.

Стр. 124—125. Гальярда, куранта, джига — названия популярных в те времена танцев.

Стр. 125. Телец? Это который грудь и сердце? — Согласно астрологическим представлениям той эпохи, небесные светила оказывали влияние на отдельные части человеческого тела.

Стр. 128. Квинапал — вымышленное имя.

Стр. 131. Да ниспошлет тебе Меркурий умение складно врать... — Меркурий (миф.) — бог торговли; считался покровителем тех, кто обмеривал или обвешивал, и вообще всякого рода лгунов.

Стр. 133. ...как столб у дверей шерифа. — У входа в помещение, где заседал шериф (судья округа), обычно устанавливались два столба со скамьей между ними, на которой сидели просители или арестованные, дожидавшиеся очереди.

Стр. 140. Мессалин — вымышленный город или, может быть, остров.

Стр. 143. ...наша жизнь состоит из четырех стихий. — Древние философы утверждали, что мир состоит из четырех стихий (или «элементов»): земли, воды, воздуха и огня.

Видели вы вывеску «Нас здесь трое»? — На вывесках некоторых таверн того времени в виде шутки изображались две ослиные головы с надписью: «А третий — тот, кто на них смотрит».

Стр. 144. Пигрогромитус, вапнанцы, Квеубусский меридиан — вымышленные имена и названия.

Мирмидонцы — древнегреческое племя. Вся эта фраза шута — нарочитая нелепица.

Стр. 146. «Мы трое славных весельчаков», «Жил в Вавилоне человек...». — Вся речь сэра Тоби пересыпана отрывками из баллад того времени.

Стр. 148. ...сними свою цепь и начисти ее как следует. — Дворецкие знатных домов носили на груди золотую цепь.

Стр. 150. Пентезилея — царица мифического племени амазонок (женщин-воительниц).

Стр. 151. ...в том дворце, где властвует любовь — то есть в сердце.

Стр. 157. Иезавель — упоминаемая в Библии иудейская царица, отличавшаяся гордостью и порочностью. Сэр Эндрю употребляет ее имя как ругательство, обращенное к Мальволио.

Стр. 163. Тартар — в античной мифологии преисподняя, ад.

Стр. 165. ...слова сделались настоящими продажными шкурами с тех пор, как их опозорили окровавленными. — Намек на указ 1600 года, вводивший в театр цензурные ограничения.

Стр. 166. ...если эту штуку спарить с другой... — Шут говорит о монете, которую ему дала Виола.

Пандар — см. пьесу «Троил и Крессида».

Крессида — то была попрошайкой. — В английских балладах XVI века рассказывалось, что в наказание за ее неверность боги осудили Крессида в старости на нищету.

Стр. 169. Вы больше уладили бы мой слух, чем музыкою сфер. — По представлению древних, мир состоял из нескольких вложенных одна в другую движущихся хрустальных сфер с укрепленными в них звездами, которые вращались внутри охватывающей мир сферы неподвижных звезд. При вращении сферы эти издавали будто бы музыкальные звуки, сливавшиеся вместе в гармонию, доступную лишь слуху «избранных».

Стр. 172. ...еще до того, как Ной стал моряком.— То есть до «всемирного потопа» (о котором рассказывается в библии), когда Ной построил свой ковчег.

...по мне, уж лучше быть браунистом...— Браунисты— последователи Роберта Брауна, основавшего около 1580 года пуританскую секту.

...шириной в уэрскую кровать в Англии.— Один трактирщик в городе Уэре в целях привлечения любопытных поставил в своей гостинице гигантскую кровать, в которой одновременно могли поместиться двадцать четыре человека.

Стр. 173—174. ...больше борозд, чем на новой карте с добавлением Индии.— Географическая карта с впервые нанесенными на нее обеими Индиями (азиатской Индией и американской Вест-Индией) незадолго перед тем была напечатана в Англии.

Стр. 177. Римский почерк.— Так называлась (всюду принятая сейчас) закругленная форма букв, в противоположность остроконечному готическому письму.

Стр. 185. ...посвященный в рыцарство... шпагой за кошельковые заслуги— то есть не на поле битвы (за подлинные заслуги), а во дворцовой зале, за деньги.

Стр. 195. ...древний пражский старец-отшельник— по-видимому, персонаж из какой-то несохранившейся легенды или анекдота.

Стр. 196. ...блуждаешь, как египтянин во тьме.— Намек на библейское сказание о том, что по велению божьему, в наказание за грехи египтян в их земле три дня не светило солнце («египетская тьма»).

Стр. 197. Каково воззрение Пифагора на дичь?— Намек на учение Пифагора о переселении душ из человеческих тел в тела животных и наоборот.

Стр. 200. ...старый Грех...— Олицетворение Греха или Порока— традиционная фигура средневекового театра. Одетый в длинный балахон, в шапке с ослиными ушами, вооруженный деревянным кинжалом, Грех всячески издевался над Дьяволом, обрубая ему когти, но под конец Дьявол все же утаскивал его в ад.

Стр. 204. Колокол святого Бенедикта— то есть колокол в церкви св. Бенедикта, одном из лондонских храмов во времена Шекспира. Вся эта тирада шута является пародией на средневековые рассуждения о мистическом значении разных чисел.

Стр. 206. ...египетский пират, что перед смертью хотел убить любимую?— В романе Гелиодора «Эфиопика» (III—IV вв. н. э.), изданном в английском переводе в 1569 году, содержится рассказ о том, как разбойник Фиамида, видя свою неминуемую гибель и не желая, чтобы его прекрасная пленница Хариклия пережила его, решил ее убить.

«ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ»

Трагедия была впервые напечатана в фоллио 1623 года. В списке пьес Шекспира, составленном в 1598 году Ф. Мересом, «Юлия Цезаря» нет. Значит, пьеса была написана, по-видимому, после этой даты. Наряду с этим известно, что швейцарец Томас Платтер, посетивший Лондон, 21 сентября 1599 года видел в театре «на правом берегу Темзы» (то есть там, где находился только что выстроенный «Глобус») «траге-

дию о первом римском императоре Юлии Цезаре». Некоторые подробности в его дневниковой записи дают основание предположить, что он видел трагедию Шекспира. О том, что она шла на сцене уже в 1599 году, свидетельствуют также детали сцены на форуме, как она описана у Шекспира, встречающиеся в поэме Джона Унвера «Зерцало мучеников». Поэма эта была напечатана в 1601 году, но автор подчеркивает в предисловии, что он написал ее за два года до того, то есть в том же 1599 году.

Сюжет о Юлии Цезаре был популярен в английской драме эпохи Возрождения. Две пьесы о нем появились задолго до шекспировской трагедии — в 1582 году. А после Шекспира их возникло еще четыре. Своим предшественникам Шекспир ничем не был обязан, а его последователи подражали ему. Ни одна из этих пьес интереса не представляет и не идет ни в какое сравнение с трагедией Шекспира.

Источником Шекспиру послужили «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Сюжет трагедии и характеристики персонажей почерпнуты из биографий Цезаря, Брута и Антония. Как всегда, Шекспир в целях концентрации действия слегка отступил от исторической хронологии и, где можно было, сблизил события, отделенные некоторым промежутком времени. Так, Цезарь праздновал триумф по поводу победы над Помпеем в октябре 45 года до н. э., праздник Луперкалий отмечался в феврале 44 года до н. э. Лишь после этого трибуны были лишены права выступать за то, что сняли украшения со статуй Цезаря. Эти события, занявшие несколько месяцев, в трагедии Шекспира происходят в один день, изображением которого открывается пьеса. В III акте тоже в один день происходят события более длительного периода. После убийства Цезаря Брут сразу же выступил сначала в сенате, затем на форуме. Антоний произнес речь на следующий день. Октавий прибыл в Рим шесть недель спустя. Прошло не менее полутора лет, прежде чем он и Антоний составили триумвират с участием Лепида. Наконец, исторически под Филиппами произошли два сражения, второе спустя три недели после первого. У Шекспира они превратились в два эпизода боя, длящегося один день.

Оправдывать Шекспира нет нужды. Сущность и последовательность событий им сохранены, а сближение их во времени придало трагедии лаконичность и концентрировало действие.

В изображении характеров Шекспир следовал Плутарху с той же поэтической вольностью: сохраняя сущность их, он усилил контрасты, придав каждой фигуре еще большую рельефность.

Плутарху трагедия обязана четкостью композиции, классически строгой по своей ясности и последовательности. Он же повлиял и на стиль поэтической речи. Нигде у Шекспира она так не сдержанна, как в «Юлии Цезаре». Шекспир поразительно сумел войти в дух древних римлян, создал классический художественный образ Рима. Этому не мешают даже обычные для Шекспира анахронизмы: часы с боем, колпаки и цеховые знаки мастеровых, двойной кафтан Цезаря. Эти детали приближали события отделенных времен к публике шекспировского театра, и римляне становились ей понятнее.

Пьеса, вероятно, имела злободневный смысл для зрителей первых представлений. В последние годы правления Елизаветы разрушилось равновесие политических сил, на котором покоилась абсолютная монархия Тюдоров. Оппозиция в кругах нового дворянства, недовольство буржуазии Сити перерастали в замыслы свержения королевы и установления иного рода власти.

Политические волнения и бури той эпохи утратили теперь для нас интерес и значение. Но мы лучше поймем Шекспира, если представим

себе его пьесу как отражение грозовой атмосферы Англии конца XVI века.

«Юлий Цезарь» — политическая трагедия. Поэтому ею особенно охотно пользовались для того, чтобы установить политические взгляды Шекспира. Как всегда в шекспировской критике, политические симпатии исследователей определяли толкование ими трагедии и характеристику позиций Шекспира. Монархистам здесь виделась поддержка их политических принципов, республиканцам — утверждение их идеалов. Консерваторы всех мастей видели в гибели Брута и Кассия неизбежную кару всем посягающим на существующий политический строй. Для либералов и поборников освободительных течений сила трагедии — в величии республиканского пафоса Брута.

Оба прямолинейных решения до крайности сужают смысл великого произведения. Прежде всего они неисторичны. Когда так рассуждают о Шекспире, то представляют себе, будто он мог превращать сцену в трибуну для выражения своих политических взглядов. Политическая цензура существовала уже тогда. Крамольную пьесу лорд-камергер не разрешил бы к постановке. Если политика и допускалась на сцену, то лишь в целях утверждения официальной государственной доктрины. Если угодно, то в «Юлии Цезаре» она действительно имеется: царевубийство наказано. Цензора это вполне удовлетворило. Однако в политическую схему, приемлемую для властей, Шекспир вложил более глубокое содержание.

Прежде всего для правильного понимания трагедии необходимо воспринимать ее не как политический памфлет в драматической форме, а как реалистическую историческую драму. «Юлий Цезарь» есть продолжение и углубление шекспировского историзма, яркие проявления которого мы видели уже в пьесах-хрониках. Здесь та же широта охвата социальной действительности (в «Юлии Цезаре» представлены все слои римского народа) и конфликт трагедии соответствует центральному конфликту изображаемой эпохи; действующие лица исторической драмы — не абстракции, а носители отчетливых индивидуальных интересов.

Вместе с тем это и шаг вперед в исторической драматургии Шекспира. Отличие второй римской трагедии Шекспира (первая — «Тит Андроник») от хроник состоит прежде всего в том, что политические принципы сделаны основой поведения действующих лиц. В хрониках (за исключением «Генриха V», написанного почти одновременно с «Юлием Цезарем») персонажи боролись за свои личные интересы и только в конечном счете объективно оказывались носителями феодального своеволия или абсолютистской государственности. Не только Брут, но и другие персонажи выступают в качестве людей, более или менее ясно сознающих принципиальный характер борьбы, в которой они участвуют. Больше, чем в любой другой исторической драме, за исключением «Кориолана», действующие лица осознают исторический смысл своих поступков настолько, что они даже предвидят, как в далеком будущем потомки не раз вспомнят подвиг республиканцев, уничтоживших тирана, и посвятят этому пьесы (II, 1, см. стр. 268).

Конфликт разыгрывается здесь под флагом открытого декларируемых политических принципов, и в этом смысле «Юлий Цезарь» — одна из наиболее «шиллеровских» драм Шекспира. Но сближение с великим немецким трагиком у Шекспира лишь частичное. Метод Шекспира отличается от шиллеровского и в «Юлии Цезаре». Осознавая политический и исторический смысл своей борьбы, персонажи Шекспира не превращаются все же в простые «рупоры» отстаиваемых ими идей. Они остаются живыми людьми, каждый с чертами своей неповторимой инди-

видуальности. Политические мотивы, движущие персонажам, разнообразно сочетаются с их личными качествами, и у любого из них кроме общего принципа есть свои особые причины желать победы одной из двух борющихся политических систем — монархии или республики.

Реалистическое мастерство Шекспира, богатство его палитры видны уже в том, как он противопоставляет друг другу вождей обоих лагерей.

В критике не раз звучали жалобы на то, что, создавая образ Цезаря, Шекспир игнорировал его значение как полководца. Действительно, эта сторона деятельности Цезаря только глухо и словно между прочим отмечается в трагедии. Если принять это не как случайный промах гения, а как осмысленный художественный прием, то цель у него могла быть одна: показать сущность Цезаря как государственного человека. В этом и почти только через это характеризует Шекспир все персонажи трагедии. Облик каждого определяется тем, каков он как гражданин.

Своими заслугами в прошлом Цезарь завоевал положение первого лица в государстве: он укрепил могущество Рима и расширил его владения. Он служил Риму. Теперь он хочет, чтобы Рим служил ему. Цезарь смотрит на себя как на воплощение бога. Он верит в мудрость и справедливость любого принятого им решения. Он желает, чтобы его воля всегда была законом. Одним словом, он носитель принципа единовластия и искренне убежден в своем праве и призвании решать судьбы других людей.

Слабый физически, одряхлевший, тугой на одно ухо — таким рисует Шекспир облик Цезаря. В этом контрасте личной слабости человека и его политического могущества — глубокая идея. Ее выражает Кассий, когда возмущенно говорит о том, какое человеческое право имеет Цезарь на то, чтобы вершить судьбы остальных людей — он не сильнее их, не более мужествен, чем хотя бы он, Кассий (1, 2, стр. 228—229), и, уж конечно, не более добродетелен, чем Брут.

Если для Цезаря он сам начало и конец всего, то для Брута основой основ является идеал республики. Домогающийся власти честолюбец Цезарь жаждет рукоплесканий и приветственных кликов толпы; Брут любит уединение, он скромен и не притязает ни на какие почести за то, что посвятил себя служению добродетели. С Цезарем его связывает дружба, ибо он знал прежнего Цезаря, того, который своими победами служил Риму, как теперь стремится служить ему Брут своей добродетелью.

В отличие от Цезаря — человека действия, Брут — мудрец. Наряду с Гамлетом он единственный из больших героев Шекспира, который не только мыслит, но и является мыслителем по призванию.

Брут придерживается учения философов-стоиков. Они утверждали, что счастье и несчастье не зависят от внешних обстоятельств. Воспитывая себя в правилах добродетели, человек тем самым обеспечивает себе наибольшее счастье и довольство жизнью. Добродетель нужна человеку не для достижения внешних благ, а ради самой себя, ибо в ней величайшее благо и высшая награда человеку. Контраст между себялюбием Цезаря и сознательным отрешением от внешних благ во имя философии добродетели у Брута показывает, что эти два центральных персонажа трагедии противостоят друг другу не только как различные характеры, но и как представители разных мировоззрений.

Этих двух героев Шекспир показал не только в гражданском, но и в семейном быте. И здесь Шекспиром проведены тонкие, но четкие различия. Кальпурния и Порция обе любят своих мужей, но любят по-разному. В семье Цезаря все вертится вокруг его персоны. Дома он уже

достиг того, чего желает достичь и в государстве,— он единодержавный владыка. Семья Брута основана на равенстве: муж и жена равно заботятся друг о друге. Порция не желает быть только женой, делящей с мужем ложе, она друг Брута и даже его единомышленница в философии (вспомним, что она нанесла себе рану на бедро, чтобы испытать и доказать свою стойкость).

Как и в другом шедевре исторической драмы, «Генрихе IV», основной конфликт трагедии раскрывается в живой картине разнообразных характеров и страстей участников борьбы. Не только два лагеря противопоставлены друг другу, но и внутри каждой из враждующих партий мы видим людей, по-разному относящихся к тому, что происходит в Риме.

Возьмем ближайшего соратника Цезаря — Марка Антония. Он полон любви к великому полководцу и преклонения перед ним. Зная его тайные помыслы, он добровольно берет на себя роль помощника в осуществлении честолюбивых стремлений Цезаря. Он побуждает народ избрать Цезаря царем и от имени народа подносит ему корону. Антоний искренне верит, что лучший строй для Рима — единовластие. Перед сильной властью он благоговеет. Его радует, что Цезарю достаточно сказать слово — и оно немедленно превращается в закон.

Антоний жизнерадостен и любит наслаждения не только по инстинкту, но и в силу убеждения. Если Брут — стоик, то Антоний — гедонист, приверженец философии наслаждения. Натура горячая, Антоний без остатка отдается делу, в которое верит. Цезарианец из принципа и по личным симпатиям, он готов бороться до конца за свой идеал. В критический момент, после убийства Цезаря, он проявляет удивительную выдержку и расчетливость. Зная силу врагов, Антоний тем не менее не склонен складывать оружие. Он готовится продолжать борьбу в самых неблагоприятных условиях, собирает союзников и решает перехитрить противников. Его скорбь по Цезарю искренна, но она не затуманивает его сознания. Лучшее средство почтить память Цезаря, считает он, — это отомстить его убийцам. Но он борется не только из чувства мести.

Антоний честолюбив и жаждет власти не меньше, чем его покровитель Цезарь. Помогая Цезарю достичь престола, Антоний рассчитывал стать вторым человеком при Цезаре. Теперь, когда Цезаря не стало, он — главный наследник его дела. Антония воодушевляет мысль, что если он проявит выдержку, энергию и решительность, если сумеет, как Цезарь, перейти свой Рубикон, то теперь он уже сможет стать не вторым, а первым человеком в Риме. И, рискуя головой, он вступает в борьбу, которая поначалу кажется обреченной на неудачу. Мы знаем, что ему удастся создать перелом в Риме, и зная цезарианства снова вознoсился пад «вечным городом». Но Антонию не суждено стать единственным владыкой. Он не может вести борьбу без союзников, и один из них, Октавий, формально имеет даже больше права считать себя наследником Цезаря и притязает на власть.

В противовес Антонию Октавий не романтик борьбы, а трезвый политик, шаг за шагом завоевывающий новые позиции. При этом он открыто старается воспользоваться плодами первой победы Антония, добившегося изгнания Брута и Кассия из Рима. Антагонизм между Октавием и Антонием, однако, еще не получает полного развития в этой трагедии. Здесь он только намечен, но уже и в этой наметке ясно видно, что союз Антония и Октавиана непрочен и должен будет распасться, ибо властолюбие обоих не позволит им быть союзниками.

Третий член триумвирата, образованного после смерти Цезаря, Лепид — жалкий, неспособный и неумный политик, который нужен Анто-

нию и Октавиану для равновесия. Хотя сам он и склонен считать свою роль важной, в сущности, он является не более чем пешкой в руках двух главных триумвиров.

Общая черта всех членов цезарьанской партии — себялюбие, господство личного интереса над государственным. Борясь за монархию, каждый из них стремится сам стать во главе ее.

Иного рода нравственное начало преобладает в лагере республиканцев. Нельзя сказать, чтобы они были людьми, лишенными личной заинтересованности. Только один Брут вполне свободен от эгоизма. Остальные деятели этого лагеря, начиная с Кассия, имеют более или менее сильные личные мотивы для борьбы против Цезаря. Кассий вообще не хочет быть ничьим рабом или слугой. Он республиканец-аристократ. Не всеобщее равенство, а его личная свобода — вот цель Кассия. Ему нет надобности утвердить свою личность, подчинив себе других, с него достаточно, если никто не будет посягать на его независимость. Отметим, что Шекспир придал Кассию больше благородства, чем он имеет в рассказе Плутарха. Не будучи столь идеальной личностью, как Брут, он все же убежденный и искренний республиканец.

Что же отличает его от Брута? Прежде всего активность. Брут жил уединенно, Кассий всегда был в гуще политической борьбы. Он деятельен, умен, но он не философ, как Брут, а человек практического ума.

Цезарь знает проницательность и неумолимость Кассия, его постоянное беспокойство о своем положении, нежелание поступиться хотя бы частичкой своих прав. Не ошибается великий полководец, подозревая Кассия в зависти. Все это есть в нем и перемешано в сложном сочетании принципиальности и личной заинтересованности.

Активность и проницательность делают именно Кассия душой антицезарьанского заговора. Как опытный политик собирает он сторонников, зная, какую струнку нужно задеть у каждого, чтобы он отозвался. Он не тщеславен и не претендует на то, чтобы занять главенствующее место в республиканском лагере. Понимая, что его личные качества не могут сделать его достаточно популярным, он спокойно предоставляет номинальное руководство Бруту. Брут и становится знаменем заговора, но Кассий остается его душой, главной движущей пружиной, приводящей в действие весь сложный человеческий конгломерат партии заговорщиков.

После смерти Цезаря лагерем цезарьанцев руководят два соперничающих триумвира, но они подавляют противоречия между собой ради достижения общей цели. Есть противоречия и в лагере республиканском. Оба его вождя, будучи едиными в целях, расходятся в вопросе о средствах. Брут считает, что благородное дело надо осуществлять чистыми руками; Кассий не склонен быть разборчивым в средствах. Он более трезвый политик, чем Брут, и всегда бывает прав в вопросе об эффективных средствах борьбы. Брут же не терпит никакого отступления от своих идеальных принципов.

Когда Кассий заявляет, что необходимо убить не только Цезаря, но и Антония, Брут считает это излишней жестокостью. Он не верит в то, что Антоний может быть опасным без Цезаря. Кассий дальновиднее, но он вынужден уступить Бруту. То же происходит и после убийства Цезаря. Когда Антоний просит дать ему возможность похоронить Цезаря и произнести надгробную речь, Кассий решительно противится этому, понимая тающуюся в Антонии опасность, но Брут не видит ее и из искренне благородных побуждений настаивает на удовлетворении просьбы Антония. Мы знаем, что в этом споре прав был Кассий,

а не Брут, который не только сохранил жизнь злейшему врагу республиканцев, но и предоставил ему возможность поднять народ на заговорщиков.

Второе разногласие между Кассием и Брутом возникает по вопросу о способах ведения войны против цезарианцев. Кассий без малейшей шепетливости подкрепляет республиканские войска незаконными поборами, не брезгуя прямым грабежом. Брут из-за этого чуть не порывает с ним, и только признание Кассием своей неправоты побуждает его помириться с ним. Брут желает действовать, сохраняя моральную чистоту. Кассий считает, что это невозможно. Идеалист и трезвый политик все время сталкиваются. Верх берет идеалист Брут, и это оказывается роковым для дела, приверженцев его и, наконец, для самого Брута. Он собственными руками готовит себе гибель.

Будь Кассий только хитрым политиком, он повернул бы все иначе. Но, даже понимая ошибки и неразумность Брута, он искренне любит и ценит его. Чувство глубокого уважения к убеждениям друга, любовь к нему, несмотря на все его слабости, заставляют его мириться с роковой политикой Брута и с отчаянием в душе пойти на смерть.

Шекспир наделил философией и Кассия. Если Брут стоик, то Кассий эпикуреец, то есть, по понятиям того времени, материалист. Он не верит в богов, смеется над суевериями, не признает существования загробного мира. Его материалистические воззрения хорошо согласуются с трезвым пониманием политики. Читателя, которому хотелось бы, чтобы Шекспир, как и мы, был сторонником материализма, мы должны огорчить: приверженность эпикуреизму не была в глазах Шекспира и подавляющего большинства современников хорошей рекомендацией. Для того времени философия Кассия не была ортодоксальной. Смягчая эту сторону характеристики Кассия, Шекспир сделал его непосредственным сторонником эпикуреизма. Кассий говорит Бруту, что философия добродетели и принципы стоицизма ему тоже не чужды (IV, 3), а перед смертью даже отрекается от своего безбожия, признавая, что, видимо, существует некое высшее предопределение человеческих судеб (V, 3).

Справедливости ради нужно отметить, что ни одна из философских доктрин, которых придерживаются, по их собственным словам, персонажи, не получает подкрепления в развитии сюжета и герои в критические моменты жизни не следуют заветам своей философии. Если у эпикурейца Кассия возникает вдруг ощущение, что его судьбой распорядились высшие силы, если у него вырывается восклицание о «бессмертных богах», то и стоики Брут и Порция оказываются не в состоянии переносить с должным терпением обрушивающиеся на них беды и уходят из жизни, предвидя оба неминуемое поражение республиканцев.

Главарей заговора окружает большая группа приверженцев. Одним-двумя штрихами Шекспир сразу придает каждому из них своеобразие. Каска маскирует медлительностью и простодушным юмором накапливающее в нем недовольство узурпаторским поведением Цезаря. Он, однако, скрывает свои чувства так глубоко, что даже участвует в чествовании Цезаря. Самостоятельность не свойственна ему. Он шел в свите Цезаря, пока думал, что будущее за ним, а когда понял, что у Цезаря есть сильные враги, примкнул к ним, ибо, будучи в душе республиканцем, не мог примириться с превращением Рима в монархию. Войдя вговор с Кассием, Каска стал рьяным участником борьбы против Цезаря. Лигарий вступил в число заговорщиков потому, что привык верить Бруту и слепо следовать за ним. Деций Брут ненавидит Цезаря; пряча истин-

ные чувства под маской лести, он убеждает Цезаря идти на роковое заседание сената. Вспомним и таких соратников Брута и Кассия, как Луцилий и Титиний. Первый из них, будучи схвачен на поле цезарианцами, выдает себя за Брута в надежде, что этим спасет своего вождя и друга от преследований. Даже Антоний вынужден отдать должное его преданности, заявляя, что предпочел бы иметь подобных людей друзьями, а не врагами. Титиний во время решающей битвы при Филиппах готов был на любой риск для спасения дела; увидев, что Кассий мертв, он закалывает себя.

Нельзя не заметить, что примеров подобной самоотверженности в лагере Октавия и Антония нет. Шекспир подчеркивает, таким образом, высокую нравственную добродетель людей республиканского лагеря. Даже трезвейший из трезвых политиков Кассий поддается облагоураживающему влиянию Брута.

Кроме двух лагерей — цезарианцев и республиканцев — в трагедии есть еще третий, важнейший участник центрального конфликта, о котором мы пока молчали, — народ. Уже в первой своей исторической драме («Генрих VI», часть 2) Шекспир изображает народ как участника истории. Это определяет одну из важнейших особенностей его метода исторической драмы вообще. Но в хрониках народ составляет один из многих, притом отнюдь не самый главный фактор в социально-политических конфликтах. Он всегда присутствует там в качестве более или менее отдаленного фона центрального конфликта, разыгрывающегося на авансцене истории между двумя группами господствующего класса.

В «Юлии Цезаре» народная масса оказывается в центре конфликта. Более того, с самого начала определяется, что судьба политического строя Рима зависит от народа: поддержит ли он утверждение у власти монарха или отстоит старый республиканский строй. Истинной кульминацией трагедии является не убийство Цезаря, а сцена на форуме, где народ делает выбор между Брутом и Антонием. Мы еще вернемся к вопросу об изображении народа в «Юлии Цезаре». Здесь же нам важно подчеркнуть, что центральный конфликт решается не одним лишь единоборством двух групп господствующего класса, но также и третьей, «неофициальной» силой истории — народными массами.

Что же это за республика, вокруг которой идет борьба? Мы ошибаемся, модернизируя Шекспира и предположив у него понятие о политическом строе республики в современном смысле. Даже представление о буржуазной демократической республике, основанной если не на действительном, то хотя бы на формальном равенстве, не могло быть Шекспиру известно. О республиканском строе античного мира он имел лишь очень приблизительное представление, во многом не совпадавшее с тем, что было установлено впоследствии исторической наукой.

«Res publica» для Шекспира не столько политическое, сколько нравственно-политическое понятие. Поясним. Суть вопроса — в отношении всех граждан к государству: служат ли они, каждый в меру сил и возможностей, общему благу, или же весь аппарат государства становится орудием для удовлетворения эгоистических интересов одной части общества, держащей власть в своих руках.

Рим, как его изображает Шекспир, похож на сословное государство. Отмеченный выше анахронизм относительно мастеровых, носящих средневековые гильдейские знаки, совсем не случаен. Римских патрициев и плебеев Шекспир и публика его времени воспринимали как подобие дворян и «третьего» сословия своей эпохи. Речь в трагедии идет вовсе не о том, чтобы предоставить плебсу равенство с патрициями. Об этом

не помышляют ни Шекспир, который не верит в принцип гражданского равенства, ни его Брут, ни сам римский народ. Действительная проблема может быть сформулирована так: государство и общество — кто кому служит?

Победу в трагедии одерживает не принцип общего блага, а хищническое, эгоистическое начало. В этом смысле «Юлий Цезарь» означает разрыв с той оптимистической оценкой перспектив общественного развития, которая составляла идейную основу «Венецианского купца», «Ромео и Джульетты» и трилогии у Генрихе V. «Юлием Цезарем» открывается трагический период творчества Шекспира.

В чем же сущность трагизма в «Юлии Цезаре»? Для ответа на этот вопрос необходимо решить, кто является трагическим героем произведения. Это поначалу не совсем ясно. Трагедия названа именем Цезаря, который погибает от рук убийц как раз тогда, когда ожидает свершения своей мечты — стать венценосным владыкой Рима. Можно ли называть его судьбу трагической? Отчасти — да. Это личная трагедия Цезаря, не дожившего до своего полного торжества. Но дело, которому он служил, все равно торжествует победу после его смерти. Недаром в трагедии говорится и символически показано, что дух Цезаря жив. Его судьба, однако, не является в подлинном смысле слова трагической, ибо гибель Цезаря, с точки зрения исторической закономерности, не необходима. Будущее за цезаризмом — с Цезарем или без него.

Действительно трагической является судьба тех, кто борется против цезаризма. Они выступают в качестве носителей благородного идеала, нравственная правда на их стороне, и тем не менее они обречены с самого начала. Наиболее трагической фигурой является поэтому Брут, самый убежденный носитель принципов, враждебных цезаризму. Он борется против единовластия тогда, когда исторически назрела необходимость именно в этой форме правления. Его идеал, таким образом, оказывается в противоречии с теми путями, которые неизбежно ведут к установлению единоличной диктатуры. Можно подумать, что поражение республиканцев обусловлено отдельными ошибками в тактике борьбы (о них сказано выше). Но в том-то и дело, что эти ошибки были неизбежны в силу природы тех принципов, в которые верил Брут и которые отжили свой век. Настало время жестокого, бездушного индивидуализма, время поправки морали во имя корыстных целей. Все это заключено в Цезаре, Антонии и Октавии. Под римскими масками скрыты люди шекспировского века. Мы не станем утверждать, что цезарианцы — типичные представители буржуазного класса эпохи Возрождения. Сам класс буржуазии еще был на одной из ранних стадий своего формирования. Но те начала нового жизнепонимания, новой «нравственности», которые были воплощены в цезарианцах, в общем отражали то же самое, что позже Шекспир воплотит в образах Клавдия, Яго, Эдмунда и других индивидуалистов-хищников, наносивших удар за ударом иллюзиям гуманистов о возможности победы в то время принципа общего блага.

Нередко трагедию Брута толкуют как трагедию личную: он будто бы страдает оттого, что, восстав против Цезаря и убив его, нарушил моральные принципы своей философии и расплачивается за это. Действительная же трагедия Брута является не субъективной, а объективной: беда не в том, что он убил Цезаря, а в том, что он не убил его — мертвый Цезарь оказался сильнее живого Брута. Символические сцены с призраком Цезаря имеют именно этот смысл.

Но все это лишь поверхностно раскрывает трагедию. Ее самый глубинный смысл связан с другим персонажем. Персонаж этот коллективный — народ Рима.

Как уже сказано, от него, в конечном счете, зависят победа и поражение каждого из двух борющихся начал. С первой же сцены трагедии мы видим ликование народа, окружающего Цезаря преклонением. В сознании народа Цезарь уже властитель государства. Антоний подносит Цезарю венец при явном сочувствии народа. Когда же Цезарь отклоняет венец, толпа еще больше ликует: ее радует, что человек, призванный стать властелином, якобы не властолюбив. Народ не попил комедии, искусно разыгранной Цезарем.

Видя ослепление народа, республиканцы решают спасти его. Не спрашивая народа, действуя на собственный страх и риск, они убивают Цезаря. Лишь после этого Брут считает нужным объяснить народу, почему необходимо было уничтожить тирана. Нельзя не отметить парадоксальности ситуации. Цезарианцы, творя антинародное дело, устанавливая единовластие Цезаря, действуют в открытую, опираясь хотя бы внешне на волю народа. Республиканцы-патриции действуют тайно, в отрыве от народа и лишь после ищут у него поддержки своим действиям. Это лишний раз подчеркивает, что идея равенства здесь ни при чем, ибо для Брута и других заговорщиков народ — низшее сословие, но свой долг патрициев — отцов народа — они видят в том, чтобы заботиться о простых людях.

Трагедия народа с наибольшей силой проявляется в сцене на форуме (III, 2). Она принадлежит к шедеврам драматического гения Шекспира: такое изображение «судьбы человеческой» (Брут) и «судьбы народной» едва ли еще можно встретить в драме. В одной сцене сконцентрировано столько жизни, движения, борьбы противоречий, и притом перед нами не единственный герой (ср. монолог Гамлета «Быть или не быть»), а весь народ! Перед нашими глазами совершается история, и мы видим все пружины решающего всемирно-исторического события.

Вот выступает перед римлянами Брут. Для знающих Шекспира кажется странным, что говорит он не стихами, как на протяжении всей трагедии, а прозой. Мы привыкли, что во все значительные, патетические моменты речь героя облачается в возвышенную поэтическую форму. Отступление от правила, наблюдаемое здесь, побудило некоторых исследователей усомниться: пет ли здесь ошибки, не напутал ли наборщик или переписчик рукописи Шекспира, отбросив разбивку речи Брута на строки? Но все правильно, если поверить в обдуманность драматических приемов Шекспира. Прежде всего, Брут снисходит до народа, поэтому он говорит самым простым языком. Но тому есть и другая причина: он не хочет словами, риторическими украшениями затемнить простую истину. Без обиняков излагает он факт и объясняет его с крайней откровенностью и ясностью. Его повесть чиста, и изощряться в доводах он не хочет. Его главный довод — он сам со своей честностью, прямоотой и любовью к Риму.

Брут думает, что народ поймет его. И народ как будто горячо одобряет речь Брута. Но на самом деле уже в этом месте трагедии обнаруживается пропасть между Брутом и римлянами. Они иначе понимают и объясняют себе происшедшее. Цезарь был плох, а Брут хорош, и тогда один из толпы восклицает: «Пусть [Брут] станет Цезарем», — а другой поддерживает его: «В нем увенчаем все лучшее от Цезаря». Идея цезаризма, единовластия уже укрепились в народном сознании, и этого-то Брут не в состоянии понять! Ему кажется, что римляне, приветствуя его, поддерживают республику, а они видят в нем лишь более достойного властителя, чем Цезарь.

Антоний свободен от политического идеализма Брута. Он лучше понимает народ, отнюдь не снисходя при этом до него и сохраняя пат-

рицианское превосходство над толпой. В отличие от Брута, вызвавшего к разуму и нравственным понятиям народа, Антоний решает играть на эмоциях толпы: он стремится пробудить сочувствие к своей скорби, жалость к убитому Цезарю. Он отличный актер и умеет возбуждать эмоции. Этим искусством владеют все шекспировские макпавеллисты: они знают, что сначала нужно взволновать человека, вывести его из состояния покоя, душевного равновесия, а потом уже на эту взрыхленную почву бросить семена, и тогда они дадут любой желаемый всход. Так поступил Ричард III с леди Анной, так будет действовать Яго. Взволнованный, эмоционально возбужденный человек слишком чутко реагирует на все. Для него любой случайный факт становится неопровержимым доводом. То, что так мастерски проделал Яго с Отелло, Антоний сделал с целым народом. Он покорила его всеисильной логикой чувств, а не логикой разума, как это пытался сделать Брут. К тому же, начав с апелляции к благородным чувствам жалости и сострадания, Антоний ловко довершил это, задев личный интерес каждого, когда заявил римлянам, что Цезарь завещал блага, не забыв ни одного из них. Тут уже толпа была окончательно покорена.

Мы будем односторонни, если увидим здесь только искусство демагогии Антония. В его речи и точный расчет трезвого политика. Брут полагал, что народу важнее всего духовные ценности — призрачный идеал свободы и добродетели. Антоний знает: народу нужен хлеб. Не к идеалам, а к материальным интересам народа апеллирует он — и одерживает победу.

Что же сказать о народе? Признать ли правоту критиков, высокомерно характеризующих его как темную, глупую и жадную толпу? Поверить ли им в том, что и Шекспир был именно такого мнения о народе? Согласиться с этим может лишь тот, для кого суть трагедии в Бруте, Цезаре и Антонии. Но народ недаром введен Шекспиром в центр конфликта. Его роль отнюдь не служебная. Он не только участник трагедии, но и главный ее трагический субъект, во всяком случае, трагичный не менее Брута.

Обратим внимание на то, что презрение к народу питает Антоний. Брут уважает народ и даже после изгнания не попрекает его ни единым словом. Они воплощают два полярных отношения к массе. Для Антония она средство, для Брута — цель, ибо общее благо включает и благо народа. Народ у Шекспира не так глуп, как думает Антоний, но и не так идеален, как представляется Бруту. Да, он задавлен нуждой, лишен культуры, не очень разбирается в хитросплетениях политики. Но у него есть здравый смысл и чувство справедливости. Вдумавшись, мы заметим, что, поддержав сначала Брута, а затем переметнувшись на сторону Антония, народ в обоих случаях поддавался тем аргументам, в которых была справедливость или хотя бы ее подобие. Демагог Антоний начал с апелляции к лучшему, благороднейшим чувствам народа. Только смутив его, сбив с толку, сумел он завоевать его поддержку неправому делу.

Буржуазно-либеральные критики могли сколько угодно трактовать материальные интересы народа как проявление его низменности. Автор «Короля Лира» не мог игнорировать значение такой простой, но страшной вещи, как бедность. Антоний бросил народу подачку, и это довершило его успех. Он сыграл на обеих сторонах народной души, а критики хотят видеть только одну ее сторону — заботу о хлебе насущном.

Трагедия народа состоит в незрелости его сознания, в неумении отличить своих истинных друзей от мнимых. Толпа оказалась податливой на лесть Антония, не оценив того, что Брут разговаривал с ней,

как равной ему в понимании. И свершилось самое трагическое в истории — народ отверг своих истинных заступников, поддержав и дав власть тем, кто являлся его злейшими врагами. Народ сам надел на себя цепи рабства.

Таков объективный смысл трагедии «Юлий Цезарь». Читатель, всегда в таких случаях недоверчивый, подозревает критику в том, что она приписала Шекспиру больше, чем он сам думал. Я заканчиваю этот краткий очерк трагедии с мыслью противоположной: Шекспир вложил в нее много больше, чем мы в состоянии понять и оценить.

Грандиозное богатство мыслей, глубочайшее чувство противоречий истории, выраженное в образах и ситуациях, удивительное умение сделать все это живым придали «Юлию Цезарю» ту степень художественной завершенности, благодаря которой замечательное творение Шекспира стало высшим образцом исторической и политической трагедии во всей мировой драме.

А. Аникст

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ»

Стр. 219. Действующие лица.

Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) был убит 15 марта 44 года. Душой заговора был Кассий, но руководящая роль в нем была предоставлена Марку Юнию Бруту (79—42 гг. до н. э.), отчасти из уважения к памяти его предка Люция Юния Брута, свергнувшего с престола царя Тарквиния Гордого (509 г. до н. э.), после чего в Риме установился республиканский строй. После того как Марку Антонию удалось своей демагогической речью восстановить римский народ против заговорщиков, Брут удалился в Грецию, а затем проследовал в Малую Азию, где соединился с Кассием. Совместно с Кассием Брут получил от римского сената верховную власть над всеми провинциями Востока. Вскоре, однако, в Риме восторжествовал второй триумвират в составе Октавия, внучатного племянника и наследника Юлия Цезаря (род. в 63 г. до н. э.), Марка Антония (род. в 82 г. до н. э.) и Лепида.

Первые двое выступили против республиканцев с сильным войском. При Филиппах, в Македонии, был сначала разбит Кассий, покончивший с собой после поражения, затем через двадцать дней вынужден был принять бой в той же самой местности Брут, после поражения также умертвивший себя.

Молодой Катон был сыном Катона Младшего, или Утического, и правнуком Катона Старшего Цензора. Порция, жена Брута, была его сестрой.

Стр. 220. Сарды — столица Лидии в Малой Азии.

Стр. 223. Праздник Луперкалий — праздник в честь оплодотворяющего божества, фавна Луперка, справлявшийся 15 февраля. Во время этого праздника происходил «священный бег» знатных юношей, стегавших ремнем на бегу всех встречных (женщины эти удары будто бы делали плодовитыми). Такой бег Антония упоминается в следующей сцене.

Стр. 225. Остерегись под мартовских. — Мартовские иды соответствуют нашему 15 марта.

Стр. 228. ...и на обеих я взгляну спокойно. — Некоторые издатели считают, что слово «обеих» (both) поставлено ошибочно вместо слова «смерть» (death). Тогда бы эту строку надо было читать: «И равнодушно я взгляну на смерть».

Как славный предок наш Эней из Трои Анхиза вынес на своих плечах... Во второй песне «Энеиды» Вергилия рассказывается, что Эней на плечах вынес своего отца Анхиза из пылающей Трои. Далее в той же поэме описывается основание троянскими беглецами римской державы.

Стр. 229 ...возвысаясь, как Колосс.— Намек на Колосса Родосского — огромную статую Аполлона, стоявшую двумя ногами на двух берегах входа в Родосский порт, так что корабли проходили между ног ее.

В какой же век с великого потопа...— Это отнюдь не анахронизм Шекспира, так как у древних было свое сказание о потопе, в котором роль Ноя и его жены играли Девкалион и Пирра.

...что Брут — не ты, а славный предок твой...— Имеется в виду Брут Старший, свергнувший тиранию царя Тарквиния и учредивший в Риме республику (VI в. до н. э.).

Стр. 235. Когда б я Брутом был, а он был Кассий, ему б я не поддался.— Неясное место в подлиннике. «Ему» можно отнести и к Цезарю и к Бруту.

Стр. 244. ...у входа брат твой Кассий...— Кассий был женат на Юнии, сестре Брута.

Стр. 245. Эреб — в античной мифологии подземное царство мрака.

Стр. 250. ...что ловят деревом единорога...— Ловлю легендарного зверя единорога надо себе представлять так: охотник, разъярив единорога, прятался за деревом, и тогда зверь вонзал свой рог в дерево с такой силой, что потом уже не мог его вытащить. Все эти сведения о способах охоты на разных животных Шекспир мог почерпнуть частью из Плиния (о слоне), частью из средневековых легенд (о единороге), частью из рассказов путешественников.

Стр. 252. ...лишь на окраине твоих утех я жить должна? — Обитатели окраин были менее полноправны, чем жители города.

Стр. 267. И ты, о Брут! («Et tu, Brute!») — Откуда Шекспир взял это латинское восклицание, неизвестно. У Плутарха оно не приводится. Но современники Шекспира, несомненно, знали предание о таких словах Цезаря. Например, в анонимной «Правдивой трагедии о Ричарде III» (изд. в 1594 г.) король Эдуард говорит Кларенсу: «Et tu, Brute, ты тоже хочешь поразить Цезаря?» Некоторые критики думают, что слова эти сохранились в латинской пьесе «Убийство Цезаря» и дошли из нее до Шекспира понаслышке.

Стр. 268. ...моем руки Цезаревой кровью...— Омовение рук в крови убитого — древний обряд, выполнявшийся в тех случаях, когда убийство носило «священный» характер. Плутарх, не упоминая о таком омовении, сообщает только, что заговорщики появились перед народом с окровавленными руками.

Стр. 271. Как олень затравлен...— В подлиннике — игра созвучием слов «hart» — «олень» и «heart» — «сердце». Благодаря этому стих может получить смысл: «Цезарь был сердцем мира».

Стр. 276. Воздвигнем статую ему, как предкам...— В Капитолии стояла статуя Люция Юния Брута.

Стр. 288. Рим. Комната в доме Антония.— Одно из многих отступлений Шекспира от Плутарха: в его рассказе беседа триумвиров происходит не в Риме, а на одном острове (на Тибре) близ Рима.

...жить не будет и Публий, сын твоей сестры...— Ошибка Шекспира: у Плутарха Лепид называет дядю Ангония, Люция Цезаря.

Стр. 297. Плутон — бог богатств.

Стр. 298. Рифмует циник очень плоско.— Здесь имеется в виду философская школа «циников», проповедовавших первобытную простоту человеческих отношений.

Стр. 299. Ты философию свою забыл...— Брут — приверженец стоицизма, который учит быть выше невзгод; Кассий — эпикуреец.

Стр. 310. Гибла — город в Сицилии, славившийся особенно сладким медом.

...иль новый Цезарь...— Октавий имеет в виду самого себя.

Стр. 311. ...я сторонник Эпикура, но мнение свое переменял и склонен верить в предзнаменования.— Эпикур отрицал всякое вмешательство богов в человеческую жизнь, объясняя все ее явления естественными причинами.

Стр. 314. Ты, Пиндар, поднимись на холм повыше...— На шекспировской сцене Пиндар поднимался на «верхнюю сцену» (балкон), изображавшую в данном случае холм, и, следовательно, оставался все время видимым для зрителей.

Стр. 318. Фазос — остров в северной части Эгейского моря.

Стр. 320. Статилий поднял факел...— Смысл «факела» выясняется только с помощью описания этого эпизода у Плутарха. Статилий должен был, побившись сквозь ряды неприятелей в свой лагерь, в случае если там все благополучно, поднять в качестве сигнала зажженный факел.

«ТРОИЛ И КРЕССИДА»

Жанр, датировка, скрытый смысл, обстоятельства возникновения — всё представляет в этом шекспировском произведении ряд загадок, доныне не нашедших своего окончательного разрешения.

Пьеса была издана при жизни Шекспира лишь один раз — в 1609 году, большим кwarto, под заглавием: «История о Троице и Крессиде, как она исполнялась его величества слугами, в театре «Глобус». Сочинение Уильяма Шекспира». Издание это вышло в свет в двух вариантах, различия между которыми, при полном тождестве текста, сводится лишь к следующему. Во втором варианте заглавие на титульном листе имеет более распространенную форму, а именно: «Славная история о Троице и Крессиде, превосходно изображающая зарождение их любви, с занимательным посредничеством Пандара, принца Ликийского», но притом без указания на то, что пьеса когда-либо ставилась. Кроме того, этот второй вариант снабжен анонимным предисловием (по-видимому, принадлежащим издателю), в котором сообщается, что пьеса эта никогда не исполнялась на сцене, и расхваливается ее тонкое остроумие, недоступное непросвещенным зрителям.

Существует несколько гипотез, пытающихся объяснить это противоречие. Простейшее из них заключается в том, что пьеса была поставлена как раз в то самое время, когда она печаталась, а издатель после первого представления распорядился внести в еще не отпечатанные экземпляры упоминание о ее постановке и снять противоречащую этому фразу предисловия.

Кварго дает вполне удовлетворительный текст пьесы, к которому, видимо, и восходит текст фоллио 1623 года. Но издатель последнего, без

сомнения, пользовались помимо кварто еще каким-то более полным списком пьесы, потому что фолио содержит ряд мест, отсутствующих в кварто, иногда объемом по 4—5 строк. Так как одни места переданы лучше в кварто, а другие — в фолио, в критических изданиях оба эти источника комбинируются.

Датировка пьесы устанавливается на основании следующих данных. В нескольких произведениях 1603 и 1604 годов содержится несколько намеков на пьесу. С другой стороны, в ней самой можно усмотреть намек на пьесу Бена Джонсона «Стихоплет» («Poetaster»), поставленную в 1601 году. Всего вероятнее поэтому, что шекспировская пьеса была написана в 1602 году.

Кроме указания в части тиража кварто, никаких других сведений о том, что пьеса когда-либо исполнялась, до нас не дошло. Возможно, что она была задумана как произведение чисто «литературное», не предназначенное для сцены (с этим вполне согласуется предисловие второго варианта кварто), что в 1609 году была все же сделана запоздалая попытка показать ее на сцене, но что затем ввиду отсутствия всякого успеха у публики она никогда больше не возобновлялась.

Как показывают типографские признаки, издатели долго колебались, к какому разделу шекспировских пьес следует отнести «Троила и Крессида» — к разделу комедий, трагедий или даже хроник (с последними пьесу сближает трактовка батальных сцен, особенно в V акте, а также типичное слово «история» в ее заглавии). Действительно, она содержит элементы всех этих трех основных жанров елизаветинской драматургии. Но самое замечательное в ней — наличие нигде больше у Шекспира не встречающейся черты пародийного (или в особом смысле сатирического) характера при весьма неожиданной, чисто трагической развязке (двойное крушение — верности, честности, красоты любви Троила и доблести и благородства в лице Гектора).

Обстоятельство это, как думают, находит свое объяснение в том, что пьеса «Троил и Крессид» явилась отчасти откликом на знаменитую «войну театров», разыгравшуюся в Лондоне в 1600—1602 годах.

В 1602 году по неизвестным нам причинам произошло некоторое охлаждение между Шекспиром и Беном Джонсоном, пьесы которого, раньше ставившиеся шекспировской труппой, больше ею не принимались. Одновременно с этим разгорелась полемика между Беном Джонсоном и его бывшими сотрудниками по сочинению пьес, придерживавшимися более свободного направления, — Деккером и Марстоном. Обе стороны обменялись рядом сатирических, взаимно обличительных пьес. Последние и наиболее резкие из них были: «Стихоплет» Бена Джонсона и «Бич сатирика» («Satiromastix») Деккера.

Шекспир, как думают, не остался в стороне от этой перепалки. В анонимной сатирической пьесе того времени «Возвращение с Парнаса» после насмешек над «всеми этими учеными господами» говорится (устами комика шекспировской труппы Кемпа), что «Шекспир закатил Бену Джонсону слабиленное, совсем его подкосившее». Этим «слабиленным», полагают, и была пьеса «Троил и Крессид». Здесь Шекспир не только своей крайне свободной трактовкой античного материала бросил вызов «ученому педанту» Бену Джонсону, но и изобразил его самого под видом грузного (намек на телосложение Бена Джонсона) и чванящегося своим умом Аякса. А в то же время, чтобы отмежеваться от своего полусоюзника, грубоватого и безвкусного в своем творчестве Марстона, Шекспир изобразил его в лице Терсита, говорящего много горькой правды, но облакающего ее в отталкивающую по своей грубости форму. Возможно, наконец, что Ахилл — это драматург Чепмен

(так же как и Бен Джонсон — один из «ученых господ»), незадолго перед этим (1598) опубликовавший свой перевод нескольких песен «Илиады», где, в противоположность средневековым трактовкам этого сюжета (о чем см. ниже), именно Ахилл, а не Гектор представлен высшим образом доблести.

Надо, однако, заметить, что есть и другое объяснение слов Кемпа. Многие исследователи считают, что они вовсе не намекают на «Троила и Крессида», а относятся к незадолго перед тем написанному «Юлию Цезарю», которым Шекспир хотел будто показать Бену Джонсону, любителю римских трагедий, — вот как надо писать трагедии на античные темы. Существует, наконец, и такое мнение, что значение «войны театров» было сильно преувеличено, что это была чисто «домашняя» стычка актеров между собой, лишенная всякой остроты и принципиальности. Во всем этом вопросе нам определенно недостает точных данных, и мы вынуждены читать между строк, строя догадки. Однако, если принять вышеуказанную гипотезу (Бен Джонсон — Аякс), в вопрос вносится ясность, и дело можно представить себе так.

Задумав первоначально изобразить историю Троила и Кресиды, Шекспир, во время своей работы захваченный упомянутой литературной полемикой, решил попутно откликнуться на нее, используя для этой цели второстепенные для его замысла фигуры греческих героев, которые по характеру сюжета все равно должны были появиться в его пьесе. Но эта двойственность задачи неизбежно привела к растрепанности сюжета (во второй половине пьесы сатирическая тема совсем оттесняет лирическую) и к стилистической ее пестроте. В самом деле, можно различить в пьесе три части, написанные совершенно различными стилями: часть лирическую (любовь Троила и Кресиды), очень близкую по стилю к «Ромео и Джульетте», часть гротескно-сатирическую (Терсит и Аякс) и часть военно-героическую (оба поединка Гектора). По такой стилистической сложности не выходит за пределы того, что мы наблюдаем и в некоторых других произведениях Шекспира, например в «Генрихе IV», где также соединены три стилистически очень разнородные части: основная, «политическая» фабула, показ Хотспера в его семейной обстановке и фальстафовские сцены. Именно если подойти к «Троилу и Крессиде» как к пьесе типа «хроник», в этом смещении нет ничего противоречащего шекспировской поэтике.

Совершенно излишни поэтому различные гипотезы, стремящиеся объяснить эту многопланность пьесы моментами внешнего порядка, например тем, что Шекспир, сначала написав пьесу, исключительно посвященную Троилу и Крессиде, затем (ок. 1609 г.) сильно ее переработал, добавив другие части, но не согласовав их в достаточной степени с сохранными им частями первой редакции, или же что пьеса эта — плод работы нескольких авторов, почти механически объединивших написанные ими части.

Впрочем, независимо от подобных соображений и основываясь исключительно на моментах конкретного стилистического анализа, можно допустить, что некоторые места написаны не самим Шекспиром (хотя и в соответствии с его планом пьесы), например очень небрежно сделанные в художественном отношении V, 4—9, Пролог и Эпilog (каковы, по существу, является заключительная речь Пандара).

Первоисточником всех средневековых обработок сказания о Троилской войне явилась не гомеровская поэма, а две подложные хроники — так называемая «Хроника» Диктиса, будто бы сочиненная греком, участвовавшим в этой войне, а на самом деле возникшая в позднегреческий период и переведенная в IV веке н. э. на латинский язык, и — в еще большей степени — «Хроника» Дарета, будто бы написанная другим сви-

детелем Троянской войны, фригийцем Даретом, на деле же сочиненная на латинском языке в VI веке н. э. В этой второй хронике события излагаются с точки зрения троян, и этим отчасти объясняется тенденция всех средневековых версий всячески превозносить Гектора и других троянцев, умаляя славу греческих героев. Обе названные хроники были во второй половине XII века использованы французским поэтом Бенуа де Сент-Мор, который в своем «Романе о Трое» присоединил любовную тему: он превратил Брисиду (в «Илиаде» так именуется дочь Бриса, возлюбленная Ахилла) в дочь Калханта (у которого в «Илиаде» есть дочь Хрисеида, играющая совсем другую роль), сделав ее исверной возлюбленной Троила.

К роману Бенуа восходит целый ряд дальнейших обработок любовной истории Троила, и в том числе роман Боккаччо (ок. 1338 г.) «Филострато» (где героиня называется Грizenда), подражанием которому является поэма Чосера (ок. 1372 г.) «Троил и Кризида». В свою очередь, поэма Чосера была использована Лиджетом («Осада Трои», ок. 1420 г.) и Кекстоном («Собрание историй о Трое», 1475).

Помимо Чосера, Лидгета и, вероятно, Кекстона Шекспир использовал также для некоторых деталей поэму «Завещание Крезиды» Р. Хенрисона, напечатанную в виде приложения к изданию Чосера 1532 года. Но кроме всего этого он знал также и гомеровскую версию, скорее всего по переводу Чепмена. «Семь книг Илиады» (I—II и VII—XI) 1598 года, откуда он и заимствовал образ Терсита.

Сюжет этот несколько раз обрабатывался в драматической форме еще до Шекспира. В 1516 году детская труппа королевской капеллы исполняла пьесу «Троил и Пандар». Около 1545 года ставилась «Комедия о Троице» (по Чосеру) Никлса Гримолла. В 1572 году детской труппой Виндзорской капеллы была разыграна при дворе пьеса «Аякс и Улисс». Наконец, к 1599 году относится пьеса Четтла и Деккера «Троил и Крессида». Все эти произведения, текст которых до нас, к сожалению, не дошел, были, вероятно, неизвестны Шекспиру и, во всяком случае, почти наверное не оказали на него никакого влияния.

Разнообразие источников явилось одной из причин того, что Шекспир очень свободно компоновал фабулу своей пьесы. Но гораздо важнее мелких сюжетных отступлений вполне оригинальная окраска Шекспиром изображаемых им событий и разработка главных характеров. Сюда относятся, с одной стороны, глубокий лирический тон любовных сцен между Троилом и Крессидой, а с другой стороны, пародийно-сатирическое изображение греческих героев. Следуя даретовской традиции, Шекспир чрезвычайно ее усиливает. Ни в одной из предшествующих ему версий не встречается такого яркого изображения благородства Гектора (и отчасти Троила) и такого гротескного очернения греков. Его Агамемнон, гомеровский «пастырь народов», необыкновенно беспомощен; Аякс — воплощение самодовольной тупости; Менелай — неуклюж и смешон; Ахилл — эгоистичен, нагл и вероломен; Диомед (которого Крессида называет «сладкоречивым») — до крайности груб и прямолинеен. Исключение сделано только для Улисса, представленного в очень достойном виде. Но наиболее оригинально, конечно, разработаны роли Терсита, а также Пандара, образ которого очень интересовал Шекспира уже раньше (см. «Двенадцатая ночь», III, 1; «Виндзорские насмешницы», I, 3; из позднейших пьес — «Конец — делу венец», II, 1). Слово «pandar» в значении «сводник» встречается много раз в пьесах Шекспира, который более чем кто-либо способствовал превращению собственного имени Пандара в имя нарицательное. При такой пестроте и многопланности действия вполне естественно, что ряд других образов (Елена, Патрокл, Приам и т. д.) оказался очерченным очень бледно.

Однако все до сих пор сказанное относится лишь к истории сюжета и развития пьесы, не затрагивая основной ее мысли, образующей ее внутреннее единство, несмотря на всю пестроту и кажущуюся растрепанность содержания. Единство это заключается в пессимистическом и трагическом жизнеощущении Шекспира, возникающем в эту пору и окрашивающем в черный цвет все его восприятия и оценки человеческих отношений.

Фон пьесы — война, взятая с самой мрачной своей стороны, лишенная пленительных героических иллюзий и поставленная на службу лишь темной, стихийной страсти — кружащей голову чувственной любви. Пятнадцать веков человеческое воображение окружало лучезарным ореолом миф о деяниях несравненной доблести, свершенных в древности ради любви прекраснейшей из жен. И вдруг Шекспир говорит: смотрите, вот она, тупая, бессмысленная бойня, лишенная правды, красоты, благородства. Ибо это борьба не за какие-либо положительные ценности, а единственно лишь за престиж, за фетиш чести, за мirage своего достоинства.

Троянский царевич Парис похитил у царя Менелая его жену Елену Спартанскую, и вся Греция поднялась с оружием в руках, чтобы потребовать ее возвращения. Но сам Менелай равнодушен к судьбе супруги, и народам Греции участь ее безразлична. Они объединились под верховным началом царя Агамемнона, но на самом деле полны непокорности и личных раздоров. Тщетно Улисс в своей знаменитой речи о «порядке» (I, 3) призывает греков к единству, согласованности действий, дисциплине, ссылаясь на стройность и соразмерность всего сущего, на гармонию в деятельности природных сил, — среди греческих вождей господствуют личные интересы, бушуют раздоры и распри.

Несколько иную картину видим мы в Трое. Здесь больше дисциплины и единства. Но все же у троянцев нет полного убеждения в правоте того дела, за которое они борются. Стоит им выдать грекам Елену — и кровопролитной, губительной войне конец. Но нет! Однажды Троя приняла в свои стены беглянку, как бы одоблив поступок Париса. Какое же основание имеет она ныне отказывать ей в приюте? Нет нужды, что для Гектора Елена — лишь «греческая блудница»¹. Ведь достоинство вещей, аргументирует тот же Гектор (II, 2), определяется не ими самими, а нашим мнением о них. И все троянские вожди с ним согласны. И вот, по горькой иронии судьбы, честнейший и прямодушнейший из троянских героев, Гектор, оказывается оплотом сопротивления требованию греков вернуть Елену... «Честь» решает.

На фоне этой борьбы за распутную гречанку развертывается история трагической любви юного, благородного троянского царевича Троила к другой гречанке, оказавшейся заложницей в Трое, — Крессиде. Можно не до конца верить словам Пандара, что «не будь волосы ее потемнее, чем у Елены, нельзя бы и решить, которая из них лучше» (I, 1, стр. 330), но несомненно, что в судьбе обеих есть некое соответствие и перекличка. Нельзя не признать одноклассным и грубым отзыв о Крессиде Улисса, выдавшего в ней просто блудницу (IV, 5). Крессиде пленительна тем, что воплощает в себе чистую женственность со всеми ее положительными и отрицательными проявлениями. Она нежна, ласкова, почтительна. Нельзя ей отказать ни в непосредственности, ни в бескорыстии. Единственно, в чем ее можно обвинить, — это в чрезмерной податливости и впечатлительности. Ей недостает контроля над

¹ Уже в «Оскорбленной Лукреции» Елена пазвана у Шекспира «шлюхой».

своими чувствами¹. Сама она значительно вернее и тоньше, нежели практик Улисс, определяет свою натуру:

О слабый пол! Все наши заблужденья
Зависят от игры воображенья.
Наш ум глазам подвластен; потому
Никто не верит женскому уму.

(V, 2; см. также предыдущую сцену).

Партнер Крессиды — юный, благородный и мечтательный царевич Трои́л — многими чертами напоминает Ромео. Он был бы, вероятно, еще более Ромео, если бы Крессидой была Джульеттой. Есть даже известные соответствия в обстановке, в которой протекает начало их любви. Ритуал, совершаемый Пандаром (III, 2), — пародия на обряд любви Ромео и Джульетты, как и их «альба» — пародия на разлуку веронских любовников.

Но вскоре линии судьбы Трои́ла и Ромео расходятся. Трои́л начинает ревновать, и в характере его чувства сказывается материальная природа его страсти. Когда он ревнует, в нем восстает не оскорбленное нравственное чувство (как у Отелло), а бесится обыкновенная мужская ревность. Но так же, как у Ромео, страдание возвышает его мысли, и отсюда — прекрасное надгробное слово его Гектору (V, 10).

Из других персонажей нет надобности останавливаться на характеристике тупого и чванного Аякса, окаменелого в своей важности Агамемнона, болтливового и смешноватого Нестора, грубовато-рыцарственного Диомеда, наглого драчуна Ахилла или совсем бесцветных «псевдо-антагонистов» — Менелая и Париса.

Наиболее значителен Улисс — воплощение мудрости, но лишь мудрости обыденной жизни, здравого смысла, неспособного возвыситься над своим ограниченным уровнем. О последнем говорит не только его плоское суждение о Крессиде, но и совершенная неспособность к поэтическому полету мысли. Этой последней чертой он противостоит в пьесе Трои́лу, носителю крылатой человеческой мысли.

Женских образов в пьесе, помимо Елены и Крессиды, почти нет. Есть два более или менее положительных образа среди троянок — Кассандра и Андромаха. Но, увы, одна из них без ума, а другая безнадёжно ограничена в своей семейной стихии.

Оба лагеря имеют своих сатириков и разоблачителей: греки — Терсита, троянцы — Пандара. Это очень значительные, едва ли не ведущие фигуры в пьесе. Терсит изображен уже в «Илиаде». Но здесь он значительно шире по размаху действия. В «Илиаде» он издевается лишь над греческими вождями, осыпая их грязной бранью; у Шекспира он высмеивает решительно все на свете, не зная предела и удержу своему сквернословию. Но замечательная вещь — многие из его издевательств находят у нас понимание и сочувствие. Есть доля истины в его насмешках над отношениями между Патроклом и Ахиллом, над дутой важностью Агамемнона, над твердокаменной тупостью Аякса. Мерзко в нем лишь то, что он обобщает свои оскорбления, поливая все грязью. Отбросы и нечистоты — вот стихия, в которой он живет и черпает свой жизненный тонус. Иного рода циник, более тонкий и опасный, — Пандар.

¹ Любопытно, что у Чосера Крессидой уступила мольбам Диомеда из жалости.

Если Терсит универсален и принадлежит всем временам, то в Пандаре — своднике и посреднике в темных любовных делишках — мы находим фигуру достаточно типичную для эпохи Возрождения, представителя больных и извращенных сторон ее. Тут вспоминается Панург Рабле и герои плутовских испанских романов; да и в самой Англии и ее литературе можно найти немало ярких образов угодливых посредников, перепродавцов порока. Это придает образу Пандара огромную ударную силу, а его горький, мерзкий эпилог — мерка желчности пьесы.

Как истый троянец, рыцарь и аристократ, он не лишен своеобразного изящества и остроумия, и это делает его образ особенно одиозным и поистине угрожающим.

Одной из характерных особенностей пьесы являются мысли, лишь отчасти облаченные в характеры и нередко оторванные от действия и выраженные монологически. Самым выдающимся примером этого может служить уже цитированная нами речь Улисса о «ступенях» и повиновении (I, 3). Если она еще может быть связана как-то с характером Улисса, то совершенно отделена от него и целиком абстрактна другая его речь — о Времени, Забвении, Зависти и т. д. (II, 3).

Очень характерен также монолог Гектора о «предмете» и «мнении» (II, 2), имеющий мало отношения к характеру Гектора.

Пьеса содержит несколько мест, полных высокой поэзии: таково хотя бы появление Кассандры (II, 2) или упомянутое надгробное слово Троила над трупом Гектора (V, 10). Их уже достаточно для того, чтобы снять с пьесы обвинение в пародировании античности, которое Шлегель считал «святотатственным». Но несомненен антиромантический уклон пьесы, направленный целиком против двух былых кумиров человечества: войны и эроса.

Шекспир опрокидывает в этой пьесе одновременно и наивный оптимизм Чосера и средневеково-рыцарское осмысление легенды о Трое. Война — бойня, эрос — все растлевающая похоть — таков аспект, который Шекспир придает этим двум силам мира.

«Троила и Крессиды», по существу, очень близка к двум пьесам Шекспира: «Конец — делу венец» и «Мера за меру», которые вместе с данной комедией некоторые английские критики любят причислять к «циническим» комедиям Шекспира. В сближении их между собой они безусловно глубоко правы. Но они неправы в заглавии, которое дают этому жанру. Как «цинизм» Пароля и Люцио (в «Мере за меру») можно считать точкой зрения самого Шекспира, столь же мало он отвечает и за цинизм Терсита и Пандара, изображая их полемически. Но он показывает всю меру опасности, заключенную в них, для подлинной человечности, так же как в одновременно написанных своих великих трагедиях он показывает, но уже в чисто трагедийном плане, всю меру опасности, таящейся в бытии.

А. Смирнов

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ «ТРОИЛА И КРЕССИДЫ»

Стр. 327. Дардания — страна дарданцев, то есть троянцев.

Стр. 335. Бриарей (греч. миф.) — сторукий великан.

Аргус (греч. миф.) — стоглазый великан.

Стр. 339. ...любители тухлых яиц, которые едят невылупившихся цыплят — Намек на молодость Троила.

Стр. 341. ...раздвоенный, рогатенький... — У Приама было

пятьдесят сыновей. Троиц говорит, что у него на подбородке пятьдесят один волосок, а если Елена насчитала их пятьдесят два, то потому, что один из них двойной — намек на то, что Парис «рогат» ввиду двоежизня Елены.

Стр. 357. ...полезно это будет мирмидонцу...— Ахилл был царем фессалийского племени мирмидонцев.

Стр. 359. Задави тебя наша греческая чума! — Согласно Гомеру, в греческом лагере в это время свирепствовала чума.

Прозерпина (греч. миф.) — супруга Плутона, царя подземного мира. Цербер — пес, стерегущий вход в него.

Стр. 360. ...как берберийского раба.— Берберия — северо-западная Африка.

Стр. 366. ...взамен сестры Приама престарелой, которую в плену держали греки...— Согласно сказанию, Парис поехал в Грецию требовать возвращения своей тетки, сестры Приама, которую отец ее отдал в жены Теламону, отцу Аякса. Греки отказались выдать ее. После этого Парис похитил Елену.

Стр. 368. Как головня, сожжет ее Парис! — По преданию, царица Гекуба перед рождением Париса видела во сне, будто родила пылающую головню.

Стр. 369. ...как те юнцы, которых Аристотель считает неспособными постичь моральной философии значение.— Согласно преданию, Гектор жил за несколько веков до Аристотеля. У Аристотеля говорится только то, что юноши неспособны к политике. По-видимому, выраженная здесь мысль заимствована у Бэкона.

Стр. 371. Кадуцей — жезл Меркурия, изогнутый наподобие змеи. ...болезнь, которая именуется из скромности неаполитанской.— Так называли сифилис.

Стр. 375. Ноги ему служат, но сгибаться не могут! — Существовало ошибочное мнение, что у слона не сгибаются ноги.

Стр. 378. ...и угли подбавлять в созвездье Рака...— Созвездье Рака, через которое солнце проходит летом, считалось очень жарким.

Гиперион — у греков другое имя для обозначения бога Фэба — Аполлона; в переносном смысле — солнце.

Стр. 381. Милон, быка таскавший...— Имеется в виду Милон Кротонский (VI в. до н. э.), знаменитый греческий атлет, который однажды поднял на плечи четырехгодовалого быка, четыре раза обошел с ним все ристалище и затем съел всего этого быка в течение одного дня.

Стр. 385. Пелли (англ.) — уменьшительное от имени Елена. ...он умеет петь на все лады и ловок все улаживать.— Насмешка над сводническими наклонностями Пандара.

Стр. 386. ...с этой совратительницей Крессидой.— Некоторые текстологи читают в этом месте «disposer» (разлучница), полагая, что Крессиде разлучает Троила с его семьей, собирающейся вместе за ужином. Добавим, что во всем этом диалоге распределение речей между действующими лицами и некоторые намеки в их репликах являются предметом споров между комментаторами.

Стр. 390. Стикс (греч. миф.) — река, обтекающая подземное царство.

Харон, согласно греческой мифологии, — лодочник, перевозящий через реку Ахерон души умерших в подземное царство.

Стр. 392. В свите Купидона нет и не бывает чудо-

виш! — Речь идет о торжественных представлениях и шествиях в честь божеств любви с аллегорическими фигурами и сценами.

Стр. 400. ...великий сын Фетиды! — Ахилл был сыном Фетиды, богини моря (греч. миф.).

Стр. 403. ...богов подвигли на соревнование... — Согласно Гомеру, во время походов греков на Трои боги разделились на два лагеря: одни приняли сторону греков, другие, в том числе бог войны Арес (Марс), — троянцев.

...что в дщерь Приама ты влюблен. — Ахилл был влюблен в дочь Приама Поликсену, которая на сцене не выводится.

Пирр — сын Ахилла, более известный под именем Неоптолема.

Стр. 407. ...разве что скрипач Аполлон... — Аполлон был большим мастером игры на кифаре (старинный струнный инструмент).

Стр. 409. Клянусь Анхизом и рукой Венеры... — Эней клянется своими родителями: Венера — его мать, Анхиз, знатный троянец, — его отец.

Стр. 420. Возьми рукав... — В рыцарском быту, черты которого Шекспир в этой пьесе переносит в античность, наряду с перчатками и лентами залогом любви нередко служили отстегивающиеся рукава.

Ла-вольт — французский танец, модный во времена Шекспира.

Стр. 423. Аквилон (греч.) — северный ветер.

Стр. 430. Ведь даже сам Неоптолем... — Так Гектор называет Ахилла. Это неточность Шекспира: Неоптолем — имя сына Ахилла (иначе называемого Пирром), но драматург принял его за фамильное имя, принадлежащее также и Ахиллу.

Стр. 432. ...как пламенный Персей, коня пришпорив фригийского... — Мифический герой Персей летал на крылатом коне Пегасе.

Твой дед со мной сражался. — Дед Гектора — троянский царь Лаомедон, против которого Нестор некогда воевал вместе с Гераклом.

Стр. 438. Невзгода — одна из аллегорических фигур средневекового театра.

Стр. 439. А вот его братец — забавная разновидность Юпитера: подлинный бык на цепочке. — Юпитер превратился в быка, чтобы похитить дочь финикийского царя Европу, в которую он влюбился. Менелай — бык в двойном смысле слова: по грубости своей натуры и как носитель рогов (обманутый муж).

Стр. 448. Клянусь тебе Дианы светлой свитой... — Светлая свита богини луны Дианы — звезды.

Стр. 451. Арахнея, или Арахна (греч. миф.) — искусная пряха, которая вызвала на состязание богиню Афину и за дерзость была ею превращена в паука.

Стр. 454. ...за тобой один порок я знаю, присущий больше льву, чем человеку. — У Плиния рассказывается, что лев не трогает животных, которые смиренно склоняются перед ним.

Стр. 459. Стрелец — чудовище, подобное кентавру, сражавшееся будто бы на стороне троянцев.

Стр. 464. Все на него! Вот тот, кого ищу я! — Ни в одном из источников не рассказывается о том, что Гектор был столь вероломно убит по приказу Ахилла. У Лидгета сходным образом описывается смерть Троила.

Стр. 466. Ниобея — жена фиванского царя Амфиона, мать четырнадцати детей, гордившаяся ими перед Латоной, возлюбленной Зевса (Юпитера), имевшей от него только двух детей — Аполлона и Артемиду (Диану). За это Аполлон и Артемида покарали ее, перебив всех ее детей стрелами, после чего сама Ниобея от слез превратилась в соляной столб.

«КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ»

Текст пьесы, впервые напечатанной в фоллио 1623 года, издавна порождал критиков значительным количеством явных опечаток, трудных для расшифровки фраз, но более всего разностильностью. В стихотворной ткани пьесы, близкой по духу и языку наиболее зрелым произведениям Шекспира, разительно выделяются несколько мест: беседа короля с Еленой (II, 1, стр. 498—501), часть ее же в II, 3 (стр. 508) и письмо Елены в форме сонета (III, 4, стр. 531—532). Диалоги написаны рифмованными двустихиями, которыми Шекспир пользовался в ранних пьесах, но почти совсем не применял в пору зрелости. Нечто подобное можно встретить, например, в ранней комедии «Бесплодные усилия любви» (1594—1595). В период зрелости Шекспир пользовался такими двустихиями лишь для того, чтобы оттенить отличие искусственной речи актеров от естественной речи других персонажей. Так сделал он в «Гамлете», выделив этим приемом речи в пьесе, разыгрываемой бродячей труппой, от основного стиля трагедии. Расчленителям шекспировского текста, дезинтеграторам, разностильность подала повод утверждать, что «Конец — делу венец» — плод коллективного авторства. Дж. М. Робертсон считал, что Шекспир вообще не имел касательства к пьесе, которую, по его мнению, написал Чепмен. Дж. Довер Уилсон полагает, что перед нами произведение Шекспира, отредактированное каким-то второстепенным драматургом около 1605 года. Э. К. Чемберс предлагает психологическое объяснение: «...эту трудную пьесу может сделать более понятной только предположение, что Шекспир написал ее в необычном для него состоянии». Наконец, существует и распространенная гипотеза, поддерживаемая Ч. Дж. Сиссоном: «...разностильность стиха указывает на два слоя текста, и вполне возможно, что Шекспир отредактировал и частично переписал заново раннюю пьесу». Последнее предположение представляется более достоверным, чем другие.

Возможно, что ранний вариант был создан между 1592—1595 годами. В пользу этого говорит несколько обстоятельств. Во-первых, близость указанных стихотворных сцен стилю «Бесплодных усилий любви». Во-вторых, параллелизм по принципу контраста между «Укрощением строптивой» и «Конец — делу венец». В первой комедии воля Петруччо превращает строптивую Катрину в образцовую жену, а в «Конец — делу венец» настойчивая любовь Елены превращает легкомысленного и свовольного Бертрама в искренне любящего мужа (Ф. С. Боас). В-третьих, сюжет пьесы наталкивает на предположение, что в первом варианте она могла называться иначе, а именно «Вознагражденные усилия любви». Пьесу с таким названием упоминает в своем списке произведений Шекспира Ф. Мерес, но она не сохранилась. Возможно, в первоначальном виде пьеса носила мересовское название, а после переработки получила оставшееся за ней заглавие — «Конец — делу венец».

Основной текст в стилевом отношении близок к «Мера за меру». Это является главным основанием для датировки окончательного варианта 1603—1604 годами. Такая датировка, предложенная Э. К. Чемберсом, принята большинством современных шекспироведов.

«Конец — делу венец» не принадлежит к числу перворазрядных драматических шедевров Шекспира. В критике было высказано много нареканий по поводу пьесы. Помимо неорганичности стиля осуждение вызывали некоторые детали сюжета, казавшиеся строгим моралистам недостойными Шекспира. Особенно упрекали Елену за обман, посредством которого она залучает Бертрама в постель. Чистые ризы гения будто бы пятнает и неприличный обмен остротами между Еленой и Паролем по поводу девственности (конец 1-й сцены I акта).

Все это смущало критиков морализаторского толка в XIX веке. Теперь, когда достигнуто правильное историческое понимание условий деятельности Шекспира, стало ясно, что для публики театра его времени ничего аморального в пьесе не было. Обман с постелью применен и в «Мера за меру», а что касается неприличных острот о женском целомудрии, то они есть и в «Ромео и Джульетте» и в «Гамлете».

Критику долго смущало и то, что пьеса лишена жанровой определенности. Редакторы первого фоллио включили ее в раздел комедий, однако комические мотивы не играют в ней большой роли. Как и «Мера за меру», «Конец — делу венец» относится к группе пьес, лишенных трагического финала, но достаточно серьезных и даже несколько мрачных по общей тональности, чтобы не быть отнесенными в число комедий. В критике эта группа драматических произведений Шекспира получила несколько обозначений: «мрачные комедии», «реалистические драмы» и «проблемные пьесы». Каждое из этих определений отмечает одну из черт, действительно присущих данным произведениям: их близость к трагедиям, созданным Шекспиром в те же годы; пасыщенность реальными мотивами (в отличие от романтики комедий первого десятилетия творчества Шекспира) и подчеркнуто острую постановку проблем общественной и личной морали.

Как обычно, Шекспир не сам придумал фабулу, а заимствовал ее. Сюжет он нашел у великого итальянского гуманиста Джованни Боккаччо (1313—1375). Изложенная им в «Декамероне» история Джилеты Нарбонской (день третий, новелла девятая) была пересказана на английском языке Пейнтером в его «Дворце удовольствий» (1566), и отсюда взял ее Шекспир для пьесы, развив и дополнив рядом деталей, а также введя новые персонажи (Лафё, Пароль, шут).

Уже у Боккаччо новелла была проникнута гуманистической критикой сословных предрассудков: у него героиня тоже была незнатной горожанкой, а ее любимый — благородным графом. Шекспир усилил социальный контраст: Джилета была богата, Елена — бедная сирота без всяких средств.

Мотив социального неравенства выразительно подчеркнут Шекспиром. Сама Елена сознает и постоянно говорит об этом. Бертрам для нее то недостижимая звезда, то само солнце; она — скромная лань, а он — царственный лев (I, 1, стр. 474), но ее любовь сильнее всех созданных веками перегородок между людьми. Конфликт между естественным человеческим чувством и искусственными общественными различиями составляет основу этой пьесы Шекспира. Поставленную в ней проблему Шекспир решает с народно-гуманистических позиций в пользу природного равенства. Он отвергает сословное деление на «черную» и «белую» кость, на «красную» и «голубую» кровь. Истинное благородство, утверждали гуманисты, борясь против феодальной морали, — не в званиях, наследственных титулах и привилегиях, а в человеческих качествах: уме, доброте, честности, в благородных поступках.

Когда Бертрам, полный аристократического чванства, отказывается взять женой Елену, потому что она девушка низшего сословия, король разъясняет ему, что благородство ума и добродетели выше благород-

ства титула (II, 3, стр. 509—510). Его речь, утверждающая естественное равенство людей, осуждающая расовые и сословные предрассудки, является одной из наиболее прямых деклараций гуманизма и народности у Шекспира. Острая постановка проблемы социального неравенства и смелая критика его характерны для драматургии английского Возрождения, особенно в первое десятилетие XVII века. В ряде пьес начала века, созданных драматургами демократического направления (Т. Деккер, Т. Хейвуд, Д. Вебстер), настойчиво проводится идея нравственного превосходства людей низшего звания над испорченной дворянской знатью.

Елена завоевывает любовь Бертрама не обманом (она вынуждена его применить, чтобы выполнить невероятное условие, поставленное им, — родить ребенка от него, несмотря на то, что он отказывается разделить с ней супружеское ложе, и получить кольцо, которое он не снимает с пальца), а своей верностью, готовностью отдать все ради любви и любимого человека.

Она отнюдь не терпеливая Гризельда феодальной легенды, покорно принимающая любую волю мужа-владыки, а героиня нового, ренессансного типа. Чувство любви делает ее активной. В ней есть авантюристическая жилка, свойственная другим героиням Шекспира: Юлии («Два веронца»), Виоле («Двенадцатая ночь»), Порции («Венецианский купец»), Розалинде («Как вам это понравится»). Отбросив робость, скромная провинциалка является ко двору короля и вызывается сделать то, на что оказались неспособны лучшие врачи страны; в награду за излечение короля она просит в мужа Бертрама. Покинутая им сразу после венчания, она отправляется в одеянии паломника следом за ним в Италию, куда он уехал воевать. Она действует, борется и в полном смысле слова завоевывает право на любовь.

Уже было сказано, что не в меру строгих моралистов смущала неженская настойчивость, с какой Елена добивается близости с любимым человеком. Хотя она и воспитывалась в замке, опекаемая утонченной светской дамой, графиней Руссильонской, Елена — девушка из народа, лишенная малейшей светской чопорности, привыкшая к откровенности в речах, и можно только удивляться слепоте критиков, которые не заметили, насколько в характере Елены отпугивающая своей остротой ее беседа с Паролем о девственности. Этот штрих принадлежит не «чужой руке», как полагают текстологи, а внесен почерком реалиста Шекспира. Именно такая Елена и пойдет на рискованный трюк с обманом в постели. Трюк этот был традиционным «бродячим» сюжетом, Шекспир придал ему правдивую мотивировку своей обрисовкой характера героини.

Образ Бертрама также смущал критиков: он не тот «голубой» герой, с которым мы обычно сталкиваемся в комедиях. Ему сродни не Валентин («Два веронца»), не Орlando («Как вам это понравится»), а Протей («Два веронца») и Клавдио («Много шума из ничего»). Как и два последних, он жесток по отношению к любящей его девушке, и кажется странным то чувство, которое он вызывает к себе у отвергнутой им возлюбленной. Но по сравнению с более ранними комедиями Шекспир сумел создать образ гораздо более психологически убедительный. Добавим: и более ясно очерченный.

То, о чем мы в других комедиях должны догадываться, здесь выявлено в сюжете. Бертрам мужествен и красив, но его снедает аристократическая гордость, и его благородство не распространяется на людей низшего звания, к каким принадлежит и Елена. Кроме того, он считает насилием над своей свободной волей то, что его принуждают жениться на Елене. Аристократическая гордость сочетается в нем с ре-

неспасным представлением о свободе личности. и ему кажется, что насильственный брак лишает его естественного права выбора спутницы жизни. Отвергая Елену, он думает, что отстаивает себя как личность. На самом же деле в его поведении больше юношеского упрямства, чем действительного понимания ситуации, в какой он оказался. К тому же, как старательно подчеркнуто Шекспиром, Бертрам находится под дурным влиянием Пароля. Наконец, в нем есть также и то презрительное отношение к любви, которое мы видим у некоторых других юных героев Шекспира (Валентин в начале «Двух веронцев», Меркуцио и Бен-волно в «Ромео и Джульетте»). Но приходит время, и два препятствия для его любви к Елене устраняются. В сердце воинственного юноши начинает пробуждаться интерес к женщинам. Сначала это физическое влечение к Диане, затем более высокое чувство к дочери Лафё, на которой он готов жениться. Итак, с одной стороны, он душой созревает для любви. С другой стороны, разоблачение Пароля высвобождает его из-под дурного влияния этого циника. Тогда-то Бертрам начинает понимать, какого сокровища он лишился, отвергнув Елену. Поверив ложному известию о ее смерти, выслушав все справедливые упреки матери, он признает несправедливым и жестоким свое поведение по отношению к Елене. Правда, один из французских дворян не без горечи иронически замечает по поводу поведения Бертрама после известия о ее мнимой смерти: «Подумать, как порою нас веселит наши утраты!» (IV, 3). Но чем дальше, тем более искренним становится сожаление Бертрама. Когда же в финале снова появляется Елена, мы понимаем, что теперь между ними действительно возможно не только примирение, возможен и брачный союз, основанный на взаимной любви.

Финал пьесы многим критикам казался искусственным. Он даже подал повод для острот: «Не всякий конец венчает дело», «Не все хорошо, что хорошо кончается». Сущность сомнений в том, может ли быть счастливой любовь, подвергшаяся таким испытаниям? Бертрам ведь оказался не столь чистым с точки зрения строгой морали: если не фактически, то психологически он изменил Елене с Дианой.

Это, конечно, так. Но критики, упрекающие Шекспира, рассуждают, исходя из паивно романтических представлений о жизни. Правда, так, по видимости, рассуждал и сам Шекспир в большинстве своих прежних комедий. Но не всегда. Он уже и тогда обращал внимание на причудливые зигзаги в сердечных влечениях молодых людей. Вспомним Протея, любившего Юлию, затем увлекшегося Сильвией и, наконец, вернувшегося к первой возлюбленной, которая его простила, ибо любила безмерно. Вспомним и перемену предмета сердечных влечений у молодых героев «Сна в летнюю ночь»; между прочим, здесь тоже была Елена, сначала отвергаемая своим возлюбленным, затем вдруг страстно полюбившим ее. Иначе говоря, мотив, встречаемый в «Конце — делу венец», не нов для Шекспира.

Если понимать слова в их точном значении и признавать «Конец — делу венец» произведением пары павысшей зрелости Шекспира, то вправе ли мы требовать от него розово-романтического изображения испытаний любви, как это имело место в прежних комедиях? Не вернее ли, что именно в таком изображении проявляется более зрелое и реальное понимание жизни? Во всяком случае, оно естественно для автора «Сонетов», где также дано изображение любви, прошедшей через горнило неверности любимого существа. А в дальнейшем Шекспир покажет еще более сложную диалектику страсти в «Антонии и Клеопатре». Да, это не похоже на ту чистоту чувств, которая предстает в идеальной любви Ромео и Джульетты, но жизненной правды здесь не меньше, хотя горечи, конечно, больше.

Неприязнь критики к Бертраму объясняется отсутствием в нем идеальности. Его считают недостойным любви Елены. Но разве чистые женщины любят только достойных? И не приходится ли им, этим идеальным женщинам, опускаться до уровня тех, кого они любят, чтобы затем поднять их до себя? Все это показывает отличие данной пьесы от более ранних, накладывая на нее колорит менее радужно чистый. И все же мрачность ее несколько преувеличена критикой. Добрых, хороших людей здесь куда больше, чем дурных. Пропорция их примерно та же, что и в «Отелло». К концу концов, зло воплощено в одном лишь Пароле, персонаже жалком и ничтожном, не в пример Яго. Откуда же возникает ощущение большой силы зла в этой пьесе? А ощущение это несомненно. Суть в том, что зло проникло в душу благородного человека, каким, в сущности, является Бертрам. В этом более всего причина мрачного ощущения, оставляемого пьесой, и ее благополучный финал не дает полного удовлетворения потому, что герой не прошел того очищения страданием, которое делает убедительной моральную победу добра в трагедиях. И это тем более так, что многие мотивы пьесы перекликаются с тематикой трагических произведений, созданных Шекспиром в те же годы.

Другие части сюжета вызвали меньше пареканий и недоумений, но и они подавали повод для них. Может показаться, например, что Шекспир непоследователен, когда, с одной стороны, осуждает дворянскую спесь Бертрама, а с другой — вкладывает глубокие мысли о равенстве в уста короля. Но Шекспир не писал революционной антифеодальной пьесы. Пусть в этом была незрелость его социально-политической идеологии, но он, по-видимому, предполагал возможность нормальных и человеческих отношений в пределах существовавших тогда форм государственности. Нам надо судить Шекспира не по тому, что он не дошел до мысли о революционном ниспровержении тогдашнего политического строя, а по той глубоко прогрессивной для его времени мысли, что достоинство человека не определяется ни титулами, ни должностями, ни богатством. Это ведь та же самая мысль, которую Шекспир с еще большей художественной силой выразит в трагедиях «Король Лир» и «Тимон Афинский».

Другое замечание, совсем уже частного характера, относится к образу Пароля. Он схож кое в чем с Фальстафом: тоже почти деклассированный, опустившийся рыцарь, тоже циник, тоже совратитель молодых людей, тоже трус, но тоже остроумен. Но лишен он фальстафовского обаяния. Его считают ухудшенным вариантом сэра Джона, а раз он хуже, значит, Шекспир здесь не, проявил в полной мере своего мастерства. Но Шекспир явно и не думал создавать нового Фальстафа. Роль данного персонажа в композиции пьесы и ее идейном замысле очевидна: только такой молодой человек, как Бертрам, не умеющий разбираться в людях, мог отвергнуть Елену и водить дружбу с Паролем. Для умного и проницательного принца Генриха нужен был такой титан веселья, как сэр Джон, с Бертрама хватит и Пароля.

Нервности в пьесе есть, есть и следы небрежности, впрочем, обычной для Шекспира, но критика XIX века часто была несправедлива к этой пьесе. В последние десятилетия наметилась тенденция более вдумчивого отношения к этому произведению в критике, открывающей в нем все больше достоинств. Но еще не сказал решающего слова театр. У нас была только одна попытка дать пьесе новую жизнь на сцене — постановка Ф. Каверина в Новом театре (Москва, 1930—1931). Пьеса «Конец — делу венец» достойна имени своего великого творца. Долг театров — подтвердить это.

А. Аникст

Стр. 471. ...он теперь и опекун мой...— Король поминально считался опекуном всякого знатного дворянина, потерявшего отца.

Стр. 484. ...даже у молодого пуританина Чарбона и у старого паписта Пойзама...— Смысловые имена, свидетельствующие о скептическом отношении Шекспира как к католицизму, так и к пуританству: «charbon» значит «уголь» или «головня» (намек на религиозный пыл, рвение пуритан; секты); «poysam» — слегка измененная форма слова «poison» — яд.

Стр. 485. ...не дрянь — одна в десятке — по-видимому, искажение старой английской песенки, в которой говорится о десяти сыновьях Приама.

Стр. 486. ...придется ей натянуть белый стихарь смирения на черную рясу строптивости.— В то время как католическое духовенство носило белое облачение, пуританское предпочитало носить черные сюртуки.

Стр. 496. ...чтобы король Пипин восстал из гроба, чтобы Карл Великий вновь взял перо...— Пипин Короткий, король франков, и его сын Карл Великий жили в VIII веке.

Стр. 502. ...как тростниковое колечко Тибби — указательному пальцу Томми.— В английской деревне того времени легкие связи, не ведущие к браку, зачастую отмечались кольцами, свитыми из жлока тростника, что не стоило ни одного пенни.

Танец моррис — старинный английский народный танец.

Ах'боже мой, сударь! — Среди пуритан в то время было в ходу восклицание «O Lord, sir!»

Стр. 504. Гален — знаменитый греческий врач II века н. э.

Парацельс — швейцарский врач (XVI в.), пользовался в эпоху Возрождения славой философа, алхимика и выдающегося медика.

Стр. 514. Чего это ты на рукава нацепил ленты? Решил их сделать штанами? — В то время входили в моду буффированные рукава с перехватами.

Стр. 520. ...как тот молодец, который прыгает в праздничный пирог.— Сохранился рассказ о том, что однажды для городского праздничного обеда был изготовлен гигантский пирог, внутри которого были спрятан шут лорд-мэра.

Стр. 531. ...паломницей к Иакову Святому...— Имеется в виду монастырь св. Иакова Компостельского (Сант-Яго де Компостела), на самом деле находящийся в северной Испании, — одна из нередких географических вольностей Шекспира.

Стр. 532. ...подобная безжалостной Юноне...— Намек на двенадцать подвигов Геркулеса, которые тот должен был совершить по требованию Юноны, стремившейся погубить его.

Стр. 540. ...чтобы вернуть утраченный символ воинской славы...— В те времена тамбур-мажор, которому поручался полковой барабан, почти приравнялся к знаменосцу. Потерять в бою барабан считалось позором.

Стр. 548. Трока мовезус!.. и т. д.— Набор искаженных слов, частью французских.

Стр. 562. Несс (миф.) — кентавр, известный своим коварством и посягнувший на честь жены Геркулеса Деяниры.

Стр. 563. Майл-Энд — луг, на котором во времена Шекспира производились военные учения отрядов городского ополчения, нередко вызывавшие насмешки.

Стр. 567. Того количества шафрана, которое он употребляет на окраску своих воротничков и манжет...— Щеголи времен Шекспира, крахмала свои воротнички и манжеты, подкрашивали их в желтый цвет шафраном.

...этого краснохвостого трутня...— по-видимому, намек на яркий костюм Пароля.

Стр. 568. Не считайте... что я какой-нибудь Навуходоносор.— В библии рассказывается, что вавилонский царь Навуходоносор в наказание за свои грехи был превращен в быка и, следовательно, вынужден был питаться травой (сделавшись тем самым «знатком трав»).

Стр. 575. ...меня зовут Пароль.— Игра слов: «parole» по-французски значит «слово».

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ВАМ ЭТО ПОНРАВИТСЯ. <i>Перевод</i> <i>Т. Щепкиной-Куперник</i>	5
ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ, ИЛИ ЧТО УГОДНО. <i>Пе-</i> <i>ревод Э. Линецкой</i>	113
ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. <i>Перевод М. Зенкевича</i> .	219
ТРОИЛ И КРЕССИДА. <i>Перевод Т. Гнедич</i> .	325
КОНЕЦ — ДЕЛУ ВЕНЕЦ. <i>Перевод Мих. Дон-</i> <i>ского</i>	469
А. Смирнов. Послесловие к «Как вам это понравится»	595
А. Аникст. Послесловие к «Двенадцатой ночи, или Что угодно»	600
А. Аникст. Послесловие к «Юлию Цезарю»	608
А. Смирнов. Послесловие к «Троилу и Крессиде»	621
А. Аникст. Послесловие к «Конец — делу венец»	630

Примечания к текстам пьес составлены

А. Смирновым

Уильям Шекспир
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ, Т. 5

Редактор *Т. А. Путицева*

Оформление художников
А. Д. Гончарова и А. В. Ермакова

Художественный редактор *В. П. Богданов*

Технический редактор *Г. Я. Шебалина*

Корректор *Н. Г. Ангокольская*

Сдано в набор 13/IV 1959 г. Подп. к печ. 15/IX 1959 г.
Форм. бум. 60 × 92/16. Печ. л. 40,625. Уч.-изд. л. 33,37.
Тираж 225 000 экз. Изд. № 12071. Заказ тип. № 3070.

«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза,
Москва, Ж-54, Валовая, 28,
Цена 15 руб.

У И Л Ь Я М Ш Е К С П И Р

Полное собрание сочинений в восьми томах

под общей редакцией

А. Смирнова и А. Аникста

Вышли в свет:

Том I

А. Смирнов. Уильям Шекспир

Генрих VI, часть первая

Генрих VI, часть вторая

Генрих VI, часть третья

Ричард III

Том II

Тит Андроник

Комедия ошибок

Укрощение строптивой

Два веронца

Бесплодные усилия любви

Том III

Ромео и Джульетта

Сон в летнюю ночь

Венецианский купец

Король Иоанн

Ричард II

Том IV

Генрих IV, часть первая

Генрих IV, часть вторая

Виндзорские насмешницы

Генрих V

Много шума из ничего

Том V

Как вам это понравится
Двенадцатая ночь
Юлий Цезарь
Троил и Крессида
Конец — делу венец

В 1960 году выйдут:

Том VI

Мера за меру
Гамлет
Отелло
Король Лир

Том VII

Макбет
Антоний и Клеопатра
Кориолан
Тимон Афинский
Перикл

Том VIII

Цимбелин
Зимняя сказка
Буря
Генрих VIII
Венера и Адонис
Лукреция
Сонеты
Жалобы влюбленного
Страстный пилигрим
Сонеты для музыки
Феникс и голубка

А. Аникст. Сценическая история пьес Шекспира
Альбом иллюстраций

